373

Сборник МАЭ, 1949. т.10.

ЭС-373.1
Пров-на 1966-67

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ имени Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СБОРНИК
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

1634

X

44

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
БИБЛИОТЕКА
№ 42651
Академии Наук СССР

Редколлегия:

С. П. Толстов (ответств. ред.), *Л. П. Потапов* (зам. редактора),
Н. А. Кисляков, Д. А. Ольдерогге, С. В. Иванов,
секретарь редакции *В. В. Храмова.*

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	5
В. Н. Чернецов. — Быт хантов и манси по рисункам XIX в.	7
К. А. Большева. — Стилевые основы композиций панно Н. Шахова из коллекций МАЭ	34
Н. Ф. Прыткова. — Металлическая культовая посуда у угров	39
В. В. Антропова. — Старинные камчадальские сани	47
Г. М. Василевич. — Корытообразная нарта сымских эвенков	93
А. А. Попов. — Старинная якутская берестяная юрта	98
Н. П. Дыренкова. — Материалы по шаманству у телеутов	107
Л. П. Потапов. — Бубен телеутской шаманки и его рисунки	191
В. В. Екимова. — Среднеазиатские кувшины для растительного масла	201
Д. А. Ольдерогге. — Фигурки предков племени бари	207
В. В. Гинзбург и **Е. В. Жиров.** — Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР	213
Е. В. Жиров. — Черепа из зороастрийских погребений в Средней Азии	266
В. В. Гинзбург. — Черепа из зороастрийского кладбища XIII в. в Фринкенте	273
Е. В. Жиров. — Костяки из каменных ящиков Крыма	276
В. В. Гинзбург. — Антропологические материалы из раскопок на р. Маныч	285
М. Г. Левин. — Краниологические типы чукчей и эскимосов (в связи с вопросами этногенеза северо-восточной Азии)	293
А. Н. Юзефович. — Древнее черепа из окрестностей озера Лоб-Нор	303
А. Н. Юзефович. — К краниологии долган	312

ОТ РЕДАКЦИИ

Сборник Музея антропологии и этнографии, издаваемый ныне Институтом этнографии Академии Наук СССР, является продолжением серии Сборников Музея, доведенных до IX тома, вышедшего в 1930 г.

Сборники Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого начали издаваться с 1900 г. Сначала издание сборников велось отдельными небольшими выпусками. Первый из них был издан в 1900 г., в 1901 г. были опубликованы два выпуска — II и III. IV выпуск появился в 1903 г., V выпуск — в 1905 г., VI выпуск — в 1907 г., VII выпуск — в 1909 г., VIII — в 1910 г. С накоплением материалов и расширением собраний Музея выпуски стали выходить чаще и чаще. Так, в 1911 г. были изданы сразу IX, X, XI и XII выпуски. В 1912 г. — один выпуск — XIII, в 1913 г. три выпуска — XIV, XV и XVI. С 1913 г. решено было перейти от издания отдельных выпусков к публикации научных материалов по томам, превратив, таким образом, отдельные выпуски в настоящие Сборники Музея. Все уже опубликованные материалы были сочтены первым томом. Поэтому изданный в 1913—1914 гг. Сборник был опубликован сразу как II том Сборников Музея. Он был издан частями: том II, выпуск I, появился в 1913 г., том II, выпуск II, и том II, выпуск III, — в 1914 г., том II, выпуск IV, — в 1915 г. Том III появился в 1916 г., и тогда же в 1916 г. был издан том IV, выпуск I. Через год последовал том V, выпуск I, — в 1918 г. Вторые выпуски обоих томов появились лишь шесть лет спустя. Материалы по алтайскому шаманству А. В. Анохина, составившие том IV, выпуск 2, были изданы в 1924 г., а том V, выпуск 2, — в 1925 г.

В продолжение следующих лет сборники издавались ежегодно, без деления их на выпуски. В 1927 г. издан был том VI, в 1928 г. — VII, в 1929 г. — VIII и в 1930 г. IX том.

В 1930 г. на основе Музея антропологии и этнографии был образован Институт этнографии Академии Наук СССР. С этого времени научные работы сотрудников Музея антропологии и этнографии публиковались в различных изданиях Института. Всего с 1930 г. по настоящее время издано 16 томов „Трудов Института этнографии".

Однако, в связи с расширением научной работы, Институт этнографии Академии Наук СССР, продолжая издание „Трудов Института", решил возобновить публикацию также и Сборников Музея антропологии

и этнографии, основной задачей которых является систематическое издание ценнейших коллекций Музея и основанных на них исследований, а также полевых наблюдений.

Издаваемый Сборник является продолжением прежней серии, имеет последующую нумерацию и выходит как X том сборников МАЭ. Этот том включает статьи по этнографии и антропологии, отражая состав коллекций Музея, и в этом отношении также продолжает традиции прежних сборников. Большинство статей было подготовлено к печати еще в 1940 г., но выход Сборника был задержан Великой Отечественной войной.

За это время многие из авторов, статьи которых печатаются в этом сборнике: а именно К. А. Большева, Н. П. Дыренкова, В. В. Екимова, Е. В. Жиров и А. Н. Юзефович — погибли в Ленинграде во время вражеской блокады в зиму 1941—1942 года.

Быт хантов и манси по рисункам XIX в.

В. Н. Чернецов

Описываемые ниже шторы, или вернее панно,[1] были приобретены Музеем этнографии АН СССР в 1939 г. и зарегистрированы под коллекционным номером 5753 (порядковые №№ 1—6). При покупке никаких указаний на время и происхождение этих предметов получить не удалось. Единственным документирующим моментом являлась подпись Н. Шахова на некоторых из шторок. Фамилия Шаховых, как нам известно — широко распространена среди сале-хардских зырян, переселившихся туда некогда из с. Ижмы. Таким образом, автор рисунков — местный житель, чем и объясняется его хорошее знание материала.

В № 3 Сборника „Советский Север", изданного Институтом народов Севера, помещена статья проф. А. Андреева, в которой он, ссылаясь на X том Известий Русского Археологического общества, сообщает, что в 1849 г. были присланы в Русское Географическое общество сибирские шторы, писанные по миткалю. В указанном месте „Известий Российского Археологического общества" находим среди протоколов за 1878 г. следующую запись:

„Л. Н. Майков показал сибирские шторы, писанные по миткалю Николаем Шаховым, присланные в Географическое Общество в 1849 году и писанные при Екатерине II; на этих шторах изображены различные занятия инородцев, острожки и обдорские князья в жалованных Екатериной II кафтанах".[2]

Поиски в Географическом обществе, хотя и не дали определенных указаний для выяснения происхождения и уточнения даты рисунков, все же укрепили нас в предположении, что шторки, приобретенные Музеем этнографии, и есть те самые, о которых докладывал в Русском Археологическом обществе Майков. В библиотеке Географического общества хранится картина размерами около 150×150 см, писанная масляными красками и изображающая „Ярмарку в г. Березове". Картина имеет подпись Николая Шахова и дату — 1855 г.

---

[1] Соглашаясь с нашим соавтором К. А. Большевой в определении рисунков Н. Шахова как панно, мы сохраняем в описании термин „шторы", поскольку под этим названием они зарегистрированы в МАЭ и впервые были упомянуты в печати.

[2] Известия Русского Археологического общества, т. X, вып. 2, протоколы, стр. 227.

Исходя из этой даты следует заключить, что сведения, сообщенные Л. Майковым, — неточны. Шторки не могли быть писаны при Екатерине II — за что, впрочем, говорят и некоторые детали рисунка и шрифта — как, например, начертание буквы „е", не позволяющее отнести рисунки к XVIII в.

В то же время дата их не может быть позднее 1845—1848 гг., т. е. времени поступления их в Русское Географическое общество, если и здесь в сообщении Л. Майкова не было ошибки. Если же оно правильно, то тогда следует допустить, что в Русском Географическом обществе было два поступления рисунков Шахова — в 1849 г. и после 1855 г.

Повидимому, описываемые шторки не попали в свое время в собрание Русского Географического общества и остались у кого-то на руках. Какова была их судьба в дальнейшем, нам пока неизвестно. Можно лишь сказать, что, к счастью, они не потерялись и нашли, наконец, место хранения, которого они с полным правом заслуживают.

Рисунки Шахова, несмотря на отдельные неточности и излишние обобщения, представляют собой чрезвычайно ценный материал. Они являются единственными или почти единственными иллюстрациями к таким темам, как собачья упряжка цугом, охота на крупного зверя с луком и т. д. Эти соображения и заставили нас опубликовать их описание. В нем мы располагаем шторки по географическому признаку, следуя с севера от устьев р. Оби на юг. Можно только еще раз пожалеть, что до нас не дошло описание, которое, судя по этим пометкам, сделал автор рисунков Николай Шахов.

Художественная оценка творчества Н. Шахова дана б. сотрудником Отдела прикладного искусства Государственного Русского Музея, заведывавшей в 1941 г. Отделом фондов МАЭ, ныне покойной, Кирой Александровной Большевой.

Шторка I (рис. 1). Размеры: 1315 × 780 мм. Материалом для нее послужил миткаль, ширина которого не превышала, очевидно, 62 см, так как для получения желаемого размера шторки по всей длине была подшита полоса материи шириной 17 см (не считая подрубленной части). Края шторки подрублены. Шов сделан черными, побуревшими от времени нитками. Рубец заложен уже после того, как рисунок был выполнен. Шов, соединяющий обе полосы материи, сделан через край, так что с лицевой стороны он еле заметен, а с оборотной представляет собой тонкий, шнуровидный валик и, таким образом, в точности соответствует зырянской манере сшивать оленьи шкуры для одежды.

Шторка обведена каймой, шириной 60—65 мм, состоящей из двух черных полосок, шириной до 10 мм каждая, пространство между которыми (около 45 мм) заполнено волнистой гирляндой из стилизованных листьев. По углам и в средней части верхней и нижней сторон каймы изображены цветы. Букеты даны также и в серединах обеих вертикальных каем.

В средней части каймы верхней и нижней сторон вертикальными перегородочками образованы рамки. В рамках надписи, выполненные

славянскими буквами. В верхней — **обдо́рско́и кнѧсь**: в нижней — **самоѧтцкиѧ старшйнь**: и далее, курсивом: — *рисовал николаи шахов.*

В самой верхней части шторы изображен Урал, в виде ряда вершин, покрытых у подножия древесной растительностью. Хребет показан значительно выше, чем он виден с р. Оби у Сале-Харда, хотя художник и отнес его на задний план, показав горы в голубой дымке.

Ближе к переднему плану начинается равнина. С обеих сторон изображены деревья, со свойственной художнику условностью в рисунке. Помимо декоративного значения, деревья имеют, очевидно, целью усилить впечатление разности планов хребта и равнины.

В глубине равнины, посередине, стоит легковая мужская нарта на шести высоких копыльях, покрытая белой оленьей шкурой. Трудно сказать, какое значение желал придать художник этой нарте. Скорее всего он изобразил нарту самого князя. Несколько ближе по обе стороны изображены еще две нарты, тоже шестикопыльные, но грузового типа. На нартах — поклажа, обвязанная веревками.

Эти нарты стоят около амбарчиков на столбах, так называемых „чамьях“ (единственное число: чамья). Обе чамьи изображены схематично, как и большинство строений в рисунках Шахова. К правой чамье прислонено бревно с зарубками, служащее лестницей.

Центральное место на шторке занимает рисунок дома — жилища князька. Как ни скупо показано художником внутреннее устройство, все же из того, что вдоль стены тянутся нары, разделенные перегородками (изображена лишь одна) видно, что жилищем князьку служила юрта, обычного для хантов и манси типа.

Близ переднего угла стоит князек, в красной, шитой золотом одежде. На голове у него шапка с красным верхом и золотым околышем. Обувь изображена слишком схематично, чтобы можно было ее определить, однако наличие каблуков указывает на ее европейский характер. Но в общих чертах одежда князька передана художником правильно, поскольку можно судить по фотографиям И. С. Полякова, относящимся к 1880 г. и хранящемуся в Отделе Сибири МАЭ акварельному рисунку из старых коллекций неизвестного происхождения (колл. № 1143-1), изображающему князька Ивана Матвеевича Тайшина (конец XVIII в.). Хорошо виден костюм и головной убор князька на фотографии И. С. Полякова (1880 г.), изображающей остяцкого князька Артанзиева.[1]

Справа от князька стоят, насколько можно судить по надписи в нижней части шторы, „самоятские“ старшины. Одежда их также красная, с золотыми галунами, но более простого покроя, чем у князька. Шапки старшин также немного отличны: на рисунке они изображены в виде „венцов“, но в действительности скорее всего имели узкий околыш из галуна и четырехугольный верх (напоминая тем самым польскую конфедератку). Именно такой головной убор приведен на рисунке,

---

[1] Хранится в МАЭ Акад. Наук, колл. 106а-20.

изображающем „остяцкого князя Тайшина“ в книге Белявского „Поездка к Ледовитому морю“ (стр. 60). Оба старшины держат кортики, которые, как известно, жаловались князькам и некоторым старшинам и являлись одним из атрибутов их власти.

Правее изображена женщина с ребенком. Она стоит на нарах, какие обычно тянутся вдоль двух стен и бывают разделены перегородками на несколько отделений. Каждое отделение, в зависимости от места, имеет определенное название. Так, ближайшее к двери отделение, в котором и изображена женщина, называется „придверным“. Женщина одета в костюм обычного покроя — так называемую ягушку, т. е. халат, украшенный по подолу полосой орнамента. Обычно летние ягушки шьются из сукна, в прежние времена шились также из замши. Чаще всего летом носят вытершиеся от употребления зимние ягушки. В данном случае, судя по цвету, ягушка сшита из шкур белого неплюя (молодого оленя), что указывает на значительную роскошь.

На голове у женщины накинут красный платок, подобно тому, как носят и теперь женщины у манси и ханты. Можно предположить, что эта женщина изображает жену князька. Ребенок, судя по одежде, — мальчик, одет в белую парку, также украшенную по подолу полосой орнамента.

У самой двери изображены еще две фигуры — пожилого мужчины и юноши. Судя по их позам, это просители, явившиеся к князьку.

В нижней части шторки изображена Обь, на которой расположены „Князь юрты“.[1]

На берегу лежит лодка, по берегу идет человек с веслом в руке. На человеке надета малица — одежда из оленьих шкур мехом внутрь, надеваемая через голову, с пришитым к вороту капюшоном. Малица покрыта красной материей. В левой руке у человека палка с крючком на конце, по всей вероятности, багорок для подхватывания попавшей в сеть рыбы.

Над лодкой растянута для просушки так называемая „калданная сеть“. Калдан — рыболовный снаряд вроде драги. Он представляет собой большой мешок из сети, устье которого одной стороной пришито к шесту около двух метров длины. Этот шест помогает держать отверстие калдана широко отрытым. К середине шеста привязан камень, служащий грузилом. Ловец плывет на лодке и тянет за собою калдан, опущенный на веревке до дна реки. Из глубины мешка калдана идут сигнальные нити, по содроганию которых ловец узнает о зашедшей в снаряд рыбе. Тогда он быстро поднимает калдан на поверхность и выбирает попавшую в него рыбу. Если попадет крупный осетр, который может опрокинуть маленькую лодочку, его подхватывают специальным багорком и оглушают ударом деревянного молотка. Такой багорок, очевидно, и держит в руке человек, идущий по берегу. Здесь

[1] См.: О. Финш и А. Брэм. Путешествие в Зап. Сибирь. М., 1882 г., стр. 339 и 352.

Рис. 1. Шторка I (Из колл. МАЭ, № 5753-1).

показаны различные моменты лова калданом: ловец плывет на лодке, гребя правой рукой и держа веревку и сигнальную нить левой; момент вытаскивания калдана на поверхность.

Лодки представляют собой маленькие челноки, днище которых выдалбливается из кедра. К днищу сосновыми корнями пришиваются борта из колотых еловых досок. Борта разводятся и укрепляются в таком положении поперечными распорками (на рисунках, вследствие ракурса, они видны в виде светлых квадратиков), а швы заливаются смолой. Эти челноки бывают различной величины. Самые маленькие, рассчитанные на одного человека с небольшим грузом, называются „калданками", так как служат для описанного только что лова с калданной сетью. Калданка настолько легка, что один человек без труда может нести ее на себе.[1]

Для переездов, перевоза груза и т. д. употребляются лодки такой же конструкции, но бо́льшего размера. Там же изображена подобная лодка. У нее показаны типичные выемки на носу и корме, характерные для обских лодок. В лодке сидят три хантыйки остячки в ярких халатах с платками на головах.

Рис. 2. Ловля рыбы „вожаном" („сежей"). Деталь шторки I.

Другой рисунок изображает неводьбу. Два человека вытаскивают невод, внутри которого видна рыба. Слева от них у берега стоит челнок, на котором невод завозился в реку. Судя по челноку, невод очень маленький, так как при неводе даже средней величины приходится связывать два челнока для большей грузоподъемности и устойчивости.

Правее на берегу видны вешала для сушки невода и шалаш, в котором живут рыбаки.

Слева изображен лов рыбы „сежей" (рис. 2) на небольшой протоке. „Сежа", „вожан" или „чердак", как и калдан, состоит из сетного мешка. Этот мешок устанавливается в воротцах закола, устроенного поперек реки или протоки. Нижний край отверстия сети пришивается к Т-образной перекладине длинного шеста. На концах этой перекладины имеются широкие кольца, скользящие по кольям, образующим воротца. С помощью шеста нижний край отверстия мешка опускается до дна реки, и шест закрепляется в этом положении специальной петлей. Над воротцами устраивается небольшой помост, на котором сидит ловец. Он держит в руках сигнальные нити, идущие из глубины мешка, и по содроганию этих нитей узнает о рыбе, зашедшей в сеть. Сбрасывая петлю, он

[1] См.: Г. Д. Дмитриев-Садовников. Ваховской област. Ежегодник Тобольского губернского музея за 1911 г., вып. XXI, Тобольск, 1913 г.

освобождает тогда шест с перекладиной, который, всплывая, закрывает отверстие сети. Последнюю затем поднимают на поверхность, чтобы выбрать из нее рыбу.[1]

Шторка II (рис. 3). Размеры: 1305×800 мм. По материалу и обрамлению подобна пёрвой, отличаясь лишь формой цветов и листьев бордюра. В нижней части рисунка надпись „Губа Мёрскля"— рисовал Николай Шахов.

Рисунки этой шторки изображают жизнь и летние промысла ненцев и хантов в устье Оби и Обской губе, наиболее северной части территории, представленной на шторках Шахова.

Декоративный задний план представляет собой равнину с невысокими всхолмлениями, поросшую невысокими, редкими деревьями. По краям задний план завершается двумя холмами: левый — в виде сопочки с деревом на ее вершине, правый — в виде высокого мыса, на вершине которого стоит остов чума, вешала для сушки рыбы и сетей и летнее жилище.

На всем остальном поле шторки нарисована Обская губа и ее салмы с берегами, изрезанными многочисленными протоками и заливами.

В верхнем левом углу изображен мыс, на котором расположено рыболовное стойбище. Чум крыт, повидимому, оленьими шкурами. Дверная полость откинута в сторону, так что виден горящий внутри чума огонь и висящий над ним котел. Из дымового отверстия идет густой дым.

На лабазе, как можно предположить, находятся идолы и другие предметы культа. За это говорит то, что лабаз стоит позади чума, в месте, считающемся священным, и то, что он покрыт красным материалом — скорее всего сукном. Культовой характер лабаза следует также из аналогии с лабазом (внизу направо), значение которого несомненно.

Временное летнее жилище, изображенное здесь, широко распространено среди хантов и манси. Остов такого жилища делается из жердей. Крыша двускатная или округлая, из согнутых ветвей. По остову шалаш покрывается берестой или пихтовой корой, которая сверху прижимается еще рядом жердей.

Лодка вытащена на берег и перевернута вверх дном. К лодке прислонено типичное для хантов и манси весло с листовидной лопастью. Рядом с лодкой стоят вешала, на которых развешан для просушки невод. Мотня его подперта шестом. Ближе по берегу тоже вешала, но для сушки рыбы. На длинных спицах нанизана распластанная рыба, очищенная от голов и костей.

На берегу стоит мужчина с веслом в руке, подающий связку рыбы женщине. Женщина сидит на корточках и пластает на доске рыбу. Рядом с доской стоит миска или, скорее, чуман (четырехугольная миска из бересты), в которую обычно складывают чищеную рыбу и кишки, предназначаемые на вытопку жира. Женщина одета

[1] См. Сабанеев. Рыбы России, М., 1875 г. — U. Sirelius. Über die Speerfischerei bei den Finnisch-Ugrischen Fölkern. Helsingfors, 1906.

Рис. 3. Шторка II (Из колл. МАЭ, № 5753-2).

в расшитую цветным сукном ягушку ненецкого типа. Ее капор лежит тут же. Надо думать, что художник расцветил ягушку излишне щедро, так как летом, да еще на рыбном промысле, надевают старую вытертую одежду, потерявшую уже значительную долю своей яркости. По спине у женщины спускаются косы, обвитые красными шнурками и украшенные медными привесками. Картина стойбища дополняется собакой, ожидающей когда ей что-либо перепадет, и лодками, вытащенными на берег.

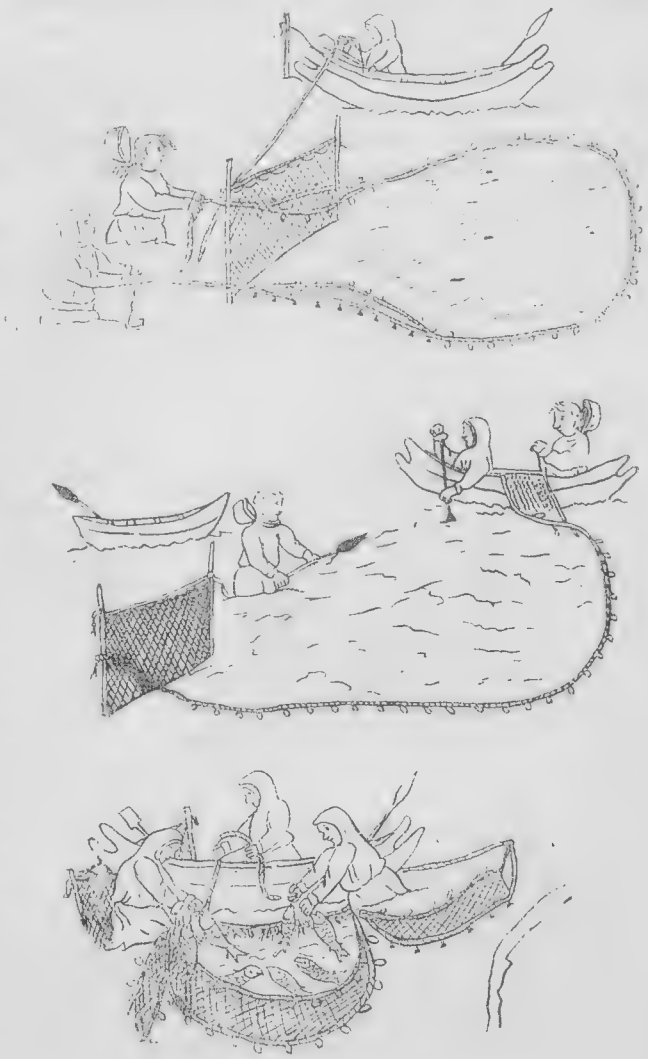


Рис. 4. Сцены неводьбы в Обских салмах. Детали шторки II.

Вверху посредине изображен мужчина, переплывающий протоку на маленькой лодочке. Он гребет двухлопастным веслом, которое нередко можно встретить в низовьях Оби. На мысу, к которому подплывает лодка, расположено соседнее стойбище, состоящее из чума и жилища из коры. В отличие от предыдущего изображения стойбища невода здесь не видно, и шест, которым подпирают мотню, прислонен к вешалам. Очевидно, обитатели находятся на рыбном промысле, и их, по всей вероятности, художник изобразил плывущими на лодке, в которой видна сложенная сеть. Оба гребца в цветных „гусях" — одежде покроя малицы, но из сукна, причем у сидящего позади капюшон откинут с головы.

Ниже (рис. 4) изображены три последовательных момента неводьбы на салмах — отмелых пространствах. При далеко тянущихся отмелях и маленьких неводах, последние приходилось заметывать не с берега,

а вдали от него, и пританивать к сетке, натянутой между двух кольев. На рис. 4 показано заметывание невода. Крыло его привязано к одному из кольев сетки. Два рыбака на лодке заводят невод, а третий рыбак, стоя в воде с веслом в руке, пугает рыбу, не давая ей выйти из круга. Далее видим, что невод уже выметан. Два рыбака, стоя в воде, подтанивают его к сетке, а третий, поставив лодку на причал, подбирает в нее веревку невода. На нижнем рисунке кольцо невода сомкнуто. Лодка подошла вплотную, и в нее складывают рыбу, выбираемую из невода.

Два рисунка изображают большие лодки, так называемые „каюки". Каюк-лодка, подъемностью до 10 тонн, с высоким носом, позволяющим каюку подниматься на волну, и длинной каютой, занимающей среднюю часть судна. Каюк оснащен одной мачтой, на которой поднят прямой парус. Каюки, изображенные здесь, кроме грота несут еще небольшой марс — явление довольно редкое (рис. 5).

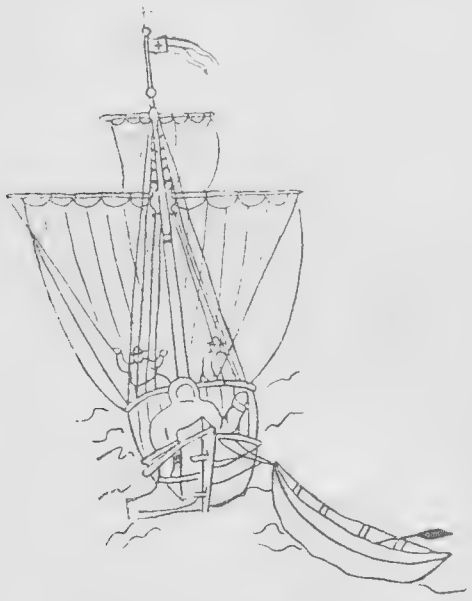


Рис. 5. Каюк. Детали шторки II.

Два других рисунка изображают такие же каюки, но идущие не под парусами, а на веслах. На каждом сидит по две пары гребцов, а на каюке, входящем в устье протока, стоит еще человек с шестом, которым он помогает гребцам. На мелких местах каюки обычно ведут на шестах, для чего вдоль каждого борта устраивается узкий настил с перильцами. Люди, становясь в носовой части этих настилов, упираются шестами в дно реки, толкают каюк вперед, идя в то же время, по направлению к корме. Дойдя до конца настила, поднимают шесты и, вернувшись к носовой части, снова опускают их в воду.

За кормой у каждого из каюков привязана небольшая лодка, необходимая для сообщения с берегом, к которому каюк, при его значительной осадке, в отмелых местах подойти не может.

Тут же изображены два ханты, плывущих в лодке. Они везут, повидимому, идола, как можно предположить по одетому на него головному убору — остроконечной шапке с кистью на ее верхушке. Идолов, в тех случаях, когда они хранились в самом селении, с переездом рода на летнее стойбище брали с собой. Несколько непонятно в этом рисунке наличие в лодке еще какого-то животного, определить которого по рисунку трудно. Скорее всего можно допустить, что это олений теленок, предназначенный для жертвы. Белый цвет животного подтверждает такое предположение.

В левом углу шторы изображено стойбище, расположенное на низком луговом берегу. Картина стойбища существенно ничем не отличается от описанного выше, за исключением лишь большого количества фигур. Дополнением является священный лабаз, к которому добавлена фигура идола. Идол антропоморфный, одет в красную одежду с бахромой. На голове у него коническая шапка с султаном из красных и зеленых лент. Идол изображен держащим в левой руке саблю. Трудно допустить, чтобы Шахову не доводилось видеть хантыйских идолов и что хотя бы по-наслышке он не знал об отсутствии у них рук. Следует предположить, что такое наивное изображение идолов (рис. 6), в виде реалистической человеческой фигуры вытекает из художественной манеры Шахова, находящейся целиком под влиянием рисунка

Рис. 6. Идолы. Детали шторки II.

XVIII и даже XVII вв. На животе идола изображен круглый предмет, закрашенный желтым. Скорее всего это металлическое блюдо или тарелка, игравшие известную роль в культе хантов и манси, о чем упоминали некоторые путешественники.

Так, согласно Ф. Белявскому, цитирующему сообщение штаб-лекаря Г. Шаврова, один из родовых идолов, которого Шавров именует Лонг, представляет собой „большой мешок, набитый туго разного рода рухлядью и весьма крепко завязанный: по середине мешка сего привязана серебряная тарелка, дном к мешку, а углублением к наружной стороне".[1]

Роль металлических блюд и тарелок в культе хантов и манси разобрана нами детальнее в другой работе[2], почему останавливаться здесь подробнее на этом вопросе не представляется необходимым.

К северу от стойбища низкий луговой берег переходит в высокий обрывистый мыс, на котором расположено кладбище, состоящее из трех

[1] Ф. Белявский. Поездка к ледовитому морю. М., 1833, стр. 97.

[2] В. Н. Чернецов. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. Труды Института этнографии, т. I. М., 1947.

могил. Несмотря на схематичность и слабость рисунка художник правильно показал срубы, типичные для распространенного среди хантов наземного погребения. Рядом с могилами на кольях надеты оленьи черепа, остатки жертвоприношений. Изображенное кладбище, в целом, очень близко напоминает рисунок могил у северных хантов, приведенный в работе Карьялайнен.[1]

В правом углу изображено еще одно стойбище, также состоящее из чума, жилища из коры и т. д. Одна женщина нарисована за приготовлением пищи у наружного костра, на котором висит котел, другая стоит у лодки, из которой она вынула связку рыбы. Рядом изображен старик, с клюкой. В правой руке он держит рыбу, за спиной у него привязана котомка. По всей вероятности, Шахов изобразил одного из бессемейных стариков-инвалидов, которые находились на содержании у всего рода. Они иногда жили в каком-нибудь одном месте, иногда же переходили из дома в дом, живя по очереди в каждом из них. Нам приходилось наблюдать, что некоторые старики, даже имеющие близких родственников (например сыновей), предпочитали жить отдельно. Описывая такого старика, К. Носилов говорит: „Вечером я был в юрте у одинокого старика... Он едва ходил, плохо видел глазами, совсем не работал, но это никому не мешало приносить ему с «запора» рыбы для котла, из леса, с ловушек погнившую тетерю, делиться с ним куском промысла, одевать его, починивать его заплаты, и все это делалось только потому, что и он кормил стариков в свое время, и он делился с ними, и он помогал общественным работам, и он выносил во время болезни других, когда был силен и вскармливал подростков-сирот, и ему поэтому нечего бояться ни голода, ни нищеты, ни одинокой горькой жизни. О нем заботятся все...“ [2]

Позади чума стоит священный лабаз с идолом, подобный описанному в предыдущем стойбище. Идол изображен держащим в руках саблю и стрелу. Лук и колчан прислонены к лабазу. Лук, стрелы, сабля, а иногда и копье, являются обычными атрибутами мансийских и хантыйских антропоморфных идолов, относящихся, как правило, к эпохе отцовского рода и изображающих мифических предков-богатырей. Об этом упоминает и Гр. Новицкий: „...знамения воинских дел: шабель, панцырев множество обретается... наипаче при кумирах...“ [3]

Далее за стойбищем берег, так же как и по левую сторону Оби, поднимается высоким мысом, на котором расположен маленький поселок, скорее всего весенний, состоящий из одной юрты, рядом с которой стоит чамья — амбарчик на высоком столбе. Немного ближе виден остов чума.

На реке между стойбищами оживленное движение. На маленькой лодочке едет ханты с мальчиком и собакой, плывет каюк, двое мужчин с луками и собакой выехали в лодке на утиную охоту (рис. 7).

---

[1] Karjalainen. Die Religion d. Jugra — Fölker, I. Helsinki, 1921, стр. 113.

[2] К. Носилов. У вогулов, СПб., 1904, стр. 26.

[3] Гр. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное... в 1715 г. Изд. Майкова, СПб., 1834, стр. 44.

Поперек устья небольшой протоки укреплена на веревке сеть. В эту сеть охотники и загнали уток. Утки запутались в сети, некоторых же, которые могут из нее вырваться, охотники убивают стрелами. Из протоки к сети подплывает другая лодка (рис. 7), в которой сидит один человек, тоже с луком. Его собака уже возвращается к лодке, держа в зубах убитую утку.

Шторка III (рис. 8). Размеры: 1305×740 мм. По материалу и обрамлению подобна предыдущим, отличаясь лишь формой цветов и листьев бордюра.

В верхней части рисунка надпись „Ондо́рская Кре́по́сть". Внизу в рамке бордюра „Писалъ Нико́лай. Ша́" (Шахов).

Рисунки шторки изображают Сале-Хард и прилегающую к нему местность. В верхней части виден самый городок, расположенный на трех холмах на берегу реки Полуя. Задний план в левом верхнем углу украшен деревьями, в число которых художник, пренебрегая

Рис. 7. Сцены охоты на уток с сетью и луком. Деталь шторки II.

натурой, ввел даже пальмы. В правом верхнем углу нарисована картушка компаса. Части света обозначены латинскими буквами N, S, W, O, а север, кроме того, помечен и обычным для морских карт знаком, изображающим стилизованную в виде бурбонской лилии стрелку.

На долине, раскинувшейся по левую сторону реки Полуя, художник изобразил быт кочевников-оленеводов и езду на оленях и собаках. При этом он, как мы уже только что наблюдали, очевидно в угоду декоративности, пренебрег условиями времени года и изобразил повсюду довольно пышную зеленую растительность, какую никак нельзя ожидать в низовьях Оби в это время года. Время это не может быть ранее поздней осени, так как оленеводы подходят к Сале-Харду лишь после замерзания рек, т. е. в октябре.

В центре шторки изображен в крупном масштабе чум, покрышки которого откинуты неестественно широко, чтобы показать внутренность жилища. Чум нарисован схематично, особенно дымовое отверстие и место пересечения шестов. Так же неправильно изображены шесты, поддерживающие котел, которые художник, в целях удобства изображения,

расположена в плоскости, не соответствующей действительности.[1] Внутри чума горит огонь, над которым повешен котел. Справа от него сидит женщина с ножом в руке, занятая приготовлением пищи. По другую сторону очага — мужчина. Он закуривает трубку, которую придерживает правой рукой. В левой у него щепка, послужившая для прикуривания.

Позади чума, левее от него, изображена поимка оленя арканом в стаде. Петля затянулась на шее животного, которое бьется и упирается. Часть оленей при этом разбегается, но их задерживает собака, забежавшая вперед. Она стоит около дерева и лает на важенку (матку), позади которой бежит теленок. Другие олени продолжают спокойно пастись.

Рядом с чумом нарисована женщина, увязывающая груз, положенный на нарту. Как эта, так и другая нарта изображены лишь с приблизительной точностью, и копылья, наклоненные всегда несколько назад, показаны здесь поставленными вертикально. На женщине одета ягушка ненецкого типа, богато орнаментированная и украшенная цветным сукном. На голове у нее меховой капор, по-ненецки *саво*. По спине свешиваются две косы, обвитые красным шнурком, как это характерно для хантов и манси. Ягушка подтянута красным поясом с большой латунной прорезной бляхой. У мужчины парка из белых шкур, орнаментированная по подолу. В руках он держит аркан для поимки оленей.

Перед чумом изображена женщина, едущая на нарте, запряженной двумя оленями. Уздечки оленей украшены кистями из крашеной замши. Богато орнаментированы и поясные ремни упряжи. Такое украшение из нашитого на них цветного сукна можно встретить нередко на женской и особенно свадебной упряже. Круг на ремне передового оленя изображает медную бляху, укрепленную на крюке, служащем для поддержания вожжи. Женщина, сидящая на нарте, одета так же как и предыдущая. Хорошо видна поясная бляха, хотя художник и поместил ее ошибочно слишком высоко. В нарте у женщины лежит ребенок, покрытый красным сукном.

Ниже расположено изображение мужчины на оленьей нарте.[2] Поза его несколько непонятна. Возможно, что художник хотел изобразить мужчину сидящим, подобравшим под себя ноги, что является, впрочем, положением не совсем обычным. На мужчине надета малица, с характерным для манси и хантов окаймлением капюшона белым мехом. Харей, который он держит в левой руке, снабжен на заднем конце копьевидной насадкой. Такие насадки часто встречаются и в настоящее время. Теперь роль их чисто декоративная, но в прошлом харей служил одновременно и оружием. В нарте лежит груз, покрытый оленьей шкурой, конец которой свешивается сзади. При этом свешивающаяся часть изображена слишком длинной. Позади нарты бежит олений теленок, из чего следует, что один из оленей, запряженных в нарту, — важенка. У более крупных

[1] В. Н. Чернецов. Чум. Советская этнография, № 6, 1936.

[2] Фигура эта помечена δ на самой шторке, впоследствии этот номер был переправлен карандашом на 6.

Рис. 8. Шторка III (Из колл. МАЭ, № 5753-3).

оленеводов, какими являются ненцы, важенка не служит упряжным животным, и ездят на них лишь в малооленных хозяйствах, какими, в общей массе, и являются хантыйские и мансийские.

В самом основании шторки (рис. 9) изображен ханты, едущий на нарте, запряженной собаками.[1] На нем надета парка, сшитая из темного и белого меха. Подол парки опушен полоской собачьего меха. Нарта резко отличается по конструкции от предыдущих. Оленья нарта, как и все оленеводство хантов и манси, ненецкого типа. Здесь же изображена собачья нарта. Она длиннее, ниже и уже. Копылья не только вдолблены в полоз, но и привязаны к нему специальными оттяжками. Передние концы нащепов также лишь привязываются к головкам полозьев. Такой способ крепления представляет собой пережиток, отражающий весьма архаическую технику, когда при несовершенных каменных и бронзовых инструментах было затруднительным изготовление гнезд и шипов. Способ

Рис. 9. Езда на собаках. Деталь шторки III.

крепления привязкой встречается в конструкции нарт и других народов Сибири, причем полнее всего он представлен в чукотской нарте, где шипы отсутствуют совершенно. Передний конец нарты снабжен особой деревянной дугой, называемой бараном. Благодаря своей упругости баран ослабляет толчки, если нарта ударяется о дерево или пень. На нарте лежит груз, покрытый красной материей, а на передке стоит круглая корзиночка, какие обычно плетутся из сосновых корней. В нарту запряжено шесть собак, расположенных попарно на общем потяге. Упряжь состоит из мягкого кольца, так называемого „алыка", которое опирается на подвздошные кости. Этот способ запряжки распространен по Оби и, отчасти, по Енисею среди кетов. Он чрезвычайно несовершенен и его можно рассматривать как очень архаический.

Как на описываемой, так и на предыдущей шторке, женские костюмы все без исключения ненецкого типа. Это явление весьма характерное для хантов низовьев Оби, объясняется очевидно тем, что они очень часто берут жен из ненецкой среды. Оно четко прослеживается и по материалу из хантыйского могильника XVIII—XIX вв. близ Сале-Харда, где женские погребения содержат предметы, характерные для ненецкого костюма — поясные бляхи, подвески для капоров и пр.

[1] Фигура первоначально была помечена *9*, на самой шторке впоследствии переправлена карандашом на *10*.

Шторка IV (рис. 10). Размеры: 1300 × 805 мм. Материал, швы и обрамление тождественны предыдущим номерам.

Изображение этой шторки охватывает территорию, расположенную несколько южнее, именно, верхнее течение реки Казыма. В верхней части шторки имеется надпись „Казымскій Городокъ". Изображение его находится непосредственно под надписью. „Казымский или Юильский городок" — острожек, некогда стоявший на берегу Казыма; он состоял из небольшой крепостцы, срубленной из лиственничных бревен. Остатки этой крепостцы сохранялись еще до недавнего времени и были, к счастью, сфотографированы И. Шуховым, во время его поездки по Казыму в 1910 г. Теперь, насколько нам известно, постройка обрушилась окончательно. Четырехугольное строение на фотографиях Шухова, при сличении с рисунком Н. Шахова, оказывается надворотной башней. Это же сличение показывает большую точность рисунка Шахова в изображении башни, что дает полное основание доверять ему и в отношении других частей крепостцы.

После подавления военного сопротивления хантов Юильский городок продолжал существовать как опорный пункт русской колонизации. В нем производился сбор ясака, чинились суд и расправа. Красноречивым свидетелем этого служит виселица, срубленная „покоем", стоящая с петлей наготове, по соседству с крепостцей. Правее видны низенькие маленькие строеньица, расположенные в четыре ряда. Это не юрты хантов, как можно было бы предположить с первого взгляда. Несмотря на схематичность построек на рисунках Шахова, он все же отмечает характерные черты различных типов строений и, во всяком случае, изображает трубу. По всей вероятности, хибарки эти представляют собой домики для ездовых собак. Остатки таких домиков, как мне приходилось слышать, существовали в Юильском городке еще недавно, сохранившись с тех времен, когда они были необходимы во время приезда хантов для уплаты ясака.

Собаки были некогда единственным видом упряжных животных среди обских угров, и оленеводство, появившееся около середины II тысячелетия, будучи заимствованным от ненцев, еще долго не могло вытеснить езды на собаках, не исчезнувшей окончательно и теперь.

В правой стороне сверху изображен ханты, стреляющий белку из лука. Форма лука дана Шаховым неверно. Лук у хантов и манси не имеет изгиба в средней части и в натянутом состоянии образует совершенно равномерную дугу. Стрела изображена правильно, тупая, с утолщением на конце. Такие стрелы иногда с дополнительным коротким, коническим острием из кости употреблялись для охоты на белок. Удобство пользования такими стрелами заключалось в том, что, с одной стороны, они не рвали шкурку, а с другой — не вонзались в дерево. Совершенно подобная же фигура охотника, стреляющего белку, повторена немного ниже. Слева от казымского городка, на высоком мысочке изображен остов чума, чамья на высоком столбе и загон для оленей, в котором стоит сарай. Подобные сараи служат в летнее время для

Рис. 10. Шторка IV (Из колл. МАЭ, № 5753-4).

оленей убежищем от комаров, для чего внутри раскладывается дымный костер (см. вкладку V).

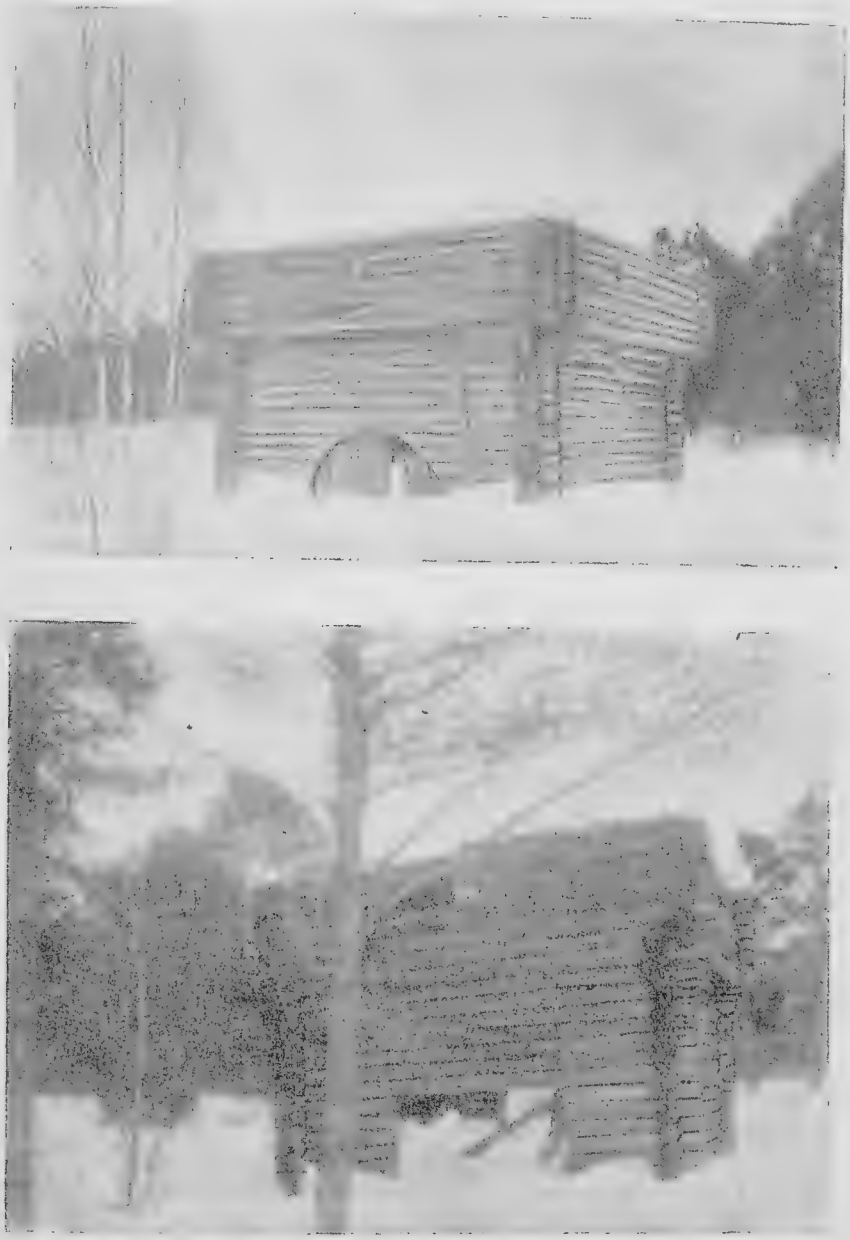


Рис. 11. Развалины острожка в Юильском городке.

На левом берегу Казыма и слева на рисунке изображена ловчая загородь, с попавшим в нее оленем (рис. 12).

Загородь изображена художником неточно, так как обычно устраивается или в виде прясла в одну-две слеги, или засекой. Длина ее

бывает различна, достигая иногда 10—15 и более километров, а направление выбирается так, чтобы оно пересекало звериные тропы и переходы. В определенных местах устраиваются воротца, и в первых устанавливают самострелы. От спускового приспособления самострела поперек прохода протягивается тонкая нитка. Лось или олень, встретив загородь, направляется вдоль нее, пока не дойдет до прохода. Как только он тронет нить, стрела поражает его с большой силой. Охота на зверя при помощи ловчих загородей, теперь запрещенная, была в прошлом широко распространена и потому неудивительно, что нашла свое отражение в рисунках Шахова.

Правее изображен ханты, едущий на нарте, запряженной оленями. Возможно, что это охотник, отправившийся осмотреть свои самострелы.

Рис. 12. Олень, убитый стрелой в ловчей загородке. Деталь шторки IV.

Следующая группа рисунков изображает зимнее стойбище хантов: две бревенчатые юрты, с характерными пристройками из вертикально поставленных слег перед входом. Эти пристройки служат для складывания дневного запаса дров, там же помещаются собаки, ставятся лыжи и т. д. Юрты окружены прясло́м, образующим загон для оленей. В загоне двое ворот, запирающихся вдвижными слегами. Одни ворота закрыты, другие открыты и в них входит мужчина на лыжах, ведущий в поводу оленя. Три оленя и теленок уже находятся в загоне. Один из них привязан к заднему копылу нарты, стоящей на специальной подставке. Последняя состоит из двух параллельных жердей, укрепленных на четырех кольях. Другая нарта стоит рядом на этой же подставке.

С наружной стороны загона изображен ханты, ловящий арканом домашнего оленя. Аркан плетется из четырех тонких сыромятных ремешков и имеет в длину 15—17 маховых сажен. На конце к нему прикреплен костяной блочек, облегчающий затягивание петли.

Далее изображены сцены охоты на дикого оленя. Охотник с луком и посохом в руках идет на лыжах в лес. За спиной у него полный колчан стрел. Разогревшись на ходу, он отбросил с головы капюшон малицы (рис. 14).

Затем охотники уже поразили оленей и готовятся пустить по второй стреле. Художник изобразил их натягивающими лук левой рукой. Сомнительно, чтобы он сделал это преднамеренно, хотя леворукость —

частое явление среди хантов и манси. Примечательна также стрела, которую собирается пустить нижний охотник: у нее раздвоенный наконечник, какой обычно не применяется на крупного зверя. По всей вероятности, это ошибка, допущенная Шаховым.

На другом рисунке охотник уже поразил оленя и накладывает на лук вторую стрелу, чтобы добить ею упавшее животное.

Рис. 16 (деталь шторки IV) показывает охоту на медведя. Стрела глубоко вонзилась в грудь зверю, поднявшемуся на задние лапы, и охотник готовится в этот момент выстрелить еще раз. Очевидно он застал медведя в тот момент, когда тот задрал корову, которая лежит тут же между охотником и зверем.

Несколько ниже на шторке изображена Обь, с надписью „Река Обь", в месте впадения в нее реки Полноватки. На Оби две собаки, запряжен-

Рис. 13. Ловля оленя арканом. Деталь шторки IV.

Рис. 14. Охотник на лыжах с луком. Деталь шторки IV.

ные в маленькую нарточку, везут „морду"[1] — ловушку для рыбы, сделанную из тонких дранок, связанных сосновыми корнями. За нартой идет ханты, придерживающий ее за веревку, чтобы нарта не раскатывалась и не перевертывалась (рис. 17). Рядом с „мордой" лежит плетеный черпак на ручке для выбирания сколков льда из проруби и пешня для пробивания льда. Ханты отправился, очевидно, устанавливать ловушку. Две уже поставлены. Одна у устья маленькой речки, впадающей в Полноватку, другая у берега Оби в левой части рисунка. Здесь изображены „заезки". Это загородки из кольев и дранок, которые устраиваются поперек течения. Они называются „езами" или „запорами", если пересекают всю реку, или „заезками", если захватывают лишь часть ее. В загородке оставляются свободные промежутки и в них устанавливают „морды", которые периодически осматриваются.

В первой части рисунка, на берегу Полноватки, изображен Полноватцкой погост, теперь село Полноватское или Полноват, расположенное близ устья реки Казыма. Из Полноватa по реке едет хантыец на нарте,

[1] „Морда" — иначе верша. У местных русских — пымга, ионс, катка.

в которую запряжена лошадь. Лошадь уже с давних пор вошла в хозяйственный обиход приобских хантов, особенно к югу от Березова. При этом и до настоящего времени лошадь чаще всего запрягают в нарту, приспособленную для глубокого снега и неровной дороги лучше русских дровней.

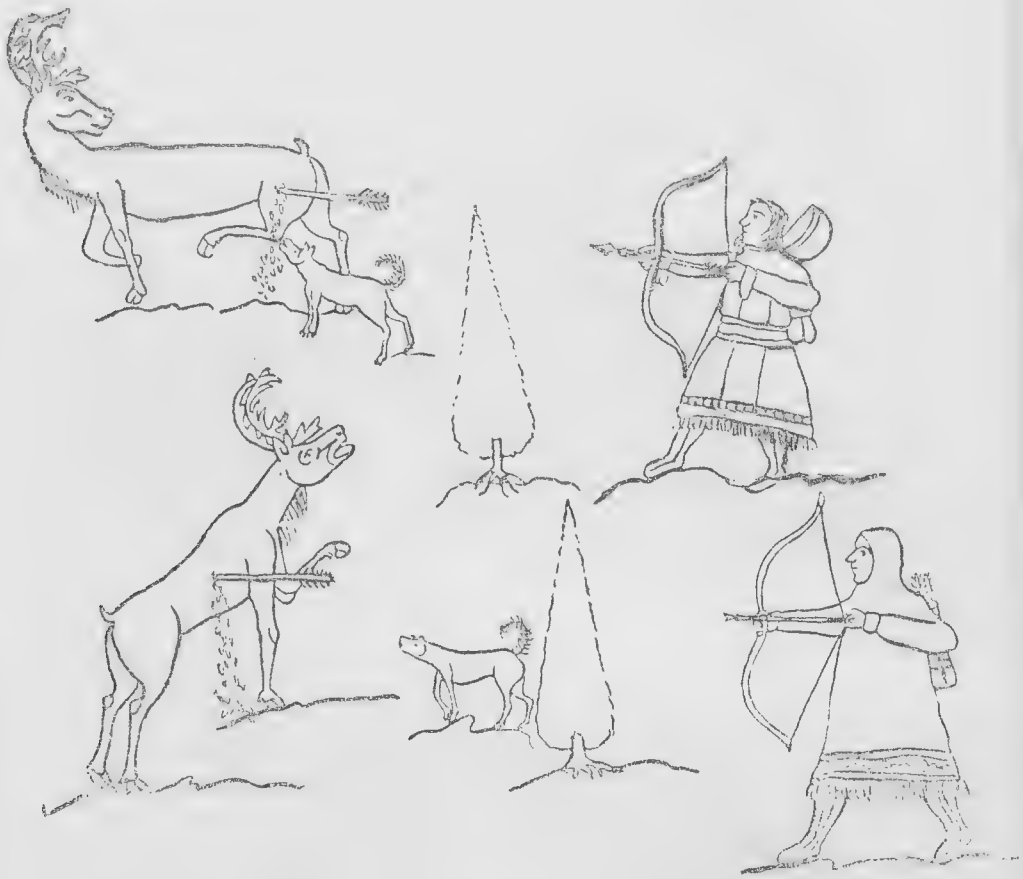


Рис. 15. Охота на оленей с луком. Деталь шторки IV.

На левом берегу реки расположено стойбище, пустое в это время года. Оно состоит из юрты, справа от которой стоит чамья на четырех столбах, а слева высокий помост, служащий для сушки и хранения сетей, рыбы и складывания различного промыслового инвентаря. По всей вероятности, это весенняя юрта, в которую переселяются на время ловли рыбы и промысла уток „перевесами". Перевес — особая снасть, подробно изображенная на следующей шторке. Здесь по обе стороны от юрты видны лишь высокие шесты, на которых во время охоты поднимают сеть перевеса.

Шторка V (рис. 19). Размеры: 1305 × 770 мм. По материалу, способу сшивания и типу обрамления не отличается от предыдущих. Рисунки на этой

шторке, как и на шторке IV, изображают реку Казым и ее обитателей, но уже в весенней обстановке.

Рисунки в левой верхней части шторки отражают оленеводство казымских хантов. Последние не откочевывают на лето в тундру,

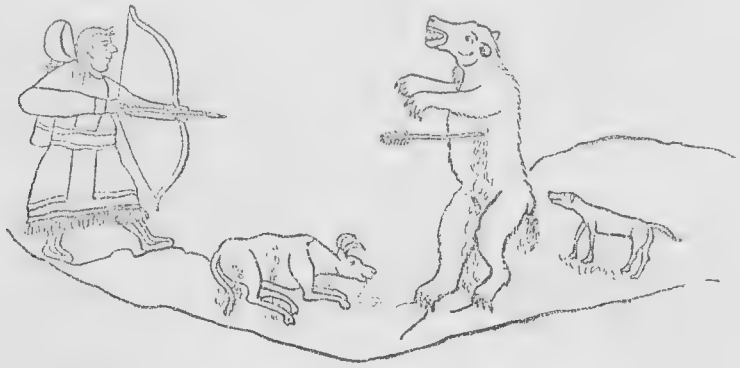


Рис. 16. Охота на медведя с луком. Деталь шторки IV.

а остаются со своими оленями в лесу. В силу этого создалась необходимость защищать оленей в летнее время от „гнуса", т. е. комаров и оводов. Для этого устраиваются специальные сараи, в которых раскладывают

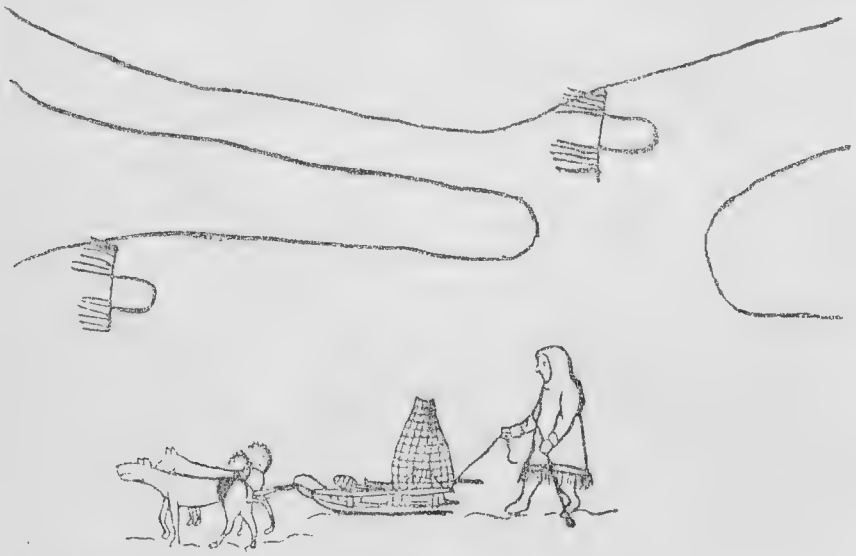


Рис. 17. Рыболов везет вершу. Деталь шторки IV.

костры, в дыму которых олени и находят себе убежище. Такой сарай, с находящимися внутри него двумя оленями, и видим изображенным на пригорке.

Весной рога у оленей начинают отрастать. Они короткие, мягкие, покрыты кожей и имеют закругленные концы. Такими и изобразил их

художник, за исключением двух оленей, которых он снабдил большими и разветвленными рогами. Очевидно Шахов имел в виду изобразить холощенных быков, у которых смена рогов нередко очень сильно затягивается. Справа, на высоком берегу Казыма, стоит остов чума и чамья. Это летнее стойбище, пока еще не населенное. По правую сторону Казыма видно озеро, соединенное с Казымом истоком, на котором хантыец в маленькой лодочке скрадывает какую-то водоплавающую дичь.

Слева от Казыма, на берегу Оби, художник изобразил жизнь в рыболовном стойбище. В стойбище юрта — летнее жилище, крытое корой или берестой, две чамьи. Позади юрты, рядом с чамьей, сидит остяк и плетет горловину для „морды", связывая сосновыми корнями тонко нащепленные дранницы. Левее юрты стоит помост, укрепленный на четырех столбах. Верхние концы столбов связаны перекладинами, на которые положены тонкие палочки. На такие палочки нанизывается

Рис. 18. Весеннее стойбище и просеки для перевеса. Деталь шторки IV.

предназначенная для вяления рыба. К первому переднему столбу привязан флюгер с вымпелом, снятый с мачты каюка. На помосте женщина чистит рыбу. Рядом с помостом изображены еще две женщины, занятые приготовлением пищи. Одна из них помешивает что-то в котле. Несколько левее женщина чистит рыбу и развешивает ее вялиться. На женщинах яркие платья и платки, покрывающие голову и плечи. Левее изображен мужчина, несущий связку рыбы, а рядом на специальных подставках растянуты для просушки невод и калданная сеть (рис. 20). На середине шеста сети виден „калданный камень" — каменное грузило. Подобные же калданные сети изображены правее, рядом с перевернутой лодкой и на самом берегу у воды.

Рис. 21 изображает моменты лова калданной сетью; видно, как ловец гребет левой рукой, держа в правой сигнальные нити. Веревка, которая идет от калданного камня, закреплена в лодке. В сеть попал крупный осетр. Узнав об этом по содроганию нитей, ловец, потянув за веревку, закрыл сеть и поднял ее на поверхность. Осетры являлись главным объектом лова калданной сетью, и один рисунок изображает ханты, несущего на спине большого осетра. Тут следует заметить, что на шторке ханты изображены в каких-то совершенно неподходящих

Рис. 19. Шторка V (Из колл. МАЭ, № 5753-5).

для них головных уборах вроде шляп. По всей вероятности, это вольность, допущенная Шаховым, тем более, что и ханты и манси летом ходят почти все без исключения с непокрытыми головами. Мало правдоподобны также головные уборы и других мужчин (рис. 21 справа). Подобные уборы мне приходилось видеть только в качестве культовых (на идолах и при священных плясках, причем нет оснований предполагать, что в прошлом они применялись в качестве бытовых). Рисунок справа изображает, по всей вероятности, старшину. Он в красном халате, обшитом золотым позументом, и к нему, очевидно, обращается с просьбой ханты; видимо для того, чтобы подчеркнуть его зависимое положение, он нарисован значительно меньшего роста, чем старшина.

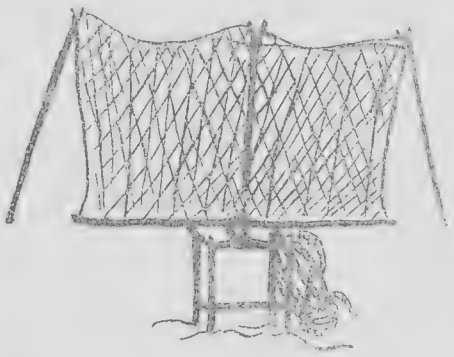


Рис. 20. Калданная сеть, растянутая для просушки. Деталь шторки V.

Группа рисунков изображает сцену неводьбы. Невод заметан, и его начинают подтягивать к берегу.

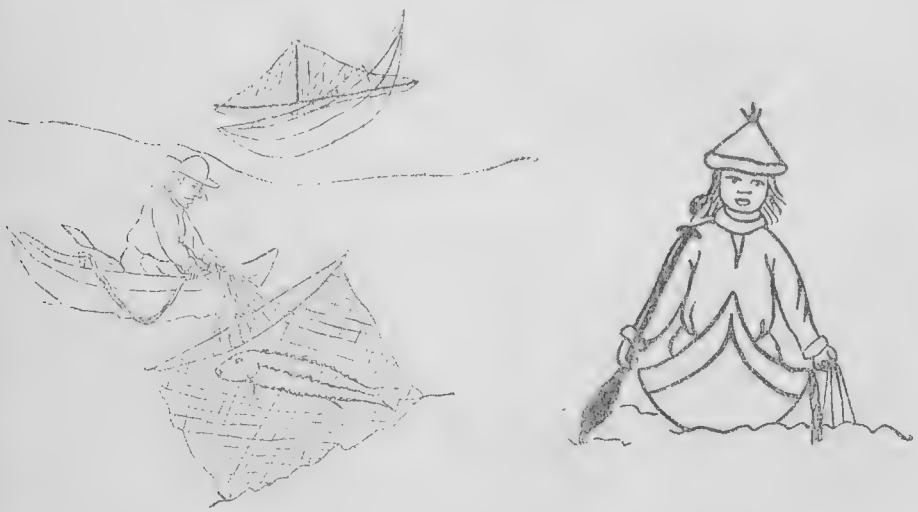


Рис. 21. „Калдачят" — ловят рыбу калданной сетью. Детали шторки V.

Большого внимания заслуживают рисунки, изображающие промысел уток перевесами. Он практикуется весной и осенью, во время прилета и отлета уток.

На зорях, перелетая с озера на озеро или с озера на реку, утки избегают подниматься выше леса, растущего на перешейках, выбирая для перелетов естественные и искусственные прогалины. Охотники, используя это, прорубают на перешейках просеки, в которых на высоких

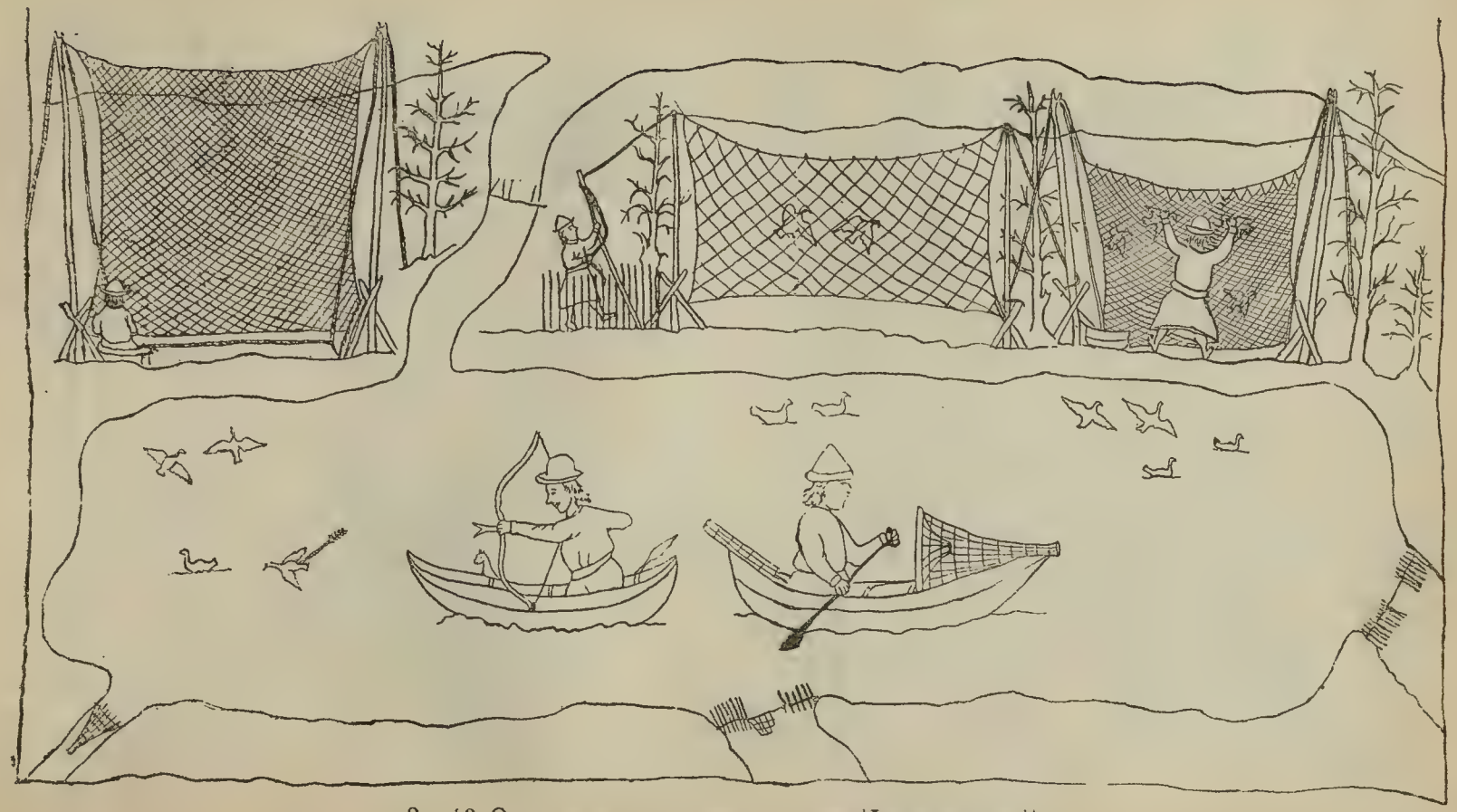


Рис. 12. Охота на уток с перевесом и луком. Деталь шторки V.

Рис. 23. Шторка VI (Из колл. МАЭ, № 5753-6).

шестах или даже вершинах деревьев, укрепляют на блоках тонкую сеть. В эту сеть, почти невидимую в сумерках, и попадают утки.

На рисунке 22 мы видим поднятую сеть и охотника, сидящего в укрытии, далее уток, попавших в сеть, и охотника, спешащего опустить ее. Другой охотник уже выбирает уток из спущенной сети Детально на устройстве перевеса мы здесь останавливаться не будем, поскольку все подробности интересующийся может найти в превосходной работе С. И. Руденко, посвященной этому вопросу.[1]

На озере, отделенном перешейком от Оби, художник изобразил охоту на уток при помощи лука и стрел. Охотник сидит в лодке, в которой находится также и собака. Он изображен в тот момент, когда, поразив утку, готовится пустить стрелу в другую. Стрела с типичным для утиной охоты раздвоенным наконечником. Такой наконечник по сравнению с обычным, копьевидным, имеет бо́льшую поражающую площадь и, кроме того, в случае промаха, стрела не уходит далеко в воду, обладая бо́льшим лобовым сопротивлением.

Правый рисунок изображает ханты, отправляющегося на лодке устанавливать верши в рыболовных заколах, устроенных на протоках и реках. В двух таких заколах верши уже установлены, и рыбак плывет теперь к третьему, где просвет еще открыт.

Ш т о р к а VI (рис. 23). Размеры: 1305 × 770 мм. Материал и обрамление такие же, как и в предыдущих. В верхней части рамки — надпись, поясняющая содержание рисунков шторки „Колости сосвинская нлининская промслы"; под надписью литеры: Р(исовал) Н(иколай) Ш(ахов).

В верхней части шторки изображено зимнее кочевое стойбище, состоящее из двух чумов, рядом с которыми стоят нарты и бродят олени. Ниже художник нарисовал ловчую загородь с тремя воротцами. Против каждого прохода лежит добыча — пораженные стрелами медведь, лось и олень. Так же, как и на шторке V, художник допустил неточность. Стрелы, применяемые дла сторожевых луков, отличаются от обычных. Они не имеют оперения и значительно длиннее — предназначенные для крупного зверя достигают почти полутора метров. Так же, как и на шторке V, не изображены самые луки, но прясла даны несколько вернее.

Ниже, слева, изображена, правда, весьма неточно, мансийская юрта и чамья. Это паул — селение, из которого, очевидно, и направились в лес охотники (рис. 24). Оба они на лыжах, один с луком, другой с ружьем. Последний держит в левой руке какой-то небольшой предмет, в котором можно предположить рожок для табака. На ногах у них туфли-няры, изготовляемые из оленьей и лосиной кожи, и чулки. Последние, насколько можно судить по рисунку, вязаные, зырянского происхождения. Надо заметить, что у манси и ханты такие чулки встречаются крайне редко и типичными являются длинные, выше колен чулки из грубого сукна

---

[1] С. И. Р у д е н к о. Перевес. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, Л. 1929, изд. Русского Музея.

или, в прошлом, из замши. Тем более сомнительно, чтобы зырянские вязаные чулки могли бытовать в начале XIX в. Скорее всего это неточность, допущенная Шаховым под влиянием родной для него зырянской среды. Верхняя одежда охотников, повидимому, с разрезом спереди, типа современного мансийского охотничьего азяма. Рукавицы пришиты к рукавам. Несколько непонятны спускающиеся из-под шапок платки. Такие платки обычно носят летом, прикрывая ими голову и шею в защиту от комаров. Скорее всего, это неточность, допущенная Шаховым. Возможно, что он и видел такой платок зимой у кого-либо из манси, который надел его, чтобы прикрыть шею от падающего с деревьев снега, и распространил этот случай уже значительно шире. Совершенно ошибочным является наличие платка у охотника, поскольку на нем надета малица, хорошо защищающая шею. Манси изображены на охоте за лосями, мясо которых составляло некогда основное средство пропитания в районах, удаленных от Оби.

Рис. 24. Охотник на лыжах. Деталь шторки VI.

Рис. 25 изображает мужчину манси, стреляющего из лука в белку. Фигура эта мало отличается от охотника на предыдущей шторке.

Ниже видим сцену охоты за диким оленем. Охотник стреляет из ружья в оленя, который, будучи ранен, поднялся на дыбы. Другой олень лежит поодаль, уже убитый. Рядом изображен манси, стреляющий в какого-то зверька, сидящего на дереве. Судя по тому, что художник изобразил его темным, в нем можно предположить соболя.

Слева у самого края шторки видим юрту, со стоящей позади чамьей, ниже которой изображено селение с относящейся к нему подписью: Сартынинской повост (село Сартыньинское или Сортынья на реке Сосве). В соответствии с истиной Сортынья изображена на двух холмах на берегу Сосвы. В то же время в расположении реки и ее притоков допущены грубые погрешности: Сортынья находится не выше, а ниже устья Сосвы (Ляпин), Ляпинский городок был на левом, а не на правом берегу, и наоборот, река Щекунья впадает в Ляпин с правой стороны выше крепости.

Рядом с Сортыньей, но совершенно вне всякой связи с ней, обычно, стоит шалаш, который должен изображать охотничий стан.

Шалаш изображен неточно, так как и манси и ханты применяют обычно в качестве временного охотничьего жилища односкатный навес, крытый хвойными ветвями или берестой.

К шалашу прислонен лук и колчан со стрелами, а несколько правее виден и сам охотник (рис. 26). Он ранил медведя стрелой, глубоко вонзившейся в горло зверя, которого охотник принял теперь на рогатину.

Ниже изображен манси, едущий на нарте, запряженной парой оленей. Он, видимо, возвращается с покупками из Сартыньи, так как на передке нарты лежит боченок, в каких раньше продавали вино. Слева показана еще одна юрта с чамьей, стоящая в излучине реки Сосвы, против устья реки Ляпин.

Вверху по Ляпину, в правом краю шторки, изображена Ляпинская крепость. Рисунок мало отличается от описанного выше укрепления в Юильском городке. Тип острожка был, очевидно, довольно стандартным и не имел особых отклонений. Ляпинская крепость простояла до недавнего времени и была в весьма хорошей сохранности, но в 1927 г. один саранпаульский зырянин сжег ее, так как она якобы мешала ему на покосе. К счастью, имеется описание укрепления, сделанное в 1884 г. К. Носиловым, которое мы здесь и приводим:

Рис. 25. Охотник стреляет в белку из лука. Деталь шторки VI.

„Против с. Саран-паул, на противуположном берегу р. Сыгвы (р. Ляпин), находится полуразрушенная, деревянная с бойницами крепость... на невысоком, но прежде обрывистом берегу, в бору стоит четырехугольный, в 250 фут квадратной площади при высоте стен в 24 фута, сруб, сложенный из бревен в виде правильного четырехугольника. На высоте 18 фут стена расширяется на 2 фута с уступом для прохода, на который настлан деревянный из круглых бревен пол. Крыши нет, остались одни лишь боковые отверстия для стрельбы, как в нижних, так и в верхних стенах. С западной и восточной стороны, по направлению берега, устроены полукруглые, аркой, двери. Для подъема в верхний этаж или площадку для боя установлены в углу два со ступенями бревна. К востоку от главного боевого здания находятся в нескольких шагах два низменные помещения, тоже с двойным потолком и отверстиями для стрельбы. От боков (южного и северного) главной бойницы идет высо-

кая бревенчатая с острыми оконечностями стена; она шла вокруг и двух других зданий, но ныне она разрушена. На западной стороне бойницы сохранились следы строений, занимающих до 30 сажен в длину местности на берегу. Несколько лет тому назад над дверьми (западными) еще видна была надпись года постройки крепости, которая показывала, что здание было устроено более 300 лет тому назад".[1]

Против острожка изображено мансийское селение. Это Сокурья-навыл, или село Щекурья, расположенное на правом берегу реки того же названия, недалеко от впадения ее в Ляпин (Сыгву).

Таково содержание рисунков Н. Шахова. Ниже публикуется статья сотрудника Русского Музея в Ленинграде, ныне покойной, К. А. Большевой, выясняющей историю творчества художника и пытающейся на основе стилистического анализа установить датировку рисунков.

Рис. 26. Охота с луком и рогатиной на медведя. Деталь шторки VI.

Обращая основное внимание на связь творчества Шахова с картографией XVIII в., К. А. Большева не останавливается на его других, также заслуживающих внимания стилистических особенностях. Они обнаруживаются как в некоторых композициях, так и в тех отдельных рисунках, которые, отображая ловильные сюжеты, не встречались Шахову среди образцов XVIII в., главным образом и обусловивших характер его творчества.

Действительно, тогда как большинство строений, деревьев, деталей ландшафта и т. д. условны и схематичны и носят ясно выраженные следы влияния готовых образцов, изображения нарт, лошади, запряженной в нарту, сетей, каюков очень правдивы, показывают хорошую наблюдательность художника и его знакомство с перспективой и в бо́льшей степени, чем все остальное, могут характеризовать личное творчество самого Шахова.

Еще одна особенность, слабо отмеченная К. А. Большевой, является, по всей видимости, результатом влияния на Шахова местных художественных традиций и даже не русских или зырянских, а ненецких

---

[1] К. Д. Носилов. О маньсах. Изв. общ. люб. естествозн., антропол. и этногр. т. X, вып. 5. Тр. Антропол. отд., т. IX, вып. 3, стр. 564.

и хантыйских. В изобразительном искусстве последних, как впрочем и у ряда других народностей Севера, встречаемся со своеобразным стремлением изобразить в рисунке не один момент какого-то рассказа или действия, а весь рассказ в целом, в последовательности содержащихся в нем событий. Таковы, например, рисунки-повествования эвенка Кемури Барбасенова, приведенные в работе А. Ф. Анисимова „Родовое общество эвенков", изображающие выбор вождя, войну между родами Момоль и Хурасир. Таков же имеющийся у нас рисунок ненца Амнго Вэноши „Охота на тюленя" и др.

Аналогичную идею находим в ряде композиций Шахова. Таковы рисунки, представляющие собой изображения одних и тех же лиц в последовательных этапах процесса ловли рыбы, рисунки на шторке I, изображающие ловлю рыбы калданом, и изображение охоты на оленей на шторке IV.

В заключение необходимо еще раз коснуться вопроса о датировке рисунков.

К. А. Большева, на основе стилистического анализа, склонна относить рисунки к концу XVIII в., а автора их, Н. Шахова, либо считать однофамильцем Н. Шахова, написавшего „Ярмарку в Березове" (1855 г.), либо, если допустить идентичность подписей, видеть в Шахове лишь точного копировщика старых произведений.

Однако в последнем предположении К. А. Большева несколько противоречит самой себе. Не говоря уже о том, что стиль рисунков, относимый ею к последней четверти XVIII в., не чужд прикладному искусству XIX в. (возьмем хотя бы роспись на фарфоре, особенно мелких провинциальных фабрик), копировщик, воспитанный в иных по сравнению с XVIII в. художественных традициях, должен был бы допустить отклонения в сторону „новых веяний", особенно в шрифте. Можно с уверенностью сказать, что Н. Шахов не копировщик, а автор рисунков на „шторках". Можно ли говорить в таком случае о двух Шаховых, живших в конце XVIII и около середины XIX вв.? Думается, что нет. Хотя я и плохо помню „Ярмарку в Березове", которую видел лишь один раз, тем не менее не ошибусь, если скажу, что приемы, в которых выполнена эта картина, манера расположения фигур и отдельных сцен совершенно тождественны с тем, что мы видим на „шторках". К сожалению, не имея перед собой „Ярмарки", я не могу привести примеров, необходимых для доказательства этого, в силу чего и вопрос о датировке придется пока считать открытым. Думаю, однако, что доказать идентичность автора „шторок" и „Ярмарки" а следовательно, и принадлежность рисунков к XIX в., будет нетрудно. Дополнительным и уже совершенно неопровержимым датирующим моментом может также служить изображение церкви в селе Сортынье (шторка IV), которая, если мне не изменяет память, была впервые построена лишь в XIX в.

Стилевые основы композиций панно Н. Шахова из коллекции МАЭ

К. А. Большева

Шесть панно, описанные В. Чернецовым, являются, бесспорно, интересным и редким образцом декоративного искусства. Автор их задался целью изобразить в них пейзаж и быт западной Сибири вдоль р. Оби.

Панно писаны водяными красками по миткалю и заполнены сюжетной композицией в обрамлении орнаментальным бордюром. Название „штор" панно эти получили, вероятно, потому, что к их верхнему краю пришиты петли; возможно, что они когда-либо и применялись как шторы, но первоначальное их назначение было, разумеется, иным: сюжетная композиция, обрамление бордюром, а главное щитки с надписями в бордюре указывают на то, что полотнища эти рассматривались как картины, в растянутом положении, а не свертывались как шторы. Подобные панно в конце XVIII в. обычно украшали простенки или внутренние стены комнат, чему имеется много примеров во дворцах и особняках последней четверти XVIII в.; писались они на тканях и натягивались на подрамники в обрамлении багета или же, как в данном случае, живописного бордюра.

При некоторых общих принципах композиции панно стилистически довольно значительно разнятся друг от друга. Общим является композиционный подход, в силу которого сюжет развивается как бы сверху вниз: вверху панно дается основной пейзаж — в двух случаях виды крепостей, в прочих — характерный для данной местности вид, который мог бы быть отделен от остального поля как самостоятельная композиция; ниже рассказ как бы разворачивается, повествуя о том, что делают жители данной местности, как они охотятся, ездят на оленьих или собачьих упряжках, ловят рыбу и птиц, занимаются домашним хозяйством. Эту — большую — часть каждого панно в отдельную композицию выделить нельзя, это лишь развернутый рассказ под заглавием верхней части. Исключением быть может является панно с Обдорским князем.

Откуда идет искусство Шахова, подписавшего свое имя на панно? К сожалению, об авторе неизвестно ничего, за исключением того, что

он носит местную зырянскую фамилию. Но его произведения могут быть поставлены в определенный искусствоведческий ряд, правда, не чисто декоративного, а графического искусства, к которому несколько сухая, местами почти чертежная роспись Шахова подходит и по манере исполнения.

Что касается сюжетов, то их можно связать со следующими предшественниками: в 1557 г. выходит первое издание „Путешествия по Московии" Сигизмунда Герберштейна с иллюстрациями на этнографические темы, наивно повествовательный характер которых несколько приближает их к росписи Шахова; XVI—XVII века оставили нам ряд карт Евразии, большей частью фантастических, нередко с обозначениями местных природных богатств и этнографических особенностей путем мелких изображений на самой карте, иногда грубоватых, редко точных и обычно очень наивных. Эти иллюстрированные карты в свою очередь имеют нечто общее с шаховскими панно, особенно с теми из них, где между чисто картографическим равномерным заполнением поля мелкими деревцами помещены крупные фигуры оленей и звероловов.

Такого рода изображения, стремящиеся не столько к художественной, сколько к этнографической передаче, составляют особую графическую группу, которая сильно отличается от путевых набросков Гейслера, Аркинсона и даже от иллюстрации так называемой „Летописи Ремезова" петровского времени на сибирские темы.

В России XVIII в. издается ряд атласов, отдельных карт и видов местностей; в последних годах века составляются рукописные атласы отдельных губерний с этнографическими картинками при картушах с надписями; „сочиняли" и „копировали", т. е. исполняли их, местные землемеры.[1] Подобный же гравированный „Российский атлас" выходит в 1800 г.[2]

Еще одна разновидность графического материала имеет связь с панно Шахова. В Соловецком монастыре в течение всего XVIII и до середины XIX вв. гравируются на меди виды монастыря и его планы. Из них наиболее интересен план, гравированный Ив. и Ал. Зубовыми в 1744 г. на семи досках,[3] где в перспективной передаче изображен весь архипелаг Соловецких островов: здания, растительность, звери, корабли и рыбы. Этот план по характеру выполнения довольно близок к нашим панно; при наличии постоянного общения между отдельными частями русского севера (в том числе между монастырями), характер творчества Шахова может быть объяснен именно этой картографически-иллюстративной основой, примененной им к произведениям декоративного назначения.

Если обратиться к характеристике каждого панно в отдельности, то можно их разбить на несколько групп. К первой принадлежат два

[1] Такого рода карты и атласы имеются в Сенатском фонде Ленинградского отделения Центрального исторического архива.

[2] Российский атлас из 43 карт состоящий и на 41 губернию империю разделяющий. Издан при Географическом департаменте в 1800 г.

[3] Издан Д. Ровинским в 1884 г.

панно чисто картографического характера, разнящиеся главным образом масштабом изображений; эти панно обозначены у Чернецова номерами IV и VI; в каждом из них мы имеем между двумя поясами пейзажа, проходящими по верху и низу панно, сравнительно большое поле, очень равномерно заполненное, как на старых картах, фигурками охотников, оленей и несоразмерно маленькими деревьями, условно обозначающими пейзаж; некоторые из этих деревьев имеют выраженную породу, большинство же — ту условно-конусообразную форму, которая была принята в XVIII—XIX вв. для заполнения мелких пространств на перспективных планах с лесистой местностью. Строения изображены на этих панно точно так же условно — графически, с передачей, впрочем, характерных архитектурных особенностей; зато довольно реалистичны фигурки охотников и зверей, хотя и здесь мы имеем повторения: так, например, очень близки три фигурки стрелков, охотящихся на белку, все обращенные в одну сторону — вправо. Что касается фигурок зверей, особенно оленей, то они своей передачей напоминают гравюры XVII—XVIII вв. на охотничьи сюжеты.

Обрамления обоих этих панно несколько тяжелы, состоят из ряда компактных цветочных звеньев, перемежающихся с более легкими частями — в одном случае цепью, в другом — перистыми листьями. Обрамления эти стилистически старее обрамлений прочих панно; к ним близко еще обрамление панно II. Последнее по трактовке сюжета можно объединить с панно V, не только потому, что в обоих разработаны преимущественно сцены рыболовства, но и по своим композициям. Если при взгляде на два предыдущих панно приходит в голову старая европейская картография, то последние два панно по своим композиционным принципам подходят ближе всего к китайской вертикальной перспективе, раскрывающей задние сюжеты при помощи их размещения друг над другом; особенно это заметно в панно II с его маленькими участками земли среди водного пространства и разбросанными по воде судами. В остальном детали трактовки людей, собак, зданий и деревьев те же, что и в первых двух панно.

У панно V обрамление без завитков рококо, типа 60-х годов XVIII в. Те же элементы рококо встречаются еще в углах обрамления панно I, где, однако, в основном легкий растительный побег относится стилистически к последней четверти XVIII в. Основная композиция этого панно сильно отличается от всех прочих; на фоне несколько пустынного пейзажа с редкими фигурками помещен раскрытый дом с несколькими крупными и тщательно вырисованными фигурами. Последние трактованы значительно менее наивно, чем прочие фигурки панно, в том числе и те, которые расположены здесь же на фоне пейзажа; в них автора занимал не только сюжетный момент, так сказать фабула, но и момент формальный и даже сложно композиционный; прекрасно, например, связана линейно группа женщин с ребенком, также пара просителей у двери слева и обе эти группы между собой; три крупные фигуры — князька и старшин — несколько статичны, но и они „поставлены“ и прорисованы

совсем иначе, чем прочие мелкие фигурки; стилистический генезис всех этих фигур тоже ясен: это иконопись с ее каноническими, выработанными формами, несколько условным изломом второстепенных фигур и статическим „благообразием“ основных.

Наконец, панно III дает еще новые моменты композиционных начал; обрамление уже целиком принадлежит концу XVIII в., как и овальный щиток в венке с подписью Шахова; что же касается основного сюжета, то здесь мы имеем наиболее характерно и смело вырисованные детали пейзажа и оленей; в нижней половине панно параллельно расположенные упряжки, горизонтально разрезающие поле почти от края до края, возвращают нас снова к началу XVIII в., когда подобным способом на гравюрах изображались торжественные шествия, располагавшиеся тоже в несколько ярусов, за невозможностью использовать длинное горизонтальное поле.

Суммируя сделанный анализ отдельных панно, приходится констатировать, что истоки творчества автора были довольно разнообразны: иконопись, китайская живопись и европейская, главным образом русская, гравюра и картография XVII—XVIII вв. Единственным чисто декоративным элементом являются обрамления растительным орнаментом, восходящие целиком ко второй половине XVIII в.

Таким образом, стилистически панно эти могут быть отнесены только к последней четверти XVIII в., чему не противоречит и манера их исполнения в деталях трактовки, а также шрифт надписей. Остается поставить вопрос: мог ли их выполнить Николай Шахов, подписавший свое имя на картине, датированной 1855 г.? Трудно отнести это творчество на счет пережиточных моментов в далекой от столицы провинции, так как все же в чем-нибудь, хотя бы в шрифте, прорвались бы новые веяния. Можно еще предположить, что данные панно являются точной копией с более старых и подпись Шахова фигурирует на них как подпись не автора, а только копииста, одного из тех, которые работали в губернских присутственных местах середины XIX в.

Не следует, однако, пренебрегать замечанием протокола заседания Русского Археологического общества в 1878 г., где данные панно или, как их тогда уже называли, „шторы“, обозначены как писанные при Екатерине II. Но почему бы просто не отнести автора этих панно, Николая Шахова, к XVIII в., а автора картины маслом „Ярмарка в Березове“ с датой 1855 г., тоже Н. Шахова, не считать с ним идентичным? В конце концов, младший Шахов мог быть потомком или просто однофамильцем старшего Шахова, тем более, что эта фамилия среди местных зырян широко распространена и в сочетании с именем Николая вполне могла повторяться в течение полустолетия.

Связь творчества Николая Шахова с XVIII в. не отрицает и В. Черноцов, который говорит, что одежда князька передана правильно, в соответствии с акварелью конца XVIII в., и что художественная манера Шахова находится целиком под влиянием рисунка XVIII и даже XVII вв.

Хотелось бы в лице автора панно видеть одного из тех графически достаточно грамотных чертежников-землемеров, которые работали в конце XVIII в. при губернских присутствиях по составлению местных планов и в связи с этим объездили и изучили местный край; в данном случае Н. Шахов обладал еще незаурядной наблюдательностью и художественным чутьем, а главное — любовью к искусству, что и толкнуло его к созданию серии панно. Возможно также, что панно эти были ему заказаны для украшения стен какого-либо казенного учреждения, где предполагалось дать наглядную иллюстрацию жизни местного края.

Металлическая культовая посуда у угров

Н. Ф. Прыткова

Коллекции Отдела Сибири Музея этнографии Академии Наук пополнились несколькими интересными и ценными предметами. В 1936 г. одним из рабочих Салехардского рыбо-консервного комбината на территории рабочего поселка, невдалеке от р. Шайтанки, был обнаружен зарытый второпях последними остяцкими князьками клад, содержавший пять миниатюрных металлических тарелочек и три металлические бляшки.[1]

Найденные металлические тарелочки представляют большой интерес с исторической точки зрения.

Как известно, в течение XVIII—XIX вв. на территории, населяемой уграми, т. е. в области, прилегающей к средней части Урала, были обнаружены находки — серебряные блюда восточного происхождения.[2]

Блюда эти попадали в Зауралье в процессе торговых связей восточных стран с населением северных лесных областей, славившихся пушниной, и представляли собой обменную единицу — драгоценный металл.

Аборигены Приуралья использовали этот металл, правда в незначительной степени, для различных мелких поделок, а также для изготовления шейных гривн.

Главное же назначение блюд в новых условиях их бытования, повидимому, было культовое.

При таком назначении первоначальный вид блюд не всегда удовлетворял их новых владельцев, и они с помощью охотничьего ножа нередко наносили на поверхность блюд новые изображения; в иных случаях делались сквозные отверстия в металле для подвешивания блюд в священных местах или на фигурах, которые изображали собою духов.

Истолкование назначения восточных блюд на территории Севера как предметов культа, встречающееся у многих исследователей, стало

---

[1] Колл. МАЭ № 5708.

[2] Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Рос. империи. Изд. Арх. ком. ко дню 50-летия ее деятельности. СПб., 1909. Предисловие Я. И. Смирнова, стр. 3.

возможным лишь после ознакомления с употреблением металлической посуды в религиозных обрядах угров.

Об одном из восточных блюд, найденном в окрестностях Березова и приобретенном у остяка, Аксель Хейкель сообщает, что оно служило предметом культа и хранилось среди идолов.[1]

Для угров было характерно использование металла как материала, из которого делались лица на деревянных изображениях духов, причем в таком назначении выступало не только серебро, но также медь, железо и даже жесть.

Гр. Новицкий сообщает по этому поводу следующее: „В Шорковых юртах бе кумир изсечен от древа, в подобие человече, сребрен имиющ лице"...[2] и, наряду с этим другое описание кумира, состоящего из поленца, обвитого прикладными сукнами — ... „а на верху з жести изваяная личина мало что бяше подобие человека".[3]

В описании остяцких идолов у Н. Абрамова, фигурирует культовое изображение в виде мешка с привязанной к нему спереди серебряной тарелкой, повидимому, заменяющей его лик.[4]

У мелких домашних божеств лица заменялись медными пуговицами.[5]

Насколько этот обычай был силен у угров, свидетельствует сообщение Алквист о том, что князь Тайшин использовал в качестве лика божества серебряное блюдо, пожалованное ему императором Николаем I.[6]

В связи с этим интересно замечание авторов недавно вышедшей работы о сасанидском металле об использовании древних серебряных блюд как священных дисков и ликов изображений божеств; при этом высказывается предположение о солярном значении блюд, в подтверждение чего приводится следующее: „... (блюда, — *Н. П.*) использовались и своей оборотной стороной, как изображения священных дисков, озаряющих днем и ночью землю (для полноты впечатления кольцевые ножки блюд удалялись)".[7]

Это сообщение не единично; так, Н. Гондатти в одной из своих работ упоминает о наличии на некоторых тарелочках, употреблявшихся мансами в культе „Mir susne xum'a" — „изображений солнца".[8]

О солярном значении говорит и В. Н. Чернецов ... „блюда эти играли особую роль в религиозных церемониях обских югров, связанных с солнечным культом, максимальное развитие которого падает

---

[1] Axel Heikel. Antiquités de la Sibérie occidentale. Helsingfors, 1894, стр. 73.

[2] Гр. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное... в 1715 г. СПб., 1884, стр. 72.

[3] Гр. Новицкий, ук. соч., стр. 50.

[4] Н. Абрамов. О введении христианства у березовских остяков. ЖМНПр., 1851, т. 72, стр. 4.

[5] О. Финш и А. Брэм. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882, стр. 360.

[6] A. Ahlquist. Unter Wogulen und Ostjaken. Acta Societatis scientiarum Fennicæ. Helsingfors, 1883, v. XIV, стр. 295.

[7] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935, XII.

[8] Н. Гондатти. Следы языческих верований у мансов. Изв. Общ. люб. естеств., антроп. и этнограф. при Моск. унив., т. XLVIII, вып. 2, стр. 56.

именно на I тысячелетие н. э. Этой ролью, очевидно, и объясняется то большое количество, в котором блюда ввозились на север".[1]

Сюжетом многих восточных блюд, найденных на территории Приуралья, является изображение всадника.[2]

Можно полагать, что это не случайность, а результат сознательного подбора сюжета, в котором было заинтересовано местное население; наличие этого сюжета обеспечивало, видимо, хороший сбыт таких изделий среди угров.

Интерес, проявлявшийся населением к изображению всадника, может быть объяснен существовавшим ранее у угров культом — Mir susne xum'a (у вогул), Urt iki (у остяков), в котором угры видели посредника между людьми и небесными богами. Mir susne xum, по представлениям угров, разъезжал верхом на белом коне, поэтому угры делали его изображение в виде всадника.[3]

Говоря о Mir susne xum'e и базируясь главным образом на богатом фольклорном материале угров, Мункачи приходит к выводу, что Mir susne xum является солнечным божеством.[4]

Это предположение лишний раз свидетельствует в пользу солярного значения восточных блюд.

Образ Mir susne xum'a, ездящего верхом на коне, не согласуется с современным хозяйственным укладом обских угров, занимающихся главным образом рыболовством и охотой, однако есть основания предполагать, что в прошлом конь как ездовое животное был известен уграм.

„Пришельцы, югры по языку, — пишет Чернецов, — во время своего пребывания в степи первоначально входили в состав скифо-сарматского мира; двигаясь на север, они утеряли коневодство; восприняли материальный быт охотников и рыболовов" и „лишь в фольклоре, изобразительном искусстве и обрядах, сохранилось отражение их былого знакомства с лошадью".[5]

Это вполне удовлетворительно объясняет нам представление угров о Mir susne xum'e как о божестве, ездящем верхом на коне.

Мало обоснованное предположение о времени и обстоятельствах возникновения культа Mir susne xum'a было выдвинуто не так давно Карьялайнен.[6] Подвергая критике мнение, высказанное Мункачи о принадлежности Mir susne xum'a к числу солярных божеств, он полагает,

---

[1] В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. Кратк. сообщ. о докл. и полев. исследов. ИИМК, т. IX, 1941, стр. 27.

[2] Восточное серебро, ук. соч., табл. LXXXV-155; табл. LXXXVII-156; табл. XCI-24.

[3] В. Н. Чернецов. Фратриальное устройство обско-югорского общества. Советская этн., II, 1939, стр. 34—35 (рис.).

[4] Цит. по: Karjalainen. Die Religion der Jugra Völker. Helsingf., 1922, стр. 191—192.

[5] В. Н. Чернецов. Очерк этногенеза обских югров. Кратк. сообщ. о докл. и полев. исслед. ИИМК, IX, 1941, стр. 24.

[6] Karjalainen, ук. соч., стр. 192—193.

что образ этот не мог быть создан обскими уграми, и сопоставляет Mir susne xum'a со св. Георгием, почитаемым православной церковью.

Археологические материалы и приведенные выше доказательства древности почитания Mir susne xum'a уграми заставляют нас высказать сомнение в правильности положений Карьялайнен.

Остается еще заметить, что предпочтение, оказываемое уграми изделиям, сделанным из серебра, также, повидимому, не случайно. Можно предполагать, что серебро как белый, блестящий металл, наилучшим образом выражало в их представлениях идею светлого, солнечного начала, воплощенного в образе Mir susne xum'a и, может быть, рассматривалось как атрибут и даже как заместитель последнего на земле.

Наряду с блюдами восточного происхождения, датируемыми XII—XIII вв., существовали и подражавшие им местные, грубые изделия.[1]

Угры бережно хранили металлическую культовую посуду, передавая ее от одного поколения к другому.

В этом отношении особого внимания заслуживает сообщение К. Носилова[2] о наследовании культовой серебряной посуды женщинами, что указывает на древность бытования этих культовых предметов.

С прекращением притока к уграм серебряных изделий с Востока традиции применения в качестве культовых предметов серебряных изделий не исчезли.

Навстречу интересам угров пришли русские и иностранные купцы, от которых к уграм начали поступать другие металлические изделия.

Ю. И. Кушелевский, описывая характер „прикладов", приносимых самоедами (ненцами) божествам, являющимся общими с уграми, между прочим, сообщает следующий факт: „Были даже случаи, что русские промышленники, из корыстолюбивых своих видов, нарочно заказывали для идолов делать серебряные короны, вроде епископских митр, и, привозя их в Обдорск, тайно продавали крещеным инородцам за большие деньги".[3]

Видимо, подобного же происхождения серебряные вещи на головах идолов, упоминаемые в описании Палласа: „...подле Воксарских юрт,— говорит он,—... имеются два болвана, один в мужском, другой в женском платье одеты... на голове же имеют по серебряному венцу".[4]

Среди виденных Финшем и Брэмом металлических тарелочек имеются две европейского происхождения с изображенными на них портретами английских королей.[5]

В описании Обдорской ярмарки, центра большой торговли, говорится о привозе русскими на продажу серебряных изделий — налобников

[1] Восточное серебро, ук. соч., стр. 3.

[2] К. Носилов. У шайтана. Правосл. Благовестник, № 12, 1897, стр. 176.

[3] Ю. И. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал. Путевые записки. СПб., 1868, стр. 113.

[4] Паллас. Путешествие по разным провинциям Росс. государства. ч. III—I, полов., 1788 г., стр. 79.

[5] О. Финш и А. Брэм, ук. соч., стр. 436.

и зарукавий, причем сообщается, что „сии вещи наиболее употребляются для украшения кумиров, особенно налобники и зарукавья".[1]

Возникают даже какие-то центры — мастерские, занимающиеся изготовлением металлических миниатюрных блюд, имевших большой сбыт.

Сообщение Патканова[2] об одном поляке, проживавшем в Тобольске и приготовлявшем металлических идолов для угров, по образцам, которые он заимствовал у них же, и имеющиеся сведения о существовании в Тобольске мастерских серебряных изделий, позволяют предполагать, что Тобольск мог быть одним из центров производства металлической культовой посуды по заказам купцов.

Имеются также сведения о покупке уграми и использовании ими для нужд культа русской церковной посуды — медных или серебряных тарелочек для просфор.[3]

Сбыт таких предметов, игравших культовую роль, приносил большую прибыль купцам; так, например, за медную полуженую тарелочку, приобретенную в Березове, манс платил прежде 100 белок, стоивших там 6 руб. 50 коп. серебром.[4]

Кроме этого назначения металлических блюд, у угров засвидетельствовано и иное их применение.

Так, многими авторами отмечалось употребление металлической посуды в качестве жертвенных сосудов. В них подносили изображениям духов кровь жертвенных животных.[5] В большинстве случаев отсутствует описание внешнего вида применявшихся для этой цели сосудов, однако, Мельников приводит описание приобретенной им медной тарелочки.[6]

Другое назначение металлических тарелочек заключалось в том, что они фигурировали в качестве так называемого „приклада", т. е. приношения духам, представляя особо ценные предметы, наряду со шкурками, одеждой, тряпочками и т. п.

Имеются также сведения о том, что металлические тарелочки ставились в священных амбарчиках, перед изображениями духов, и служили для денежных пожертвований.[7]

---

[1] Сибирский вестник, 1824, ч. III, стр. 282—283.

[2] S. Patkanov. Die Jrtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie, I. 1397, стр. 107.

[3] Анучин. К истории искусства и верований у Приуральской Чуди. Матер. по археол. восточн. губ., 1899, т. III, стр. 137 (сведения из письма Гондатти).

[4] С. Мельников. Сведения о мансах, кочующих в Березовском округе. Вестн. географ. общ., вып. V, отд. VI, 1852, стр. 29.

[5] С. Мельников, ук. соч., стр. 29. — Ю. И. Кушелевский, ук. соч., стр. 113 и др. Карьялайнен (ук. соч., стр. 150), приводя два факта подобного использования металлических тарелочек, высказывает сомнение о таком их назначении. Мы же, располагая большим количеством подобных сведений и имея описание очевидцев (Мельников, Кушелевский и др.), считаем вполне возможным подобное назначение.

[6] С. Мельников, ук. соч., стр. 29.

[7] Н. П. Григоровский. Описание Васюганской тундры. Записки Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. общ., Омск, 1884, кн. VI, стр. 38.

Особый интерес имеет сообщение Н. Гондатти, оставившего нам описание обряда призывания Mir susne xum'a: „... для этого в жилье, где происходит гадание, тушат огонь; шаман ударяет несколько раз в бубен и затем все смолкает и наступает гробовая тишина, среди которой будто бы явственно слышится конский топот" ...„очень часто перед жильем ставится предварительно несколько серебряных или вообще металлических тарелочек для того, чтобы божий конь мог стоять не на голой земле или снегу".[1]

Металлические тарелочки, найденные в 1936 г., по своему виду и назначению примыкают к описанной категории культовых предметов.

Путем опроса местного населения удалось выяснить, что подобные тарелочки являлись достоянием зажиточных людей и что привозились они рыбопромышленниками (купцами) „сверху", по заказу угров.

Две из этих тарелочек, отличающиеся от других своим стилем, размерами и материалом, принадлежали последним остяцким „князькам".

Одна из них (рис. 1) из тонкого серебра, плоская, круглой формы (диаметр 0.13 м). На краях — бордюр, состоящий из ромбовидных фигур и изображений двух рыб и двух летящих птиц. На дне тарелочки изображена фигура стоящей женщины в меховой одежде с украшениями; около нее сидящий на земле ребенок, также в меховой одежде. У ног женщины помещены изображения растений и еще какой-то неясный предмет. На тарелочке имеется проба в виде знака П. Мех одежды передан тонкими гравированными линиями, контуры изображения сделаны более глубокими врезными линиями.

Вторая тарелочка (рис. 2) также из тонкого серебра, плоская, круглой формы (диаметр 0.115 м), со срезанным в одном месте краем. Бордюр, идущий по краям, состоит из веточек с листьями и трех изображений птиц. На дне тарелочки — изображение бородатой мужской фигуры, одетой в распашную одежду; ноги босые, в руках у фигуры — лук. У ног человека нанесен стилизованный пейзаж. На дне тарелочки имеется проба в виде знака ІПБ.

Техника выполнения изображений — смешанная: штамповка, гравировка и резьба по металлу.

Можно с уверенностью сказать, что обе описанные тарелочки были изготовлены в С.-Петербурге, на что указывают имеющиеся на них пробы, а также и наличие на тарелочках изображений, выполненных по рисункам, заимствованным, как это нетрудно установить, из труда Георги.[2]

На первой тарелочке изображена самоедка (ненка) с ребенком (рис. 6 — рисунок из Георги); предмет, находящийся у ее ног и, видимо, непонятый мастером при копировке, представляет собой люльку.

---

[1] Н. Гондатти. Предварительный отчет о поездке в Сев.-Зап. Сибирь. Годичн. заседание Комитета для устройства в Москве Музея прикладных знаний. М., 1888, стр. 176, 177.

[2] Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776, ч. III (рисунки).

Рис. 1. Серебряная культовая тарелочка (Из колл. МАЭ, № 5708-1).

Рис. 2. Серебряная культовая тарелочка (Из колл. МАЭ, № 5708-2).

Рис. 5. Металлическая культовая тарелочка (Из колл. МАЭ, № 5708-3).

Рис. 6. Металлическая культовая тарелочка (Из колл. МАЭ, № 5708-4).

Рис. 7. Металлическая культовая тарелочка (Из колл. МАЭ, № 5708-5).

Рисунок на второй тарелочке представляет собой копию с рисунка, изображающего курильца (айна), взят так же из Георги (рис. 7).

Третья тарелочка (рис. 3) металлическая, плоская, круглой формы (диаметр 0.09 м), по краям имеет грубо и схематично выполненные изображения охотника, в длинной меховой шубе, натягивающего лук, и двух

Рис. 6. Самоедка в летнем платье.

Рис. 7. Курилец.

бегущих животных; в центре изображен бегущий лось. Все фигуры были, повидимому, сначала отштампованы, а затем отчеканены; поверхность фигур имеет легкую гравировку.

У четвертой металлической тарелочки (рис. 4), плоской, круглой формы (диаметр 0.085 м), по краям те же изображения, что и на третьей тарелочке; в центре изображен бегущий олень и нанесена точечным штампом дата: 1834. Контуры изображений выполнены врезными линиями, поверхность — мелкими гравированными линиями.

Последняя, пятая тарелочка, металлическая, плоская, круглой формы (диаметр 0.095 м), по краям и в центре имеет те же изображения, что и предыдущая, но они выполнены еще более схематично. Дата — 1834. Изображения исполнены гравировкой и частично врезанными линиями (рис. 5).

Если первые две тарелочки стоят особняком и являются, повидимому, индивидуальными произведениями, то остальные находят себе полную аналогию по размерам, форме и технике изготовления с описанными Финшем и Брэмом тарелочками, виденными ими в 1876 г., а также с сосу-

дом для крови, приобретенным Мельниковым для Географического общества в 1852 г.

Особое внимание обращает на себя при этом сходство сюжета на всех этих тарелочках.

К сожалению, в указанных выше источниках отсутствуют иллюстрации, но имеющиеся описания этих предметов не вызывают никаких сомнений в их сходстве с нашими тарелочками.

У Финша и Брэма, после описания тарелочек английского происхождения, говорится следующее: „Гораздо интереснее были другие две тарелки, имевшие в диаметре $3^1/_2$ дюйма (0.09 м, — *Н. П.*). Они казались серебряными, в середине было изображение оленя, на краю, шириною в один дюйм, — человек в длинной шубе с луком в руках, готовый выстрелить, а перед ним собака, преследующая волка. Эта очень грубо очерченная фигура была вырезана и затем отчеканена. На другой тарелке был в середине изображен лось, а по краям такие же фигуры“..... „на них (тарелках, — *Н. П.*) был обозначен 1832 и 1833 г.“;[1] дата была нанесена точками.

Мельников, приводя описание подобных же изображений на своей тарелочке, называет изображение одного животного — соболем, другого — лисицей и дает толкование этого сюжета как изображения мифической охоты за оленями, лисицами и соболями.[2]

Такое полное совпадение сюжета, размеров и техники изготовления металлических тарелочек, дает основание считать вполне доказанным существование какого-то центра, поставлявшего свою продукцию для продажи уграм. Эти небольшие по размерам металлические тарелочки, являющиеся продукцией XIX в., подтверждают стойкость традиции угров в применении металла для культовых целей.

Они являются также последним звеном, связывающим позднейшую культовую металлическую посуду угров с античными и восточными серебряными изделиями, попадавшими к предкам угров в течение первого тысячелетия н. э.

Утратив материальную ценность, размеры и высокую художественность рисунка восточных блюд, позднейшие металлические тарелочки сохранили, тем не менее, свое прежнее назначение.

---

[1] О. Финш и А. Брэм, ук. соч., стр. 436.

[2] С. Мельников, ук. соч., стр. 29.

Старинные камчадальские сани

В. В. Антропова

Старинные камчадальские собачьи сани представляют большой интерес по своей конструкции и не находят параллелей у других народностей Сибири (в связи с чем и явилась необходимость в их научном описании).

В настоящее время этот тип саней совершенно вышел из употребления. Немногочисленные экземпляры старинных камчадальских саней сохранились, насколько нам известно, лишь в музеях СССР — в Музее антропологии и этнографии Академии Наук, в Государственном Музее этнографии в Ленинграде и в некоторых других.

Знакомство русских с ительменами[1] началось с конца XVII в. Первое упоминание о наличии ездовых собак у ительменов имеется в „сказках" Владимира Атласова. Детальное описание собачьих саней мы находим у С. П. Крашенинникова, который с 1737 по 1741 гг. занимался изучением всей „натуральной истории" Камчатки, в том числе и изучением быта населения.

Описание старинных саней встречается довольно часто и в литературе конца XVIII — начала XIX вв. (М. Лессепс, Г. Лангсдорф, В. Головнин и др).[2] По всей вероятности, они бытовали еще во второй половине XIX в. Езду на них в 1851—1854 гг. довольно подробно описывает чиновник особых поручений при губернаторе Камчатки, К. Дитмар. Однако в конце XIX в. сани описываемого нами типа исчезают из употребления. В. Н. Тюшев, объехавший почти весь полуостров в 90-х годах XIX в., совершенно не упоминает о бытовании этого типа

[1] Ительмены — самоназвание и в настоящее время официальное название народности, обитающей в 7 селениях на западном побережье полуострова Камчатки. Административно входят в состав Тигильского района Корякского национального округа Камчатской области, Хабаровского края. Прежде в официальных документах были известны под именем „камчадалов". Теперь „камчадалами" называют чаще русское или обрусевшее население Камчатки. Ввиду того, что и в дореволюционных литературных источниках в большинстве случаев употребляется термин „камчадалы", нами в отношении старинного типа саней принято название „камчадальские", а не „ительменские".

[2] Названия работ см. в литературе, стр. 91—92 наст. сборника.

саней. Он подробно описывает лишь бытующую и до настоящего времени собачью нарту.

Н. Слюнин,[1] говоря о средствах передвижения на Камчатке в самом конце XIX в., упоминает, что старинная камчадальская нарта „сравнительно недавно" заменена новым типом нарт.

В коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии Наук, на которых главным образом и базируется настоящая статья, имеется четыре экземпляра собачьих саней разбираемого нами типа.

Приступая к описанию, возьмем за образец сани № 865-1. В коллекционном списке № 865 имеется следующее описание предмета № 865-1: „Из Кунсткамеры. Камчадальская нарта на 5 собак.[2]

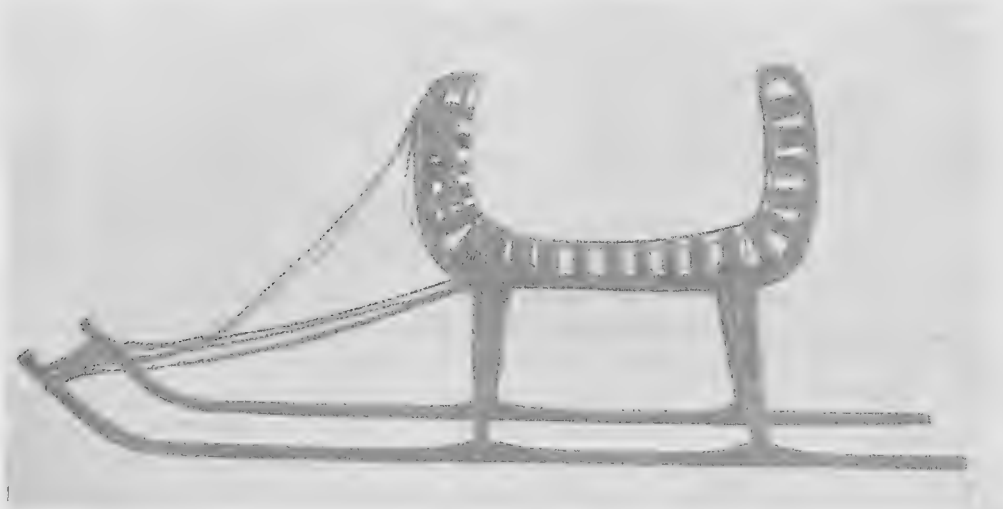


Рис. 1а. Вид саней. (Из колл. МАЭ, № 865-1).

Сбруя обшита бархатом и орнаментирована цветочным узором. К ней оштол с набалдашником, оправленным в железо с серебряной инкрустацией, увешанный колокольчиками. Средняя часть оштола обшита бархатом и крученными ремешками и увешана колокольчиками. При оштоле этикетка: „«Kamtschatka, Lenkstab für den Hundeanspann (oschtol)». Регистрация произведена Л. Штернбергом 6 октября 1904 г."

Описываемый нами тип саней относится к разряду двухкопыльных. Он сконструирован путем соединения деревянных частей системой ремней, которые придавали бо́льшую упругость всей конструкции, а также

[1] Слюнин. Охотско-Камчатский край. т. I. СПб., 1900, стр. 506, рис. стр. 210.

[2] Во всех литературных источниках, касающихся средств передвижения на Камчатке, термин „сани" относился к легковым собачьим повозкам, к каковым принадлежит и разбираемый нами тип саней. Термин „нарта" относился лишь к грузовым повозкам. Впоследствии, повидимому, название „нарта" перешло на всякую собачью повозку. Поэтому в регистрационных списках музеев можно встретить оба термина применительно к легковым саням.

содействовали тому, что поломавшиеся деревянные части не выводили сани из употребления.

Сани № 865-1 (рис. 1а, 1б, 1в), богато орнаментированные посредством переплетенных ремешков, поражают тщательностью отделки всех частей. Они состоят из трех главных частей: полозьев копыльев и кузова.

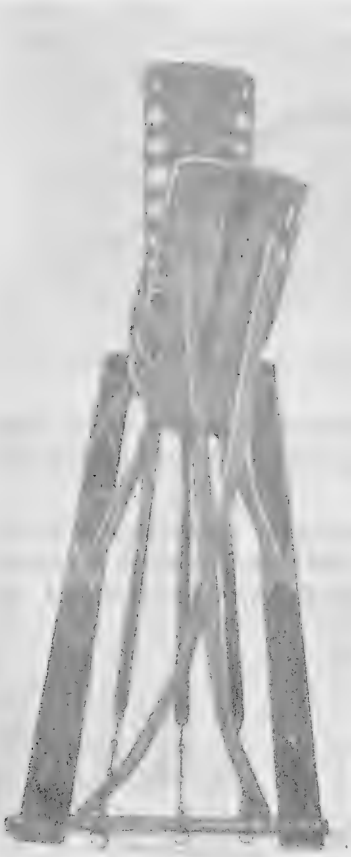


Рис. 1б. Вид саней спереди.

Рис. 1в. Вид саней сзади.

Полозья $A_1 A_2$ (рис. 2а) несколько напоминают длинные узкие лыжи, отличаясь от последних лишь более крутым загибом. Передний конец их украшен резьбой, напоминающей вырезанный завиток (рис. 2а)

Длина каждого полоза 239 см (по техническому чертежу — 231 см) ширина — 8 см; толщина колеблется от 0.6 см до 3.4 см (в местах скрепления с копыльями). Расстояние между полозьями достигает 33.5 см. На расстоянии 111.5 см от согнутого конца полоза (или 105 см по техническому чертежу) на полозе начинается утолщение, занимающее 20 см по длине полоза. Наибольшая высота утолщения достигает 3.4 см. В этой части утолщения на расстоянии 118 см от головки (110 см по техническому чертежу) просверлено отверстие, через которое

продевается ремень, привязывающий передний копыл $Б_1$ (рис. 3) к полозу (о системе скрепления будет сказано особо). Задний копыл прикрепляется к полозу в таком же утолщении, как и передний, на расстоянии 65 см от первого или 187.5 см от головки полоза (179.5 см по техническому чертежу).

Загнутые концы полозьев соединены двумя поперечными палками $Г_1 Г_2$ (рис 2б). Длина каждой из них равняется 43.5 см. Они

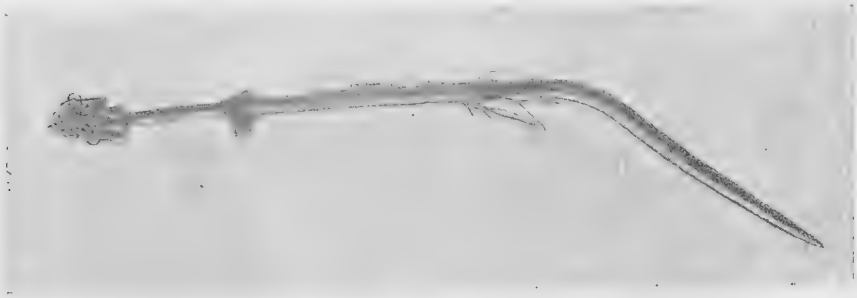


Рис. 1г. Оштол. (Из колл. МАЭ № 865-1а).

переплетены ремнями и ремнями же привязаны к полозьям через просверленные отверстия. Первая палка $Г_1$ прикреплена на расстоянии 6 см, вторая — 9.5 см от концов полозьев.

Каждая пара копыльев (рис. 3) по внешнему виду представляет собой дугу с расходящимися концами, вырезанную из березовых корней. С наружной стороны копылья имеют ровную поверхность, с внутренней же

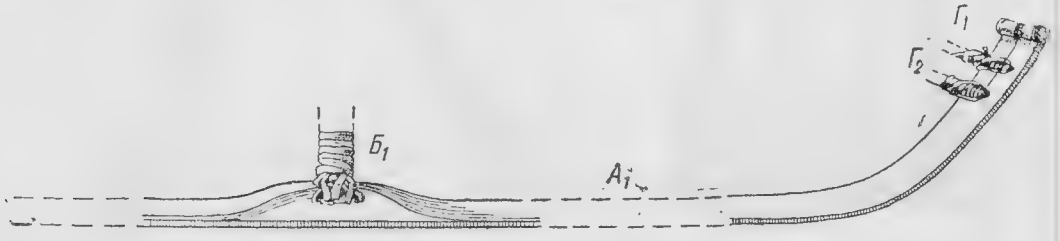


Рис. 2а. Полоз саней.

стороны закруглены, представляя в сечении полуокружность неправильной формы. Концы дуг прикрепляются к параллельно поставленным полозьям. Начиная с места прикрепления дуги копыльев утолщаются, достигая в центре 6 см, в точке же прикрепления к полозьям — около 2 см. Высота каждой пары копыльев 45 см (или 43 см по техническому чертежу). Ширина копыла 3.5 см в точке прикрепления к полозьям и 7 см — в центре.

Задняя пара копыльев устроена подобным же образом, но более массивна, ширина ее у полоза 4 см, в центре 7.5 см; толщина у полоза около 2.5 см, в центре — 7 см.

Копылья орнаментированы окрашенными ремешками (орнамент описывается ниже).

На массивных центрах копыльев насажен кузов саней (рис. 4), имеющий корзинообразную форму с высоким передком и задком.

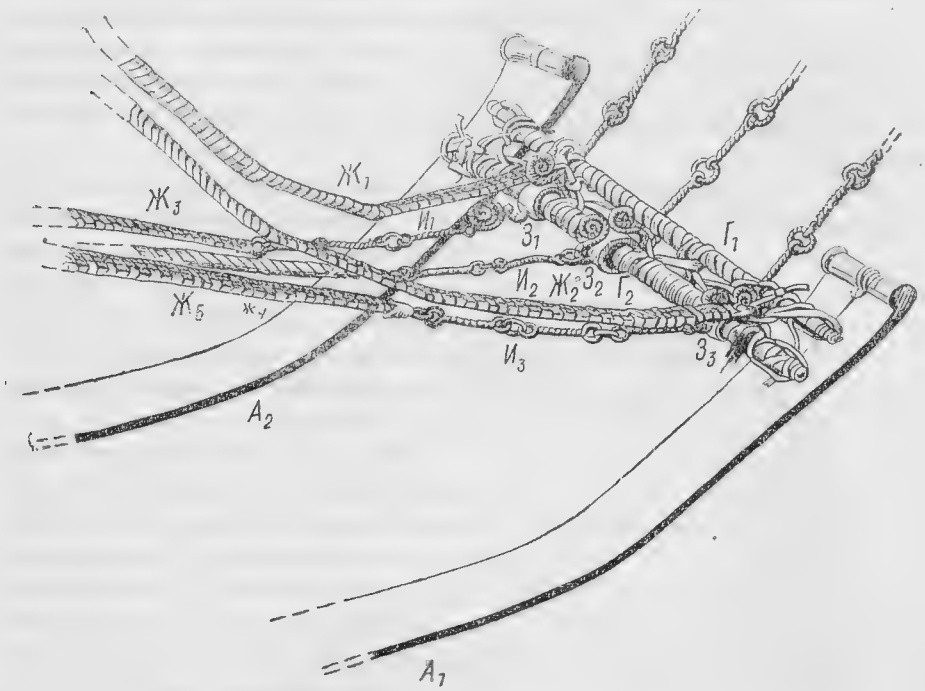


Рис. 2б. Детали полоза.

Основу кузова составляют пять тонких круглых палок $Д_1 \ldots Д_5$ соединенных деревянными пластинками $E_1 E_{1'} \ldots_{21}$) и изогнутых наподобие ребер лодки. Все это в целом, т. е. палки $Д_1 \ldots Д_5$ и привязан-

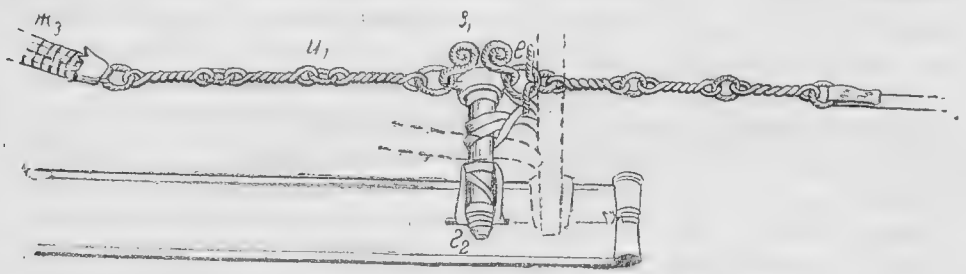


Рис. 2в. Детали полоза.

ные к ним дугообразные пластинки E, напоминает продолговатую решетку, высоко загнутую спереди и сзади наподобие индейской пироги. Самые концы передка и задка также загнуты во внутрь саней. Концы всех дугообразных пластинок и палок соединяет ремень $Л$.

На рис. 4 изображены отдельные части кузова. Пять палок $Д_1 \ldots Д_5$ расположены на расстоянии от 1 до 3.5 см одна от другой. Две из них $Д_2$ и $Д_4$ пропущены через отверстия, просверленные в центре копыльев; центральная $Д_3$ прикрепляется ремнем под дугами копыльев и две крайние $Д_1$ и $Д_5$ привязаны ремнями с внешней стороны дуг копыльев. Около копыльев концы палок $Д_1 \ldots Д_5$ круто загибаются, образуя основу передка и задка кузова. При загибании концов палок $Д_1 \ldots Д_5$ во внутрь саней расстояние между ними увеличивается и пустые пространства зашиваются тонкими дощечками, оплетенными ремешками.

Дугообразные пластинки $Е_1$..... в количестве 21 привязаны ремешками поперек палок $Д_1 \ldots Д_5$ на расстоянии в среднем 5 см одна от другой. Длина каждой пластинки 35 см, наибольшая ширина 4 см. Они прикрепляются параллельно одна другой, за исключением согнутых частей кузова. Форма их показана на рис. 4.

Рис. 3. Схема копыла.

Размеры кузова следующие: наибольшая длина 102 см; ширина 28 см; высота передка 53 см, высота задка 54 см; высота сиденья 11.5 см; в длину сиденье занимает 76 см, глубина загиба кузова (длина передка, а также и задка) — 13 см.

К верхней поперечной палке $Г_1$, соединяющей полозья (см. выше описание полозьев и рис. 2б), привязываются две тонкие, толщиной в ремешок, дощечки ($Ж_1$ и $Ж_2$), оплетенные кругом ремешками. Другим концом они прикрепляются к верхней части кузова, располагаясь крестообразно. Длина каждой из них достигает 122 см, ширина 3 см.

На второй поперечной палке $Г_2$, приблизительно на равном расстоянии друг от друга, прикреплены три железных широких плоских кольца $З_1 \ldots З_3$ (рис. 2б). Каждое кольцо с обоих концов снабжено двумя завитками, на которые надеваются маленькие круглые колечки; одно из них служит для привязывания собачьей упряжки, другое дает начало железной цепи. Диаметр плоского кольца 2.5 см, ширина 2 см.

Цепь $И_1$ прикрепляется к кольцу $З_1$ (рис. 2в), цепь $И_2$ к кольцу $З_2$, цепь $И_3$ — к кольцу $З_3$. Длина каждой цепи 25 см. На другом конце цепи $И_1 \ldots И_3$ прикрепляются колечками к оплетенным дощечкам $Ж_3, Ж_4, Ж_5$ (рис. 2б) во всем подобным $Ж_1$ и $Ж_2$. Длина каждой дощечки $Ж_3 \ldots Ж_5$ равняется 74 см; они прикрепляются к нижней части кузова у вершины первого копыла.

Таким образом, пять оплетенных дощечек — три нижних $Ж_3 \ldots Ж_5$ и две верхних $Ж_1$ $Ж_2$ — образуют вместе с передней стенкой кузова замкнутое пространство в форме треугольника (рис. 1а). По сообщению Г. Лангсдорфа, оно заполнялось кладью, что придавало большую устойчивость саням.

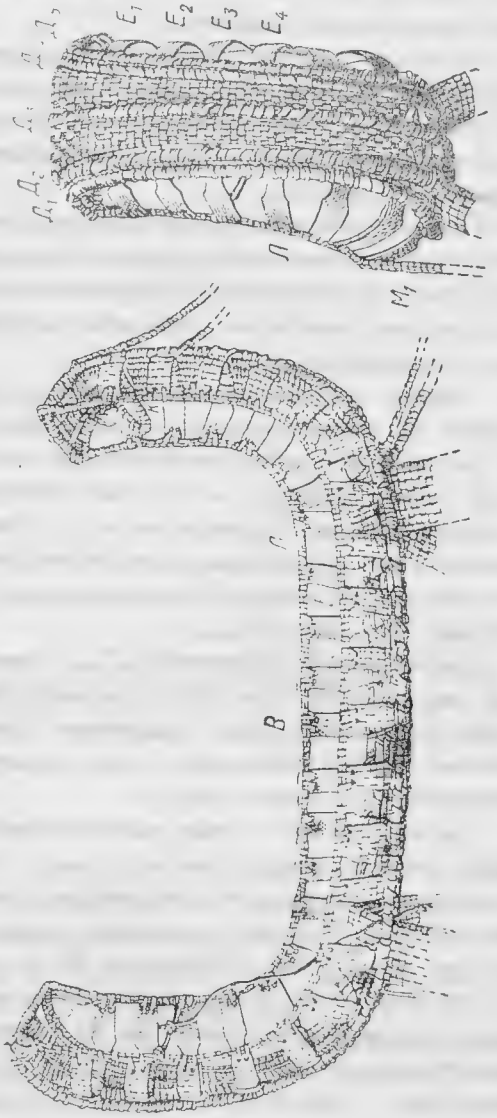


Рис. 4. Вид кузова саней сбоку и сзади.

Переходя к описанию богатой орнаментировки саней и способам скрепления отдельных частей, остановимся на некоторых деталях, не вошедших в общее описание. Из таких деталей следует отметить ременную петлю $К$ (рис. 4) на внутренней стороне передка кузова. Петля представляет собой толстый ремень, обвитый узенькими ремешками коричневого и желтого цвета, расположенными в шахматном порядке. Длина петли $К$ 33 см. За нее придерживались рукой во время езды (об этом упоминается в работах В. Головнина, Г. Сарычева и М. Лессепса).[1]

Из других деталей обращают внимание две тонкие дощечки: $М_1 \ldots$ (рис. 4), толщиной в ремень, подобные дощечкам $Ж_1 \ldots$ и имеющие такую же ширину 3 см. Они протянуты вдоль копыльев, соединяя края двух дугообразных пластинок, находящихся над копыльями, и дуги копыльев на расстоянии 15 см от концов дуг. Длина каждой дощечки 35 см. Они имеются только на левой стороне саней. Назначение их, повидимому, в том, чтобы придать саням более устойчивое положение и предохранить их от излишних поломок. Ездок помещался на правой стороне саней, поэтому центр тяжести перемещался на правую сторону кузова, и есте-

[1] Название работ см. литературу.

ственно, что дощечки M_1... с левой стороны сдерживали кузов от излишнего наклонения в правую сторону.

Копылья, кузов, дощечки $Ж_1$..... $Ж_5$ и M_1..., а также другие части саней оплетены ремешками коричневого и желтого цвета, расположенными в шахматном порядке.

Окраска желтых ремешков, повидимому, является естественной окраской нерпичьей кожи, слегка потемневшей от времени. Коричневые ремешки выкрашены: первоначально их цвет был более яркий, так как в местах, защищенных от внешних влияний, они до сих пор сохранили более яркую окраску.

Процесс орнаментировки кожаными ремешками состоит в следующем: очень тонкая деревянная дощечка оплетается кругом узенькими желтыми ремешками в поперечном направлении, переплетаясь с продольными коричневыми ремешками наподобие шахматных клеток. Ширина ремешков не превышает 1 см.

Таким способом орнаментированы дощечки $Ж_1$... $Ж_5$ и M_1..., копылья, передок и задок кузова, а также края кузова. В последнем случае шахматные клетки расположены не кругом дощечки, а вокруг толстого ремня. Образцы этого типа орнамента показаны на рис. 5. Для копыльев основу переплетения составляют самые дуги. Следует отметить, что продольные коричневые ремешки отсутствуют на внутренней поверхности передка и задка кузова, а также на нижней поверхности дощечек $Ж_1$... $Ж_5$ и M_1...

Дугообразные пластинки E...$_{21}$ выкрашены в темный, напоминающий коричневый или буро-красный цвет. С внешней стороны дощечки орнаментированы шахматным узором, вырезанным по дереву. Светлые клетки получены путем снятия тонкого слоя окрашенной поверхности пластинки (рис. 5).

Скрепление различных частей саней осуществляется путем продевания ремней через просверленные отверстия. Копылья соединены с полозьями ремнями, пропущенными в отверстия, сделанные в утолщении полозьев. Система скрепления осуществляется следующим образом: на дуге копыла, на расстоянии 10 см от конца, вбит деревянный шип, на него надевается петля, прорезанная в ремне. Затем ремень проходит через просверленное отверстие на внутреннюю сторону полоза, обматывается вокруг копыла, затем опять продевается через просверленное отверстие, и так несколько раз. Остальная часть ремня обматывается вокруг копыла в поперечном направлении. Эта обмотка занимает 13 см дуги копыла и в свою очередь закрепляет продольные ремни шахматного орнамента. Закрепляется ременная обмотка завязыванием конца ремня за предыдущий оборот (рис. 6).

Отверстие на полозе, сужающееся с обеих сторон полоза, повидимому, сделано долотом, о чем можно судить по форме и по величине отверстия, доходящего до 4 см.

Дугообразные пластинки E_1... привязываются к палкам $Д_1$... также посредством ремней (рис. 4). Узкий ремень накладывается на

дугообразную пластинку поперек нее. Следующим приемом ремень протягивается под палку и выходит у другого края дугообразной пластинки, с левой стороны. Затем накладывается на эту же пластинку и обматывается еще раз вокруг палки. В дальнейшем проходит под пластинку с левой стороны и обматывает внешнюю часть палки в поперечном направлении. Далее проходит крестообразно по внутренней поверхности палки и выходит на наружную поверхность с левой стороны. В дальнейшем этот ремень прикрепляет подобным же образом следующую пластинку и т. д.

Из других скреплений следует указать на скрепление концов дугообразных пластинок. На концах этих пластинок просверлено по два отверстия (на одной из пластинок — три), в которые продевается желтый поперечный ремешок, переплетаясь с коричневыми продольными вокруг

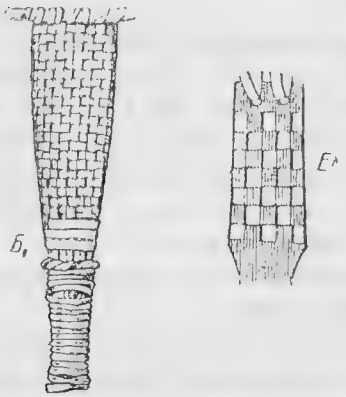


Рис. 5. Образцы орнамента саней (копыло и дощечка).

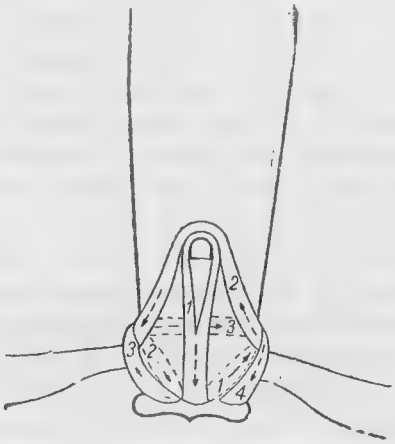


Рис. 6. Образец скрепления саней.

толстого ремня $Л$, наложенного на концы пластинок. В каждое отверстие ремешок продевается по два раза (рис. 4).

Прикрепление поперечных палок $Г_1 Г_2$ (рис. 2б) к полозьям напоминает скрепление дугообразных пластинок $Е_1$... с палками $Д_1$..., и поэтому особо описывать эти скрепления не будем.

Заканчивая описание этого экземпляра, укажем общие размеры: длина 232 см (что соответствует длине полоза по техническому чертежу), общая высота 92 см.

К саням имеется упряжь (рис. 7а), состоящая из ремней, обшитых синим сукном, и витых цепей. Основные части ее носят названия: средник, потяги, алыки, уздечки, побежник, кляпы и цепи.[1]

[1] Для обозначения различных частей упряжки мы принимаем терминологию В. Тюшева (В. Тюшев. По западному берегу Камчатки. СПб., 1905, стр. 76—78), так как упряжка, детально описанная им, подходит к типу старинной камчадальской. Распространенный в настоящее время на севере тип восточносибирской собачьей упряжки существенно отличается от типа, разбираемого нами. В дальнейшем мы будем особо отмечать название различными авторами той или иной части упряжки.

Основу упряжки составляет центральный ремень (средник)[1] *а*[2] (рис. 7а), проходящий от поперечной палки $Г_2$ (рис. 2б) до передовой собаки; прочие собаки пристегивались попарно к среднику посредством ремней (потягов) позади передовой собаки.

Средник пристегивается к кольцу $З_2$ (рис. 2б) кляпом. Средник состоит из двух колен, соединенных цепью. Длина первого колена равняется 140 см (включая в этот размер и длину кляпа с небольшой цепочкой); длина второго колена, также вместе с кляпом и цепочкой, составляет 180 см, длина соединительной цепи 28 см. Первое колено прикрепляется к соединительной цепи посредством конца ремня — средника, продернутого через кольцо цепи; второе — при помощи кляпа. Конец средника узлом привязывается к алыку (собачьей шлее) передовой собаки. Таким образом, длина всего средника, включая сюда и железные части, равняется 348 см.

Средник сделан из узкого ремня (около 1 см) из кожи нерпы, обшитого темносиним сукном.

Кляп *е* представляет собой витую металлическую палочку, продетую в колечко цепи, затем изогнутую (рис. 2в). Цепь *з* которая соединяет оба колена средника, изображена на рис. 7б. Она состоит из двух одинаковых витых звеньев, соединенных кольцом, в правую и левую сторону от него отходят два небольших звена цепи, заканчивающиеся также кольцами. Длина каждого бокового звена равняется 12 см. К ним кляпами пристегиваются по боковому ремню (потягу)[3] *б*, сделанному, подобно среднику, но несколько тоньше; длина каждого из них достигает 94 см. К ним прикрепляются алыки.

„Побежник“[4] *д* (рис. 7а и 7б) — это цепь из двух звеньев, соединенных кольцом. Кольцо надето на первое звено соединительной цепи *з* и свободно движется по звену. Концы побежника оканчиваются также кольцами. К ним посредством кляпов пристегиваются ошейники собак.

„Алык“[5] (рис. 7а) представляет собой кожаную петлю (лямку $в_1$), шириной 5 см (наиболее широкая часть), перехваченную на середине

[1] В описании С. Крашенинникова „средник“ носит название „побежник“; по В. Головнину — „потяг“; по Г. Лангсдорфу — „Probeschik“ (по-видимому, искаженное от „побежник“); по К. Дитмару — „главный ремень“. Для восточносибирского типа упряжки центральный ремень называется „потяг“ (см.: В. Г. Богораз. „Областной словарь колымского русского наречия“. СПб., 1904, стр. 115): „Потяг — длинный ремень, к которому попарно пристегиваются собаки в упряжке“.

[2] Части упряжки даем строчными буквами во избежание путаницы с литерными обозначениями частей саней. Для простоты буквенные обозначения даем одинаковыми для всех однородных частей, например, все потяги обозначены через букву *б*, в отличие от условных знаков саней, где каждая часть имела свой значок, например, кольцо — $З_1 З_2 З_3$ и т. д.

[3] По Г. Лангсдорфу — „тяговой ремень“; по С. Крашенинникову — „потяг“; у В. Головнина боковые ремни входят в понятие алык. В современной восточносибирской упряжке такие ремни отсутствуют.

[4] У С. Крашенинникова и В. Головнина эта часть особого названия не имеет и описывается под названием „цепочка“.

[5] Алык (айык) — собачья шлея. — В. Г. Богораз, ук. соч., стр. 19.

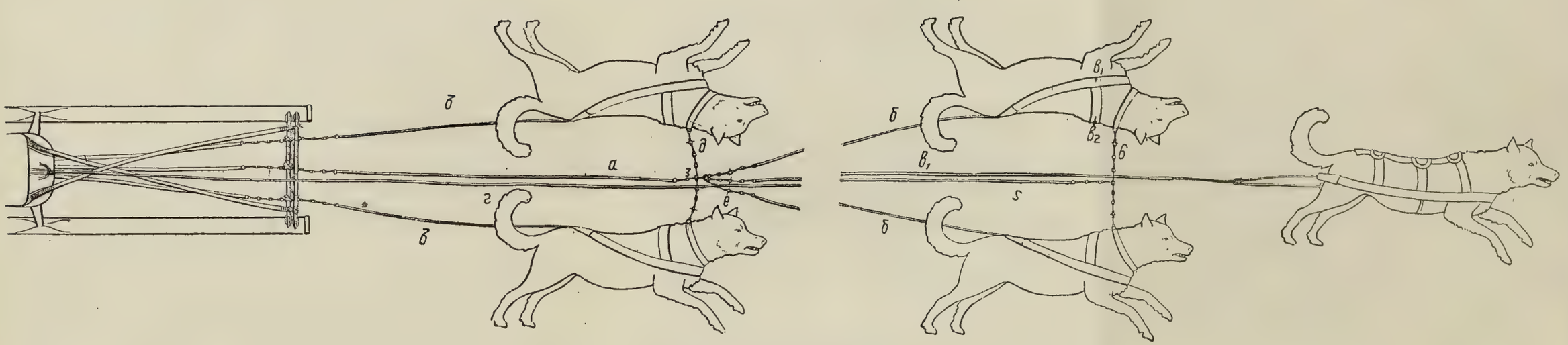


Рис. 7а. Схема упряжки саней.

так называемой „перекладиной“ $в_2$, такой же ширины ремнем, как и лямка. С наружной стороны алык обшит темносиним сукном и орнаментирован растительным узором. Внутренняя сторона обшита полосатым тиком и парусиной. Общая длина лямки 112 см, длина перекладины 25 см.

На оба конца лямки $в_1$ нашиты полоски кожи длиной в 9 см. Кожаные концы накладываются друг на друга, между ними вкладывается конец потяга, все это сшивается (рис. 7г) и, таким образом, получается замкнутая лямка алыка.

В отверстие лямки алыка между „перекладиной“ просовывается голова собаки, так что лямка проходит по груди, перекладина лежит

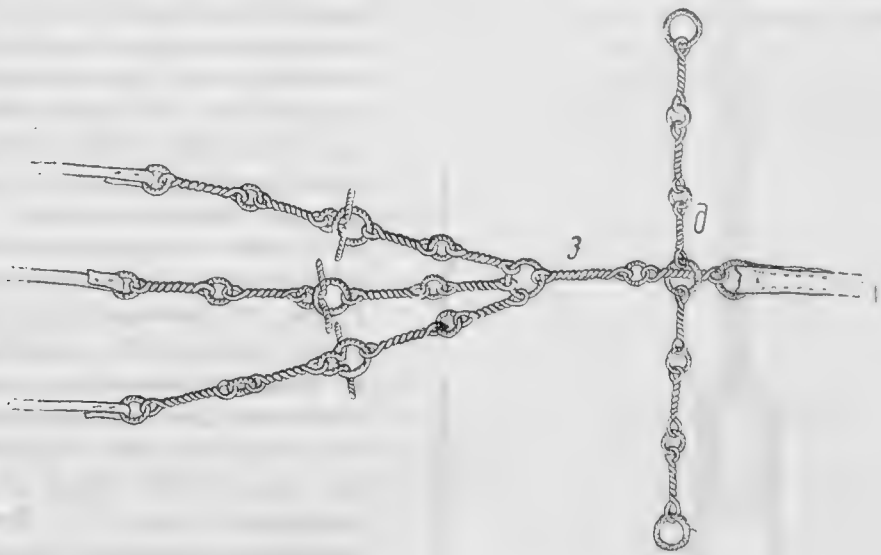


Рис. 7б. Соединительная цепь.

на одной из лопаток (для правой собаки через левую, для левой — через правую). Алык для передовой собаки устроен несколько иначе (рис. 7в). Он состоит из такого же широкого ремня, обшитого темно синим сукном с наружной стороны и тиком — с внутренней. Длина его равняется 149 см. Оба конца его также надставлены полосками кожи в 9 см длиной, но не соединены вместе, как у алыков боковых собак. К ним пришивается концами узкий ремень (длиной в 76 см), который удлиняет лямку алыка. Поэтому общая длина этой лямки составляет 225 см. За узкий ремень узлом привязывается конец средника. Лямка перехвачена тремя перекладинами, длиной 27 см каждая. Перекладины посередине соединены широким ремнем, типа лямки, длина которого 54 см. В точках соединения с этим ремнем на перекладинах имеются суконные украшения в виде кружков (описание кружков см. ниже). Продолжением средней перекладины, с одной стороны, является узкий ремень длиной в 33 см, с деревянным кляпом на конце; с другой

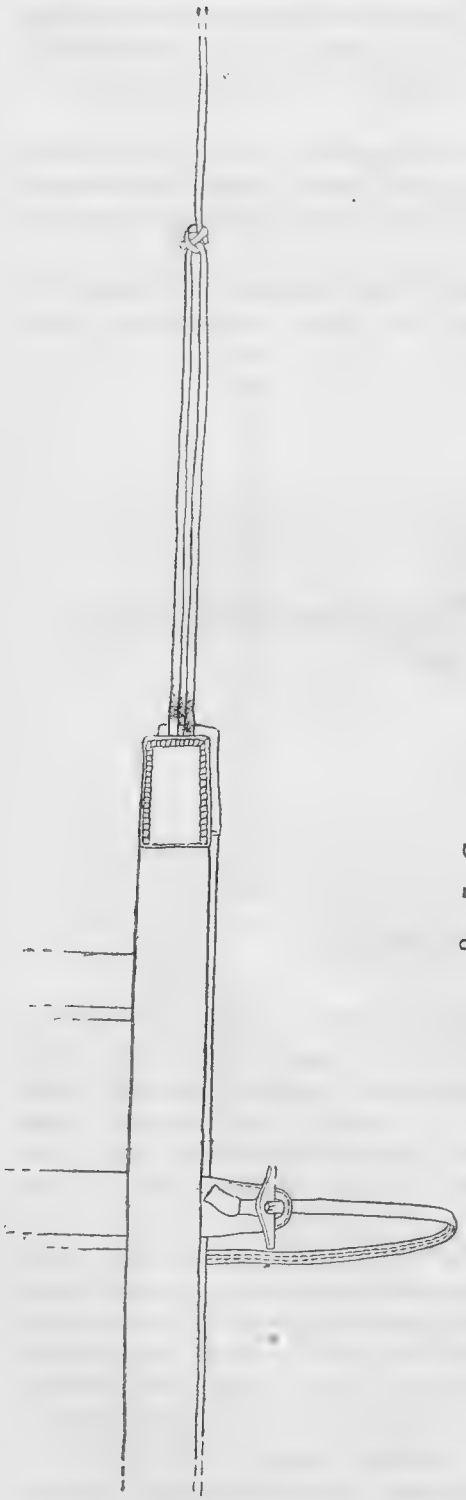


Рис. 7в. Схема алыка передовой собаки.

стороны — ременная петля длиной в 7 см. Упряжка передовой собаки заключается в следующем: голова собаки проходит в отверстие между лямкой алыка и первой перекладиной, так что продольный ремень, соединяющий перекладины, приходится по середине спины, а лямка — по бокам собаки. Узкий ремень второй (средней) перекладины проходит под брюхо и закрепляется при помощи кляпа, пропущенного в петлю (рис. 7в). Таким образом, собака тянет грудью ремень, проходящий под брюхом, и не дающий упряжке скользить.

Кроме средника с боковыми потягами, к поперечной палке $Г_2$ (рис. 2б) привязываются кляпами в кольца $З_1$ $З_3$ два ремня, во всем напоминающие потяги с алыками. Они располагаются по обеим сторонам средника (см. расположение колец $З$ на поперечной палке $Г_2$). Длина их вместе с кляпами и цепочками достигает 97 см.

Уздечка[1] г (рис. 7а) — длинный узкий ремень, обшитый, как средник и потяги, темносиним сукном. На одном конце ее находится цепочка, длиной 30 см, которая оканчивается кольцом обычного типа; к нему прикреплены две небольшие — по 13 см — цепочки, расходящиеся в разные стороны, они оканчиваются также колечками. Длина всей уздечки равняется 412 см. Место ее в упряжке детально восстано-

[1] У всех авторов она носит это название.

вить не удалось. На основании литературных источников можно сделать вывод, что в кольца на конце уздечки вкладывались кляпы ошейников первой пары собак. Другой конец уздечки привязывался за передок кузова саней. Ход уздечки от первой пары собак проследить также не удалось. По словам Голознина, от ошейников первой пары она проходила через кольца цепи на среднике и затем уже завязывалась на передке кузова; по Крашенинникову, уздечка прикреплялась к кольцу $З_2$ на поперечной палке $Г_2$ (рис. 2б). Назначение уздечки — сдерживать первую пару собак с таким расчетом, чтобы она, остановившись, задерживала остальных собак.

Как уже указывалось, кожаные части сбруи обшиты темносиним сукном.[1] Алыки украшены растительным орнаментом, выполненным тамбурным швом. Образец этого орнамента показан на рис. 8. Узор напоминает цветы (колокольчики и ромашки), вышитые цветными нитками. Цвет ниток сильно изменился под влиянием времени, но можно различить красный, малиновый, желтый, лиловый, зеленый. Вышивка тамбурным швом по темносинему фону напоминает айнский орнамент, но решить вопрос о происхождении этого орнамента — трудно. Как мы уже указывали, на алыке передовой собаки имеются на каждой перекладине по два кружка, наложенных друг на друга. Они сделаны из сукна и подбиты парусиной и тиком. Величина кружков на первой перекладине равняется 7 и 5 см в диаметре. Первый сшит из красного сукна, второй — из зеленого. Оба вышиты тамбурным швом, края их обшиты шелком. Кружки на второй перекладине устроены таким же образом, но бо́льших размеров. Первый имеет 10.5 см в диаметре, сшит из зеленого сукна; второй — 8 см — из красного сукна. Оба орнаментированы рисунком, выполненным тамбурным швом (рис. 8). Кружки на третьей перекладине такие же по величине и окраске, как и на первой. Цвет ниток, которыми расшиты кружки, трудно установить, за исключением последней пары, где преобладает синий цвет.

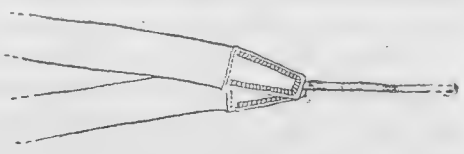


Рис. 7г. Скрепление алыка.

О технике скрепления сбруи мы отчасти уже упоминали. На рис. 7в показано скрепление концов ляжки алыка и узел, посредством которого привязывается конец средника к алыку передовой собаки.

Способ упряжки собак детально показан на рис. 7а. Собаки с надетыми алыками через потяги пристегивались к среднику попарно (в данном случае — одна пара). Потяги коренной пары прикреплялись прямо к палке $Г_2$ через кольца $З_1$ и $З_3$ (рис. 2б). Кроме того, каждая собака имела ошейник с кляпом. Коренная пара пристегивалась за ошейники к побежнику (цепочке) для бо́льшего закрепления, а также для того,

[1] В описи № 855-1 неверно указано: обшивка бархатом.

чтобы собаки не разбегались (что было бы возможно при наличии длинных потягов). Первая пара за ошейники прикреплялась к цепочке уздечки. Передовая собака, кроме алыков, ничем не привязывалась.

Процесс впрягания собак в алыки был описан нами выше. Здесь лишь заметим, что в описании упряжки К. Дитмаром говорится о пропускании в лямку алыка передней ноги собаки. На рисунке к работе Лессепса[1] также показана упряжка, где нога собаки захватывается лямкой алыка. У других авторов мы не нашли подтверждения этого факта. Трудно решить, существовали ли оба способа впрягания собак, или описание впрягания путем перехвата ноги было опущено Крашенинниковым и другими авторами как мелкая деталь. Правда, мы должны здесь отметить, что у Крашенинникова ничего не сказано о наличии прокладины в алыке; возможно, что в то время алык был иной формы и имел вид ошейника, как сообщает Иохельсон.[2] В этом случае и впрягание собаки в алык могло происходить иначе. В работе В. Тюшева дается описание упряжки восточносибирского типа, очень близко подходящей к разбираемому нами типу сбруи, но, несмотря на детальное описание, ничего не упоминается о впрягании через ногу.

В коллекциях Отдела Сибири Музея антропологии и этнографии Академии Наук числится под номерами 313-71в/7 модель собачьей упряжки, целиком воспроизводящая описание В. Тюшева; в ней лямка алыка также не захватывает ногу собаки.

Оштол[3] (№ 865-1а) — тормозная палка для управления санями (рис. 1г) представляет собой изогнутую палку с железными набалдашником и наконечником, длиной 141 см (по техническому чертежу — 138 см). Изгиб палки начинается на расстоянии 91 см от верхнего его конца.

На верхний конец палки насажен набалдашник с погремушками длиной 15.5 см. На расстоянии 3.5 см от конца насадки набалдашника оштол на протяжении 12.5 см обшит полоской кожи с бахромой на конце. На кожу нашита полоска бархата в 11 см (по длине оштола) тоже с бахромой на конце. Цвет бархата трудно определить, так как он сильно выцвел. За этой обшивкой следует оплетенная часть оштола длиной 43 см. Оплетение произведено тонкими ремешками коричневого и желтого цветов в форме шахматных клеток, размеры которых едва достигают 0.5 см (этот тип орнамента был описан выше). Оплетение заканчивается бахромой, образованной концами продольных ремешков.

Железный набалдашник оштола инкрустирован серебром (рис. 9а). Он имеет вид железной трубки (длина 15 см), плотно насаженной на оштол. Верхний конец трубки несколько расширен и имеет небольшое отверстие посередине для штифта. На этот конец насаживается пластинка с погремушками. Она укрепляется посередине железным

[1] Lesseps. Journal historique du voyage. Paris, DCCXC, P. I.

[2] W. Jochelson. The Koryak. 1908, P. II, стр. 507.

[3] „Оштол" (остол) — прикол — прудило — тормозная палка собачьей нарты, внизу снабженная железным шипом. — В. Г. Богораз, ук. соч., стр. 117, 121.

штифтом, проходящим через отверстие пластинки в торсовую часть набалдашника и забивается в деревянную основу оштола. Погремушки состоят из железных колечек с трубочками, которые при движении издают шум.

От железного наконечника отходит отросток 1.3 см ширины, который проходит по изогнутой части оштола на протяжении 79 см и при помощи гвоздей прибивается к деревянной основе оштола. В двух местах вместо гвоздей приколочены колечки с пробоями, к которым прикреплены железные привески.

Рис. 8. Орнамент алыка.

Второй экземпляр саней из коллекций Музея антропологии и этнографии Академии Наук значится под №20-26. В документах описи имеются следующие данные об этих санях: „Камчадальские легковые санки искусно вязаные. К ней: а) шесть орнаментированных костяных «вязок» для привязывания ездовых собак во время отдыха; б) упряжь на 6 собак, состоящая из «алыков», «потягов», «средников» и пр.; в) оштола, которым «каюра» управляет санками, увешенного колокольчиками и оправленного железом с серебряной инкрустацией; г) медвежий полог. Нехватает по списку дорожной тюленьей сумы. Коллекция поступила от Н. В. Вознесенского в 1840—1841 гг.“

По внешнему виду сани (рис. 10) напоминают предыдущие, но они несколько меньше размерами. Общая длина их достигает 222 см, высота 86 см.

Полозья[1] во всем подобны вышеописанным, но несколько массивнее, длина их 232 см (на техническом чертеже — 222 см); ширина 8 см; толщина 1.4 см; в местах скрепления с копыльями толщина достигает 5 см. Расстояние между полозьями 29.5 см. Утолщения на полозьях занимают 32 см у передней пары копыльев, и 23 см — у задней. Передний копыл прикрепляется к полозу на расстоянии 110 см от согнутого конца полоза, или 100 см по техническому чертежу. Задний копыл привязывается к полозу на расстоянии 72 см от переднего или 185 см от согнутого конца полоза (175 см — по техническому чертежу).

Полозья A_1... (рис. 11) орнаментированы широкими клетками красного и желтого цветов. Желтые клетки получены путем снятия слоя окра-

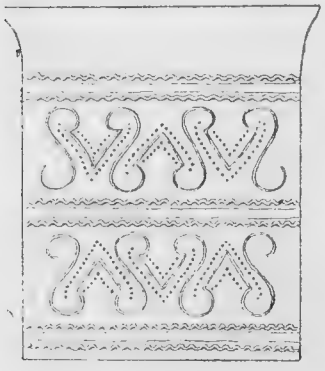


Рис. 9а. Инкрустация оштола. (Из колл. МАЭ, № 865-1а).

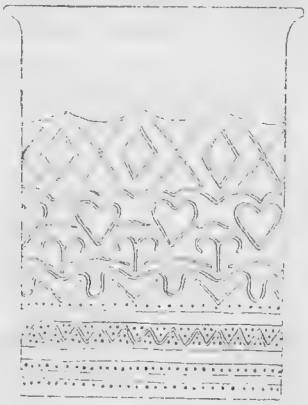


Рис. 9б. Инкрустация оштола (Из колл. МАЭ, № 20-26в).

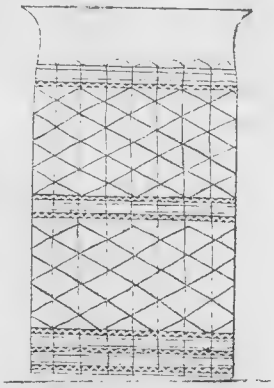


Рис. 9в. Инкрустация оштола (Из колл. МАЭ, № 4239-2в).

щенной поверхности полозьев. Ширина клеток на внешней поверхности полозьев равняется ширине полоза, т. е. 8 см; длина различная — колеблется от 9.8 до 28 см.

На боковых сторонах полозьев имеются подобные же клетки. Ширина клетки соответствует толщине полоза, т. е. от 1.4 см до 5 см; длина их такая же, как и клеток на внешней поверхности. На предыдущих санях такие клетки отсутствуют. Завиток на полозьях имеет более простую форму, чем на санях № 865-1 (ср. рис. 2б и рис. 11).

На данном экземпляре саней имеется только одна палка, соединяющая полозья $Г_2$. Длина ее, 48.5 см, она прикреплена к полозьям посредством ремней, продетых сквозь просверленные отверстия на полозьях, на расстоянии 10 см от головки. Вместо первой палки $Г_1$ на полозьях имеются, на расстоянии 6 см от головки, по одному просверленному отверстию для закрепления ремней.

---

[1] При описании отдельных частей пользуемся теми же буквенными обозначениями, которые приняты при описании предыдущих саней; например: $А_1 А_2$ — полозья, $Б_1 Б_2$ — копылья; $В$ — кузов и т. д.

Копылья $Б_1 Б_2$ по конструкции во всем подобны копыльям саней № 865-1. Размеры их следующие: высота переднего копыла 44 см, (42 см — по техническому чертежу); ширина копыла около 3.5 см в точке прикрепления к полозьям и 7 см в центре; толщина в этих же точках: 2.6 и 9 см. Размеры задней пары копыльев соответственно — высота 45 см (по техническому чертежу 43 см), ширина 3.5 и 8 см, толщина 3.5 и 8.5 см.

Кузов саней имеет корзинообразную форму, но несколько меньших размеров, чем у предыдущих саней. Наибольшая длина кузова 99 см, ширина 31 см, высота передка 43 см, высота задка 41 см, высота сиденья 9 см, длина сиденья 69 см, глубина загиба кузова (длина передка а также и задка) 13 см.

Основу кузова составляют шесть длинных тонких палок. Расположены эти палки следующим образом: две проходят сквозь просверленные отверстия центров копыльев; две центральные имеются лишь в основе передка и задка, так что концы их доходят до копыльев; две крайние привязаны ремнями с внешней стороны дуг копыльев. Дугообразные пластинки в количестве 14 штук отличаются от предыдущих саней более простой формой, длина каждой пластинки 36 см, ширина 3 см.

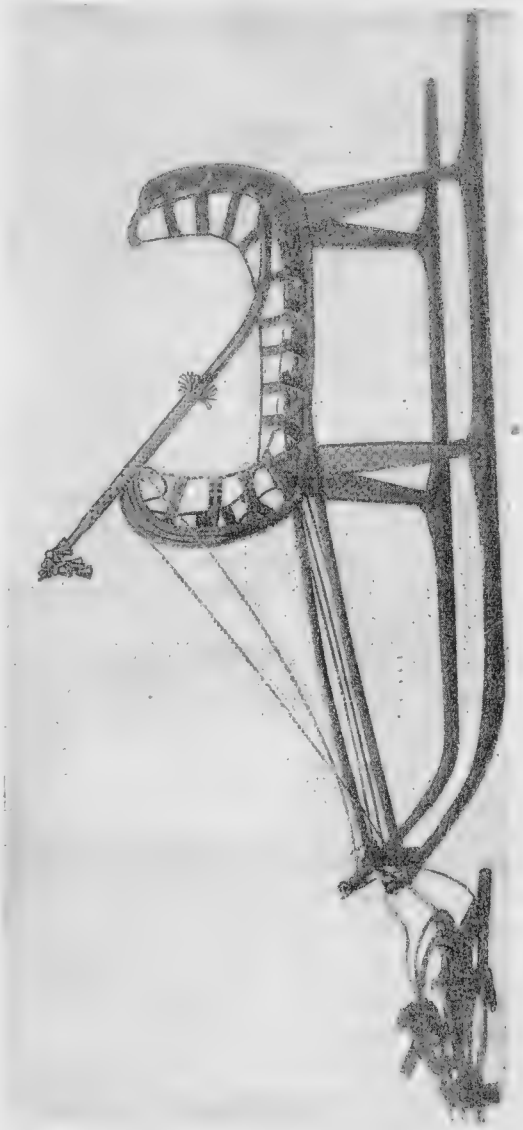


Рис. 10. Вид саней (Из колл. МАЭ, № 20-26).

Конструкция кузова в точности повторяет конструкцию № 865-1 и поэтому мы ограничимся лишь кратким его описанием. Продолговатая решетка кузова, состоящая из продольных круглых палок и привязанных к ним поперек дугообразных пластинок, высоко загнута спереди и сзади, образуя передок и задок кузова. Промежутки между палками в верхней части кузова зашиты дощечками, оплетенными ремешками. Концы всех дугообразных пластинок и палок соединяет ремень

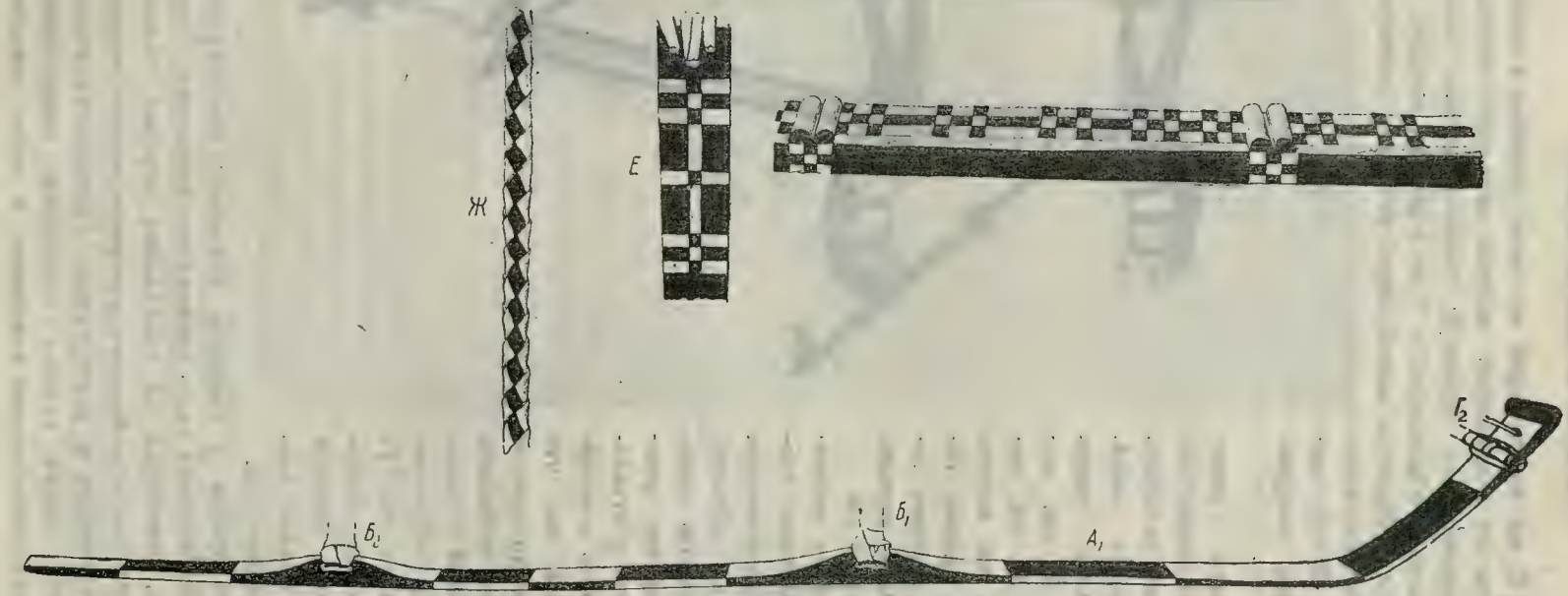


Рис. 11. Орнамент саней (Из колл. МАЭ, № 20-26).

Ж, Н. — орнамент ремней и палок, соединяющих полозья с кузовом; *Е* — орнамент дугообразных пластинок кузова.

К поперечной палке $Г_2$, соединяющей полозья, прикреплены ремни, оплетенные цветными узенькими ремешками; они заменяют дощечки $Ж_3 \ldots Ж_5$ предыдущего экземпляра. Два крайние ремня привязываются к палке $Г_2$ на расстоянии 16 см от ее краев. Кольца иной формы, чем у саней №865-1, диаметр каждого кольца 2.5 см. (о способе прикрепления ремней и колец будет сказано особо). Длина каждого ремня равняется 90 см.

К этой же перекладине $Г_2$ прикреплены две четырехгранные палки (рис. 10), каждая на расстоянии 11.5 см от концов перекладины $Г_2$. Другим концом они привязываются к дугам переднего копыла, так что ремни находятся между палками и расположены параллельно последним. Длина одной палки равняется 128 см, длина второй на несколько сантиметров короче; ширина их 2.5 см, толщина 2 см. Поверхность палок орнаментирована (орнамент будет описан в дальнейшем). На предыдущем экземпляре саней эти палки отсутствуют.

Вместо первой поперечной палки $Г_1$ на данном экземпляре имеется на обоих полозьях по небольшому просверленному отверстию, в которых узлами закреплены концы ремней; другим концом они привязаны к верхней части передка кузова, образуя петлю. Сами ремни расположены крестообразно. Длина каждого из них 113 см.

Таким образом, как и у предыдущих саней, между верхними ремнями, с одной стороны, и нижними и четырехгранными палками с другой, — образуется замкнутое пространство в форме треугольника (рис. 10).

На данном экземпляре имеется еще по небольшой петле на внешней стороне передка и задка кузова. Это — ремень, оплетенный орнаментированными крашеными ремешками наподобие ремней *Ж* (рис. 11). Назначение их трудно установить, но возможно, что петля на передке служила для укрепления груза, который укладывался в замкнутое пространство между верхними и нижними ремнями.

Эти сани не менее богато и красиво орнаментированы, чем предыдущие. Материалом для орнамента также служат окрашенные ремешки — желтые и коричневые. В некоторых местах они имеют более темный оттенок, в других приближаются к бледнокоричневому. Переплетением ремешков этих двух цветов, в форме шахматных клеток, орнаментированы дуги копыльев. Орнамент во всем подобен описанному выше (см. описание саней №865-1). Кроме копыльев таким же способом орнаментированы дощечки передка и задка кузова и ремень, соединяющий концы дугообразных пластинок кузова. Орнаментировка ремней и ременных петель несколько отличается от предыдущего вида орнамента. Процесс орнаментировки этих частей тождествен с предыдущими, т. е. толстый ремень оплетается узенькими ремешками двух цветов — желтого и коричневого, но клетки расположены в косом направлении (рис. 11).

Деревянные части саней — дугообразные пластинки и четырехгранные палки также украшены геометрическим орнаментом, наподобие длинных

узких клеток, которые получены путем соскабливания тонкого слоя краски на крашеной поверхности пластинки (рис. 11).

Образцы скреплений во всем подобны скреплениям на предыдущих санях. Скрепление дуг копыльев с полозьями произведено точно так же, как и в санях № 865-1, с тем лишь отличием, что ременная обмотка занимает 16.5 см. в высоту полоза. Прикрепление дугообразных пластинок к палкам кузова, а также четырехгранных палок к поперечной палке $Г_2$ (ср. рис. 2б) ничем существенным не отличается от типов скреплений на предыдущих санях. Прикрепление ремня к концам дугообразных пластинок также напоминает скрепление на вышеописанных санях, с той лишь разницей, что на каждой пластинке имеется по три просверленных отверстия, через которые по очереди продевается желтый ремешок, переплетаясь с коричневыми продольными в виде шахматных клеток. Из других скреплений на данном экземпляре следует отметить прикрепление железных колец к поперечной палке $Г_2$. Оно осуществляется следующим образом: ремень, соединяющий поперечную палку $Г_2$ с полозьями, обматывается вокруг палки $Г_2$, проходя через кольцо, и таким образом прикрепляет их к палке.

Все эти особенности, с одной стороны, сближают данный экземпляр саней с вышеописанным, с другой, — указывают на некоторые отличия от него.

Упряжь на шесть собак саней № 20—26б сделана так же, как и сбруя № 865-1, из ремней, соединенных небольшими железными цепями.

Основой упряжи является центральный ремень (средник), проходящий, как и у предыдущих саней, от поперечной палки $Г_2$ (рис. 7а) до передовой собаки, в данном экземпляре — до первой пары собак. Один конец его пристегивается к среднему кольцу $З_2$ (ср. рис. 2б) посредством карабинчика, который заменяет кляп.

Средник состоит из двух колен. Длина первого колена, т. е. того, которое в упряжке ближе расположено к саням, равняется 150 см, включая и длину карабинчика; длина второго 138 см. Длина соединительной цепи 27 см. Первое колено соединяется с цепью концом ремня средника, пропущенным через кольцо цепи; второе колено — карабинчиком. Заканчивается средник кольцом. Таким образом, длина всего средника, включая и железные части, составляет 314 см. Средник сделан так же, как и ремни *Ж* (рис. 11), т. е. в основу взят толстый ремень, который оплетен желтыми и коричневыми ремешками в форме шахматных клеток. Карабинчики обычного типа, кованые.

Длина карабинчика 14.5 см. Соединительная цепь *з* (ср. рис. 7б) состоит из двух одинаковых звеньев, соединенных вертлюгом,[1] в предыдущем экземпляре звенья соединены кольцами. На первом звене цепи, т. е.

---

[1] „Железный вертлюг входит как составная часть в связку собачьего алыка для того, чтобы она не завивалась вокруг табурки". (В. Г. Богораз, ук. соч., стр. 30.)

на том, которое ближе расположено к саням, надето кольцо, свободно двигающееся по звену. К нему справа и слева прикрепляется также по звену, которые заканчиваются кольцами; длина каждого звена 11 см. К кольцам посредством карабинчиков пристегивается по потягу с алыками. Длина каждого потяга достигает 85 см. Они сделаны, как средник, только несколько тоньше.

Алыки такого же типа, как и у саней № 865-1. Ширина лямки 6 см (наиболее широкая часть); ширина перекладины 3.5 см. Общая длина лямки 98 см; длина перекладины 26 см.

Алыки передовой собаки устроены подобным же образом; они пристегиваются карабинчиками к кольцам, которыми заканчивается средник. Потяги третьей (коренной) пары прикрепляются карабинчиками в кольца, находящиеся на поперечной палке $Г_2$ (см. описание сбруи № 865-1, стр. 56 и сл). Длина каждого потяга вместе с карабинчиками достигает 107 см (они несколько длиннее потягов, привязанных к среднику).

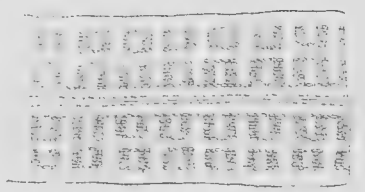


Рис. 12. Орнамент алыков.

Побежник на данном экземпляре двигается не по соединительной цепи, а по второму колену средника, его общая длина 32 см. К нему пристегивается за ошейник вторая пара собак; коренная пара пристегивается за ошейники к кольцам вертлюга. В данном экземпляре ошейники, как и в предыдущем, также отсутствуют.

Алыки этого экземпляра не обшиты сукном, но богато орнаментированы нашивками из сухожилий (рис. 12). Из типов скреплений следует указать на прикрепление алыков к потягам. Техника этого вида скрепления заключается в следующем: сердцевинный ремень средника (оплетенный, как было указано, тонкими ремешками) образует на конце небольшую петлю; в нее пропускается лямка алыка.

Запряжка собак в основном осуществлялась тем же способом, как и в предыдущем экземпляре (рис. 7а). Собаки потягами пристегивались попарно к среднику, потяги коренной пары прикреплялись к поперечине $Г_2$. В этой упряжке коренная пара пристегивалась за ошейники к кольцам вертлюга; вторая пара — к побежнику. Первая пара (передовая),[1] кроме алыков, ничем не скреплялась.

Уздечка в данном экземпляре отсутствует. „Вязки“ для привязывания собак во время отдыха № 20-26/6а представляют собой слабо выгнутые костяные пластинки. По форме они однотипны (рис. 13),

[1] Данная упряжка рассчитана на езду без передовой собаки, поэтому мы и говорим о первой паре как передовой.

по величине несколько отличаются одна от другой. Длина наибольшей равняется 18.5 см, ширина 4.5 см (наиболее широкая часть). Размеры остальных соответственно: 18 × 4; 14.5 × 3.5; 14.5 × 3.3 и 13.5 × 3.5 (две пластинки). По форме это удлиненные пластинки, сделанные из целого куска кости, несколько срезанные к концам. Один конец заканчивается восьмиугольной фигурой, посредине которой вырезано круглое отверстие, диаметр его колеблется в зависимости от величины пластинки — 2.3 см, 2 см, 1.7 см (две пластинки) и 1.5 см (две пластинки). На втором конце имеется по два небольших отверстия неправильной формы, в которое продевается ремень. Длина ремня достигает 110 см. Он привязывается к пластинке следующим образом: конец, на котором имеется разрез, образующий петлю, просовывается в отверстие пластинки, затем в петлю пропускается другой конец ремня и, таким образом, закрепляется. Вторыми концами ремни связываются попарно. С наружной стороны пластинки орнаментированы тонкими врезанными линиями и точками, нанесенными острым инструментом. Узоры (рис. 13) закрашены краской, черной и буро-красной. Внутренняя сторона „вязок" гладкая.

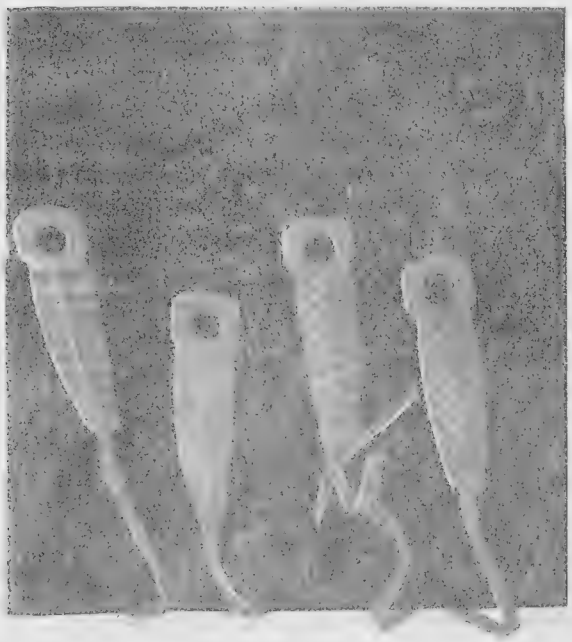


Рис. 13. „Вязки". (Из колл. МАЭ, № 20-26а).

„Вязки" предназначались для привязывания собак во время отдыха. В большое отверстие „вязки" вкладывался кляп ошейника собаки, а ремень привязывался к столбу. По словам С. Крашенинникова, костяные или деревянные „вязки" употреблялись для того, чтобы собака не смогла перегрызть ремень, когда была привязана.

Оштол № 20-26в (рис. 10) представляет такую же изогнутую палку, как и № 865-1а, длиной в 127 см (на техническом чертеже 122 см). Изгиб начинается на расстоянии 87 см и заканчивается насаженным железным наконечником. Набалдашник занимает 16.5 см по длине оштола, инкрустирован серебром, латунью и медью (рис. 9б). Устройство его такое же, как и № 865-1а.

Начиная от конца насадки набалдашника, оштол оплетается шахматным орнаментом из ремешков. Размер каждой клетки достигает 1 см: длина орнаментированной части составляет 19 см и заканчивается бахромой из концов продольных ремешков. Следующая часть оштола орна-

ментирована подобным же образом, но более узкими ремешками, размер клетки равняется 0.5 см. Длина этой части оплетения занимает 25 см и оканчивается бахромой, как и первая часть оплетения.

Кусок медвежьей шкуры, прямоугольной формы, длина 142 см, ширина 80 см, по углам кожаные узкие ремешки (завязки), длина каждого из них в среднем 30 см. Шкурой, положенной мехом вверх, покрывалось сиденье саней. Для удобства шкура привязывалась завязками к саням.

Лыжи № 20-28 (рис. 14) имеют вид обычных лыж, усеченных с обоих концов. Передний конец несколько приподнят. Длина их 158 см, ширина 20 см. Наружная сторона подбита тюленьей шкурой, которая заходит на внутреннюю сторону в виде ободка, шириной 1.5 см. Усечен-

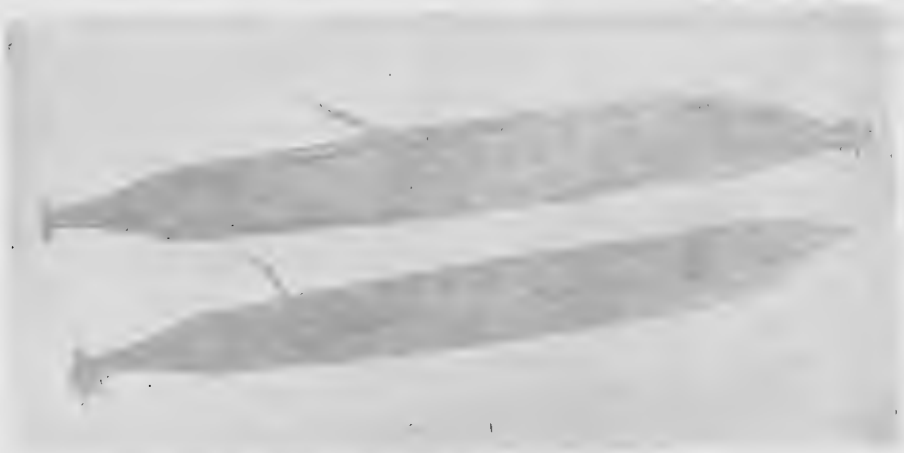


Рис. 14. Лыжи. (Из колл. МАЭ). № 20-28).

ная часть каждой лыжи занимает на переднем конце 21 см, на заднем 26 см. На концах пришиты кусочки кожи длиной 9 см, которые разрезаны в виде бахромы. Ступающая площадка отсутствует. Ременная петля для привязывания ноги расположена на расстоянии 73 см от переднего конца лыжи и 5 см от боковых краев. Длина петли 11 см, ширина 1.5 см. Она прикреплена к лыже следующим образом: на лыже имеются четыре сквозных отверстия, первые два просверлены на расстоянии 73 см от переднего конца лыжи и расположены на одной горизонтали, на расстоянии 9 см друг от друга. Другие два отверстия также находятся на одной горизонтали, на расстоянии 77 см от переднего конца лыжи и 11 см друг от друга. Ремень, из которого сделана петля, сначала пропускается в одно из задних отверстий и выходит на наружную поверхность лыжи.[1] Затем он пропускается в одно из передних отверстий и выходит на внутреннюю сторону лыжи. Далее продевается во второе переднее отверстие и выходит на наружную сторону. Таким образом, между

[1] За наружную сторону мы считаем сторону, подбитую шкурой.

двумя передними отверстиями получается петля, в которую ставится ступня ноги. Ремень с наружной стороны продевается во второе заднее отверстие и снова выходит на внутреннюю сторону. На внутренней стороне от петли остаются довольно длинные концы ремня. Ступня ноги ставилась в петлю, а концы ремня через небольшую петельку закреплялись вокруг ноги, так что пятка была свободной. Дополнительный ремешок, соединяющий петлю с концами ремня, придавал устойчивость ноге.

Узкая полоса, шириной в 1.5 см, выкрашенная черной краской, проходит ободком по краю лыжи, вслед за ободком из тюленьей шкуры. Усеченные концы лыж выкрашены красной краской. Окрашенные места несколько выступают, потому что с остальной поверхности лыжи снят тонкий слой дерева.

Третий экземпляр саней № 4289-2а (рис. 15) поступил в Музей антропологии и этнографии Академии Наук в 1931 г. из бывш. Института пролетарского изобразительного искусства, без каких-либо документов. По внешнему виду сани сходны с предыдущими, особенно с санями № 865-1, поэтому конструкцию их мы описывать не будем, а ограничимся указанием размеров и описанием некоторых отличительных деталей.

Длина саней 233 см, высота 85 см. Длина полозьев равняется 245 см, или 233 см по техническому чертежу; ширина 9 см, у головок несколько уже; толщина 1 см и 5 см в местах скрепления с копыльями. Утолщения у передней пары копыльев занимают в длину 40 см; у задней 32 см. Передняя пара копыльев прикрепляется к полозьям на расстоянии 115 см от головки полоза (103 см по техническому чертежу), задняя пара — соответственно — на расстояние 195 см (184 см по техническому чертежу) или 76 см от переднего копыла. Расстояние между полозьями 30 см. Завиток на полозьях напоминает таковой у саней № 865-1, но он более массивен (рис. 15).

Полозья окрашены в зеленую краску, передняя часть их, до места прикрепления передней пары копыльев, орнаментирована крашеными линиями и точками красного и белого цветов. На изогнутой части полозьев имеется, кроме того, рисунок, напоминающий лепестки, сделанный красной и белой красками. Окраска указывает на ее русское происхождение. Как и в предыдущих санях № 20-26, поперечная палка, соединяющая полозья в данном экземпляре, имеется только одна, длина ее 44 см; расположена она на расстоянии 11 см от головки полоза.

Размеры копыльев следующие: высота передней пары 37 см (по техническому чертежу 35.5 см); задней 38 см (по техническому чертежу 36.5 см); ширина как передней, так и задней пары 4 см в точке прикрепления к полозьям и 6 см в центре; толщина в этих же точках 3.5 и 6 см.

Конструкция кузова подобна предыдущим саням, размеры его следующие: наибольшая длина 105 см, ширина 27 см, высота передка 28 см, высота задка 46 см, высота сиденья 10 см, длина сиденья 69 см, глубина загиба передка и задка по 14 см.

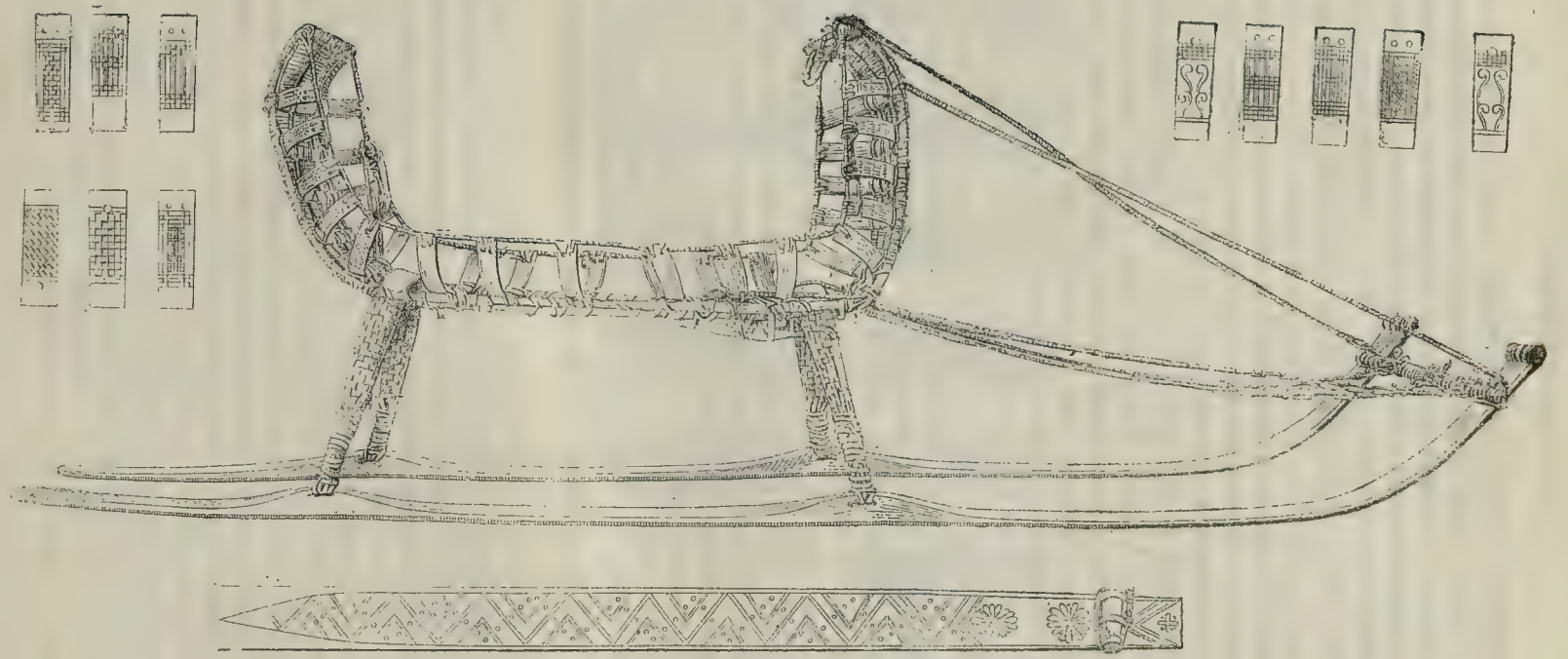


Рис. 15. Общий вид саней. (Из колл. МАЭ, № 4289-2а).

Расположение пяти палок в кузове такое же, как и на санях № 865-1, за исключением центральной палки которая имеется лишь в основе передка и задка и доходит только до дуг копыльев, прерываясь на месте сидения. Дугообразных пластинок на данном экземпляре 16 штук; длина каждой из них 38 см, наибольшая ширина 3 см. Ремень также соединяет концы всех палок кузова и дугообразных пластинок.

На поперечной палке, соединяющей полозья приблизительно на равном расстоянии друг от друга, имеются три широких кольца с завитушками и двумя небольшими колечками на каждом, как и на санях № 865-1. Одно из них служит для прикрепления собачьей упряжки, другое дает начало цепи. Диаметр кольца равняется 3 см, ширина 2 см.

К кольцам через небольшие колечки пристегиваются цепи витые, но несколько иной формы, чем у саней № 865-1, иначе сделано и их скрепление с колечками. У саней № 865-1 первое звено наглухо надето на колечко; на данном же экземпляре саней цепь оканчивается кляпом, который продевается в колечко. Длина каждой цепи 25 см, оканчиваются они небольшими колечками, к которым привязываются оплетенные ремни, имеющие то же назначение, что и оплетенные дощечки $Ж_3 \ldots Ж_7$ саней № 865-1. По внешнему виду и по размерам они во всем подобны дощечкам саней № 865-1, с той лишь разницей, что дощечки заменены ремнями. Длина нижних ремней достигает 60 см, привязываются они к нижней части кузова. Верхние ремни точно такого же устройства; к полозьям они привязываются через просверленные отверстия, которые одновременно служат и для прикрепления поперечной палки $Г_2$ (ср. рис. 26). Вторые концы их прикрепляются крестообразно к верхней части передка кузова. Длина их равняется 119 см.

Ременная петля для придерживания во время езды точно такого же устройства, как и у саней № 20-26, но не орнаментирована, длина ее 31 см.

Орнаментировка дуг копыльев, дощечек передка и задка кузова, а также ремней, точно такая же, как и у саней № 865-1. Они оплетены узенькими ремешками коричневого и желтого цветов в виде шахматных клеток; ширина цветных ремешков несколько уже, поэтому и клетки получились меньше. Цвет ремешков сильно изменился под влиянием времени, но в более защищенных от пыли местах сохранился.

Из дугообразных пластинок орнаментированы лишь те, которые расположены на передке и задке кузова, т. е. по пяти пластинок передка и задка. Техника орнаментировки такая же, как и на вышеописанных санях, т. е. узоры получены путем снятия тонкого слоя окрашенной поверхности пластинки. Форма узора существенно отличается от предыдущих. На рис. 16 показана орнаментировка этих пластинок. Преобладающим орнаментом является геометрический, состоящий из клеток разных размеров, прямых и косых; исключение составляют лишь две пластинки: одна с зубчатым орнаментом и одна с орнаментом в виде завитков.

На способах скрепления останавливаться не будем, потому что они во всем повторяют скрепления саней № 865-1 и, кроме того, ввиду плохой сохранности предмета, сильно повреждены.

К саням имеется тормозная палка (оштол) № 4289-2в, такого же типа, как и предыдущие. Длина ее 132 см (по техническому чертежу 128 см). Изгиб палки начинается на расстоянии 87 см от верхнего конца. Наконечник в данном экземпляре отсутствует. Железный набалдашник, в отличие от предыдущих, имеет не круглую, а восьмигранную форму. Длина его 16 5 см; инкрустирован он серебром (рис. 9в); погремушки несколько отличаются от предыдущих — в них больше колец и меньше трубочек. Прямая часть оштола оплетена цветными ремешками в форме шахматных клеток. Первая часть оплетения занимает по длине оштола

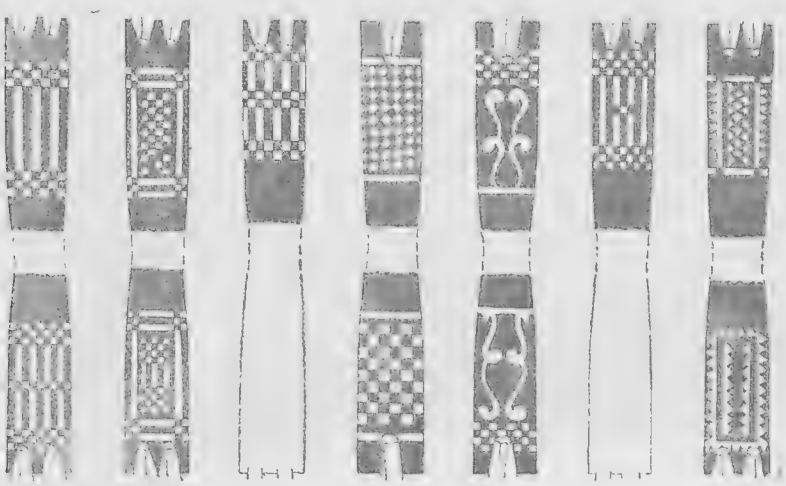


Рис. 16. Орнамент саней. (Из колл. МАЭ, № 4289-2а).

24 см и заканчивается бахромой; вторая часть оплетения имеет более крупные клетки, занимает в длину 22 см и также оканчивается бахромой. Бахрома на данном экземпляре получена путем нашивки узкого кусочка кожи с бахромой вокруг оштола. Оплетение оштола ремешками начинается на расстоянии 9 см от набалдашника. Поверхность между набалдашником и оплетенной частью оштола обтянута куском кожи с бахромой.

Конструкция четвертого экземпляра саней № 867-1 (рис. 17) ничем существенным не отличается от трех предыдущих. Этот экземпляр имеет следующее описание: „Коряцкие сани к ним два полоза (а 2) из китового уса. Из Камчатки. Собиратель неизвестен. Вознесенский (?). Регистрировал Л. Штернберг 9 окт. 1904 г.“ [1]

В этом описании вызывает сомнение отнесение саней к коряцким. На основании каких данных они были определены как коряцкие, сказать

[1] Примечание. После сдачи в печать статьи автором было установлено, что сани № 867-1 (см. стр. 74 сл.) поступили в Кунсткамеру от Директора Академии кн. Дашковой 8 I 1784 г. Первоначально они были зарегистрированы под № 863-1 в 1894 г. — В. А.

трудно. По типу, конструкции, орнаментировке они очень мало отличаются от рассмотренных выше и поэтому они вошли в наше описание. Общие размеры их следующие: длина 236 см, высота 95 см.

Полозья A_1.... (рис. 18) не орнаментированы; завиток напоминает завиток на санях № 865-1. Длина полоза 245 см (235 см по техническому чертежу); ширина 7.5 см, у головок несколько уже; толщина около 1 см и 5 см у копыльев. Утолщение у первой пары копыльев занимает 35 см, у задней 33 см. Прикрепление копыльев к полозу произведено на расстоянии 119 см (109 см по техническому чертежу) от головки полоза передней пары и 195 см (185 см по техническому чертежу) задней. Таким образом, передние копылья отстоят от задних на расстоянии 74 см. Расстояние между полозьями 31 см.

Рис. 17. Общий вид саней. (Из колл. МАЭ, № 867-1).

Поперечная палка $Г_2$ (рис. 18), соединяющая полозья, прикреплена к ним на расстоянии 9.5 см от головок, длина ее 46 см. Вместо первой палки $Г_1$ на первом экземпляре саней, на полозьях имеются лишь просверленные отверстия (см. описание саней № 20-26) на расстоянии 5 см от головки.

Размеры копыльев следующие: высота переднего копыла 44 см (41 см по техническому чертежу); ширина 3 см у полоза и 8 см у центра; толщина в этих же точках 3 см и 6 см. Высота заднего копыла 45 см (43 см по техническому чертежу); ширина у полоза 3.5 см, в центре 8 см; толщина 3.5 см и 6 см.

Наибольшая длина кузова составляет 120 см, ширина его 25 см, высота передка 47 см, высота задка 51 см, высота сиденья 9.5 см, длина сиденья 80 см, глубина загиба кузова около 14 см.

В данном экземпляре имеется пять палок $Д_1$...., расположение которых такое же, как и в санях № 865-1. Дугообразных пластинок $Е_1$.... насчитывается 16. Длина каждой 34 см, наибольшая ширина около 3.5 см. Буквенные обозначения те же, что и при описании первого экземпляра.

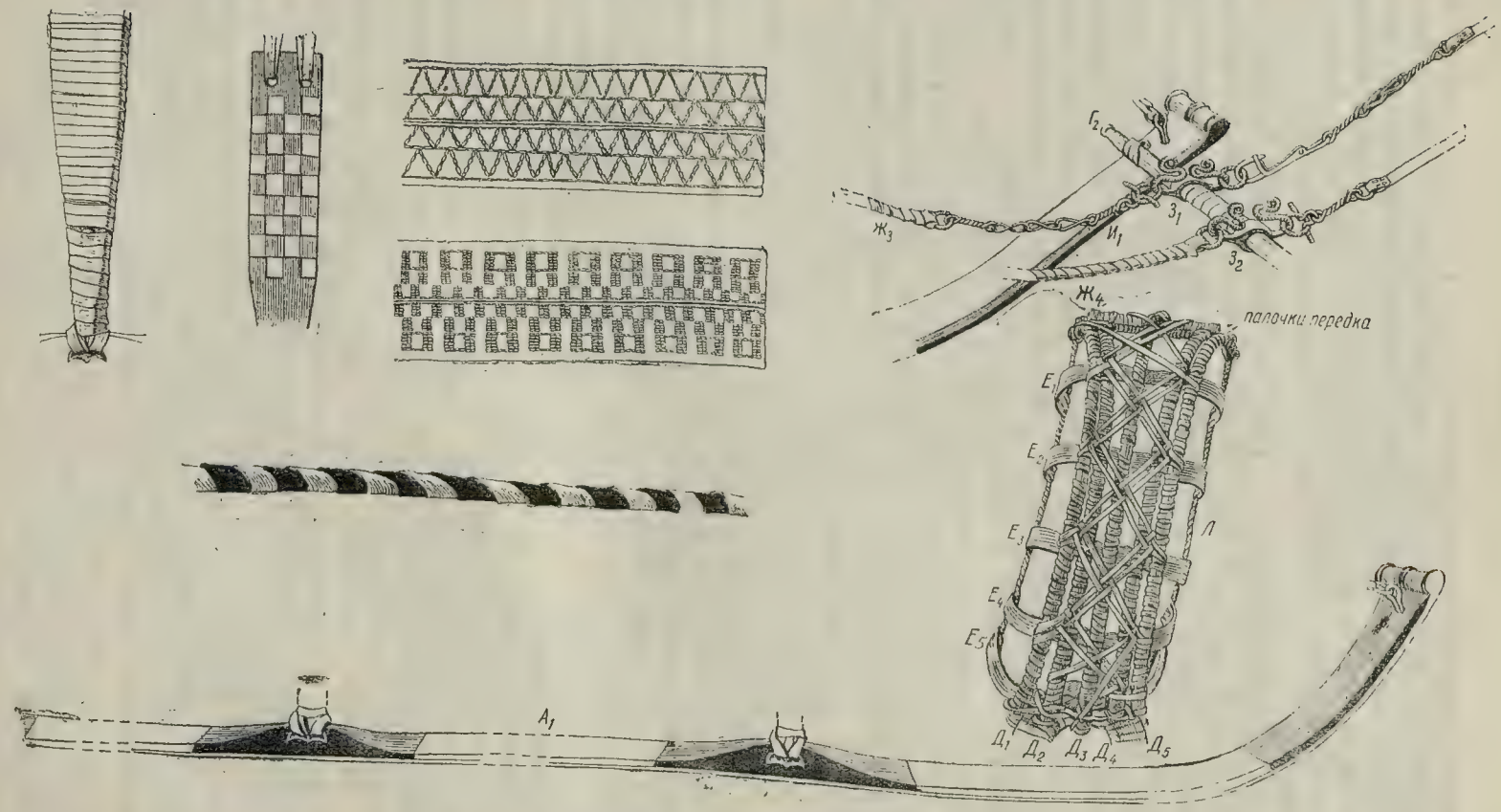


Рис. 18. Детали саней. (Из колл. МАЭ, № 867-1).

Дощечки, вставленные между палками $Д_1$.... в передке и задке кузова, отсутствуют. Вместо них, для придания прочности кузову имеются в передке и задке по две палочки на верхних загибах кузова, прикрепленные к палкам параллельно пластинкам $Е_1$.... (рис. 18). Длина их короче длины пластинок (16.5 см и 21 см) и форма — не дугообразная.

На поперечной палке $Г_2$ (рис 18) имеется три кольца $З_1$...., типа колец $З_1$....$З_3$ (на санях № 865-1 и № 4289-2а), ширина их 1.5 см, диаметр около 3 см. К двум крайним из них таким же способом, как и на санях № 4289-2а, прикрепляются звенья цепей $И_1$... длиной 22 см каждая. Форма их целиком воспроизводит цепи на санях № 4289-2а. К цепям привязываются ремни $Ж_3$ и $Ж_5$ (ср. рис. 2б), напоминающие подобные ремни на санях № 20-26, но оплетенные иначе (об этом см. ниже). Длина каждого ремня $Ж_3$ и $Ж_5$ 65 см. Средний ремень $Ж_4$ (длина 86 см) не имеет цепи и прикрепляется непосредственно к среднему кольцу $З_2$, поэтому он длиннее ремней ($Ж_3$ и $Ж_5$)

Ремни $Ж_1Ж_2$ (ср. рис. 2б) имеют такой же вид, как и $Ж_3$...$Ж_5$. Они прикрепляются через просверленные на полозьях отверстия (см. выше, описание полозьев и рис. 18), длина их по 115 см. Расположены они как и в других санях, крестообразно. Петли на кузове, дощечки $М_1$... и четырехгранные палки на данном экземпляре отсутствуют.

Орнаментировка этих саней гораздо беднее предыдущих, кожаный шахматный орнамент совершенно отсутствует.

Дуги копыльев оплетены коричневыми и желтыми ремешками в поперечном направлении, причем цвет ремешков чередуется (рис. 18). Передок и задок кузова переплетены коричневыми и желтыми ремешками в виде крупных клеток, как показано на рис. 18. По всей вероятности, эти клетки являлись не только украшением, но служили также и для укрепления кузова.

Оплетение ремней $Ж_1$... происходит следующим образом: коричневые и желтые ремни, чередуясь, оплетают неширокий ремень в поперечном направлении (рис. 18). Дугообразные пластинки, за исключением четырех, расположенных в сиденье кузова, орнаментированы шахматным орнаментом по дереву, как и в санях № 865-1 (рис. 18).

Из типов скреплений отметим лишь прикрепление ремней $Ж_1Ж_2$ (ср. рис. 2б) к полозьям и переплетение цветными ремешками передка и задка кузова, остальные типы скреплений воспроизводят скрепления на вышеописанных санях. В просверленные отверстия на полозьях, вместо поперечной палки $Г_1$ (ср. первый экземпляр саней) вставлены железные петли с кольцами. Концы петлей разведены, чтобы они не могли выпасть из отверстий; к кольцам привязываются ремни $Ж_1Ж_2$ (ср. рис. 2б). Об орнаментировке задка и передка кузова цветными ремешками мы говорим как о типе скреплений, так как цветные ремешки одновременно служат и скрепляющим материалом для палок $Д_1$... Этот способ скрепления показан на рис. 18. Он состоит в следующем: по два ремешка (коричневый и желтый), привязываются за верхний правый угол передка

и в косом направлении проходят на левую его сторону, перекрещиваясь посередине с двумя такими же ремешками, идущими с левой стороны. Достигнув палки $Д_5$ у пластинки $Е_5$, они обвивают кругом палку $Д_5$ и пластинку $Е_5$ и выходят опять на наружную поверхность передка, переплетаясь с ремешками предыдущего оборота. Затем проходят в косом направлении обратно на правую сторону к следующей пластинке $Е$.... также перекрещиваясь на середине с другой парой ремешков и т. д.

Упряжка сохранилась плохо: имеются лишь четыре потяга с алыками, причем один из них оборван. Два потяга имеют на концах по карабинчику и один кляп, которыми они пристегиваются к кольцам. Карабинчики весьма своеобразной формы (рис. 18); алыки орнаментированы жильными нитками (рис. 18). Длина лямки алыка достигает 98 см, ширина 4 см. Устройство их тождественно с алыками сбруи № 20-266. Потяги прикреплены к лямкам алыков узлом (см. выше — прикрепление средника к алыку передовой собаки в № 865-1).

В коллекциях Государственного Музея этнографии в Ленинграде имеются два экземпляра саней описываемого нами типа. Они поступили в 1912 г. от К. Д. Логиновского и зарегистрированы Е. Орловой в 1929 г. под №№ 4894-10 и 4894-11.

№ 4894-10 имеет следующее описание: „«У э т и к» — древние камчадальские санки, в которые впрягались собаки; садились в «Уэтик» верхом, ноги ставили на полозья“; далее следует техническое описание и размеры, заканчивается описание следующими словами: „ДВК Камчатский округ. Карагинский район. Камчадалы.“

В конструкции этого экземпляра имеются некоторые отличия от саней, описанных нами выше. Мы о них скажем после технического описания всех экземпляров. Сани № 4894-10 состоят из трех главных частей: полозьев, копыльев и кузова.

Длина полоза равняется 246 см (231 см по техническому чертежу); ширина 8 см; толщина 1 см. Утолщения на полозьях 28 см. Передний копыл прикрепляется к полозу на расстоянии 116 см от головки, задний — на расстоянии 194 см или 75 см от переднего. Расстояние между полозьями 32 см. Поперечная палка, соединяющая полозья, имеется только одна. Она прикреплена к полозьям на расстоянии 8 см от головки. Длина ее 49 см.

Копылья такие же, как и у предыдущих саней; размеры их следующие: высота среднего копыла 43 см (41 см по техническому чертежу), высота заднего 46 см (43 см по техническому чертежу). Ширина как переднего, так и заднего копыла около 5 см в точке прикрепления к полозьям и 7 см в центре. Толщина переднего копыла в этих же точках 4 и 10 см; толщина заднего соответственно 5 и 10 см.

По конструкции кузов также походит на вышеописанные сани, с той лишь разницей, что он более глубоко насажен на центры копыльев Длина кузова 101 см, ширина 26 см, высота передка 46 см. (по техническому чертежу); высота задка 48 см (по техническому

чертежу);[1] длина сиденья 69 см, высота сиденья 6 см, глубина загиба передка и задка около 16 см.

Основу кузова составляют также палки (6 штук) и дугообразные пластинки (16 штук). Палки расположены следующим образом: первая и шестая проходят по внешней стороне дуг копыльев; вторая и пятая — сквозь просверленные отверстия центров копыльев, третья и четвертая — под этими центрами. Дугообразные пластинки соединяются с палками, как и в предыдущих санях. Длина дугообразной пластинки 29 см, наибольшая ширина 3.5 см. На данном экземпляре, как и в санях № 867-1, отсутствуют дощечки, зашитые в передке и задке кузова, а для придания прочности кузову на верхнем загибе передка и задка вставляются параллельно дугообразным пластинкам по две прямых палочки (см. описание саней № 867-1).

На поперечной палке $Г_2$ имеются три кольца $З_1 \ldots З_3$, к которым привязываются ремни $Ж_3 \ldots Ж_5$ (ср. рис. 26), длина каждого ремня достигает 100 см. Верхние крестообразно расположенные ремни на данном экземпляре отсутствуют.

Особенность конструкции этого экземпляра составляют четырехгранные палки (см. о них в описании саней № 20-26). Это довольно массивные палки, ширина граней 2 см и 3 см. Прикрепляются они к поперечной палке $Г_2$, на расстоянии 7 см от ее концов, и к передней паре копыльев с внешней стороны, затем проходят по нижнему краю кузова к задним копыльям и продолжаются дальше. Общая длина каждой палки достигает 210 см, протяженность их концов (от задней пары копыльев) равняется 35 см.

В передней части эти две палки соединяет, на расстоянии 60 см от их концов, поперечная дощечка фигурной формы, шириной в 5 см, причем она расположена таким образом, что ремни $Ж_3 \ldots Ж_5$ проходят под ней. Подобная же фигурная дощечка соединяет эти палки в задней части саней на расстоянии 14 см от задней пары копыльев. В 30 см от задней пары копыльев прямая дощечка соединяет еще раз четырехгранные палки (задние концы их).

Мы не беремся решать вопрос о назначении этих дощечек, поскольку в литературе о них нет никаких упоминаний. Несомненно лишь одно — дополнение конструкции саней четырехгранными палками и соединяющими их фигурными дощечками придавало саням бо́льшую прочность. Возможно также, что эта конструкция служила для укрепления груза.

Заканчивая описание этого экземпляра, отметим наличие петли внутри передка кузова. Из отличительных деталей этого экземпляра укажем еще на дополнительные ремни, идущие от просверленных отверстий на полозьях (эти отверстия заменяют поперечную палку $Г_1$; описание см. выше) к концам дуг передних копыльев. Длина каждого из них достигает 100 см. Второй отличительной деталью являются мешки из

[1] Ввиду того, что форма кузова на этом экземпляре более изогнута, высота передка и задка даны по техническому чертежу.

белой материи внутри передка и задка кузова; вероятно, они служили для хранения провизии.

В типах скреплений никаких особых отличий не наблюдается.

Орнаментировка в виде шахматных клеток совершенно отсутствует, все ремни представляют собой полоски нерпичьей кожи. Дугообразные пластинки не орнаментированы. Все части саней выкрашены в белую краску; головки полозьев (10 см), концы четырехгранных палок (16 см), фигурные дощечки — в черную краску.

Общие размеры саней: длина 231 см, высота 84 см.

Сани № 4894-11 из этой же коллекции ГМЭ[1] имеют следующее описание: „4894-11 «Уэтик» — древние камчадальские сани, в настоящее время совершенно исчезли из употребления. В «Уэтик» садились верхом, ноги при езде ставились на полозья". Далее следует техническое описание и размеры. Происхождение то же, что и предыдущего экземпляра.

Конструкция этого экземпляра очень близко напоминает конструкцию саней № 4894-10.

Полозья в отличие от предыдущих экземпляров, расположены не совсем параллельно друг к другу; расстояние между задними концами полозьев равняется 30 см, а между передними доходит до 36 см. Длина полоза 258 см (по техническому чертежу 254 см); ширина 9.5 см, у головок несколько уже; толщина примерно 1 см (кроме утолщений). Утолщения у передней пары копыльев 37 см; у задней 34 см.

Передний копыл прикрепляется к полозу на расстоянии 122 см от головки, задний на 201 см, или на расстоянии 69 см от переднего.

Завиток на полозьях простой. Поперечная палка Γ_2 (ср. рис. 2б) соединяет оба полоза на расстоянии 8 см от их головок. Первая поперечная палка Γ_1 отсутствует, имеются лишь просверленные отверстия на полозьях на расстоянии в 6.5 см от головок. Назначение отверстий в данном экземпляре не выяснено. Длина поперечной палки равняется 51 см.

Передний копыл имеет следующие размеры: высота 42.5 см (40 см по техническому чертежу); ширина около 2.5 см в точке скрепления с полозьями и 6.5 см в центре; толщина в этих же точках достигает 4 см и 10 см. Задний копыл имеет высоту 41.5 см (42.5 см по техническому чертежу); ширина 4.5 см в точке скрепления с полозьями в 6 см в центре; толщина в этих же точках около 5 см и 10.5 см.

Кузов, подобно кузову саней № 4894-10, также глубоко насажен на центры копыльев. Наибольшая длина кузова 100 см, ширина 26.5 см, высота передка 49 см (по техническому чертежу), высота задка 50 см (по техническому чертежу), высота сиденья 7 см, длина сиденья 70 см (приблизительно).

Расположение шести палок в кузове точно такое же, как и в предыдущем экземпляре. Дугообразных пластинок 13 штук, длина каждой из них 29 см, ширина 3 см.

[1] В дальнейшем буквами ГМЭ будем сокращенно обозначать Государственный Музей этнографии.

Оплетенные дощечки в передке и задке кузова отсутствуют, их заменяют прямые палочки (см. описание саней № 867-1 и № 4894-10 ГМЭ). На поперечной палке $Г_2$ имеются два кольца $З_1З_2$ простой формы, возможно, что кольцо $З_3$ утеряно (ср. рис. 2б).

Ремни имеются лишь нижние; средний ремень, повидимому, утерян; длина каждого из них достигает 93 см.

Конструкция четырехгранных палок очень походит на конструкцию этих частей в санях № 4892-10. Они также начинаются от перекладины, на расстоянии 7.5 см от ее концов, проходят по низу кузова и заканчиваются за задними копыльями на расстоянии 34 см от них. Общая длина каждой палки достигает 217 см, ширина граней 2 см и 3 см.

В передней части саней на расстоянии 97 см имеется соединяющая обе четырехгранные палки прямая дощечка, длина ее 22 см, ширина 3.5 см, толщина 3 см. На расстоянии 21 см от этой дощечки имеются просверленные отверстия для второй дощечки. В задней части саней четырехгранные палки соединяет фигурная дощечка. Она расположена на расстоянии 21 см от задней пары копыльев.

Особенностью данного экземпляра является наличие „барана“.[1] Баран представляет собой дугу впереди саней, прикрепленную концами к четырехгранным палкам и к головкам полозьев. Прикрепление к палкам произведено жильными нитками, а к головкам полозьев — ремешками, продетыми сквозь отверстия на полозьях; через эти же отверстия привязывается и поперечная палка $Г_2$. Длина барана по окружности 159 см. О значении барана мы скажем в дальнейшем.

Подобно предыдущему экземпляру сани не орнаментированы. Полозья, баран, палки кузова, четырехгранные палки, 9 дугообразных пластинок выкрашены в черную краску, две пластинки, боковые грани палок выкрашены в зеленую краску, копылья и две пластинки — в желтую.

Скрепление отдельных частей ничем существенным не отличается от описанных выше скреплений; отметим лишь способ соединения четырехгранных палок с дощечками: в боковых гранях палок просверлено по небольшому четырехугольному отверстию, в отверстия вставлены отесанные по форме их концы дощечки; сверху в них забиты деревянные штифты.

Под №№ 4894-12а; в/4; с/4 в ГМЭ значится собачья сбруя. К сожалению, нам не удалось с ней ознакомиться; по краткому описанию в документах нельзя решить, что представляет собой эта упряжь.

Таковы экземпляры интересующего нас типа саней, находящиеся в ленинградских музеях. Сани такого же типа имеются в Музее народов СССР в Москве, в Иркутском краеведческом музее и в Хабаровском музее. К сожалению, о них не удалось получить никаких сведений.

В каталоге Общества изучения Амурского края во Владивостоке, составленном В. Глуздовским в 1907 г., под № 161 значится: „Свадебная

[1] „«Баран» — горизонтально расположенная деревянная дуга впереди собачьей или оленьей нарты, к которой пристегивается потяг собачьей упряжки или оленьи постромки“. (В. Г. Богораз, ук. соч., сто. 21).

нарта в настоящую величину. Длина полозьев 2.8 м, длина кузова 1.2 м, ширина кузова 0.35 м и высота 0.6 м. Нарта разрисована узорами."[1]

Во Владивостокском музее за № 980 значится нарта с Камчатки, привезенная в 1899 г. Тильманом. Повидимому, это и есть нарта, упоминаемая В. Глуздовским. В нашем распоряжении имеется только фотография этой нарты. По конструкции она подобна вышеописанным экземплярам — лыжеобразные полозья с утолщениями, к которым прикрепляются копылья в виде расходящихся дуг. На копыльях располагается корзинообразный кузов, состоящий из четырех палок и прикрепленных к ним дугообразных пластинок. Полозья соединены поперечной палкой, с тремя кольцами, к которым привязаны ремни. Выше палки Γ_2 (ср. рис. 2б) в полозьях просверлены отверстия, через которые пропущены оплетенные ремни, идущие крестообразно к верхней части передка кузова; в точке их перекрещивания имеется, повидимому, матерчатый кружок, типа кружков на сбруе № 865-1. К поперечной палке Γ_2 прикреплены, как в экземплярах № 20-26, № 4894-10 ГМЭ и № 4894-11 ГМЭ четырехгранные палки. На внутренних частях передка и задка имеется по петле. Данный экземпляр богато орнаментирован. Копылья украшены шахматным орнаментом (см. описание саней № 865-1, № 20-26 и № 4289-2а). Дугообразные пластинки и зашитые дощечки между палками в передке и задке кузова орнаментированы узором, исполненным красками, и вырезными деревянными бляшками, на которых также нанесен узор краской. К сожалению, по фотографии не удалось установить цвета красок и техники узора на пластичках.

Заканчивая описание отдельных экземпляров саней, подведем некоторые итоги.[2]

Размеры отдельных частей саней мало отличаются друг от друга. Длина полозьев колеблется от 232 см (№ 20-26) до 258 см (№ 4894-11 ГМЭ), ширина — от 7.5 см (№ 867-1) до 9.5 см (№ 4894-11 ГМЭ); толщина не превышает 1 и 5 см в местах скрепления с копыльями. Расстояние между копыльями наибольшее 33.5 см (сани № 865-1), наименьшее 29.5 см (сани № 20-26). Из этого списка исключаются сани № 4894-11 (ГМЭ), у которых полозья непараллельные и расстояние между ними колеблется от 39 до 36 см (см. описание этих саней). Первый копыл прикрепляется к полозу почти по середине, но всегда несколько ближе к головкам. Расстояние между передними и задними копыльями колеблется от 65 см (сани № 865-1) до 75 см (сани № 4894-10 ГМЭ).

Поперечных палок Γ_1..., соединяющих полозья, на всех экземплярах имеется по одной, за исключением саней № 865-1, где их две. Располагаются палки Γ_1... на расстоянии от 8 до 11 см от головок полозьев, длина их колеблется от 43.5 см (сани № 865-1) до 51 см (сани № 4894-11

[1] В. Глуздовский. Каталог музея Общества изучения Амурского края. Зап. Общ. изучения Амурского края, т. XI, Владивосток, 1907, стр. 29.

[2] Для удобства разыскания деталей на рисунках при сравнении приводятся те же буквенные обозначения, которые приняты при описании отдельных экземпляров саней.

ГМЭ). Вместо первой палки $Г_1$ в остальных санях имеются лишь просверленные отверстия, в санях № 4289-2а эти отверстия отсутствуют. Поперечные палки $Г_1 \ldots_2$ служили для привязывания собачьей упряжки и для закрепления ремней $Ж_1 \ldots$ Кроме того, они являлись своего рода буфером, предохраняющим полозья от поломок. Отверстия в полозьях (вместо палки $Г_1$) играли подсобную роль для прикрепления верхних ремней $Ж_1 \ldots$ (у саней № 20-26, № 867-1) и дополнительных ремней (у саней № 4894-10 ГМЭ).

Колебания в размерах копыльев очень незначительны; во всех случаях задняя пара более массивна, чем передняя; высота копыльев колеблется от 37 до 45 см (передняя пара) и от 38 до 46 см (задняя пара). Ширина как заднего, так и переднего копыла не превышает 5 см в точке прикрепления к полозу и 8 см в центре. Пределы толщины от 2 до 5 см у полоза; от 6 до 10.5 см в центре. Разница между толщиной переднего и заднего копыла колеблется в пределах 3 см.

Наиболее длинный кузов имеют сани № 867-1 (120 см), в остальных санях пределы длины кузова разнятся от 99 до 102 см.

Различия в ширине кузова не существенны, так как здесь, несомненно, играла роль степень изношенности саней; от длительного употребления пластинки могли несколько изменить дугообразную форму. В размерах высоты передка и задка также не наблюдается больших различий. Наиболее высокий задок и передок имеют сани № 865-1 (53 и 54 см), самый низкий — сани № 20-26 (43 и 41 см). Наибольшей длиной обладает кузов саней № 867-1 (80 см), в остальных экземплярах колебания длины кузова крайне незначительны (от 69 до 75 см).

Основу кузова во всех рассмотренных нами экземплярах составляют палки $Д_1 \ldots$ и дугообразные пластинки $Е_1 \ldots$ Шесть палок имеют сани № 20-26, № 4894-10 ГМЭ и № 4894-11 ГМЭ; пять — сани № 865-1, № 4289-2а и № 867-1; четыре — сани из Владивостокского музея. Расположены палки следующим образом: две проходят сквозь просверленные отверстия центров копыльев, две — с внешней стороны дуг копыльев, одна (при пяти палках) или две (при шести палках) проходят под дугами копыльев. Количество дугообразных пластинок колеблется от 21 до 13 штук. На всех санях без исключения палки $Д_1 \ldots$ и дугообразные пластинки $Е_1 \ldots$ соединяет ремень $Л$. Больших вариаций как в форме, так и в размерах пластинок $Е_1 \ldots$ не наблюдается. Таким образом, три основные части саней, т. е. полозья, копылья и кузов, среди разобранных нами экземпляров очень слабо варьируют. Напомним лишь об отличительных особенностях саней № 4894-10 ГМЭ и № 4894-11 ГМЭ, в которых кузов более глубоко насажен на копылья, чем в остальных.

Переходя к разбору других частей саней, остановимся на ремнях (дощечках) $Ж_1 \ldots_5$. Как видно из описания отдельных экземпляров, это или ремни или, как у саней № 865-1, очень тонкие дощечки толщиной в ремень, оплетенные узенькими ремешками. Три из них — нижние — прикрепляются к поперечной палке $Г_2$ и соединяют ее с нижней частью

кузова, два верхние — $Ж_1Ж_2$ — соединяют головки полозьев с верхней точкой передка кузова.

Верхние ремни $Ж_1Ж_2$ отсутствуют в санях № 4894-10 ГМЭ и № 4894-11 ГМЭ, в остальных экземплярах они располагаются крестообразно. Длина их находится в зависимости от крутизны загиба полоза, высоты копыльев, высоты передка, расположения палки $Г_2$ и др., но в общем размеры их достигают: верхних — от 113 до 122 см, нижних — от 85 до 119 см (включая в этот размер длину цепей $И_1$...).

Кроме ремней $Ж_1$... в санях № 20-26, № 4894-10 ГМЭ и № 4894-11 ГМЭ и в экземпляре из Владивостокского музея к поперечной палке $Г_2$ прикрепляются по две четырехгранных палки. Остановимся более подробно на их конструкции. В санях № 20-26 длина каждой из этих палок 128 см. Расположены они параллельно нижним ремням $Ж_{3...5}$, соединяя поперечную палку $Г_2$ с центрами передней пары копыльев. В санях № 4894-10 ГМЭ и № 4894-11 ГМЭ четырехгранные палки представляют целое сооружение — они также начинаются от перекладины $Г_2$ и кончаются за задними копыльями, длина каждой 210 см (№ 4894-10) и 217 см (№ 4894-11). В двух последних экземплярах они как спереди, так и сзади соединены поперечными дощечками в трех точках.

Практическое значение ремней (дощечек) $Ж_{1...5}$ в конструкции саней сводилось, вероятно, к предохранению полозьев от разгибания, которое могло получиться вследствие натяжения бегущими собаками поперечной палки $Г_2$. Эту роль в первую очередь выполняли верхние ремни $Ж_1Ж_2$, соединяющие концы полозьев с верхом кузова. Возможно также, что четырехгранные палки в санях № 4894-10 ГМЭ и № 4894-11 ГМЭ заменили их и стали играть ту же роль; отсюда понятно отсутствие верхних ремней $Ж_{1...2}$ в этих экземплярах. Дополнительные ремни имеются только на санях № 4894-10 ГМЭ, они соединяют головки полозьев с дугами копыльев и предохраняют полозья от разгибания.

Оплетенные дощечки $М_1$... в санях № 865-1, соединяя кузов с дугами копыльев с левой стороны, предохраняли кузов от излишнего наклона в правую сторону, который мог получиться от тяжести седока.

Из других деталей отметим наличие ременной петли во всех экземплярах саней, за исключением № 867-1 и № 4894-11 ГМЭ.

Наибольший интерес представляет баран у саней № 4894-11 ГМЭ. Такая дуга является неотъемлемой частью всякой собачьей нарты, бытующей в настоящее время на севере. Она обычно служит для привязывания собачьей упряжки и, кроме того, предохраняет нарту от поломок, особенно в лесных местностях.

В санях разбираемого нами типа для привязывания собак служили кольца $З_1$... на поперечных палках $Г_2$... Какое значение имел баран для данного экземпляра, предохранял ли он только от поломок полозьев, или же служил также и для привязывания собачьей упряжки — решить трудно. Весьма возможно, что поперечная палка $Г_2$ данного экземпляра предназначалась только для соединения полозьев, а собак привязывали к барану.

Основные типы скреплений, как-то: прикрепление дуг копыльев к полозьям, соединение палок кузова с дугообразными пластинками, концов этих пластинок с ремнем и т. д.—в основном одинаковы на всех экземплярах, и нет поэтому необходимости повторять это описание. Эти типы скреплений заключаются в соединении отдельных частей саней путем продевания узеньких ремешков сквозь просверленные отверстия, или же просто посредством связывания отдельных частей ремешками. При описании саней № 865-1 мы указывали, что отверстия в утолщениях полозьев сделаны, повидимому, при помощи долота, это же можно сказать и относительно других экземпляров. Остальные отверстия указывают на работу сверлом. В санях № 4894-11 ГМЭ соединение дощечек с четырехгранными палками исполнено путем забивки отесанного конца дощечки в четырехугольные отверстия в боковых гранях палок. Четырехугольные отверстия в них сделаны, повидимому, стамеской.

Орнаментировка разобранных нами экземпляров может быть разделена на три группы. Первая: оплетение деревянных и кожаных частей узенькими ремешками двух цветов в форме шахматных клеток, так орнаментированы копылья, ремни, оштол и другие части. Вторая: нанесение рисунка, чаще геометрического, в виде клеток, на деревянные части путем снятия тонкого слоя поверхности дерева или краски, таким способом орнаментированы дугообразные пластинки кузова и четырехгранные палки в санях № 20-26. К этому типу можно отнести и орнаментировку лыж № 20-28. И, наконец, третья: нанесение узора краской различных цветов, к этому типу относится орнаментировка полозьев № 4289-2а и кузова саней из Владивостокского музея. В санях ГМЭ № 4894-10 и № 4894-11 орнаментировка совершенно отсутствует, зато различные части саней окрашены масляной краской (белой, черной, зеленой, желтой).

Подводя итоги описания отдельных экземпляров старинных камчадальских саней, можно сказать, что наибольшие отличия имеют сани ГМЭ № 4894-10 и № 4894-11, на которых мы и остановимся подробнее. Более глубоко насаженный кузов, дополнение конструкции этих экземпляров сооружением из четырехгранных палок с дощечкамм между ними, наличие барана — несомненно делало сани более устойчивыми, и, кроме того, предохраняло полозья от поломок. Уменьшение общей высоты саней, вследствие более глубокой насадки кузова, сокращало случаи падений. Эти особенности конструкции, и, кроме того, отсутствие орнаментировки, дают нам основание поставить вопрос о более позднем происхождении этих двух экземпляров, чем остальные. Оставляя этот вопрос пока открытым, мы впоследствии к нему вернемся, а теперь постараемся суммировать те сведения о санях, которые имеются в работах XVIII и XIX вв.

По сообщению С. Крашенинникова и Г. Стеллера, изготовление саней лежало исключительно на обязанности мужчин. Крашенинников в своей работе говорит, что в числе прочих занятий мужчины „заготовляют лес к деланию саней". Самое изготовление происходило зимой. Весь процесс производства саней трудно восстановить, но некоторые

этапы его описаны у Крашенинникова. Копылья гнулись из кривого березового дерева. Палки кузова, после прикрепления их к копыльям, выгибались путем стягивания ремнями передних и задних их концов, после чего они получали дугообразную форму (см. описание передка и задка кузова). Далее привязывались дугообразные пластинки, затем концы палок и пластинок соединялись ремнем. Таким образом, сооружался кузов.

На орнаментировку саней шли ремни из тюленьей кожи, это подтверждает и анализ ремней, взятых с описанных нами экземпляров. Красящая жидкость, которая получалась путем выварки ольховой коры, наливалась в мешок из тюленьей кожи и в таком виде оставалась довольно долго. В течение этого времени краска въедалась в кожу, которая в результате получала буро-красный цвет. По всей вероятности, окраска коричневых ремешков на санях была получена таким способом.

Вопрос о том, как производилась орнаментировка саней, в литературе совершенно не освещен. Вероятно, эта работа выполнялась женщинами, так как Крашенинников отмечает, что женщины были „превеликие искусницы", во всяких вышивках. Кроме того, все пошивочные работы производились также женщинами. Эти соображения заставляют предполагать, что орнаментировка саней выполнялась женщинами.

Сложная и, на первый взгляд, неудобная конструкция саней оправдывается тем, что они до известной степени были приспособлены к гористой и лесной местности Камчатки. Их легкость, сравнительно небольшой объем, большая упругость отдельных частей—качества, которые необходимы для езды по неровной местности. Кроме того, преимущество их состояло в том, что благодаря скрепляющим и орнаментированным ремешкам на санях можно было продолжать путь, даже несмотря на порчу отдельных частей. Как было указано выше, в настоящее время ни у одного из народов Сибири собачьи сани подобного типа не встречаются. Врангель[1] сообщает, что в начале XIX в. у оседлых чукоч бытовала собачья нарта с кривыми ребрами, устройство которой было похоже на устройство оленьих нарт. Оленья нарта с кривыми ребрами бытует до настоящего времени у коряков и чукоч (рис. 19).

В сани описанного типа впрягались цугом (см. описание сбруи) от четырех до шести собак, в зависимости от погоды и прочих условий.[2] Стеллер говорит, что сани с четырьмя собаками могли вести, кроме человека, еще два пуда клади. Ездок садился по правую сторону (рис. 20), поставив левую ногу на полоз и придерживаясь левой рукой за петлю (см. ее описание), направляя сани по прямому пути, отводя их от деревьев и других препятствий. Сидеть верхом у игельменов счита-

[1] Ф. Врангель. Путешествие по Северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 гг., ч. II. СПб., 1841, стр. 339.

[2] Исключение составляет упряжка нарт № 867-1. В нее, повидимому, собак впрягали не цугом, а веером, т. е. в один поперечный ряд, подобно тому, как в настоящее время впрягают собак американские эскимосы. Подобная же запряжка была характерна и для древней чукотской нарты, упоминаемой Врангелем.

лось прежде „бесчестием". Крашенинников по этому поводу замечает: „...оседлав санки, сидеть почитается за великий порок, ибо таким образом сидят на них камчадальские женщины".[1] Это подтверждает и В. Головнин. К. Дитмар, описывая езду на санях, указывает, что ездок садился верхом. В. Г. Богораз в своей работе о чукчах, при описании саней различных типов, повторяет указания Дитмара. В регистрационной описи № 4894 ГМЭ также указывается о езде верхом.

Возможно, что Дитмар не заметил этой особенности ительменского быта, потому что наблюдал езду русских, или же следует допустить, что к середине XIX в. езда на санях верхом перестала считаться бесчестием. Скорее всего имели место оба эти явления.

Управление собаками происходило путем определенных возгласов, к которым были приучены собаки, и при помощи оштола. Возгласы употреблялись следующие: Ха! Ха! или: А! А! — вперед, прямо! Хуг!

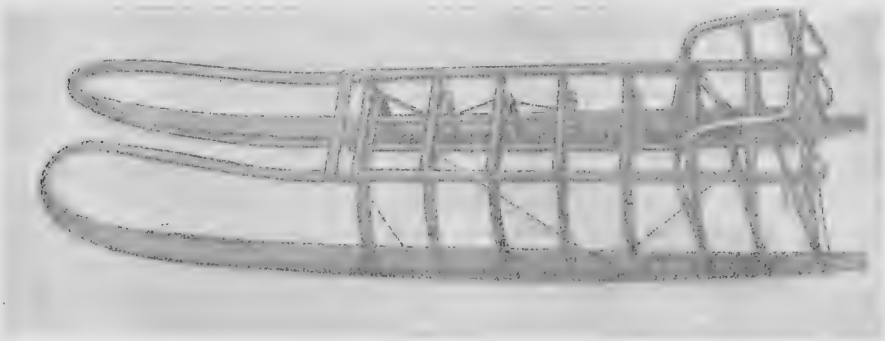


Рис. 19. Оленьи сани (коряки). (Из колл. МАЭ, № 20—24).

Хуг! или: Хуга! Хуга! или: Уг! Уг! Уга, уга!! — влево. Ках, ках! (у Крашенинникова и Сарычева — Хна! Хна!) — вправо. Нэ, нэ! (На, на! Ня, ня!) — стой. Понятие „стой" — Нэ, нэ! — относится к записям авторов, посетивших Камчатку в середине XIX в. У путешественников, ранее побывавших на Камчатке (Крашенинников, Лессепс и др.), мы находим следующие обозначения этого понятия: Ко, ко! ah, ah! Тцы и др.

Кроме управления голосом, особенно в тех случаях, когда собаки не слушались, их понукали при помощи оштола. Чтобы заставить собак быстрее бежать, оштол приводился в движение, погремушки звенели, и собаки ускоряли движение. Если нужно было остановить упряжку, втыкали нижний конец оштола в снег перед передним копылом. Чтобы заставить собак итти вправо, ударяли оштолом о левый копыл. Если хотели свернуть налево, били оштолом по снегу с правой стороны, причем во всех случаях употребляли вышеназванные слова. Кроме того, оштол служил также для сдерживания саней на раскатах, косогорах, отвода от деревьев и т. д. Для более быстрой езды, особенно по насту, привязывали к полозьям небольшие пластинки из китового уса.

[1] С. П. Крашенинников, ук. соч., стр. 59.

При трудной езде обычно соскакивали с санок и бежали рядом с упряжкой; часто для этой цели пользовались лыжами. Дитмар говорит о том, что искусные ездоки часто ставили левую ногу на правый полоз, а правую — на лыжу и таким образом погоняли собак. Вообще лыжи являлись неотъемлемой принадлежностью собачьей упряжки.

При глубоком снеге дорогу для упряжки прокладывали „лапками". Проводник, оставив собак, прокладывал дорогу, затем возвращался за собаками. К сожалению, в коллекциях Музея этнографии и антропо-

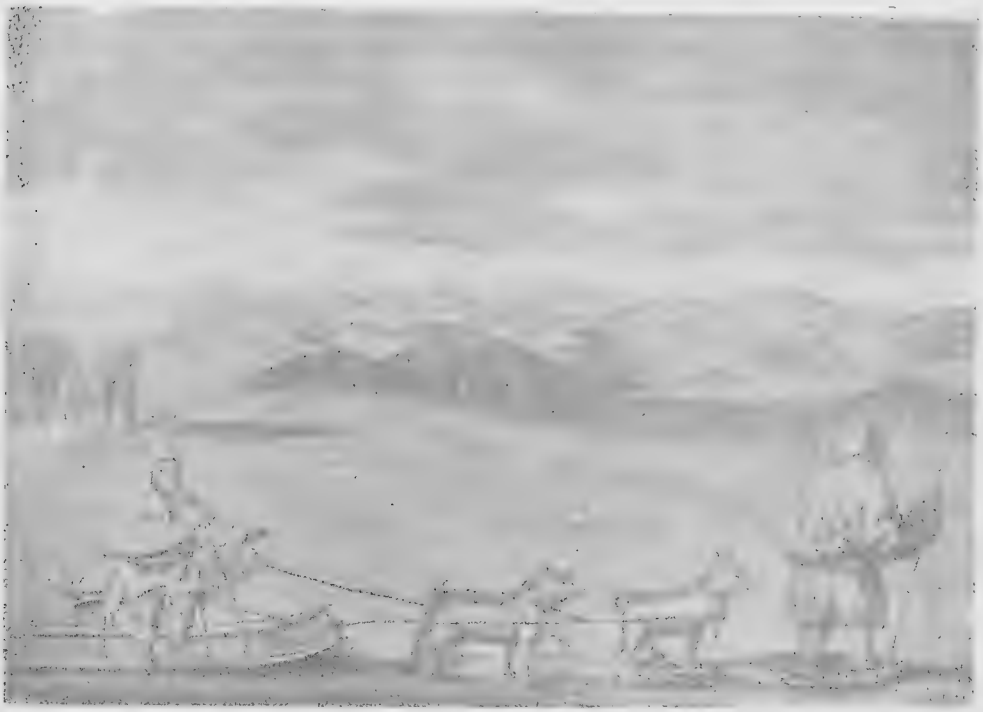


Рис. 20. Езда на камчадальских санях (по Крашенинникову).

логии Академии Наук не имеется камчадальских лапок, поэтому мы можем сослаться лишь на описание Крашенинникова: „Лапки делаются из двух не весьма толстых брусков на середине двумя поперечинами распертых, а по концам вместе стянутых и напереди кверху загнутых, и ремнями часто переплетеных. На впорках привязывается путло, которое на ногу надевается".[1]

Более наглядное представление о лапках дает рис. 21, где показаны лапки из чукотских коллекций Музея антропологии и этнографии. Скользящие лыжи для прокладывания дороги применялись значительно реже.

Кроме ездовых саней описанного нами типа, у ительменов бытовала грузовая нарта. Об этом имеются указания у Стеллера. Правда, он не дает о ней никакого описания кроме того, что нарта запрягалась восемью соба-

[1] С. П. Крашенинников, ук. соч., стр. 59.

ками, а сани четырьмя — шестью собаками. Крашенинников и Лессепс также упоминают о нарте. Более подробное объяснение по этому поводу мы находим у Головнина (1809—1810 гг.). Он прямо указывает о наличии у ительменов двух типов собачьих повозок. Первый — это нарты-сани для возки тяжестей и второй — санки для езды. Повторять описание ездовых саней мы не будем, так как оно совпадает с описанными нами выше. Что касается грузовых, то приводим описание, сделанное этим путешественником: „Нарты бывают более санок, но делаются проще и некоторым образом иначе; они много походят строением своим на наши салазки, только что полозья у них несравненно длиннее и загибы гораздо отложе; а притом копылья не вколочены в полозья, а привязываются ремнями, как и у санок; кибитка, или волчок, делается из весьма тонких прутиков или драничек и обыкновенно обтягивается выделанною

Рис. 21. Лыжи („лапки"). (Из колл. МАЭ, № 407—44ав).

оленьею кожею... В нарте подле головяшки кладется поперег доска, на которой сидит каюрщик или по нашему кучер или ямщик; а под доскою иногда делается ящик для поклажи; седок же сидит или лежит в нарте".[1]

Даже из этого беглого описания ясно, что нарты были отличны от ездовых саней. Сравнение их с русскими салазками говорит за то, что они более походили на повсеместно распространенный в настоящее время на севере восточно-сибирский тип нарты. Иохельсон указывает, что нарта восточно-сибирского типа (рис. 22) была распространена русскими, которые заимствовали ее от одного из племен северо-востока Сибири в XVII в.

Это предположение весьма правдоподобно. Возможно, что именно поэтому первые исследователи Камчатки — Крашенинников и Стеллер — не дали описания нарты, считая этот тип привнесенным, несвойственным

---

[1] В. М. Головнин. Зимование в Камчатке в 1809—1810 годах. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Приложение к Морскому сборнику 1861 г., № 2, СПб., 1861, вып. 2, стр. 14.

быту ительменов XVIII в. Вряд ли такой наблюдательный исследователь, как Крашенинников, мог ограничиться всего двумя строками, если бы нарта имела особую конструкцию и повсеместно бытовала на Камчатке. Стеллер упоминает лишь о неудобствах пользования нартой.

Менее ясным является вопрос о причинах исчезновения из употребления камчадальских саней. Не претендуя на правильное его решение, укажем лишь на некоторые детали, которые содействовали этому исчезновению. Как было указано выше, бытование ездовых камчадальских саней объяснялось отчасти приспособленностью их к условиям гористой и лесной местности Камчатки. Это назначение сани выполняли успешно в условиях ительменского быта до середины XVIII в.

Ительмены жили оседло, передвижения по стране были распространены в очень слабой степени. Стеллер по этому поводу замечает: „Если

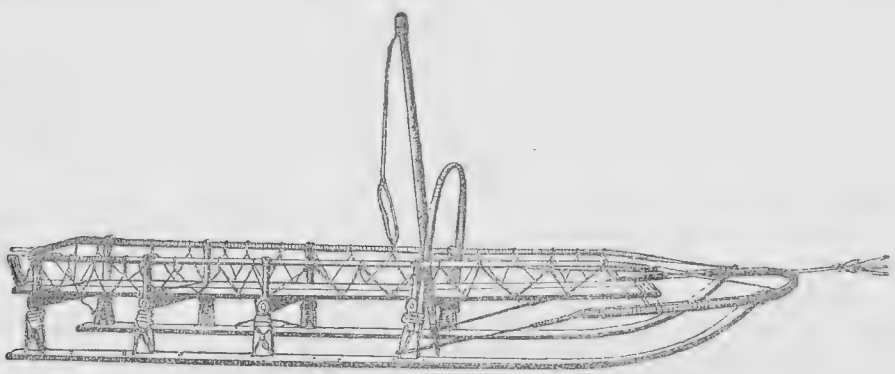


Рис. 22. Восточно-сибирская нарта.

они (т. е. ительмены) в прежние времена уходили дальше, чем требовала охота и добывание пищи, то это делалось только для посещения друзей или же в случае войны".[1]

Этот тип саней мог хорошо служить для недалеких поездок, рассчитанных на одного человека. Для более отдаленных поездок он был менее удобен, так как обладал небольшой грузоподъемностью. Влияние русских на социальный и бытовой уклад жизни ительменов было более сильным по сравнению с влиянием на другие народы Сибири. Поэтому уже Стеллер говорит, что вряд ли на Камчатке найдется хоть один человек, который не изъездил бы весь полуостров. Развитие торговых связей с русскими, разъезды властей, повинности, как, например, каюрная гоньба, и другие причины вызвали сильное увеличение разъездов на дальние расстояния. Отсюда появилась необходимость увеличения грузоподъемности саней, езды с каюром (кучером) и т. д., а для этого подходила, несомненно, лучше нарта, чем легковые сани.

---

[1] G. Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt und Leipzig, 1774, S. 367.

Кроме того, изготовление саней по сравнению с нартами требовало, несомненно, большего труда и времени. В этом отношении интересно проследить ряд изменений на более поздних санях № 4894-10 и № 4894-11 ГМЭ. Мы уже отмечали, что на этих санях орнаментировка заменена покраской отдельных частей. Это, несомненно, ускоряло процесс их производства. Скрепление частей кузова произведено с меньшей тщательностью, потому что роль скрепляющих ремней, при поломке деталей, выполняли прочные четырехгранные палки с дощечками. Так, в случае поломок кузова можно было ехать, сидя на палках. Уменьшение общей высоты саней также содействовало их устойчивости. О баране мы уже указывали, что он являлся своего рода буфером, предохраняющим сани от поломок полозьев. Несомненно, дополнение саней бараном нужно отнести к усовершенствованию саней путем заимствования от нарты восточносибирского типа.

Исчезновение из употребления саней описываемого нами типа, как уже было указано выше, относится ко второй половине XIX в. К сожалению, по архивным документам не удалось точно восстановить датировку описанных нами экземпляров. Все же, несомненно, сани Музея антропологии и этнографии Академии Наук относятся к концу XVIII в. и к началу XIX в. Сани ГМЭ более позднего происхождения, вероятно, второй половины XIX в.

Таковы некоторые соображения, которые могут пролить свет на причины исчезновения этого интересного типа саней.

Что касается упряжки, то ее разбор не входил в нашу задачу. Отметим лишь, что описанная упряжка, в несколько измененном виде, бытовала еще в начале XX в. с той лишь разницей, что потяги коренной пары, как и средник, привязывались к вертлюгу на баране нарты. Потяги стали несколько короче, алык сохранил ту же форму.

В заключение приведем некоторые лингвистические термины, относящиеся к саням. С. П. Крашенинников приводит названия саней на трех камчадальских диалектах: на северном — „шишхен“, на южном — „шаашан“ и на диалекте камчадалов, населяющих местность от р. Воровская до Тигиля — „шхлишх“. Кроме этого, он упоминает еще неизвестно к какому диалекту относящийся термин „шéжхед“. Лессепс (1788 г.) дает термин „skaskatt“ для Петропавловского района. В словаре Дыбовского,[1] относящемся к 1879—1883 гг., мы находим для саней название „šiščhen“. Тюшев (1896 г.) говорит о термине „шхыншхын“, повидимому, относящемся к нарте восточно-сибирского типа. В описании коллекции ГМЭ № 4894 приводится термин „уэтик“. Этим же термином обозначаются сани у оленных коряков.

Оштол у всех авторов фигурирует под этим названием, за исключением работы Тюшева, где оштол называется „ошхтлэлан“ (сел. Кавран, 1896 г.). Для алыка мы находим следующие термины: у Крашенинникова — „тенаун“, у Лессепса — „Tennemjeda“ (Петропавловский район, 1788 г.); у Тюшева — „шашкан“ (сел. Сопочное, 1896 г.) и у Е. П. Орло-

[1] Radlinski. Słowniki narzeczy ludów kamczackich. Kraków, 1891—1892.

вой — „sasqen“ (Тигильский район, 1926 г.). Как видим, название, записанное Тюшевым, совпадает с термином, приводимым Орловой. Для копыльев Крашенинников дает термин „ошод“; Тюшев — „нгшон“. Для ошейника Тюшев приводит название „кол›-ум“ (сел. Сопочное), для полоза — „шхлэн“ (сел. Ковран). Потяги, по Крашенинникову, назывались „игошежид“; узда — „кӯйгулы“.

Из литературы по вопросу об интересующем нас типе саней в первую очередь следует указать труд С. П. Крашенинникова, где имеется целая глава о средствах передвижения, затем работу Г. Лангсдорфа, в которой подробно описаны старинные камчадальские сани с чертежами всей упряжки и отдельных частей и, наконец, отдельные места в работах М. Лессепса, К. Дитмара и В. Головнина (см. ниже). Это наиболее значительная и интересная литература о старинных камчадальских санях.

ЛИТЕРАТУРА

Головнин В. М. Замечания о Камчатке и Русской Америке в 180⁰, 1810 и 1811 годах. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана, вып. 2. Приложение к „Морскому сборнику“ № 2, 1861, стр. 14–19.

Во второй главе выпуска „Путешествие по Камчатке“ описана довольно подробно конструкция саней и нарт (грузовых саней), а также способы езды в повозках указанных типов. Детально описаны собачья сбруя и орнаментировка саней и сбруи.

Головнин В. М. Сочинения и переводы, т. V, СПб., 1864, стр. 13—18.

Другое издание предыдущей работы.

Ditmar K. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851—1855. Erster Theil. Historischer Bericht nach den Tagebüchern. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. 3-e Folge Bd. VII. St.Petersburg, 1890, S. 160—162.

а стр. 160—162 приводится описание старинных камчадальских саней, даны их размеры (в футах), описана упряжка и способ управления собаками во время езды.

Дитмар К. Поездка и пребывание в Камчатке 1851—1855 гг., ч. I. СПб., 1901, стр. 139—140 (русский перевод предыдущей работы).

Завойко Ю. Воспоминание о Камчатке и Амуре (1854—1855). Русский вестник т. 123, 1876, июнь, стр. 483—484.

Описание саней очень краткое и поверхностное.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, т. II. СПб., 1755, стр. 54—59.

Дано подробное описание конструкции саней, сбруи и способа езды на собаках. Приведена также терминология частей саней и сбруи. В главе „словарь камчадальских наречий“ (стр. 141) дано название саней на трех ительменских наречиях. Имеются рисунки: езда на собаках и каюрщик на „лапках“.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, т. II. СПб., 1736, стр. 55—57; словарь, стр. 141.

Второе издание предыдущей работы. Рисунки соответствуют.

Крашенинников С. П. [Описание земли Камчатки]. Полное собрание ученых путешествий „Описание земли Камчатки“, сочиненное Степаном Крашенинниковым“, ч. III и IV. СПб., 1819, стр. 77—84.

3-е издание упомянутой работы. Рисунки отсутствуют.

Cood J. Troisième Voyage de Cook ou voyage a l'Océan Pacifique, ordonné par le Roi d'Angleterre. Paris. M. DCC. LXXXV, t. 4, стр. 145—148.

Описана в общих чертах конструкция саней и способы езды на них. Прилагается два рисунка.

Langsdorff G. H. Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803. bis 1807. t. II, Frankfurt 1812, s. 248—252. — Альбом „17 Kupfer zu G. H. Langsdorff's Bemerkungen auf einer Reise um die Welt", II Theil.

В работе описан главным образом способ езды на собаках. В альбоме (рис. 14) дан чертеж саней и отдельных деталей и подробное их описание. Кроме того, приводится чертеж лыж и „вязок". Наиболее полное и ясное (благодаря чертежам) описание саней, известное в литературе.

Lesseps M. Journal historique du voyage, t. I, p. I и II. Paris, MDCCXC, p. 115—122.

В работе приводятся описание конструкции саней и способ управления собаками. Во второй части, на стр. 376—380 дан словарь ительменского языка района Петропавловской гавани, в котором имеются названия отдельных частей саней. В т. I — рисунок езды на собаках.

Лессепс. Путешествие по Камчатке и южной стороне Сибири. Перевод с французского, ч. I и II. М., 1801, стр. 112—115.

Русский перевод предыдущей работы. В этом издании словарь и рисунки отсутствуют.

Сарычев (Г). Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, ч. I. СПб., 1802, стр. 170—171.

Кратко описан процесс езды, имеется рисунок езды на санях.

Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt, 1774, S. 370—371.

Дается краткое описание и высказывается ряд соображений о конструкции и причинах бытования этого типа саней.

Steller G. W. Von Kamtschatka nach Amerika. Leipzig, 1926, S. 110—113.

Переработанное издание предыдущей работы. Имеются рисунки; езда на собаках и каюр с остолом и на „лапках" (из работ С. Крашенинникова).

Стеллер Г. В. Из Камчатки в Америку (Von Kamtschatka nach Amerika). Быт и нравы камчадалов в XVIII веке. Л. Изд. П. П. Сойкина (1927), стр. 73—75.

Русский перевод предыдущей работы.

Корытообразная нарта сымских эвенков

Г. М. Василевич

На окраинах территории расселения любой народности, по соседству с народностями, ведущими иной хозяйственный образ жизни, чаще всего пережиточно сохраняются различные архаизмы как в быту и материальных предметах, так и в языке, исчезнувшие уже давно в массе данной народности.

Это общее положение мы можем применить и к эвенкам на западной и юго-западной окраинах территории их расселения. Западной границей расселения их мы считаем Обь-Енисейский водораздел. Большая часть эвенков к западу от Енисея сосредоточена на территории бассейнов рр. Сым, Дубчас, Елогуй, Кеть и Тым. Соседи, с которыми общается эта группа эвенков, — селькупы, кеты и ханты. От эвенков левобережья Енисея эта группа оторвана. В единичных случаях, отдельные семьи ездят на восток. Но в памяти их еще сохраняется не только общение с „горными" эвенками, но и вообще происхождение отдельных групп.

Сымские эвенки в разных областях своей культуры сохранили много элементов, уже утерянных другими группами. Бытует со всеми деталями национальный костюм, из области материального производства продолжает бытовать деревянная удочка печер с наживкой из пучка белого подшейного волоса; во время зимней охоты они отпускают оленей в тайгу и не пользуются ими как транспортным средством. Они кочуют пешком,[1] волоча за собой весь скарб на корытообразной нарте, или, за неимением последней, на замороженной в виде короба шкуре.

Правда, отпуск оленей на второй период зимней охоты и неиспользование их как транспортных животных во время охоты, мы встречали и у верхоленских эвенков, у которых „с 1 декабря по 15 марта олени ходят в лесу без всякого присмотра и лишь изредка их отыскивают, чтобы взять то или иное количество на убой".[2] Но и здесь мы имеем

[1] Зимние кочевания пешком по охотничьей территории отмечались еще в 1931 г.

[2] И. П. Копылов. Тунгусское хозяйство Ленско-Киренского края. Новосибирск, 1923.

аналогичный случай: верхоленская группа живет оторванно от других, окруженная русским и бурятским населением.

Если эти эвенки отпускают оленей на вторую зимовку охотничьего сезона, то сымские отпускают на весь сезон, разыскивая их для поездки на факторию и для убоя. Сам сезон зимней охоты у них называется халгалашани (буквально — ходьба: „большая" — до половины декабря и „малая" — с января по март).

Транспортным средством для перекочевок служит корытообразная нарта нгат или нат, а за неимением ее — коробообразная замороженная или засушенная старая шкура.

Рис. 1. Нарта с упряжью для человека.

Для перевозки скарба семьи, состоящей из 4 человек, необходимы 3—4 таких нарты. Одну нарту везет один человек. Женщины для облегчения припрягают еще собаку.

Упряжка нарты, таким образом, состоит из алаг'ов (лямок): или двух — человеческой и собачьей — при перевозке женщинами, или одной — при перевозке мужчинами. Охотники уходят от семьи на охоту не больше чем на 3 дня. На эти дни они также увозят нарточку меньших размеров с необходимыми охотничьими припасами, продуктами и небольшим пологом для шалаша. Человеческая лямка составляется из двух петель, одеваемых на плечи и связанных за спиной, и двух концов, привязанных к углам передней части нарты (рис. 1, 2). Длина потяга 2—3 м. Собачья лямка состоит из широкого ремня, подбитого мехом, ала(г) — собственно лямка, которая одевается на грудь собаки и проходит через спину. Чтобы ала(г) не ерзала, сбоку прикреплен узкий ремень шилиптын, проходящий под передними ногами собаки и привязывае-

мый к ала(г)'у с другой стороны. Лямка ала(г) имеет на концах петли, к которым привязывается потяг шилгидавун, длиной в 10—14 м. Конец потяга привязывается к середине верхней передней перекладинки нарты (рис. 3). Собачий потяг от нарты проходит между ног женщины, которая придерживает его во время ходьбы. Это дает возможность

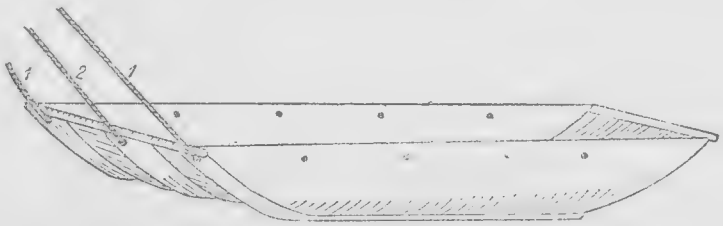


Рис. 2. Нарта в упряжке.
1 — лямка к человеку; *2* — лямка к собаке.

ровнее распределять тягу и управлять собакой. В правой руке обычно держат посох.

Если кочуют по реке или по насту, идут пешком, по тайге и во время охоты — обычно ходят на лыжах.

Нарта нгат формой напоминает корыто. Тонкие доски для нее, так же как для лыж, изготовляются из прямой и сухой сосны или

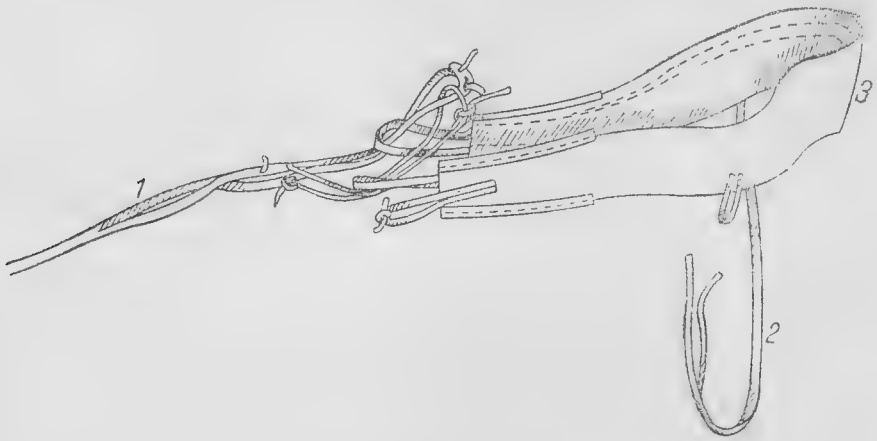


Рис. 3. Упряжь для собаки.
1 — шилгидавун; *2* — шилиптын; *3* — ала(г).

из березы при помощи топора и скобеля. Длина нарты 1.5—2.5 м, ширина 0.50—0.75, высота 0.40—0.50 м. Для дна — хорон — делают широкую доску или две, загибая оба конца в правилах. По середине дна и по краям прибивают полозья хактᵖэ. Средний полоз, шириной в 0.15—0.20 м загнут с двух концов, краевые 0.05—0.10 м загнуты только с переднего конца. Концы полозьев скрепляют поперечной перекладиной с боковыми дощечками олдонддᵖи. Чтобы бока не прогибались внутрь, внутри по дну вставляют 5 перекладин, из которых крайние

на сгибах называются амнга (буквально — „рот“), а вторые „туктэ“ (буквально — „след“, „ступенька“) (рис. 3). Материалом для связки креплений служит кедровый корень.

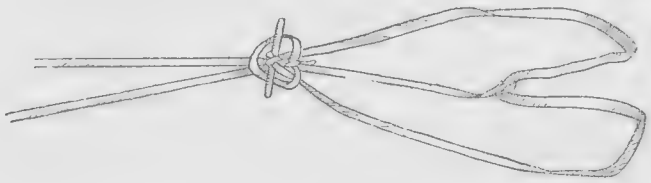


Рис. 4. Лямка для человека.

Такой формы нарта и название ее нгат или нат отмечены только у сымских эвенков. Несомненно, что эта нарта заменила засушенную коробом шкуру. Употребление охотниками вместо нарты засушенной коробом шкуры ушо отмечалось Титовым у киндигирских эвенкво Северо-Байкальского района.[1] Верхоленские эвенки, отпускающие оленей на вторую половину охотничьего сезона, также ходят на промысел пешком или на лыжах, таща за собой охотничью нарту (см. фото в указанной работе Копылова). К сожалению, в печати отсутствует описание этой нарточки.

Рис. 5. Нарта в стоячем положении рядом с человеком.

Современные токминские и непские эвенки,[2] живущие смежно с русскими и утерявшие оленей, а также малооленные, уходят на промысел пешком, таща за собой охотничью нарту и иногда впрягая в нее собаку. Среди этих эвенков еще продолжает бытовать примитивная нарта — келчи, представляющая собой широкую и длинную (1.5—2 м) доску с загнутым кверху передним концом.

---

[1] Е. И. Титов. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926, стр. 164.

[2] Река Непа впадает слева в Нижнюю Тунгуску в верхнем ее течении, а р. Токма — левый приток р. Непы.

К доске, как пяточные ремни к лыже, прикреплены петли для привязывания поклажи. Эти эвенки — потомки эвенков, живших по Ангаре, Лене и в районе северного Прибайкалья.

Таким образом, примитивный способ перевозки клади мы имеем у эвенков к западу от Енисея, на истоках рр. Нижней и Подкаменной Тунгуски, Лены и в середине Прибайкалья.

Может встать вопрос: не является ли этот факт результатом утери оленей.

По языку все эти эвенки объединяются в одну шипящую подгруппу южных сибилятных диалектов. Благодаря разобщению и сосед тву с другими народностями их говоры приобрели свои особенности, давшие к настоящему времени диалекты указанной подгруппы. Предания, записанные среди них, не отмечают оленей как транспортных животных. Все это позволяет относить и пешее кочевание в сезон охоты, и шкуру — волокушу, давшую основу описанной выше нарте, к явлениям очень древнего порядка, характерным для древних предков современных эвенков и пережиточно сохраняющегося рядом с использованием оленя как транспортного животного.

Старинная якутская берестяная юрта

А. А. Попов

Одним из ранних известных нам типов жилища якутов является конусообразная берестяная юрта — ураса — в настоящее время совершенно вышедшая из обихода и, к сожалению, в свое время не изученная.

В данной работе мне и хотелось бы привести краткое описание этих юрт — интересных памятников далекой якутской старины, — возможно, представлявших тип сохранившихся, сравнительно до недавнего времени, коллективных жилищ большой семьи, на что указывают их значительные размеры.

Легкая конструкция урасы указывает на неприспособленность этого типа жилища к тем климатическим условиям, в которых в настоящее время живут якуты. Южное происхождение урасы становится еще более очевидным при сравнении ее с киргизской войлочной юртой. На новой родине якутов мы встречаем берестяные юрты уже в качестве пережитка в виде летников.

По своему устройству они резко отличаются от всех других типов якутского жилища, построенных из дерева и приспособленных к суровым северным условиям. Нетрудно видеть, что балаҕан — деревянная юрта — или ӣмӓн — шалаш — чрезвычайно близки к северным типам жилищ, распространены почти у всех народов севера Сибири, начиная от хантов и кончая эвенками. Долганский материал дает возможность проследить эволюцию якутского жилища от конусообразного чума до балаҕан'а.

Конусообразный тип жилища, как более простой по конструкции, легкий и удобный для перевозки, всегда связывается с кочевой культурой. Существование у якутов берестяной юрты говорит о кочевой жизни якутов в южных степях Сибири. Как известно, южное происхождение якутов в настоящее время никем из ученых тюркологов не оспаривается и считается вполне доказанным. Одним из веских доводов является в этом отношении наличие южного скотоводства (лошади и коровы), вклинившегося оазисом в средину территории эвенков-оленеводов.

Нас не должно смущать то обстоятельство, что берестяная ураса представляет собой прочное неподвижное сооружение, рассчитанное

на много лет. Свою неподвижность она получила тогда, когда якуты перешли на оседлость и отпала необходимость в переносном жилище.

Материалами для настоящей работы послужили: 1) коллекции Музея Института этнографии Академии Наук СССР, 2) виденные мной в 1924 г. в бывш. Вилюйском округе остатки юрт и 3) рисунок с натуры художника В. В. Шаравина, исполненный в 1925 г. в окрестностях Якутска (к сожалению, без указаний размеров и местности).

Большую помощь оказала мне ныне покойная Мария Николаевна Ионова — известный знаток якутской старины.

Еще в XVIII столетии путешественники нередко упоминают, что большинство летних жилищ якутов состояло из берестяных юрт. До сих пор в устно-народном творчестве неоднократно говорится о берестяных юртах. В шаманских заклинаниях, когда желают образно выразить что-либо внушительное по размерам, сравнивают его с урасой, говоря: „Величиною с солидную, с тремя опоясками, урасу (ӱс курдӱлах моӈол ураса саӈа)“.

Рис. 1. Старинная берестяная юрта.

В песне, записанной А. Ф. Миддендорфом в 50-х годах прошлого столетия, берестяная юрта описывается следующим образом: „Трижды опоясанная большая ураса о трех жердях, о сорока берестовинах у основания, о тридцати — посредине, о двадцати — вверху, о десяти — у самой крайней верхушки, о трех дымовых отверстиях, с узорчатовышитою поперек дверью, с полосатою надстилкою, с узорными спальными лавками, с пестрыми шнурами для занавесок“.[1]

Приведенные в отрывке количественные указания являются преувеличенными и предназначены лишь для образности изложения.

Нарядные берестяные юрты уже в XVIII столетии служили признаком зажиточности, поскольку сооружение их требовало больших расходов. Они были только летними жилищами и располагались вблизи хозяйственных построек (амбаров, кладовок) и зимников на лугу.

В зависимости от величины юрты носили три названия: самая большая называлась „моӈол ураса“ — большая, солидная ураса (рис. 1); средней величины — „далла ураса“ — низкая и широкая ураса (диаметр ее часто превосходил высоту) и „хоӈол ураса“ — высокая ураса. Самые большие юрты были высотой до 10 м, в диаметре до 8 м.

Устанавливалась юрта следующим образом. В зависимости от ее величины вкапывались в землю до 12 столбов, вышиной немного

---

[1] Э. К. Пекарский. Миддендорф и его якутские тексты. Зап. вост. отд. русск. археолог. общ., т. XVIII, 1907, вып. 1, стр. 060.

менее 2 м каждый, у менее нарядной юрты, по своим выемам напоминающих коновязи (рис. 2). Каждый из столбов имел наверху полукруглую вырезку, по которой накладывался круг из двух или трех согнутых жердей, связанных между собой и гладко отесанных с внутренней стороны. Круг этот назывался „маӈнаjгы курдӯ“ — первая опояска.

Рис. 2. Столбы якутской берестяной юрты.

У более нарядных юрт столбы имели различные фигурные вырезы и часто вместо круглых бывали четырехугольными. Первая опояска таких столбов состояла из досок, вставлявшихся в специальные пазы с обеих сторон их верхней части (рис. 3).

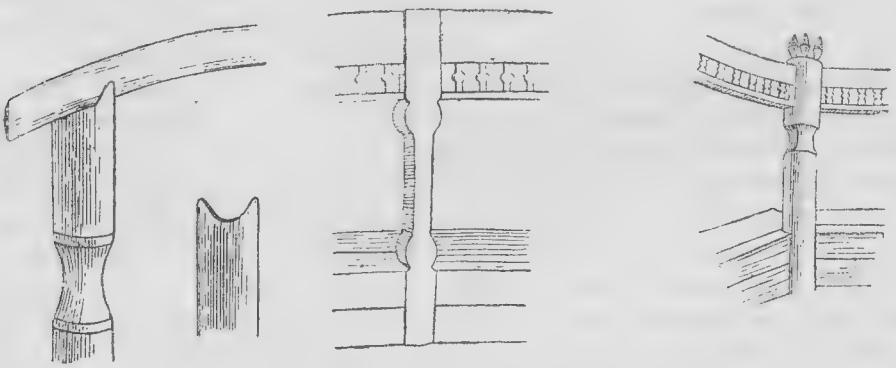


Рис. 3. Детали столбов берестяной юрты.

Когда первая опояска была готова, устанавливали конический остов, для чего вначале ставили три наиболее длинных жерди, встарину — с необрубленными ветвями на верхушке — „кӧпчӱкӓ“. Вокруг этих основных жердей устанавливались остальные, приблизительно, на расстоянии 0.25 или 0.20 м друг от друга, и крепко привязывались к первой опояске

Рис. 4. Вид берестяной юрты в разрезе.

б

а

Рис. 5.
а—вьюченая веревка первого круга юрты;

б—вьюченая веревка второго круга юрты.

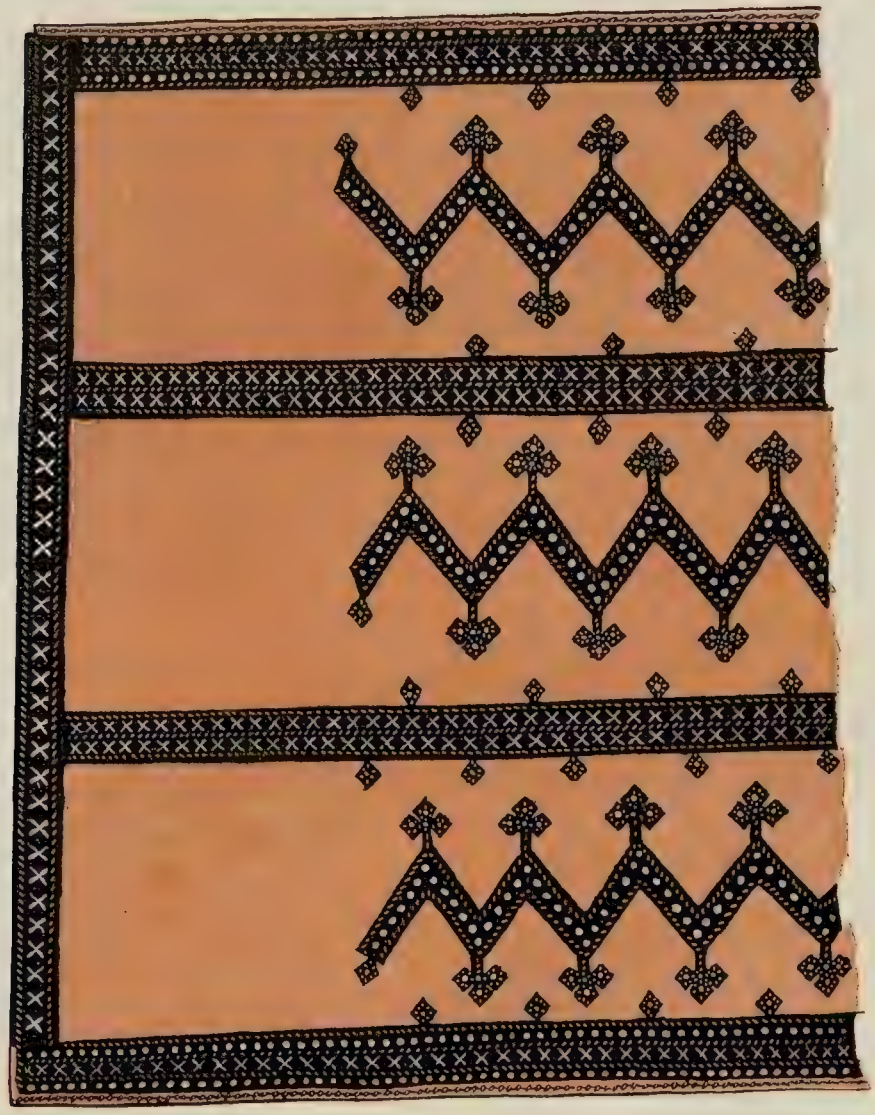


Рис. 6. Внутренняя берестяная покрышка юрты. (Из колл. МАЭ. № 2666-43).

Рис. 7. Внутренняя берестяная покрышка юрты. (Из колл. МАЭ, № 3873—5).

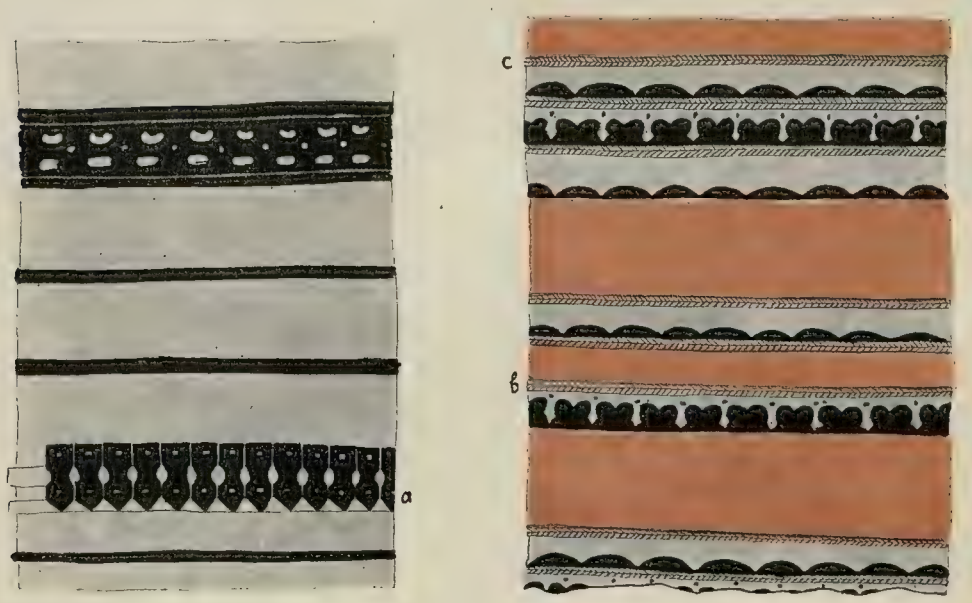


Рис. 8. Образцы наружной (*а*) и внутренней (*б*) покрышки берестяной юрты из могил в бывшем Удюгейском улусе, Вилюйского округа.

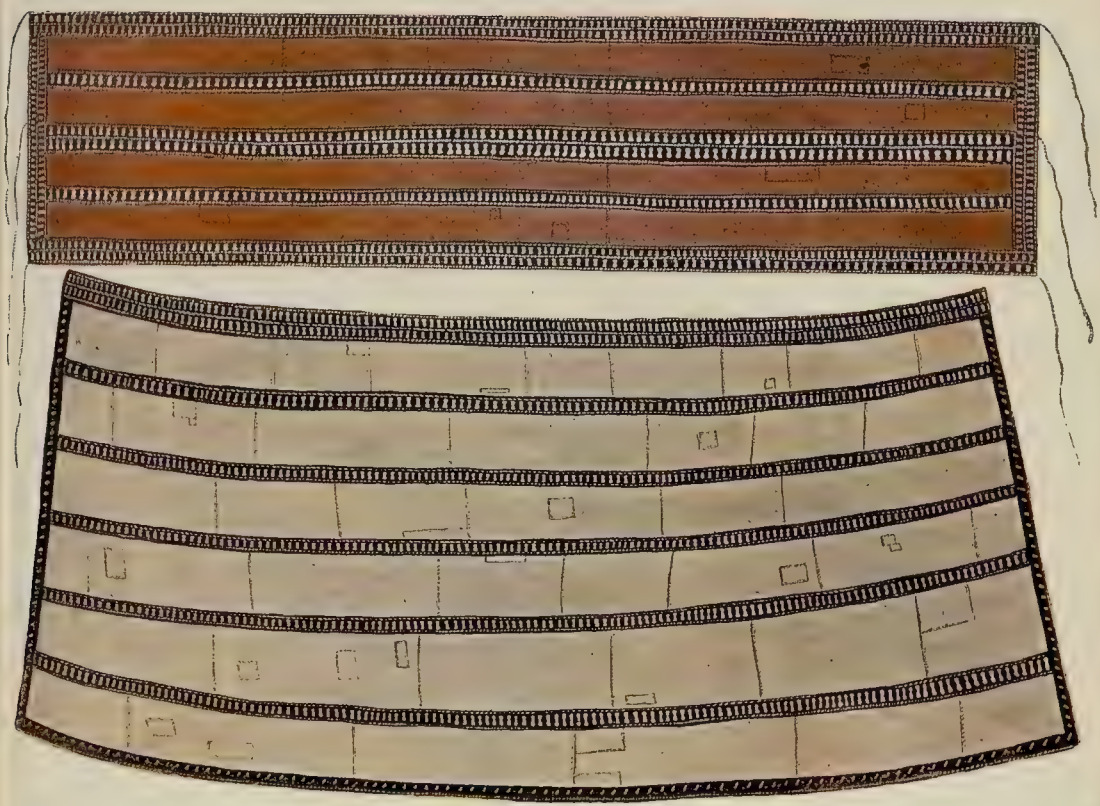


Рис. 9. Внутренняя берестяная покрышка юрты (верх). Наружная берестяная покрышка юрты (низ). (Из колл. МАЭ, № 3878-31).

длинной пестрой веревкой „ірчігăн быа“, плетеной из конского волоса (рис. $4A_3$; 5а) и оканчивавшейся кистями, ниспадавшими по обеим сторонам двери (рис. 5б).

Выше средины юрты укреплялся посредством пестрой волосяной веревки „ірчігăн быа“, иначе плетеной, чем первая, второй круг меньшего по сравнению с нижним размера, сделанный из жердей и называвшийся „ортоку курдӯ“ (рис. $4A_2$ и 5). И, наконец, около самого края берестяного покрова таким же образом укреплялся третий круг „ӱӧсā курдӯ“ — верхняя опояска (рис. $4A_1$). Таким образом, на юртах большого размера имелись три опояски. Затем привязывались окрашенные в коричнево-красный цвет орнаментированные полосы бересты, шириной около 1 м, длиной до 6 м (рис. 6, 7, 8, 9, 9а), окрашенной стороной внутрь, к жердям горизонтальными рядами посредством пришитых к краям повязок из пестрой веревки, плетеной из конских волос. Эти полосы располагались так, чтобы нижний край верхней полосы мог закрывать снаружи верхний край нижнего ряда — это делало юрту непроницаемой для дождя. Покрыв остов юрты первым внутренним слоем бересты, накладывали второй, наружный, состоящий из неокрашенных берестяных полос шириной до 2 м и длиной до 6 м и меньше, смотря по величине юрты (рис. 9). Иногда на всего наружного покрова орнаментировались полосы одного нижнего ряда.

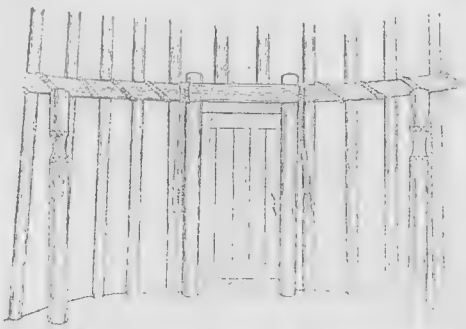


Рис. 5А. Кисти волосяной веревки первой внутренней опояски.

Второй слой берестяных покрышек, как и внутренний, подвязывался ко второму наружному ряду жердей, устанавливаемых по отношению к внутренним в шахматном порядке, но не сразу, а по одному по мере подвязывания бересты.

Для удобства установки жердей, наружные полосы покрышки подвязывались вертикально снизу вверх с помощью длинной лестницы. Число наружных жердей было меньше, чем внутренних, и для них выбирались не такие стройные деревья, как для внутренних. Часть и внутренних и наружных жердей не доходила до самой верхушки.

Когда остов был уже покрыт двумя слоями бересты, на расстоянии одного или двух метров от верхнего края покрышек привязывали волосяной веревкой деревянный круг, подобный внутренним опояскам, называвшийся „тас курду“ — внешняя опояска. Место скрещивания жердей на верхушке юрты связывали толстым тальником в виде обруча. Вязка эта называлась „көпсӧ“.

Внутри юрты, между столбами, устраивали лежанки для сиденья и спанья. Обычно в большой юрте их бывало 12 (рис. 10 *А*).

Первая лежанка налево от входа называлась „an орон“ — лежанка у входа; рядом находилась лежанка — „атах орон“ — последняя лежанка (дословно „нога лежанки“); третья лежанка „ортоку орон“ — средняя лежанка; четвертая — „бастың орон“ — лучшая (почетная) лежанка. Последние две лежанки предназначались для самых почетных гостей. Над четвертой была полка с иконами. Пятая лежанка называлась „billipik“, на ней спали сыновья хозяина, шестая — „хаппахчы“; у нее был вид полога, спереди и с боков она закрывалась орнаментированной берестой

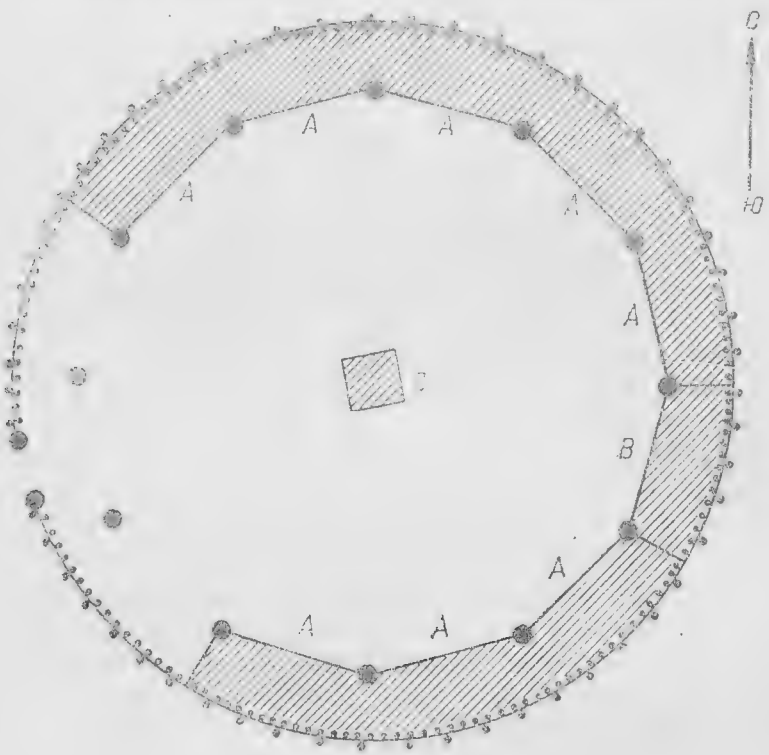


Рис. 10А. План якутской берестяной юрты.

и имела четырехугольное отверстие для входа, которое закрывалось берестяной дверью „ціäl“, подвешенной на пестрой волосяной веревке. Для этого за берестяной перегородкой лежанки устанавливали две жерди, упиравшиеся своими концами в жерди внутреннего остова юрты и служившие стойками для перекладины, на которой подвешивалась дверь (рис. 11). Дверь очень богато орнаментировалась и украшалась медными и серебряными подвесками и цветными бусами (рис. 12, 13, 14, 15, 16). В некоторых случаях, как это видно из прилагаемой копии с рисунка художника И. В. Попова (рис. 17), у хаппахчы не было специальной двери, она заменялась тремя орнаментированными длинными полосками бересты, подвешенными посредством веревок за верхние края. Чтобы войти в хаппахчы, следовало только приподнять снизу

любую из полос. Хаппахчы предназначалась для спанья молодой супружеской четы или незамужних взрослых дочерей домохозяина.

Дальше находилась лежанка „кäтäҕäрін орон“ — задняя лежанка, предназначенная для спанья домохозяев, при наличии взрослых детей.

В старину лежанки домохозяев юрты: bіllіpik, хаппахчы и кäтäҕäрін орон — устраивались на ширину ладони выше остальных. Это делали для того, чтобы хозяева, сидя ниже гостей, не унижали этим себя перед ними.

Последняя лежанка „хаҥас діäккі орон“ — левая лежанка предназначалась для спанья домашней челяди. Иногда устраивали еще „ісіт ороно“ — скамью для посуды, часто заменявшуюся целым рядом полок.

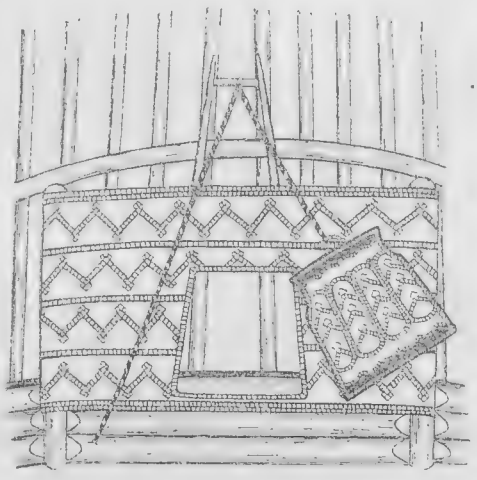


Рис. 11. Крытая лежанка „хаппахчы“.

В более раннее время лежанки назывались иначе. Вторая от входа называлась „көҥүl олох“ — вольное, свободное (никому не предназначенное) сиденье; пятая — „көҕöl олох“ — высокое сиденье (дословно — „чёлка сиденье“); шестая — „кäҥцірä олох“ — счастливое сиденье и восьмая — „күöдäl олох“ — неубранное, разбросанное сиденье. Налево от входа, между столбами, не имеющими лежанки, складывали дрова, направо — ставили посуду с водой.

Под образами был стол с кривыми ножками, вышиной до 0.7 м с верхней доской в 0.33 м². В более раннее время столы не были известны якутам, и название их „остол“, произошло от русского слова стол. Первое время столы ставили перед почетными гостями, а сами хозяева, вместо столов, попрежнему довольствовались настилами из круглых жердей, связанных тальником, длиной около 1 м и шириной в 0.75 м. Назывались они „сандалы“ и покрывались сверху берестяной полосой, сшитой из нескольких кусков.

Входные двери в старых юртах делали из бересты и подвешивали наподобие дверей в хаппахчы. Позднее их заменили деревянные, схожие по форме с дверями у бревенчатых юрт. У таких дверей косяки устанавливались наклонно и опирались верхними концами на первую внутреннюю опояску.

По средине юрты находился очаг „холумтан“, величиной около 1 м², состоящий из 4 дощатых стенок в виде ящика, с туго набитой глиной внутри, иногда со стойками для железных крючков — „сатанах“ — для подвешивания котлов (рис. 10С, 17). О внутреннем виде берестяной юрты дает представление прилагаемый рисунок художника В. В. Шаравина (рис. 18).

Береста для покрышек снималась весной женщинами и требовала для обработки и шитья умелых мастериц (туосчуттар). Сначала для

прочности эту бересту вываривали в воде, затем соскабливали ножом верхний слой (таҥастыллар) и сшивали тонким волосяным шнуром в полосы. Береста внутреннего покрова окрашивалась в красновато-коричневый цвет отваром ольховой коры. Окраска производилась при помощи мочала и стружек, после этого поверхность слегка смазывалась сливками или топленым маслом. Окрашенная таким образом покрышка юрты украшалась нашивными, узкими, выкрашенными в черный цвет полосками тонкой расщепленной бересты с прорезными узорами. Черную краску приготовляли из черных березовых наростов. Наросты эти предварительно прожигали, затем, превратив в мелкий порошок, смешивали с маслом или со сливками. В качестве черной краски также употреб-

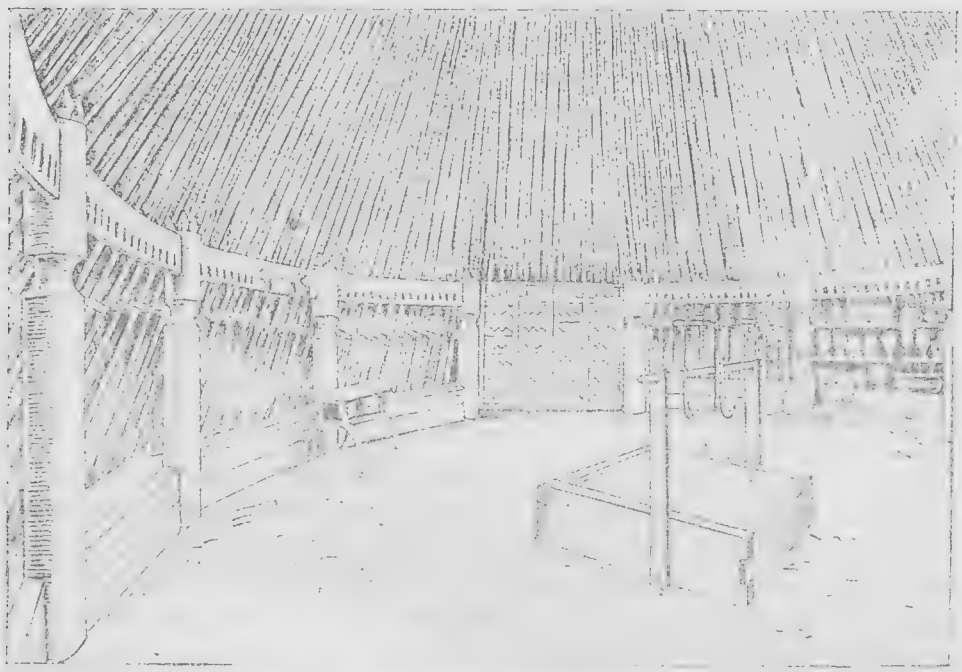


Рис. 17. Внутренний вид берестяной юрты.

ляли хоруончука — накипень, подкожные черные выделения в подмышках и в паху у лошадей. Для шитья пользовались нитками, сученными из конской гривы. Швы выполнялись с удивительной тщательностью и, в свою очередь, служили как бы украшением, окаймляя с боков черные полоски.

Узорные вырезы черных берестяных полосок, в зависимости от формы, носили у якутов различные названия.

Круглый и овальный узор, вырезанный на покрышке чума, назывался „оҥо быҫы“ — сквозной вырез (рис. 19, *а*).

Орнамент, состоящий из двух соединенных вместе полукругов, напоминающий восьмерку, назывался „таҥалаі“ — нёбо (рис. 19, *в*).

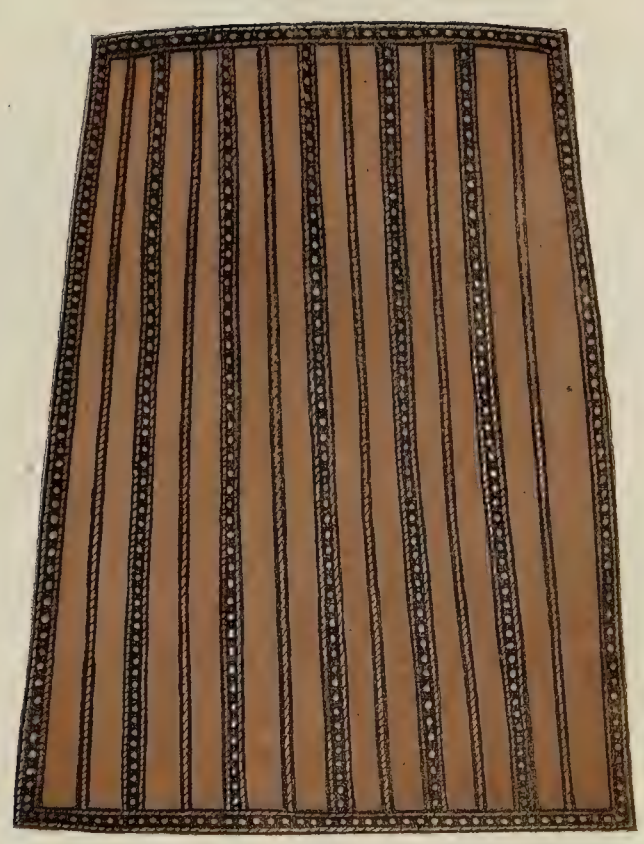


Рис. 12. Подвесная дверь. (Из колл. МАЭ, № 3873-7).

Рис. 13. Подвесная дверь. (Из колл. МАЭ, № 3873-9).

Рис. 14. Подвесная дверь.

Рис. 15. Подвесная дверь. (Из колл. МАЭ, № 2666-44).

Рис. 16. Подвесная дверь.

Орнамент в виде почковидного выреза или в виде выреза наподобие столбиков, оканчивающихся тремя углами, назывался „бäрбā̄кäі“ — лодыжка (рис. 19, *c*). Полукруглые вырезы, напоминающие луну, назывались „тыӈырах“ — ноготь (рис. 19, *d*).

Орнамент в виде сердца с ромбом наверху назывался „кöҕӱöр“ — большой кумысный мех (рис. 19, *e*). Этот мотив орнамента постепенно усложнялся, разделяя внутреннюю сторону ромба на 4 равных квадратика. Такого рода ромбы часто выступали в качестве самостоятельного

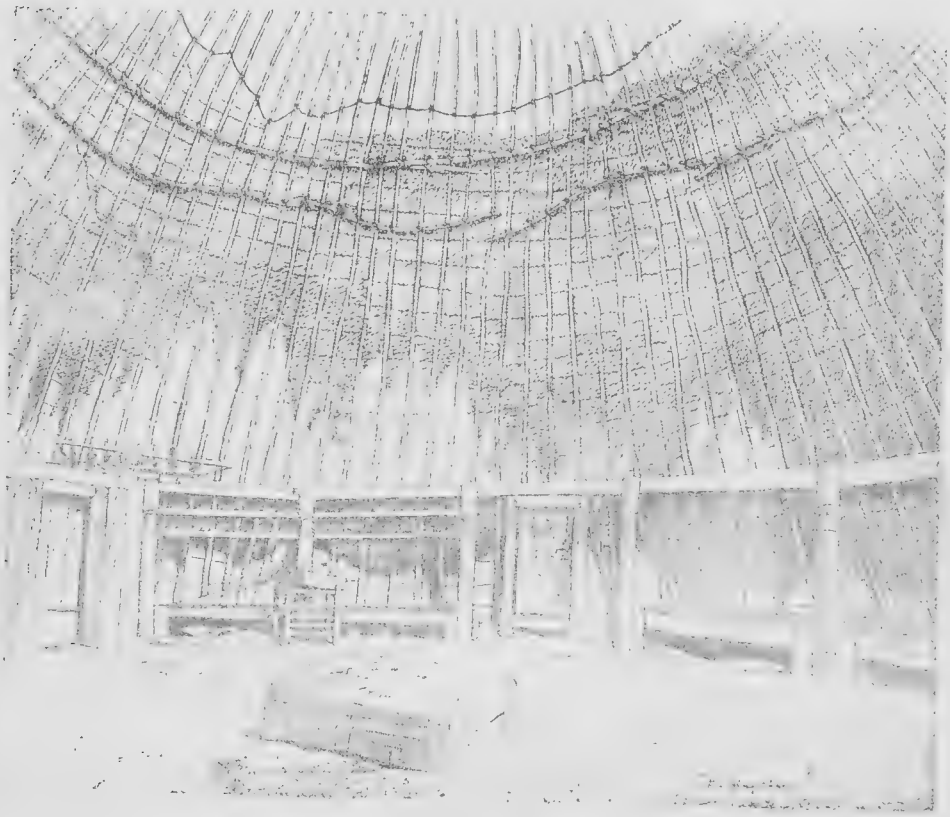


Рис. 18. Внутренний вид берестяной юрты.

орнамента и тогда назывались „дуомат“ — от старинного русского слова, означавшего игру в пешки, „дуоват“ (рис. 19, *f*).

Иногда в сердцевидном орнаменте ромб заменялся крестом, который, как и вырез в виде креста, назывался „кіріäс“ — крест (рис. 19, *k*).

Орнамент в виде узкой и длинной полосы, имеющий в середине утолщение и заканчивающийся книзу тремя углами, назывался „салбырак ојӯ“ — ниспадающий, свисающий узор (рис. 19, *l*).

Орнамент в виде простого треугольного выреза носил название „хаӈнык ојӯ“. Хаӈнык назывались в старину серебряные треугольные пластинки, пришивавшиеся на одежду в виде украшения (рис. 19, *m*).

Узорное шитье, скрепляющее тонкие прутья, в некоторых случаях обрамляющее края бордюра, называлось „таңалаіоjӯ“ — нёбо (рис. 19, *п*).

Под узорные вырезы черных полосок подкладывались тонкие пластинки слюды.

Как уже указывалось, больше внимания уделялось украшениям внутренних покрышек юрты; у наружных орнаментировались только полосы первого нижнего ряда, да и то не всегда.

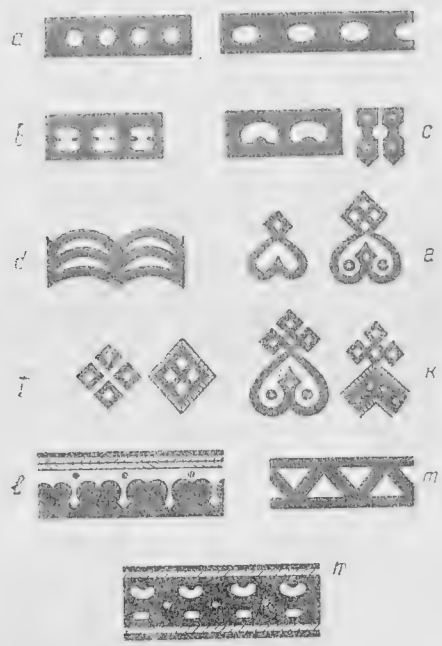


Рис. 19. Элементы орнамента покрышки берестяной юрты.

Установленная юрта не разбиралась на зиму и так простаивала много лет, пока жерди не приходили в ветхость.

Покрышку урасы давали в приданое невесте. Если невеста приезжала к жениху зимой, покрышки привозили весной, и юрту устанавливали после таяния снега, с наступлением тепла. При этом происходило большое празднество.

Когда устанавливали столбы юрты, под четырьмя из них — двумя, стоящими по сторонам божницы, и двумя — по сторонам двери, — подкладывали белые конские волосы и старинные десятикопеечные медные монеты, по своей тяжести получившие специальное название „лос хаччы“ — тяжелые деньги.

Когда человек умирал, тело его завертывали в бересту от юрты.

Материалы по шаманству у телеутов

Н. П. Дыренкова

Шаманские бубны, описанию которых посвящена настоящая работа, принадлежали шаману — телеуту Канакаю — Николаю Алексеевичу Чолухоеву из рода іутты (колл. № 2014-1, рис. 1 и 2) и телеутской шаманке Пӧдӧк — Федосье Степановне Тыдыковой, урожденной Тодышевой — род отца іутты, род мужа — чорос (колл. № 2014-3, рис. 3—4, фото на рис. 5), жившим в улусе Чолухой, бывш. Томской губ., Кузнецкого уезда, нынешнего Бековского сельсовета, Беловского района, Новосибирской области.

Бубны переданы в Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР Андреем Викторовичем Анохиным, этнографом и исследователем Алтая, в 1912 г. и зарегистрированы на основании данных собирателя.

В основе нашего описания лежит опись МАЭ коллекции № 2014 и сведения, полученные нами об этих бубнах и их владельцах шаманах, от брата шамана Канакая — Степана Алексеевича Чолухоева и сына шаманки Пӧдӧк — Степана Тыдыкова, а также от Романа Алексеевича Клопотина, участвовавшего прежде в шаманских камланиях в качестве помощника шамана (тӓм кошјатан кіжі) и потому хорошо знакомого с шаманской обрядностью. Ими же сделаны приводимые ниже рисунки бубнов рис. 6 и 7 и от них же записано камлание при получении шаманом нового бубна.

Согласно описи Музея и рассказам телеутов бубны эти получены от шаманов Канакая и Пӧдӧк А. В. Анохиным летом 1911 г. в улусе Чолухой при жизни этих шаманов (Канакай умер в 1914 г., Пӧдӧк — в 1929 г.).

---

[1] От редакции. Публикация материалов по шаманству телеутов, собранных Н. П. Дыренковой в 1931 г., вызвана их большой научной ценностью для этнографии народов Сибири. Эти материалы являются уникальными, так как шаманство у телеутов в настоящее время исчезло. Они представляют большой интерес также для лингвистов и фольклористов. Автор представил в свое время записанные телеутские тексты в латинской транскрипции. Редакция сочла необходимым заменить эту транскрипцию обычной академической, основанной на русском алфавите. Работа по замене транскрипции и сверке с переводом выполнена А. И. Новиковым.

О первом бубне № 2014-1 в описи сказано: „был в употреблении 16 лет. Железные перекладины и подвески новые", о бубне № 2014-3: „перекладины и подвески новые". Таким образом, ясно, что оба бубна даны А. В. Анохину самими шаманами, а не взяты им с могилы шамана, как это имеет место с большинством бубнов в собраниях музеев. Шаманы передали А. В. Анохину свои старые бубны после того, как они получили новые (при обряде получения нового бубна); из уважения, видимо, к А. В. Анохину, они отдали свои бубны с рукоятками, хотя, как правило, при обмене бубна шаману делают заново лишь обечайку, а металлические части и рукоятка бубна остаются старые. Надо отметить, что у одного бубна (2014-1) прорезана кожа, а это делается, по правилу, после смерти шамана — владельца бубна. Возможно, в данном случае шаман сам, передавая свой бубен собирателю, прорезал кожу, чтобы духи покинули этот бубен и не ушли с бубном, увозимым собирателем.

Рис. 5. Шаманка с бубном.

Настоящие бубны являются последними бубнами последних телеутских шаманов.[1]

I

Шаманство достигло у телеутов высокой стадии развития, оно успело превратиться в профессию: шаманское служение оплачивалось. Существовал весьма развитый ритуал.

Шаманы, являясь эксплоататорами своих сородичей, требовали платы за камлания деньгами или скотом. Скот, „угодный духам", т. е. угодный шаману, „закалывался, по его настоянию, в жертву духу". Лучшие куски мяса, как и шкура, шли в пользу шамана. Еще В. В. Радлов в 1861 г. писал о телеутских шаманах: „Мнимое исцеление больных происходит следующим образом. Призванный шаман осматривает больного и затем назначает день жертвоприношения и жертвенное животное: обычно он выбирает очень жирную хорошую лошадь. После жертвоприношения шаман получает в подарок вторую лошадь. Это бесполезное жертвоприношение стоит людям больших денег, а иной на этом совсем разоряется. Мой казак рассказал мне об одном слепом, который имел табун в 500 коней и созывал всех где-либо прославленных шаманов, чтобы при помощи

[1] В целях удобства изложения отдельные части описания даны в настоящем времени.

и искусства стать зрячим. Этот человек все еще слепой, но его табуны исчезли, и сам он, обедневший, лежит в жалком состоянии в своей лачуге".

Телеутское шаманство, однако, сохраняло пережиточно свой первоначальный родовой характер. Шаманский дар передавался в роде — сöök'е — шамана. По представлению телеутов, духи умершего шамана искали и выбирали себе нового шамана среди его родственников, мужчин или женщин, в его же роде. Отмечены случаи, когда шаманский дар наследственно переходил от тај'я — брата матери — к јіään — племяннику.

Считалось, что каждый шаман должен был быть предопределен к своему служению самим Ульгенем:

„Ӱlгäнниң сабыр п̄ічік јок п̄олзо, кам кајдаң п̄олун камдајтан? — если нет бумаги — письма Ульгеня — шаман как станет камлать?" — говорили телеуты.

Призыв к шаманскому служению обнаруживался особым приступом „шаманской болезни", который осмыслялся телеутами, как принуждение духа — тöс п̄асјат —

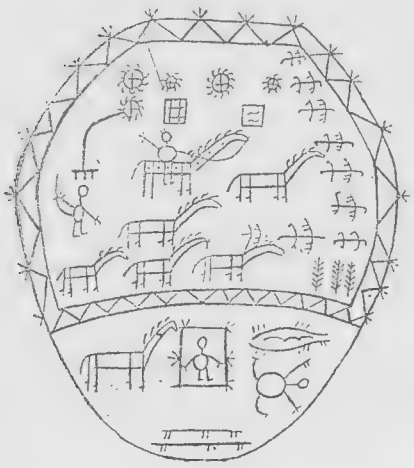


Рис. 6. Рисунки на бубне (рисунки сделаны телеутами).

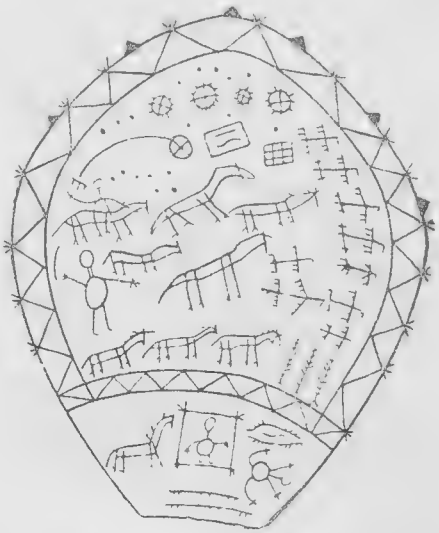


Рис. 7. Рисунки на бубне (рисунки сделаны телеутами).

„дух давит", т. е. наступает на избранного им. Момент этот происходил примерно на пятнадцатом-восемнадцатом году жизни будущего шамана или шаманки. В этот период шаман назывался паскынкам, т. е. буквально — „принуждаемый, давимый шаман". Позже, став уже шаманом и совершая камлания, шаманы в призываниях говорили о себе: „кам Кобордаң кујбургам, кам Пöнöк пажылгам — из-за шамана Кобора я мучился и болел безумием (буквально — „я бегал и крутился, как вихрь"), шаман Пöнöк меня давил..." (слова шамана Канакая).

В течение этой болезни, продолжавшейся иногда год и даже больше, шаман по представлению телеутов, попадал во власть духов, которые его „пересотворяли" (јајалҕан — буквально — „быть сотворенным"). У каждого шамана поэтому был свой дух, которого он называл „Мäн јајалҕаным" — „мой пересотворитель".

Духи варили, будто бы, шамана в особом котле, разрезали его мясо и долго и внимательно пересматривали и пересчитывали его кости. Если у кандидата в шаманы нехватало одной кости, он должен был умереть, если находилась лишняя кость, как бы он ни сопротивлялся, он становился шаманом.

---

[1] W. Radloff. Briefe aus dem Altai. Erman. Archiv für rnissenschaftl. Künde von Russland. 1861, XX, стр. 587.

В этот период, когда будущего шамана тöс пасјат — „дух давит", шаман подвергался тяжелым приступам — припадкам болезни (кам полуп оjжырап јат), он лежал и пел и бессмысленно выкрикивал, неожиданно вскакивал и, надолго исчезая из дома, бродил по окрестностям. С закрытыми глазами, в полусознании, шаман убегал куда попало,

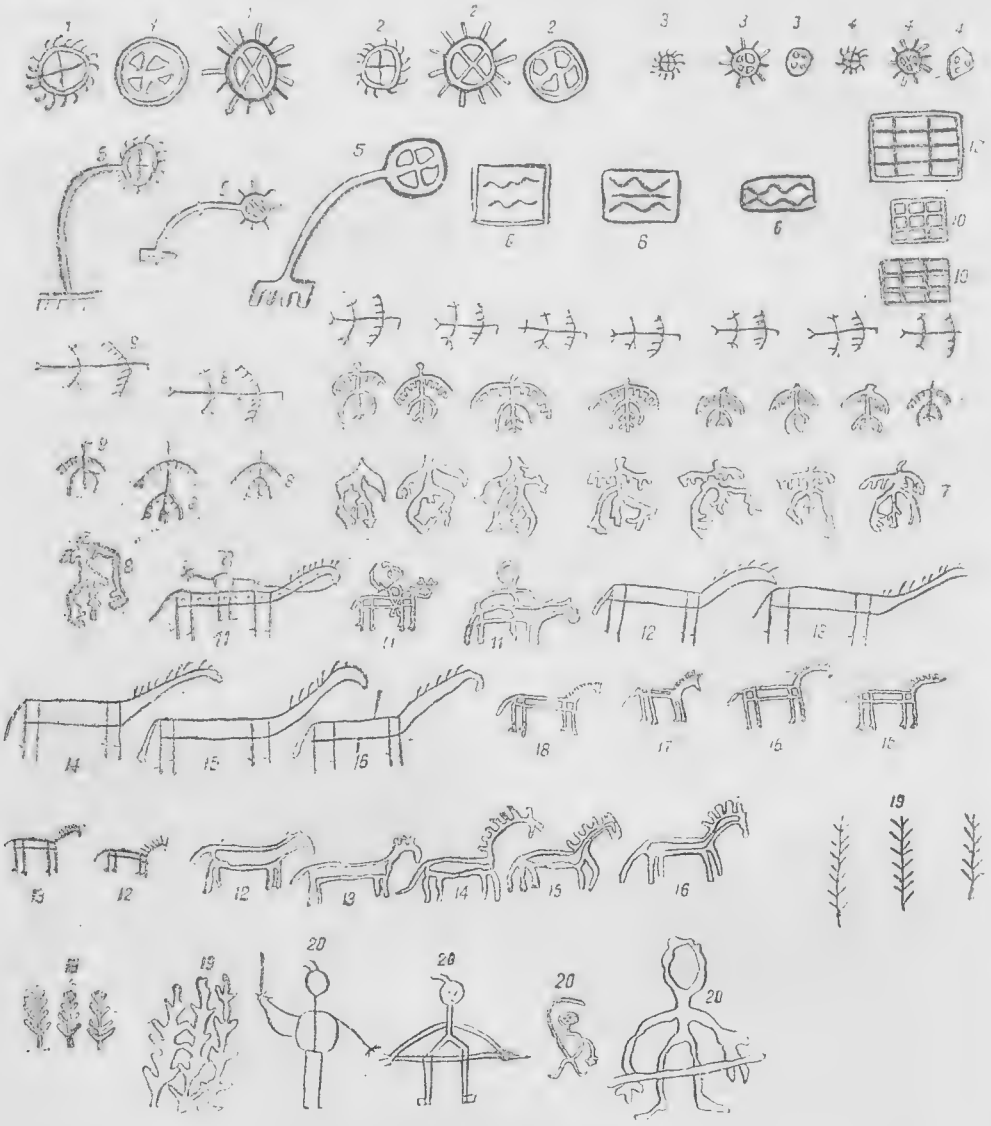


Рис. 8. Детали рисунков на бубнах.

и бегал, где попало. Кам куjбурjат — буквально „шаман безумствует, шаман вихрится" (т. е. развевается — мчится, как вихрь), — говорили про такого начинающего шамана телеуты.

Родные, часто не желавшие, чтобы их родственник стал шаманом, принимали соответственные меры, чтобы оградить, его от наступающих, претендующих на него духов — тс'ов. Наиболее эффективными мерами считались: накрыть его женскими штанами, положить под кровать, на которой спит женщина, или спустить в подполье, т. е. так или иначе ввести больного в соприкосновение с женским

костюмом (штаны) или местом, осквернённым присутствием женщины (кровать, подполье).[1] Самым сильным средством считали menstrua. Таким образом, существовало представление, что женщина и всё, что связано с ней, особенно с ее половой жизнью, оскверняет и, следовательно, отгоняет духов. Несмотря на это, сама женщина могла быть шаманкой. Девушка-шаманка, выходя замуж, рожая детей, также не теряла шаманского дара.[2]

В том случае, когда ничто не помогало и молодой шаман продолжал болеть, „сходить с ума", родственники договаривались между собой и устраивали особый обряд—путудар, буквально — „пар хватать, держать".[3]

Обряд этот мог быть совершаем только весной или осенью, непременно в начале месяца или в новолуние, но ни в коем случае не на ущербе месяца. Он повторялся, обычно, несколько раз и состоял в следующем: приготовляли пресные лепешки чӧк тартпӓчи, в первый раз совершения обряда — пять штук, во второй — семь, в третий — девять,

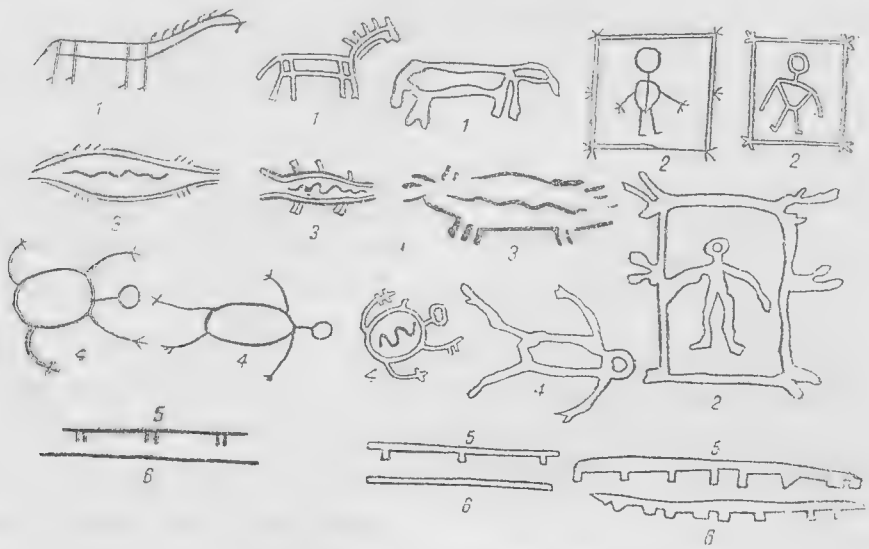


Рис. 9. Детали рисунков на бубнах.

в четвертый — двенадцать, в пятый — пятнадцать; на шестой раз приготовлялось мясо. Приглашали опытного шамана или двух. Приглашенный шаман садился на лавку рядом со своим учеником — будущим шаманом — и обучал его шаманскому искусству. Рядом с ними на скамейку в переднем углу ставилось корытце — тӓпши — с лепешками или мясом.

Ученик шаман поднимал тӓпшi, повертывал его „по солнцу". Угощая духов, он произносил обращения к ним, повторяя слова обращения вслед за своим учителем шаманом. Во время этого обряда молодой шаман призывал духов — тӧс'ов — своих предков — шаманов, называя их всех по именам, затем произносил обращения ко всем земным

---

[1] Подполье уже по одному тому считалось нечистым, что женщина ходит по полу, т. е. над подпольем, она же чаще всего спускается в подполье.

[2] Для женщины-шаманки запретно было лишь камлание Ульгеню, особенно после замужества. Переходя после брака в род мужа (экзогамия), женщина оставалась в нем чужеродной и, как таковая, не имела права участвовать в родовом культе, а тем более совершать жертвоприношение главному родовому духу — Ульгеню.

[3] Пӱкӓлӓ бӓдi — пар идет (когда гонят водку). Возможно, название этого обряда происходит из представления, что духи питаются паром от приносимой им жертвы.

духам—jäр-jол — и небесным духам—пајана (обращения эти см. ниже). Происходило своего рода обучение нового шамана старым, более опытным и умелым в обращении с духами.

Бубен шаман получал не сразу, а только после того, как дух, его пересотворивший, давал ему приказание сделать бубен. Бывали случаи, когда шаман камлал несколько лет, и даже всю жизнь, без бубна, с одной только колотушкой.

Колотушка — орбу — делалась из таволги (табылҕы) и обтягивалась камусами с ног дикой козы (älik пычкаҕы).

В шаманских призываниях колотушку называют „таш орбу" — каменная колотушка, по той будто бы причине, что при изготовлении ее под шкуру подкладывали небольшой камешек. К вновь изготовленной орбу привязывали три ленты — полосы материи: хозяину орбу — орбу äзі Тојlӯҕану́, Сом адазы, Јöökан'у и Пöрӱчі-кан'у.

Впоследствии к этим лентам (ту) присоединяли другие; их привязывали те лица, у которых шаман совершал камлания.

Вновь сделанную колотушку шаман должен был показать хозяину орбу — Тојлу-кан'у. Шаман обращался к Тојлу-кан'у со следующими словами:

Таш орбумнуӊ ӓ̄зі,	Хозяин моей каменной колотушки,
Табылҕымныӊ сӱрмäді!	Талины — таволги изображение — образ!
Карлыгаш пашту,	С головой ласточки
Кан кызыл јäр ӓ̄зі,	Хозяин хан красного яра (берега)!
Сары Чымыш кäзä отурҕан,	Владеющая рекой Сары Чумышем,
Ӓнäм Тојлу, Кајракан!	Мать моя Тойлу, Кайјракан!

Бубен у телеутов носил название тӱӊӱр[1] и чолӯ;[2] в шаманских призываниях его называли ак адан.

Алты öркöштӱ ак адан,	О шести горбах бубен,
Алты кöстӱ ала Марс (барс).	О шести глазах пестрый барс.

Главным хозяином всех бубнов считался мар äзі ајҕыр јалды̄-кан Кычкыл — хозяин мара (барса) с гривой жеребца, хан Кычкыл.

Кроме того, у каждого бубна был еще хозяин, сын хана Кычкыл'а:

Аҕым мардыӊ ак тајлык,	Белого мара белый Тайлык — молодой конь,
Кöчӱн мардыӊ кöк тајлык	Синего мара синий Тайлык — молодой конь,
Ак аданныӊ ӓ̄зі кан,	Белого бубна хозяин кан,
Ала барстыӊ сӱрмäді кан.	Пестрого барса изображение — хан!

---

[1] В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречия. Казань, 1884, стр. 384: „тӱӊӱр (телеуты) — бубен шаманский — барабан, обтянутый с одной стороны кожей маральей или конской, с другой стороны бубна приделывается рукоятка и привешиваются металлические погремушки; с наружной стороны бубен разрисовывается. К бубну алтайцы питают более уважения и страха, чем к самому шаману, веря, что в бубне живет дух — хозяин его (тӱӊӱр ӓ̄зі) и что при камлании собираются туда духи, призываемые камом (чалулар тöстöрі). Все части бубна и разрисовка его имеют значение. Изготовляемый бубен освящается особым образом, при собрании народном, жертвоприношении и общей попойке. По смерти кама бубен привешивается возле могилы его или с почтением сохраняется в юрте родственниками его, или относится в лесную чащу и вешается на дерево". — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1903, т. III, стр. 1543.

[2] В. Вербицкий, ук. соч., стр. 422: „чалу (тел.) — бубен шаманский". — В. В. Радлов, ук. соч., стр. 1884: „чалу (алт.) — шаманский бубен, идол".

Вот почему во время камлания шаман обращался к хозяину своего бубна, часто говорил „ak аданың äläрі" — хозяева бубна (мн. число от ä — хозяин), вместо „ак адан-ның äзі" — хозяин бубна:

Ak аданның äläрі,	Хозяева белого бубна,
Ала барстың сўрмäттäрі,	Изображения — облики пестрой рукоятки,
Ала барсың käзä тутkар,	Пестрый барс — рукоятку крепко держите,
Ак аданны пöш салбагар!	Белый бубен не выпускайте — не отпускайте!

Любопытен образ хозяина бубна аjғыр jалду хан Кычкыл — хан Кычкыл, „имеющий гриву жеребца", указывающий на сохранившееся у телеутов представление о бубне — как о верховом животном шамана — его коне или олене, отмеченное у ряда других народностей Сибири.[1] Осмысление бубна, как коня, на котором шаман совершал свои далекие поездки к духам, выявляется и из обращения шамана к его бубну во время камлания:[2]

Алты öркöштў ak аданым,	Шестигорбый мой белый бубен,
Арка моjның пош салба,	Спина и шея твои пусть не ослабнут!
Адабістің ары jолдо,	О, если бы на чистом пути отца нашего
Адар таңга äш ползон!	До утренней зари товарищем и спутником ты был!
Алты köстў ала барсым,	О, если бы, шестиглазый пестрый барс,
Ала барсты käзä тутсаң!	Пеструю рукоятку ты крепко держал!

Когда на пути к тому или другому духу бубен — конь спутник — товарищ (äш) шамана уставал, шаман заменял его птицами, а коня отправлял „подкрепиться" на гору Сўрўн к молочному озеру сўт ак-кöл:

Сўт ak кölдöң суғат ал,	Из бело-молочного озера пей,
Сўрўн тўдаң jämэў ал.	С горы Сюрюн бери себе пищу.

или же отправлял его отдохнуть к себе домой:

Алты öркöштў ak аданымның,	Моего белого бубна о шести горбах
Арка моjны пожоj тўштў.	Шея и спина ослабли,

[1] Л. П. Потапов. Следы тотемистических представлений у алтайцев. Сов. этнография, 1935, № 5—6.

[2] Возможно, подтверждением этого представления о бубне, как о коне шамана служит и название чалу äзі — хозяина бубна ак Мардың ак таjлың — „белого мара белый тайлык". Значение слова тайлык в настоящее время утеряно, но некоторые телеуты склонны объяснять его, как „молодой конь" от „таj". Ср.: Вербицкий. Словарь алтайского и алтайского наречия, стр. 326: „тай — жеребенок со второй весны."

Ak аланчыкка ајлан-кӧрзін,
Арка-ба тојнын тынидын кӧрзін!

Пусть к белому аланчику[1] — жилищу (моему) он вернется,
Спина и шея его пусть окрепнут — отдохнут!

Хозяину бубна, чалу ӓ̄зі или мар ӓ̄зі, шаман должен был совершить первое камлание при изготовлении бубна, ему шаман должен был прежде всех показать свой новый бубен (см. ниже).

Дух, „пересотворивший" шамана, назначает время, когда надо сделать бубен, и определяет каждому шаману то количество бубнов, которое тот сможет иметь в течение своей жизни

Бубен может быть сделан весной или осенью и непременно в начале месяца или в полнолуние. Запрещается делать бубен в конце месяца как зимой, так и летом.[2]

В изготовлении бубна принимают участие, обычно, сородичи шамана; разрешалось участвовать в этом деле и чужим. Участие тая — дяди с материнской стороны и, вообще, родни матери, считалось желательным, но не обязательным.

Делают бубен из дерева, кожи и железа.

Бубен состоит из следующих частей: 1) деревянной обечайки; 2) кожи, натянутой на обечайку; 3) деревянной вертикальной перекладины — ручки; 4) горизонтального железного прута, проходящего сквозь вертикальную перекладину; 5) железных привесок, нанизанных на горизонтальный прут и прикрепленных к обечайке.

Бубен № 2014-1 имеет следующие размеры: окружность 182 см, радиус (по вертикали) 68 см и (по горизонтали) 55 см, длина рукоятки 64 см, ширина рукоятки $6^1/_2$ см, ширина обечайки $9^1/_2$ см (рис. 1).

Бубен № 2014-3 имеет следующие размеры: окружность 183 см, радиус (по вертикали) 60 см и (по горизонтали) 55 см, длина рукоятки 57 см, ширина $5^1/_2$ см, ширина обечайки $10^1/_2$ см (рис. 3).

Обечайка бубна каш (край) или курчу (обруч) делается из кедра (кујук). На наружной поверхности под кожу кладется шесть деревянных полушарообразных деревяшек, которые образуют возвышения — ӧркӧш, т. е. горб; они служат резонаторами. Вот почему шаман называет свой бубен „алты ӧркӧштӱ ak аданым" — „мой бубен о шести горбах".

Вертикальная перекладина бубна — барс (барс) делается из березы (кајың). В том месте, где шаман берется за перекладину рукой, барс суживается, образуя рукоятку бубна. Ниже и выше этого суженного места на лопастях рукоятки просверливают отверстия (около 50 в верхней части, и около 40 — в нижней).[3] Эти отверстия осмысливались как глаза барса, почему в шаманских призываниях рукоятка бубна называется „алты кӧстӱ ала барс" — шестиглазый пестрый барс.[4]

Во время камланий шаман просит хозяина бубна: „чалу ӓ̄зі" — „крепко держать рукоятку бубна"

Ak аданымның ӓзі,
Ала парстың сӱрмӓді,
Аҕы мардың кӧк Тајлык,

Хозяин белого бубна моего,
Пестрого барса изображение — образ,
Белого мар'а синий Тайлык — молодой конь,

---

[1] Аланчик — конусообразная юрта, прежнее жилище телеутов.

[2] Тунҕушај — замкнутые месяцы, т. е. три зимних и три летних месяца.

[3] В эти отверстия при камлании јаңыс сом'у шаман невидимо продевает двадцать нитей. Это означает, что двадцать мастериц, живущих у земной щели, зашивают эту щель.

[4] Рукоятка шаманского бубна телеутов отличается от рукоятки алтайских шаманских бубнов, представляющих антропоморфное изображение хозяина бубна. В. В. Радлов писал: „Шаман показал мне в телеутской деревне по р. Ур в десяти км от сел. Чолухоя свой бубен, который был отличен от алтайского" (Reize durch den Altai A. Erman. Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland).

Ајҕыр јалду кан-Кычкыл,	С гривой жеребца, кан Кычкыл,
Ала парсыҥ кäзä тутсаҥ!	О, если бы ты рукоятку пестрого барса крепко держал!

Из железа делается металлический прут, проходящий сквозь рукоятку бубна и носящий название кіріш (тетива). Кириш по краям имеет утолщения. Между каждым утолщением и обечайкой свободно двигаются железные привески (ку́мä), которые осмысляются шаманом как стрелы. К верхней части обечайки с внутренней стороны прикрепляются на железных кольцах, по три с каждой стороны, железные полулунные пластинки — кылыш, т. е. сабля. Название поперечной перекладины бубна кіріш — тетива, как и осмысление металлических подвесок, в качестве стрел, — указывает на связь представления о бубне с представлением о луке и стреле. Это подтверждается и тем, что, по представлению телеутского шамана, шаман, держа бубен, может отпугивать звоном подвесок бубна, ударами по коже бубна, злых, неугодных ему духов. К кіріш'у подвешиваются с обеих сторон барса по две ленты (јалама) (рис. 1 и 3).

На покрышку бубна идет обычно кожа жеребенка.[1] Кожа натягивается с одной стороны бубна (пӱдӱжі), покрывает обечайку с наружной поверхности и затягивается особым швом с другой стороны бубна (тӱбӱ).

Духи во время припадка шамана или во сне дают ему указание сделать бубен[2] и указывают, в каком именно месте растут предназначенные для его бубна деревья, кедр и береза, и где, в каком стаде, пасется лошадь, шкура которой предназначена на покрышку его бубна. Как правило, за деревьями и за конем надо всегда ехать на восток. Деревья же должны расти на восточном склоне горы. Узнав о приказании сделать бубен, данном духом шаману, двое или трое его родственников отправляются прежде всего рубить деревья. Березу на рукоятку бубна рубили обычно где-либо в окрестностях, за кедром приходилось ездить часто очень далеко, вплоть до реки Томи.

Найдя указанные духами деревья, приехавшие начинали рубить их. При этом они произносили следующие слова, обращаясь как бы к будущему бубну:

Канҕа кірзäҥ, камајба,	Если войдешь к хану, не стесняйся,
Пiјгä кірзäн, јалтанба,	Если войдешь к начальнику, не отшатывайся,
Кан алдында каҕыр бол,	Перед ханом смелым будь,
Пiј алдында пiјік бол,	Перед начальником высоким будь.
Тілiҥ ада јарӯ бол,	Речь твоя (буквально, язык твой) пусть будет угодна,
Тізаҥ ала чӧгӯ бол.	Колена твои пусть будут преклонены (буквально вдавлены в землю).
Каннаҥ ползо, кајран ал,	Если хан будет, у хана милость бери,
Пiјдäҥ ползо, пiлді кӧр.	Если начальник будет, у начальника мудрость — знание бери.
Аткäніҥдä äм ползын,	Когда ты будешь действовать — пусть твои действия исцелением людям будут,

[1] Алтайские телеуты (ул. Черга) рассказывали, что старики в прошлом покрывали бубен шкурой марала. См.: В. Вербицкий, ук. соч., стр. 385.

[2] В дальнейшем дано описание обряда получения бубна, совершенного шаманом Канакаем (Николаем Алексеевичем Чолухоевым).

Тутканында туза ползын,
Когда будешь держать, хватать, польза пусть народу будет.

Караңанның көстө бол,
То, что увидишь глазом, из глаз твоих пусть не уйдет,

Кармаңанның колдо бол.
То, что захватишь, в руке твоей пусть останется.

Алтаj чыкканыңды алып-тур,
Когда поднимешься к духу, прославляя его, желаемое получай,

Арслап чыкканыңды кап-тур.
Когда, соблюдая чистоту, поднимешься к духу, нужное тебе захватывай.

Канду көдӱрзä, каjран ал,
Если хана будешь возвышать,[1] милость получи,

Пijдi көдӱрңä пiлдi көр.
Если начальника будешь возносить, мудрость увидь,

Jаңылңанда jаак пол,
Когда (кам) ошибется, щекой ему будь, отвечай за его щеку.

Сӱрнӱкäндä туjак пол,
Если (шаман) споткнется, копытом ему будь

Сӱңа тӱшсä таjак пол,
Если пойдет (кам) в воду, будь ему посохом,

Кырңа чыкса, jöлöк пол
Если станет подниматься на хребет горы, будь ему опорой.

Сабылтарңа салбаj-тур,
Не допускай (шамана) качаться,

Чаjбалтарңа пärбäj-тур,
Не давай ему шататься,

Äniiтäргä пärбäj тур,
Не давай ему сгибаться,

Äндäдäргä салбаj-тур.
На поражение не оставляй его.

Көзi jаман көркӱсiä,
Не показывай злому глазу,

Кӱнi jаман таңдатпа.
Не давай на удивление, имеющему злые намерения.

Jарынтуга пастырба,
Имеющему лопатки, не давай его давить,

Jоктуңа аjттырпа.
Имеющему щеки, не разрешай его переспорить.

Качырңанга jäдiп-тур,
Когда будете гнаться, догони,

Каjканнаң өзып-тур,
Когда будете убегать, убеги.

Карылуңа көргӱспä,
Имеющему глаза, не показывайся.

Камчылӱңа тӱзäiтпä.
Имеющему плеть, не являйся в сновидении.

Ak таjкадаң, ажу ал!,
Через пеструю гору перевал бери,

Аңын сӱдаң кäчӱ ал,
Через быструю реку переправу бери.

Аткан октоң сӱргӱн бол,
Будь легче выпущенной стрелы

Аңын сӱдаң тӱргän бол,
Будь быстрее текущей воды,

[1] Буквально: поднимать, т. е. совершать моление духу.

Салкынтӯда ыжык пол,
Сајлу күндӓ јӧлӓк пол,
Каалӯ күндӓ колка бол,
Тымулӯда туза бол!

В ветреный день убежищем будь,
В тяжелый день опорой будь,
В несчастный день преградой будь,
При болезни (поветрии) полезным будь!

Затем отправляются покупать требуемого духами коня — байтал'а — для обтягивания бубна. Шкуру байтал'а очищают от шерсти и натягивают на остов бубна. После того как бубен обтянут шкурой, те, кто его обтягивали, обычно двое, ставят его у порога дома шамана. Связывают три прута тальника (талдың корбазы) и ударяют несколько раз по натянутой коже бубна.

В это время в дом шамана уже съезжаются его сородичи и друзья с вином и угощением на чалу тоjы — пир бубна. Пьяные гости, сидя за столом и продолжая дальше пить, схватывают вновь изготовленный бубен и начинают по очереди ударять в него. Бубен переходит из рук в руки. Так они ударяют до тех пор, пока не разойдутся, т. е. пока хватит вина. Иногда такое угощение продолжалось трое суток. Ударять могли только мужчины. Сам шаман, присутствующий тут же, имел право лишь брать бубен в руки, но ударять не должен был.

Каждый из присутствующих, ударяя в бубен, произносил по своему усмотрению обращение к дереву, которое пошло на бубен, и к коню, шкурой которого был обтянут бубен, стараясь угадать и точно указать местность, где росло дерево, и район, где пасся конь. Эти обращения — слова присутствующих — совершенно естественно вариируют.

Обращение к бубну

1. К деревянной обечайке

Алты өрңөштӯ акаданның
Алтын кажын кӓскӓн ағаш,

Кажы јӓрдӓң көсті-нӓ,
Кажы сӯдаң тапты-нӓ!
Јаткан ала јӓрім ӓдӓ,
Ічкӓн ала суум ӓдӓ!
Јаказын басса јарсылбас,

Ӓдӓгін басса јӓрікпӓс.

Ак чабағы маj тадыған,

Ағын суум ӱс тадыған,

Ӱсӱн јаның jӱс казык,
Алдын јаның муң казык,
Улӯ Бајат кӓзӓ отурған,
Ӱч толукту ӓнӓм jӱрӓкӓj; Кajракан!
Аның коjнуннаң көсті-мінӓ,

Күчӱ Бајат кӓзӓ білгӓн,
Аның боjунаң кӓсті-мінӓ,

Шестигорбого белого бубна
Для золотой обечайки срезанное дерево.

В какой это земле срублено,
На какой-то реке найдено!
Где я лежу, моя земля,
Где я пью, моя вода!
Если по берегу реки будет ходить, шума не слышно,
Если по склону горы будет ступать, скучать не будет.

Белая рыба той реки на вкус, как масло,
Быстрая вода моя на вкус, как навар.

Вверху сто колов,
Внизу — тысяча колов,
Рекой Большим Бочатом правящая
Треугольная мать jӱрӓкӓj, Кайракан!
В ее пазухе — на ее склоне — срезали разве!
Рекой Малым Бачатом правящая
У нее у самой срезали разве!

Аныӊ бојунаӊ кäспäгäн болзо,	Если у нее у самой (дерево) не срубили,
Аӄын суу ӱс тадыӄан,	На берегу реки Томи, чья вода на вкус, как навар,
Ак чабаӄы мај тадыӄан,	Чьи белые чабаки — рыба — на вкус, как масло,
Алдынгу јаныӊ кäт, Кајракан,	В верховьях которой река Кет Кайракан.
Ӱссӱнгӱ јаныӊ äнäм. Саӊыс, Кајракан,	В низовьях которой мать моя река Саӊыс Кайракан,
Алтын сајлӱ äнä Томнуӊ капсынаӊ ошкош!	На берегу матери моей реки Томи с золотыми отмелями, похоже, что срубили!

2. К байталу — коню:

Алты öркöштӱ ак аданга јапкан бајтал,	Байтал, шкурой которого обтянут шестигорбый мой бубен,
Кажы јäрдäӊ тӯлды-нä,	В какой-то земле родился,
Кажы јäрдä öстӱ-нä,	В какой это земле вырос,
Кажы суудаӊ ічті-нä?!	На какой это реке рос?!
Алты öркöштӱ ак аданныӊ,	Земля, где родился белый байтал,
Ак пајталы тулӄан јäрі	Моего шестигорбого белого бубна,
Äнäм оскоттыӊ ічіндä,	Похоже, что в пределах матери моей реки Оскот'а,
Äнäм коӊыс Кајраканныӊ којпунда ошкош!	В пазухе, — на склоне — матери моей Коныс — Кайракан.

Гости, присутствующие на чалу тојы, разъезжаются. Спустя некоторое время призывают человека, умеющего разрисовывать бубен. Призванный наносит на коже бубна рисунки. Каждый из рисунков связан с шаманской космогонией и представлениями о шаманских духах. Бубны телеутских шаманов однообразны по разрисовке. Рисунки устойчиво сохраняются от бубна к бубну, не только от шамана предка к шаману потомку, но и в разных родах (сöök'ах). Допускаются лишь самые незначительные отклонения в размещении отдельных изображений и их трактовке.

Наружная сторона бубна (пӱдӱжі), закрытая, разделена на две части, большую — верхнюю и меньшую — нижнюю (рис. 8 и 9). Черта, разделяющая оба поля, состоит из двух горизонтальных параллельных линий и третьей зигзагообразной, проходящей между ними. Такая же черта окаймляет наружный край верхнего поля, образуя свод. Обе черты нанесены белой краской. По внутреннему краю черты, окаймляющей верхнее поле, проведена еще одна красная линия, изображающая, видимо, небесный свод. Около каждого наружного угла, получающегося от зигзагообразной линии, проведены три черточки, соединяющиеся в вершине угла. Всего должно быть семнадцать таких соединений (17 × 3) по числу семнадцати „дорог ханов" он јäтті канныӊ тарам јол (см. ниже камлание с бубном духу Марäзі).

На пространстве верхнего поля нарисованы (рис. 8):[1]

1. Солнце — кӱн.
2. Месяц — ај.
3. Утренняя звезда Венера — таӊ чолмон.

[1] Под каждым номером даны варианты рисунков.

4. Вечерняя звезда — зарница — äңір чолмон.

Солнце и месяц рисуются белой и красной красками, звезды только белой, но они могут наноситься и двумя красками, белой и красной.

5. Радуга — сəлəңы. Она касается одним (верхним) концом солнца, другим (нижним) концом — земли. Рисуется белой и красной красками.

6. Квадрат — Сабыр пічік — с двумя зигзагообразными линиями внутри, наносится белой или красной красками. Полное название — а: Ӱлгäннің сабыр бічік — „рукописание Белого Ульгеня". Только имея от Ульгеня Сабыр пічік, шаман может совершать свое служение.

7. Девять птиц (может быть и восемь). Семь из них или есть называются: „Ӱлгäн, jäттi кара куш" — „семь черных птиц Ульгеня" — или „Куштар Чамӌма-птицы Чамгыл". Рисуются белой краской.

8. Восьмая птица называется „jäс тырмакту кара куш" — „с медными когтями черная птица"; она же называется еще и „Ӱлгäн кужу бај мӱркӱт" — „Ульгеня птица большой беркут". При камлании jäс тырмактӱ кара куш всегда сопутствует каму, выполняет обязанности слуги: подносит абырткы (брагу) духу и по повелению хама, уносит домой кӧнӧк (берестяной туес), в котором была брага.

Шаман обращается к ней:

Бај Ӱлгäн кужу бај мӱркӱт,	Птица богатого Ульгеня богатый беркут,
Jäс тырмакту кара куш,	С медными когтями черная птица.
Тура jіктӱ тӧс кӧнӧктӱ,	Берестяной кӧнӧк с поперечным швом.
Ај тырмакка ілін-ал,	На лунообразные когти твои повесь,
Ај канатка пур кäп ал,	Лунообразным крылом твоим затемни — прикрой.
Аттап чыккан ак ардомо	В мое жилище, откуда я вышел, прославляя духов,
Аттап чыккан ак ајланчыкка,	К моему чистому жилью — аланчику, откуда я вышел, именуя духов,
Ајланып аккір!	Вернись и внеси!

Ей шаман поручал отнести на отдых свой бубен, когда его бубен „устанет" от долгого пути. Jäс тырмакту кара куш рисуется на бубне несколько больше других птиц, иногда красной краской, чаще белой.

9. Девятая птица Кан-карлык при камлании исполняла роль разведчика, летела впереди шамана и обо всем, что узнает, докладывала шаману. Изображается черной краской.

10. Сетка — тор, при помощи которой птицы Чамӌыл куштар, по приказанию шамана, ловили ушедшую или унесенную духами душу больного; имеет вид решетки.[1] Рисуется белой краской или белой и красной, или одной красной. Шаман обращался к своим птицам Чамӌыл куштар:

Äркäј канның чамӌыл куштар,	Эркей хана Чамгыл птицы,
Алтын тӧр тартып турӌар;	Золотую сетку натяните.

[1] При камлании подвешивалась к дверям жилища особая сетка, которая также называется тор.

Ат патынчä алтын кутты,
Аjры колцо кап-чыккар!

Золотую душу с конскую голову,
В когтистые лапы захватите!

11. Бура — кони, на которых „ездят“ Ӱльген'й, духи земли и сам шаман.[1] На одних бубнах им рисуют восемь, на других — шесть.

Первый конь — бура кама, которому принадлежит бубен.

Камның тын буразы — „шамана душа бура“. С этим бура связана жизнь шамана. Если у шамана отнять бура, то шаман теряет способность камлать и вскоре умирает. Вот почему каждый шаман старательно прячет своего бура как от других шаманов, так и от враждебных ему духов. Этот бура или совсем белый, или белый с красными точками — чокурат-чубарый конь. Человек, сидящий на нем, — сам кам.

12. Второй конь кызыл бура — „красный бура“ — принадлежит Ӱльгеню кызыцан тäцäрä. Рисуется красной краской.

13. Третий конь — кök бура — „синяя бура“ — принадлежит Ульгеню тотоj тäцäрä. Рисуется черной краской.

14, 15, 16. Кони рисуются всегда белой краской. На бубне Канакая их три: это буры ojрот тäцäрä (он же бурхан тäцäрä), тумат тäцäрä и последняя — барс äнäзi баj Ӱлгäня.

17, 18. На бубне Пöдäк их пять: буры ojрот тäцäрä, тумат тäцäрä, абjош тäцäрä, мордок-хан'а и барс äнäзi баj Ӱлгäн'я.

19. Три железные лиственницы Ӱчтäзiр тыт, на которых кан куш или кан карлык (девятая птица, *7, 9*) устраивает себе гнездо. В шаманских молитвах говорится, что на этих трех лиственницах вьет себе гнездо ӱч тämiр тыт паштарын пӱрä тартып, уjа jазанцан мать всех птиц — куш äнäзi курцаj-кан. Другое название этих деревьев — ӱч паj кajың — три богатые (выдающиеся, развесистые) березы и ӱч тапты — три тапты — ступени или деревья восхождения к Ульгеню.

20. Хранитель шамана камның сакчызы — антропоморфное изображение духа, охраняющего шамана. Камның сакчызы изображается всегда с мечом — кылыш — в руке. Он носит еще другое название: Ӱлгäнiң ӯлы кiрбi таj ат пулузы баj сööт — сын Ульгеня кирби-тай или Бай сööт — „конская привязь“. Дух этот сопутствует каму в его путешествиях, стоит при дверях, когда кам заходит во дворец того или иного духа. Изображается белой краской.

На нижней половине лицевой стороны бубна нарисованы следующие фигуры (рис. 9):

1. Черный конь адабiстiң кара бура — „отца нашего Адама черная бура“. Бур'ой Адама или Ерлика заведует Пöрӱчи-хан. Когда шаман камлает Ерлику, он накануне должен совершить специальное камлание — поймать буру Ерлика у Пöрӱчи-хана.

2. Квадрат с фигурой человека внутри äжiк тäцäрäзi — „дверь небо“ или äжiк сакчызы — „хранитель двери“. Это эпитет духа Кара-Адама, который является хозяином всякой двери человеческого жилья. Он же служит „обручем“, охранителем кама. Другое осмысление этой фигуры, как изображение „хозяина порога“ — позоцоның äзi кара Гööш-хана — сына Кара-Адама.

Куда бы ни отправлялся шаман во время камлания, он должен заручиться согласием этого духа. Прежде чем приступить к камланию, шаман просит его помогать ему и дать своего спутника. Без разрешения этого духа шаман не рискнет начать свой путь к какому-то ни было духу.

Фигура человека посреди квадрата — äжiк бijнiң сӱрӱ — „изображение хозяина дверей“ — нарисована белой краской.

3. Рыба — кäр-балык. Рисуется белой и красной красками. Волнистая горизонтальная красная полоска внутри должна означать iчi — „внутренности рыбы“.

[1] Прежде чем камлать к какому-либо духу, шаман должен поймать и привязать его бура, иначе может случиться, что, дойдя с большими трудностями до этого духа, шаман не застанет его дома; духи разъезжают на своих бура.

Рис. 1. Бубен (Из колл. МАЭ, № 2014-1).

Рис. 2. Бубен (Из колл. МАЭ, № 2014-3).

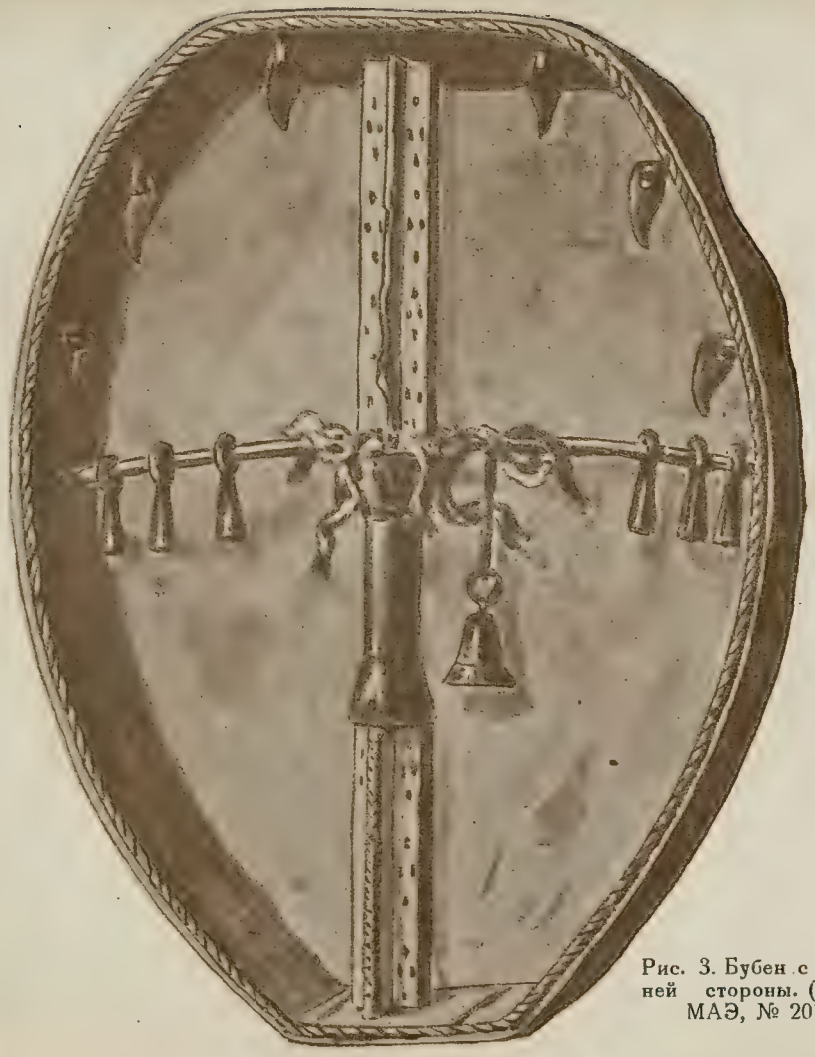


Рис. 3. Бубен с внутренней стороны. (Из колл. МАЭ, № 2014-1).

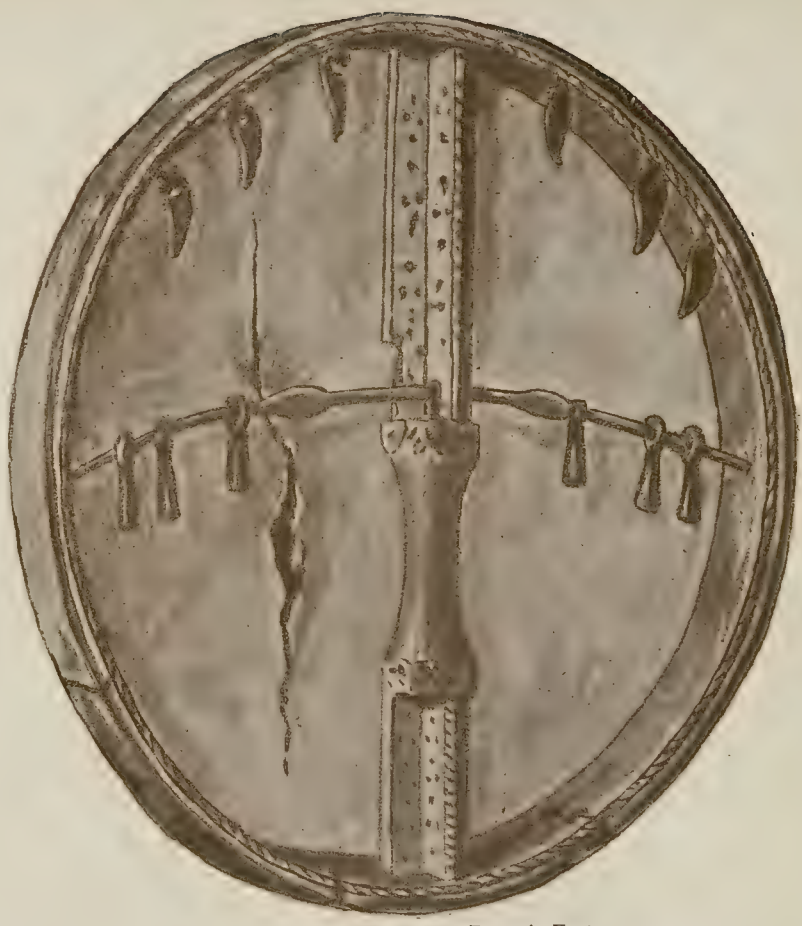


Рис. 4. Бубен с внутренней стороны. (Из колл. МАЭ, № 2014-3).

Это сын Талай хана – хана моря, одного из главных персонажей в шаманстве телеутов Талаj канның уланы ӱзы томыл: „Кäр-балык — сын Талай хана, с беловатым ртом,[1] чудовище рыба".[2] Кäр-балык — необходимый спутник шамана в его опасных путешествиях к духам. Прежде чем отправиться к земным, небесным или подземным духам, во время шаманских действий шаман призывает чудовище „рыбу Кäр-балык" – „сына хана моря" — Талаj канның ӱланы и, как бы опоясывается ею трижды — курчулап jат (от курчу — обруч, курчула — быть обвитым обручем).[3] Отсюда этот дух имеет эпитет — „Тоң курчу — крепкий обруч шамана".

4. Лягушка — паӈа, сопутствует каму во время его странствований. Она закрывает своими лапами отверстие у туяса (кӧнӧк), чтобы не пролилась абырткы. Она поддерживает лапами кӧнӧк, чтобы он не падал и не протекал.

5. Змея — jылан с руками и ногами (колы, пуды) в виде полоски с шестью черточками. Нарисована черной краской. Мыслится шаманом, как „обруч земли" — jäр курчу äк jылан. При камлании Мар äзi делается из теста изображение змеи и кладется под скамейкой около того места, где совершается камлание. Во время путешествия шамана, когда он встретит чью-либо затерявшуюся душу jула, змея, по приказанию шамана, прикрывает собой jула и охраняет ее от злых духов.

6. Черная полоска — jäр — земля.

II

Шаман брал законченный бубен, т. е. бубен, на котором уже нанесены рисунки, приступал к первому камланию, во время которого он должен пойти с бубном к хозяину бубна Мар äзi и посетить всех духов, живущих по пути к нему. Во время этого камлания шаман должен с помощью своих духов разыскать и посетить те места, где росло срубленное для его бубна дерево, где пасся конь, шкурой которого обтянут бубен, и рассказать об этом присутствующим. Камлание с новым бубном носит название — чалу jаӈыӈаны — „приближение к себе, присваивание бубна".

Для этого камлания приготовлялось:

1. Три берестяных туяса (кӧнӧк) абырткы.[4] Первый туяс, самый большой, предназначался для чалу äзi, Мар äзi кан Кычкыл'а;[5] туяс меньшего размера — для ак Мар'а — сына кан Кычкыл'а; третий туяс, самый маленький, отдавали в распоряжение

---

[1] томул, томды, тоӈгул — по одним толкованиям означает „беловатый", по другим — „как обрубок, усеченный, обрубленный".

[2] кäр — буквально гнедой.

[3] В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий т. II. СПб., стр. 955.

[4] Приготовляли муку из жареного ячменя, истолченного в ступе или смолотого на мельнице. Рожь или ярицу мочили в воде, затем толкли и, выжав руками, смешивали с горячей водой. Прибавив ячменной муки, получали особый напиток „абырткы". Старались сеять ячмень поодаль от жилища, часто специально загораживали площадку, чтобы скот не наступал на посев. Ячмень должен быть „чистым", никем и ничем не осквернен, иначе духи не станут пить абырткы и разгневаются на шамана и на жертвователей. Также никто не должен был пробовать приготовленной абырткы. Вот почему во время камлания, угощая духов, шаман постоянно убеждает их в чистоте жертвенной абырткы:

Äрiндӱ мынаӈ iчкäн jok äдä,	Имеющий губы отсюда не пил,
Ääкту мынаӈ таткан jok äдä,	Имеющий подбородок отсюда не пробовал,
Мурунду мынаӈ iчкäн jok äдä,	Имеющий рот отсюда не пил,
Jаактӱ мынаӈ тарткан jok äдä	Имеющий щеки отсюда не пробовал.

[5] К большему туясу прикрепляют тастарӈа — берестяную полоску с рубчиками; она служит указанием, какому духу предназначен туяс. Прикрепляя ее к кӧнӧк, указывают имя того духа, которому предназначена абырткы.

самого кама: из него он кропил дорогой, пока не доходил до места обитания духов кан Кычкыл'а и ак Мар'а, своим тӧс'ям духам — и јыјык'ам — хозяевам тех местностей, через которые он совершал свой путь.

2. Пять толу; толу — неношенные женские рубахи-платья, собранные на время камлания от женщин улуса, две — для куш Јäläш и три — для Кычкыл-хана.

Камлание должно было совершаться поздно вечером или ночью, обязательно при зажженном огне (огонь в печи, свеча). Продолжалось оно часов десять — пятнадцать. Шаман камлал в летнем халате, кафтане из черной материи (кантал). Опоясывался зеленой или синей опояской (не разрешается белая опояска) и повязывал голову белым или красным платком. Женщина шаманка камлала в своем обычном платье.

Прежде чем приступить к камланию с новым бубном, шаман совершает „алас" — обряд очищения, окуривания огнем своего нового бубна (чалу алас), повешенных одежд (толу алас), самого себя (кам алас) и туясов с брагой (кӧнӧк алас).

Шаман садился в переднем углу на скамейку и брал в руки орбу и бубен и обводил вокруг них зажженным вереском — арчын ӧlӧң, произнося следующие слова:

Алас, алас, алас, алас!
Ak Ӱlгäнің от алас,
Ӱlгäн канның чын алас!
Алты ӧркӧштӱ ak аданды
Алты кӧстӱ ала барсты!

Одус пашту от äнä,
Кырык пашту кыс äнä,
Чііді ползо пыжырҕан,
Тоңду полҕо äріткäн,
Јажыл јалын кубатту,

Јажыл тюрко кіјымду,
Кызыл јалкын кубатту,
Кызыл торко кіјідбу,

Јäтті тӱшкӱн тӱшкӱндӱ,
Јäтті јајкам јајкандӯ,
Јäтті сырык пажында,
Јäтті кубат ојундӯ,
Тогус тӱшкӱн тушкӱндӱ,
Тогус јајкам јајкамдӯ,
Тогус сырык пажында,
Тогус кубат појунда,
Ӱч ојоктың ӓзі,

Урӱм талдың мӱӱзі кан,

Таш очоҕун тудунҕан,

Талкан кӱlӱн јастанҕан,

Алас, алас, алас, алас!
Белого Ульген'я огненный алас,
Ульген'я хана истинный алас,
Над шестигорбым бубном,
Над шестиглазым пестрым барсом (да будет)!
Тридцатиголовая мать — огонь,
Сорокаголовая девица — мать,
Сырое варящая,
Мерзлое оттаивающая,
Зеленое — переливчатое пламя веселящая,
Имеющая одежду из зеленого шелка,
Красное пламя веселящая,
Имеющая одежду из красного шелка,
На семи спусках спускающаяся,
На семи качаниях качающаяся,
На вершине семи жердей
Имеющая игру семи радостей!
На девяти спусках спускающаяся,
На девяти качаниях качающаяся,
На вершинах девяти жердей
Девять радостей у нее у самой!
Хозяйка трех камней очага — треножника,
С рогами из плетеного тальника хан.
Владеющая (держащая) каменным очагом,
Талкан золу под себя, как подушку, подстилающая,

От јаказын кўбўрäткäн,
Одус пашту от äнä,
Оіқон камыш кулакту,

Кырык пашту кыс äнä,
Кыіқан камыш кулактў,

Ажырқызы оjмок арў,

Ажыра пilгäн оjмок ару Каjракан!

Көзі јаман көргўтä,
Кууні јаман таңдатпа,

Ак јалкын тартып käl,
Алты ироло курчап käl,
Көк јалкың тартып käl,
Ада болуп, ајлап käl,
Äнä болуп курчап käl!

Края огня заставляющая играть,
Тридцатиголовая хозяйка огня,
Имеющая уши из согнутого камыша.
Сорокаголовая девица — огонь,
Имеющая уши из кососрезанного камыша,
Чистая Оймок (наперсток) всех превзошедшая,
Сверх знания знающая чистая Оймок.
Скверному глазу не показывай,
Худому намерению не давай осуществляться,
Белое пламя притяни,
Шестью кругами опоясшь,
Синее пламя притяни,
Отцом будучи окружи,
Матерью будучи опояшь!

Шаман кладет бубен на угол, образуемый двумя скамьями, и совершает толу алас и көнөк алас. Шаман обводит зажженным вереском вокруг көнөк'ов и толу, говоря:

Алас, алас, алас, алас!
Ak Ўlгäнің от алас,
Ўlгäн канның чын алас!
Алты јакалу аңыр толу,
Аңын көчўн чаңылып отур,
Аj оңунча пурулы отур!
Аңым марқа јајалы отур,
Тура jіктў тос көнөгўм,

Tälкildäңäн баj сабäм.

Ak торқа јајалы-отур,
Аj оңунча пўрулы отур,
Ak пўлутча јајлан-кір,
Äр алды-мынаң кабылы-отур,
Мäнчä болуп јајалың-отур,
Көдўрмälў көl тäпшім,

Көк пулутча көчуп отур,
Кіін оңунча пурулы отур!

Алас, алас, алас, алас!
Белого Ульгеня огненный алас,
Ульгеня-хана истинный алас!
С шестью воротами белые толу,
Белым и синим цветом сверкайся,
По луне повертывайтесь.
К белому Мар'у направляйтесь,
С поперечным швом берестяной мой көнөк.
Покачивающаяся — богатая саба моя,
Перед белым Мар'ом предстань!
По луне повертывайся!
Подобно белому облаку, двигайся!
Впереди меня мужа быстро мчись,
Подобно мне несись!
Мое корытце — озеро, годное для возношения,
По синим тучам продвигайся,
По солнцу повертывайся!

Ноjың алас — „алас над самим собой". Шаман обводил зажженным вереском вокруг самого себя три раза по солнцу и обращался также к от äнä:

Алас, алас, алас, алас!
Ак Ӱлгäнiң от алас,
Ӱлгäн канның чын алас!
Кан jолына каӈылтың,
Пij толына пук салтың,
Сабылтарӈа салбаӈар,

Саjбалтарӈа пäрбäгäр,
Талашканӈа пäрбäгäр,
Тартышканӈа салбаӈар!

Алас, алас, алас, алас!
Белого Ульген'я огненный алас,
Ульген'я-хана истинный алас!
По дороге хана (меня) продвигая,
По дороге начальника направляя,
Уклоняться — свернуть с пути, не давайте,
Колебаться, качаться не допускайте!

Затем следует обращение к от äнä. Остатки угля от сожженного вереска шаман брал в рот — подразумевается, что он освящает этим „свое нутро"; затем клал обуглившийся вереск в сеяльницу, поставленную на скамейку около кӧнӧк'ов.

Шаман садился на скамейку (толу и кӧпӧк должны быть обязательно по левую руку от шамана). Он брал бубен и колотушку. Ударял несколько раз. В течение нескольких минут он пел без слов. Затем обращался к „своим" родовым духам, — т. е. душам умерших родичей шаманов, ставших теперь духами — Тӧс'ами нового шамана. У каждого шамана свои особые духи — духи его предков шаманов. Здесь мы приводим, как образец, камлание шамана Канакая, рода jутты, которому принадлежал бубен № 2014-1.

Jардым пашкан jыс ӱланар,
Jардым база jунап кäлгäр!
Jiнiм паскан äр улустар.

Jiнiм база jунап кäлгäр!

На лопатку моего плеча наступившие — молодые юноши,
Давя лопатки мои, соберитесь!
Давящие плечо мое, мужи — народ,
Наступая на плечи мои, соберитесь!

Идет перечисление всех умерших предков шаманов, начиная с того шамана, от которого новый шаман получил свой шаманский дар:

Кам Апурнак кагылӈам,

Кам Шӧӈӧктӧӈ тартылӈам,

Кам Откоион кычырӈам,
Кам Jäрäннäӈ кыjырӈам,
Кам Мыткадаӈ, кам Мiтӓминаӈ
Кам Jазы — балык кыjырӈам,

Кам Болонок тартылӈам,
Кам Сарӈадаӈ тартылӈам,
Кам Кобордоӈ кыjбурӈам,

Кам Пӧнӧк пазылӈам,
Анаӈ пашка кан ада...

С шаманом Апурнак'ом я соприкасался,
От шамана Шӧльпӧк'а я притянулся,
Из-за шамана Откон'а я взывал,
Из-за шамана Ерен'я я кричал,
От шамана Митка, от шамана Митем,
Из-за шамана Язи — балык я кричал,
Шаман Болонок меня притянул,
Шаман Сарга меня притянул,
Из-за шамана Кобор'а я бегал и крутился, как вихрь,
Шаман Пӧнӧк меня давил,
Кроме них, хан-отец,

Ӱн салыжа käliгäр,	Откликаясь на (мой) голос, приходите,
Кыјҕу салыжа тӱжӱгäр.	Откликаясь на зов, спускайтесь!

Шаман призывал двадцать семь духов јäр јол и двенадцать небесных духов пајана. Он звал их и просил ему сопутствовать и помогать.

Начало призывания шамана варьирует в зависимости от того, весной или осенью происходило камлание.

В том случае, когда шаман получал новый бубен весной, он начинал обращение к духам следующими словами:

Ајдың ползо, арӯнда,,	При полной луне,
Кӱннӱң ползо, кӧркӱндä,	При сиянии солнечных лучей,
Јылдың бажы ајланҕанда,	Голова года когда повернулась,
Јылан бажы сојылҕанда,	Когда змея сбросила свою кожу,
Ämäl аҕаш пӱр алҕанда,	Когда плодовые деревья покрылись листьями,
Ääк кууk кыјҕырҕанда,	Когда кукушка закуковала,
Јäр јарылып кӧк чыкканда,	Когда земля раскололась и показалась зелень,
Агаш јарылып пӱр чыкканда.	Когда деревья расщепились и появились листья.

Когда камлал осенью, то говорил:

Коңур малдыј,	В подобную каурому коню,
Коңур кӱстä,	В смуглую бурую осень,
Комурҕај пажы кужалҕана,	Головы дудок борщевника когда измялись,
Кӯ олӧң пажы шужалҕанда,	Головы трав когда съежились,
Аҕын суум кабышканда,	Когда текущая вода моя сковалась льдом,
Ak тајka пӯрун кар алҕанда.	Когда на склон тайги пал снег.

Шаман обращался к двадцати семи јäр јолу пајана — духам земного пути:

1

Ур сомҕо ојноҕон,	На тяжелых сом'ах[1] играющий,
Пај чāлҕа турлаҕан,	На богатой березе имеющий место обитания,
Кан јäрін мінäттӱ,	Ездящий верхом на кроваво-рыжем коне,
Јалбак тäмір јарынду,	С лопатками из широкого — плоского железа,
Тулку тäмір ӧзӱнду,	Имеющий круглую железную грудь,

[1] Сом или чал — молодые березки, которые телеуты ставят около своих домов в начале лета, в честь пяти наиболее уважаемых ими духов Јäр јол: Тäмір-кан'а, Äркäј-кан'а, Орто-хана, Куркај-хана и Јӧӧ-кан'а. Отсюда эти духи, помимо общего названия јäр јол, носили еще название „сом".

Сум кара таш jўрäктў,

Сунама тämір jаакту,
Онча поjы суи тämір,
Адам тämір кан, Кajракан!
Кан ўlўжў канҕа jät,
Пў ўлўжў кijгä jät!

Имеющий сердце из чистого—
сплошного черного камня
Со щеками из продольного железа.
Сам из чистого сплошного железа
Отец мой железный хан уважаемый.
Доля хана до хана пусть дойдет,
Доля начальника пусть начальнику
достанется.

2

Анаң пашка кан ада...
Ўн салыжа kälігäр,
Кыjҕы салыжа тўжўгäр!
Тämір канның уланы,
Тämір ўзўңä тажа täпкäн,

Täрlў атка пу пärбäгäн,

Тämір уjа суj тарткан,

Тämір така пöрўк кijгäн,
Jäläм кіжä сäс пärбäгäн,

Адар октуң märгäні,
Аjдар сöстўң чäчäні,
Албіртисä äр тöспöгöн,

Jалбыртына мал тöспöгöн,
Каным äркäj кан, Кajракан!
Пij ўлўжў пijгä jät,

Кан ўlўжў канҕа jät!

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Железного хана сын,
Железное стремя ногой пробивающий,
Потному коню не дающий привязи
(не даешь выстояться).
Когда железный лук натягиваешь,
он ломается,
Железную шапку „така“ носишь,
Какому попало человеку говорить
не даешь (слова не даешь),
Пущенной стрелы меткий стрелок,
Произносимых слов красноречивый,
При его движении мужи не могут
устоять,
Вида его не может скот вынести.
Мой Кан Еркей — хан уважаемый!
Доля начальника — пусть начальнику достанется!
Доля хана — пусть хану достанется

3

Анаң пашка кан ада...
Ўн салыжа kälігäр,
Куjҕу салыжа тўжўгäр!
Кызыл кумак jајылҕан,

Кызыл буралар баjбырҕан,
Пöс кумак jајылҕан,
Пöс буралар баjбырҕан.
Jätті тämір тыт пастары,

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
[Там, где] красные пески разбросаны,
Красная бура неуклюже ступает,
[Там, где] серые пески раскинулись
Серая бура прямо не идет,
Семи железных лиственниц вершины,

Пӱрӓ тартып уја јажанҕан,	Согнув и соединив, гнездо себе свила
Куш ӓнӓзі Курҕај кан.	Мать птиц Кургай-хан.
Кан ӱlӱжӱ канҕа јӓт,	Доля хана пусть достанется хану,
Піј ӱlӱжӱ піјгӓ јӓт!	Доля начальника пусть начальнику достанется!

4

Анаӊ пашка кан ада...	Кроме того, хан отец...
Ӱн салыжа кӓlігӓр,	Откликаясь на (мой) голос, придите.
Кыјҕы салыжа тӱжӱгӓр,	Откликаясь на зов, спуститесь!
Јажым мӱӱс тајакту,	Имеющий посох из зеленого рога,
Јажыл кііс тӧжӧктӱ,	Имеющий постелью зеленую кошму,
Јажыл буҕа мінӓттӱ,	На зеленом быке ездящий,
Јажыл тібӓк тіскіндӱ.	Имеющий поводья из зеленого шелка,
Кызыл мӱӱс тајакту,	Имеющий посох из красного рога,
Кызыл кііс тӧжӧктӱ,	Имеющий постель из красной кошмы,
Кызыл пура мінӓттӱ,	На красном быке верхом ездящий,
Кызыл тібӓк тіскіндӱ.	Имеющий поводья из красного шелка,
Кызыл пура пајбырҕан,	Красными бура'ми ты управляешь,
Кызыл кумаk тогӱlгӓн,	[Там, где ты живешь] красные пески насыпаны,
Пӧс пӯраны пајбарҕан,	Серыми бура'ми ты управляешь,
Пӧс кумаҕы тӧгӱlҕӓн,	[Там, где ты ступаешь] серые пески, насыпаны,
Кытај јӓрін кӓдырҕан,	Китайская земля там опустошена,
Кырҕыс јӓрі тӓжӓlӱ.	На грани Киргизской земли (ты живешь),
Каным Мордок кан, Кајракан!	Хан мой Мордок — кан Кайракан!
Пӱ ӱlӱжӱ піјгӓ јӓт,	Доля начальника пусть дойдет до начальника
Кан ӱlӱжӱ канҕа јӓт.	Доля хана пусть достанется хану!

5

Анаӊ пашка кан ада...	Кроме того, хан отец...
Ӱн салыжа кӓlігӓр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжа тӱжӱгӓр,	Откликаясь на зов, спуститесь!
Ај чыкпастаӊ ај чыҕарҕан,	Там, где не должна была взойти луна, заставил ее взойти,
Ајлу ӓlчӓ пілчі салҕан.	Живущему под месяцем народу — мудрость дал,
Кӱн чыҕарбастан кӱн чыҕарҕан,	Там, где не должно было взойти солнцу, заставил солнце взойти,

Кӱндӱ älгä пiлчi салҕан,	Живущему под солнцем народу знак — мудрость предопределил,
Аj тäҷiстi пыжыҕан,	Лунное море взбалтывая — взволновал,
Ак тäрäгiн тäскäрi т, ткан,	Белую пену взметнул,
Чар тäрäгiн тäскäрi туткан,	Могучий тополь выворотил и корнями вверх поставил,
Адам соо кан, Каjракан!	Отец (мой) Соо-кан, Кайракан!
Кан ӱlӱжӱ канҕа ,äт,	Доля хана пусть дойдет до хана,
Пij ӱlӱжӱ пijгä jäт.	Доля начальника пусть начальнику достанется!

6

Анаӊ пашка кан ада...	Кроме того, хан отец,
Ӱн салыжа кäliгäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыjҕы салыжа тужӱгäр!	Откликаясь на зов, спуститесь!
Ӱч тäмiр тыт пастарын,	Вершины трех железных лиственниц
Пӱрä тартын уjа тартынҕан,	Пригнув, гнездо себе свила,
Тäкаläрi тäӊарi тiрäп,	Козлы (горные) ее подпирают небо,
Пукалары jäр тäрäгäн,	Быки ее в землю упираются,
Куш äнäзi Кыjлу-кан,	Мать птиц Кыйлу-хан,[1]
Кура тарткан ачыj кан,	Спесивая Ачый-кан!
Пij ӱlӱжӱ пijгä jäт,	Доля начальника пусть начальнику достанется,
Кан ӱlӱжӱ канҕа jäт.	Доля хана пусть хану достанется

7

Анаӊ пашка кан ада...	Кроме того, хан отец,
Ӱн салыжа кäliгäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыjҕы салыжа тӱжӱгäр,	Откликаясь на зов, спуститесь,
Алтон таjка ажылу,	Шестьдесят гор переходящий,
Jäттан таjка кäчӱlӱ,	Через семьдесят гор переваливающийся,
Салам таjка ажылу.	Имеющий местом перевала гору Салам,
Алтон чардыӊ тäразiн.	В шестьдесят бычьих шкур
Аj чадырҕа тудунҕан,	Месяц обернувший,
Jäттон чардыӊ тäразiн,	Семьдесят бычьих шкур

[1] Кыйлу-хан или Курҕаj-хан, заведывал птицами ак ӱlгäнiӊ чамҕыл куштар, которых, шаман встречал на пути к духу Jаӊыс сом'у.

Кун чадырҕа тудунҕан,	На солнце растянувший,
Ak чалдарда мінäттӱ,	Ездящий верхом на бело-игреневом коне,
Ајҕыр јалду Кірбі-кан.!	С гривой жеребца Кирби-хан![1]
Кан ӱlӱжӱ канҕа јäт,	Доля хана пусть хану достанется,
Піј ӱlӱжӱ піјгä јäт.	Доля начальника пусть начальнику достанется.

8

Анаӊ пашка кан ада...	Кроме того, хан отец...
Ӱн салыжа кälігäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжа тӱжӱгäр,	Откликаясь на зов, спуститесь,
Ak јајыкта суҕатту,	Из белого разлива (јајык'а) имеющая питье,
Танај кölдä ордолу,	На озеро Танай имеющая стоянку (берлогу),
Малкылдаҕан Кölдӱ-кан,	Имеющая прозрачное — колеблющее озеро, хан,
Каркылдаҕан Кушту-кан,	Имеющая каркающих птиц, хан,
Парс тäразі тон кіјгäн,	Одевшая шубу из шкуры барса,
Парстаӊ чоккур ат мінгäн,	Ездящая верхом на коне, более пестром, чем барс,
Äнäм мајҕыл, Кајракан!	Мат Майгыл Кайракан!
Пӱ ӱlӱжӱ піјгä јäт,	Доля начальника пусть начальнику достанется,
Кан ӱлӱжӱ канҕа јäт!	Доля хана пусть хану достанется.

9

Анаӊ пашка кан ада...	Кроме того, хан отец...
Ӱн салыжа кälігäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжа тужӱгäр!	Откликаясь на зов, спуститесь!
Јылкылуда јылмај кан,	Для табуна конейты Јылмайх-ан,
Мал кадарҕан таӊзыр кан!	Пасущий скот Манзыр-хан!
Кан ӱlӱжу канҕа јäт,	Доля хана пусть хану достанется,
Піј ӱlужӱ піјгä јäт!	Доля начальника пусть начальнику достанется.

10

Анаӊ пашка кан ада...	Кроме того, хан отец...
Ӱн салыжа кälігäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжа тӱжӱгäр,	Откликаясь на зов, спуститесь!
Јäрім суум äдäӊ,	Моя вода и земля ты есть,
Јоттон ала суум äдäӊ,	Ты есть семьдесят моих гор,

[1] Кірбі-хан носил еще имя Јаӊые сӧм. Этого духа телеуты считали чужим, ставя ему березку поодаль от пяти берез, поставленных для своих близких духов. Духа этого рассматривали как злого, ему приписывали насылание на людей болезней.

Ӱссӱн јаныӊ кӧк палат,	Вверху у тебя синие палаты,
Јäттон кіжі тајакту,	Посохом — опорой служат тебе семьдесят человек,
Кӧк саак пӧрӱк кіјӊäн	Одевший синюю шапку „саак“,
Кӧк пос адан јаратка'н,	Выбравший себе сине-сивого коня,
Кӧк пӧрӱдä јӧlӧктӱ,	Имеющий опорой синего волка (ездящий на синем волке),
Кӧк Уläндä јаргылу.	Получивший решение у синего Ульгеня,
Алдыӊ јанныӊ ак палат,	Внизу у тебя белые палаты,
Алтон кіжі јӧlӧктӱ,	Опорой твоей служат шестьдесят человек.
Ак пос адын јаратkан,	Бело-синего коня снарядивший,
Ак саак пӧрӱк кіігäн.	Белую „саак“ шапку надевший,
Ал пӧрӱдä јӧlӧктӱ,	На пестрого волка опирающийся
Ак Ӱlгäндä јарӊылу,	Имеющий приказ от белого Ульгеня
Адам пӧрӱчі kан, Кајракан!	Мой отец Пӧрӱчи-хан,[1] Кайракан!
Піј ӱlӱжӱ пӱчä јäт,	Доля начальника пусть начальнику достанется,
Кан ӱlӱжӱ канӊа јäт.	Доля хана пусть хану достанется.

11

Анаӊ пашка кан ада...	Кроме того, хан отец...
Ӱн салыжа кälігäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјӊы салыжа тӱжӱгäр,	Откликаясь на зов, спуститесь!
Алтын коӊру каӊышкан,	Золотыми колокольцами звенящий,
Адыш кујӊан Алтај-Кан!	Мужественный (преследующий стрельбу) Алтай-хан!
Кӱмӱш коӊру каӊышкан,	Серебряными колокольчиками звенящий,
Кӱрäш кујӊан, Алтај-Кан!	Бесстрашный (борьбу преследующий) Алтай-хан!
Алтын туда ордолу,	Имеющий жилище свое на золотой горе,
Алтын кӧlдӧ суӊатту,	Имеющий питье из золотого озера,
Каным болзо Алтај-Кан, Кајракан!	Мой хан-Алтай, Кайракан!
Кан ӱlӱжӱ канӊа јäт,	Доля хана пусть хану достанется,
Піј ӱlӱжӱ піјзä јäт!	Доля начальника пусть начальнику достанется!

[1] Пӧрӱчі-хану телеуты поручали охрану своих табунов. Пӧрӱчі-хан управляющий волками, хан — владелец волков. Легенды связывают имя этого духа с волчицей (пӧрӱ — 'волк'.)

12

Анан пашка кан ада...
Ӱн салыжа кäлігäр,
Кыjҕы салыжа тӱжӱгäр!
Алтаj канның адазы,
Алтын тууда ордолу

Ӱч алтын кӧl суҕатту,

Ӱч äжі'ктӱ Ӱlбӱк-Кан!
Пij ӱlӱжӱ пijгä jät,

Кан ӱlӱжӱ канҕа jät!

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Отец Алтай-хан,
Имеющий местообитания (берлогу) на золотой горе,
Имеющий водопой на трех золотых озерах,
Имеющий при двери Ӱльбӱк-хан!
Доля начальника пусть начальнику достанется,
Доля хана пусть хану достанется!

13

Анан пашка кан ада...
Ӱн салыжа кäлігäр,
Кыjҕы салыжа тӱжӱгäр!
Ӱlбӱк канның адазы,
Алты мыjык санду,
Ат кӧдӱрбäс Пӱдаj-Кан,

Тіl пілішпäс Моңур-Кан!

Кан ӱlӱжӱ канҕа jät,
Пij ӱlӱжӱ пijгä jät!

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Ӧтец Ульбӱк-хана,
Шесть дойных зверей имеющий,
Пуудай-кан, которого конь не может поднять,
Не имеющий ни с кем общего языка Моңур-кан!
Доля хана пусть хану достанется,
Доля начальника пусть начальнику достанется!

14

Анаң пашка кан Ада...
Ӱн салыжа кäлігар,

Кыjҕы салыжа тӱжӱгäр,
Агаш талку äзі,
Адам Пӧрӱчі-Кан, Кajракан!
Ак пос адын jараткан,
Ak Ӱlгäндä jарҕылу;
Кӧк-пос адын jараткан,
Кӧк Ӱlгäндä jарҕылу.
Ak каак пӧрӱк кijгän,
Аҕыл Пӧрӱчі-Кан, Кajракан!

Пij ӱlӱжӱ пijгä jät,
Кан ӱlӱжӱ канҕа jät!

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, спуститесь!
Хозяин деревянной талку,
Отец мой Пӧрӱчи-кан-Кайракан!
Бело-сивового коня выбравший,
По определению белого Ульгеня;
Сине-серого коня выбравший,
По определению синего Ульгеня;
Белую шапку „каак" носящий,
Мой отец Пӧрӱчи-хан![1]
Доля начальника пусть начальнику достанется,
Доля хана пусть хану достанется.

[1] Пӧрӱчі — ловец, управитель, владелец волков

15

Анаӊ пашка кан ада...	Кроме того, хан отец,
Ӱн салыжа кäлігäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжат ӱжӱгäр,	Отзываясь на зов, спуститесь.
Јал јӱрäкчä јалду кан,	Имеющий гриву размером с сердце, хан,
Јарыш ајмаш окту кан,	Имеющий боевую ступню (способную состязаться в бегах и схватках),
Кӱl јӱракчä јалду кан,	Имеющий гриву с сердце,
Кӱрäш ајмаш окту кан,	Имеющий быструю стрелу для битв,
Ала шакка ат мінгäн,	Ездящий на пегом чубаром коне,
Ала шармат тон кіјгäн,	Одевший клетчатую шубу,
Ала јымырт тајакту,	Имеющий посох из пестрой черемухи,
Ајҕыр кӱзäн камчылу,	Имеющий плеть из шкуры самца хорька,
Тäмір. талку äзі,	Хозяин железной талку,[1]
Адабістіӊ уланы,	Отца нашего Адама сын,
Адам Шаҕај, Кајракан!	Отец мой Шагай-Кайракан!
Кан ӱlӱжӱ канҕа јäт,	Доля хана пусть хану достанется
Піј ӱlӱжӱ піјгä јäт!	Доля начальника пусть начальнику достанется.

16

Анаӊ пашка кан ада...	Кроме того, хан отец...
Ӱн салыжа кäлігäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжа тӱжӱгäр,	Откликаясь на зов, спуститесь,
Ај каразы јорукту,	Имеющий промысел на ущербе месяца,
Ају пашмаk ӧдӱктӱ,	Имеющий сапоги из медвежьих шкур,
Тӱн каразы јорукту,	Имеющий промысел в темноте ночи,
Тӱктӱ пашмаk ӧдуктӱ;	Имеющий шерстистые сапоги;
Алтон ају тäразі	Шестидесяти медвежьих шкур (тебе) до конца ноги нехватает,
Ајаk учка јäтпäјтäн,	Семидесяти медвежьих шкур
Јäттон ају тäрäзі,	Нехватает тебе на рукава.
Јäӊ учуна јäтпäјтäн,	Коренной зуб у тебя с четверть,
Кäрä сӧӧм азулу,	Когти у тебя с отрубленные ноги — (кисы),
Кäзік пычкаk тырмаkту,	Родившийся наделенный большей силой, чем его отец.

[1] Талку — это колодка, в которую заковывали наказываемых.

Адазынаӊ кӱчтӱ туӊан,	Сильный отец мой-Кайракан,
Адам кӱчтӱ, Кајракан,	Имеющий три двери черный Гööш-хан!
Ӱч äжіктӱ кара Гööш-Кан!	Доля хана пусть хану достанется,
Кан ӱјӱжу канӊа јäт,	Доля начальника пусть начальнику достанется
Піј ӱlӱжӱ піјгä јäт!	

17

Анаӊ башка кан ада...	Кроме того, хан отец,
Ӱн салыжа кälігäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите
Кыјӊы салыжа тӱжӱгäр!	Откликаясь на зов, спуститесь!
Јäр пӱдӱрӊä пӱткäн кан,	Прежде, чем сотворилась земля, создавшийся хан,
Јäс кобордо коркон кан,	До того, как образовалась медь, образовавшийся хан,
Ӱlгäн-мынаӊ ӱзӱlӱ,	Имеющий связи с Ульгенем,
Јӱс-мынаӊ јарӊылу	Входящий в число двадцати семи духов „јäр — јол“,
Улу кöрӱк пазылӊан,	Нажимаемый — надавливающий великий мех,
Сун молоток каӊылӊан,	Ударяющийся молот,
Сӯ кöрӱгӱ созулӊан,	Водяной мех растягивающийся,
Улӯ кöрӱк пазылӊан,	Великий мех надавливаемый,
Улу завот соӊулӊан,	Великий завод сооруженный,
Ӱlгäн äжік Казыр-Кан,	Ульгеня дверь Кагыр-хан,
Ӱч äжіктӱ Кара-Адам!	Имеющий три двери Кар-Адам!
Піј ӱlӱжӱ піјгä јäт,	Доля начальника пусть начальнику достанется.
Кан ӱlӱжӱ канӊа јäт!	Доля хана пусть хану достанется!

18

Анаӊ пашка кан ада...	Кроме того, хан отец,
Ӱн салыжа кälігäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјӊы салыжа тӱжӱгäр,	Откликаясь на зов, спуститесь,
Болот кылыш бај бирӊан,	Стальным мечом владеющие,
Јуда бажын мајтарӊан,	Концы пик притупившие,
Појтојдыӊ піјін мокорӊон,	Начальника Бойдоя покорившие,
Јуда бажы јыш полӊон.	Концы пик были как тайга,
Кіжі јӱзӱ öрт полӊон,	Лица людей были как пламя;
Кастактары канӊа кӱјгäн,	Стрелы их горели в крови,
Јäбäläрі јінгä кіјгäн,	Наконечники стрел горели в сукровице.

Кажат јäргä оjун салҕан,
Катӯ таштан куjак салыҥан,
Кара таштаҥ уjа тартыҥан.
Тӯмäн тäläҥät чыккан jäр!
Кандар пijläр, Кajракан!
Кан ӱlӱжӱ канҕа jät,
Пij ӱlӱжӱ пijгä jät!

Устроившие игру на холмистом месте,
Из твердого камня кольчугу на себя возложившие,
От твердого камня происхождение имеющие!
Земля, откуда вышло множество телеутов!
Ханы, начальники уважаемые!
Доля хана пусть до хана дойдет,
Доля начальника пусть до начальника дойдет!

19

Анаҥ пашка кан ада...
Ӱн салыжа käligäр,
Кыjҕы салыжа тӱжӱгäр!
Суу солоҥы соҕолҕон,
Сӯ äнäзi Сулаj-Кан!
Көбӱктӱдä Көлбöj-Кан,
Балыктӯда Болоj-Кан,
Чыҕытӯда Чымаj-Кан,
Jöттi кыjычak кыjылҕан,
Тал таптылу Талаj-Кан!
Пij ӱlӱжӱ кijгä jät,
Кан ӱlужӱ канҕа jät!

Кроме того, хан отец,
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Откликаясь на зов, придите!
Бьющаяся о воду радуга,
Мать вод Сулай-кан!
В пенистых водах Кольбöй-хан,
В водах, полных рыбы, Балай-хан,
Там, где скопляется влага, Чымай-хан,
Крутящийся в семи водоворотах,
Имеющий тапты-тал Талай-хан!
Доля начальника пусть до начальника дойдет,
Доля хана пусть до хана дойдет!

20

Анаҥ пашка кан ада...
Ӱн салыжа käligäр,
Кыjҕы салыжа тужӱгäр!
Jajык тӱбӱн jajкаҕан,
Täҥiс тӱбӱн тäнсäгäн,
Талаj канның ӯ ланы
Ӱзӱ томул кäр балык,
Ар бojумның тоҥ курчӯм!
Кан ӱlӱжӱ канҕа jät,
Пij ӱlӱжӱ пijгä jät!

Кроме того, хан отец...
Откликаясь на (мой) голос, придите
Откликаясь на зов, спуститесь!
Дно разлива качающий,
Дно океана колеблющий,
Сын Талай-хана — моря-хана.
С усеченным ртом чудовище — рыба,
Меня мужчину опоясывающий крепкий обруч!
Доля хана пусть достанется хану,
Доля начальника пусть начальнику достанется!

21

Анаң пашка кан ада...	Кроме того, хан отец...
Ӱн салыжа кäлігäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыjғы салыжа тӱжӱгäр!	Откликаясь на зов, спуститесь!
Одус пашту от äнä,	Тридцатиголовая огонь мать,
Кырык башту кыс äнä,	Сорокаголовая девица мать,
Чыjді ползо, кыжырған,	Сырое варящая,
Тоңду ползо, äріткäн!	Как мерзлое оттаивающая!
Ада болуп сыккан кан,	Отцом будучи, огонь высекающий хан,
Äнä болуп камышкан кан!	Матерью будучи, зажигающий хан!
Jажыл jалын кубаттӯ,	Зеленое пламя веселящая,
Jажыл торко кіjімдӯ,	Имеющая одежду из зеленого шелка,
Кызыл jалын кубаттӯ,	Красное пламя веселящая,
Кызыл торко кіjімдӯ!	Имеющая одежду из красного шелка,
Jатті тӱшкӱн тӱшкӱндӯ	На семи спусках спускающаяся,
Jätті jajкам jajкамдӯ,	На семи качаниях качающаяся,
Jатті сырык пажында,	На вершинах семи жердей,
Jätті кубат ojынду,	Имеющая семирадостную игру,
Тогус jajкам jajкамду,	На девяти спусках спускающаяся
Тоғус тӱшкӱн тӱшкӱндӯ,	На девяти качаниях качающаяся,
Тогус сырык пажында,	На вершинах девяти жердей
Тогус сырык пажында,	Девять радостей имеющая.
Уч очоктың äзі,	Хозяин трех очагов — треножника
Ӱрӱм талдың мӱзі	С рогами из плетеного тала,
Таш очоғун салынған,	Каменный очаг на себя возложившая,
Талкан кӱlӱн jастанған,	Толкан золу под себя подстелившая
От jаказың ojноткон,	Края огня заставляющая играть,
Кӱl jаказын кӱбӱräткäн,	Края золы разрыхляющая,
Одус пашту от äнä,	Тридцатиголовая огонь мать,
Ojғон каныш кулакту,	С ушами из согнутого камыша,
Кырык пашту от äнä,	Сорокаголовая девица мать,
Кыjған камыш кулакту.	С ушами из кососрезанного камыша,
Ажырғызы ojмок äру,	Все превосходящая Оймок чистая.
Ажыра білгäн ojмокару, Кajракан!	Мудрейшая Оймок ару-кайракан!
Пij ӱlужӱ пijгä jät,	Доля начальника пусть начальнику достанется,
Кан ӱlӱжӱ канға jät!	Доля хана пусть хану достанется!

22

Анаң пашка кан ада...	Кроме того, хан отец,
Ӱн салыжа кäлігäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите
Кыjғы салыжа тӱжӱгäр!	Откликаясь на зов, спуститесь!

Ары мардың ak tajlik.	Чистого мар'а белый конь (тайлык).
Ak пос адын јараткан;	Бело-сивого коня снарядил в путь;
Кӧгӱ мардың кӧк tajlik,	Синего мар'а синий конь (тайлык).
Кӧк пос адын јараткан;	Сине-серого коня снарядил;
Кӧк марын тајанҕан,	На белый барс (мар) опирающийся,
Кӧдӱ марын тудунҕан,	Синий мар (барс) держащий,
Ak аданның ӓзі,	Белого бубна хозяин,
Ak мардың ak tajlik,	Белого мар'а белый конь (тайлык)
Ајҕыр јалду кыс јӓläс!	С гривой жеребца девица телес!
Кан ӱlӱжӱ канҕа јӓт,	Доля хана пусть достанется хану,
Пij ӱlӱжӱ пijгӓ јӓт!	Доля начальника пусть начальнику достанется!

23

Анаң пашка как ада...	Кроме того, хан отец,
Ӱ салыжа кӓlігӓр.	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжа тӱжӱгӓр!	Откликаясь на зов, спуститесь!
Алты ӧркӧштӱ ак аданың ӓзі,	Хозяин белого бубна о шести горбах
Ала барстың сӱрмӓді,	Пестрого барса изображение,
Ak мардың адазы,	Белого мар'а отец,
Ајҕыр јалду Кан-Кычкыл!	С гривой жеребца хан-Кычкыл!
Пij ӱlӱжӱ пijгӓ јӓт,	Доля начальника пусть начальнику достанется,
Кан ӱlӱжӱ канҕа јӓт!	Доля хана пусть хану достанется!

24

Анаң пашка кан ада!	Кроме того, хан отец!
Ӱн салыжа кӓlігӓр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжа тӱжӱгӓр!	Откликаясь на зов, спуститесь!
Алтын сӧмның адазы,	Отец золотых сом'ов,
Ӱр сӧмның ӓзі!	Тяжелых сом'ов хозяин,
Бај чалҕа сурлаҕан,	На богатых берегах (блистающий) — сверкающий!
Ӱч тӓңӓрӓ тӓбіlгӓн,	Трое небес тобою протопнуты,
Тӓмір капкаk кабылҕан,	Железную крышку хватающий,
Таңдаk пазылҕан,	На зарю наступающий!
Алтын параты ачыл-јабылҕан,	Золотые ворота открываются и закрываются,
Алды сӧӧгӱ сајланҕан,	Кости диких зверей рассыпаны
Куштун сӧӧгӱ кужалҕан,	Кости птиц сокрушены,
Кушкачаk ӧтпӓс куба чӧl,	Бледная степь, через которую пролетит пташка,
Саңыскан ӧтпӓс сары чӧl!	Желтая степь, через которую пролетит сорока!

Аттар ашпас ај муус,	Рогообразная гора, через которую конь не перейдет!
Ак чалдарда мінӓтӱ,	На бело-игреневом коне ездящий,
Ајҕыр јалду јöö-Кан!	С гривой жеребца јöö-хан! [1]
Кан ӱlӱжӱ канҕа јӓт,	Доля хана пусть хану достанется,
Піј ӱlӱжӱ піјгӓ јат!	Доля начальника пусть начальнику достанется!

25

Анаӊ пашка кан ада...	Кроме того, хан отец...
Ӱн салыжа кӓlігӓр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕа салыжа тӱжӱчӓр!	Откликаясь на мой зов, спуститесь!
Ӓl ӓнӓз Аӊкӓј-Кан,	Мать народа, Енкей-хан,[2]
Ӓкі кӧзін чаҕылҕан,	С двумя сверкающими глазами,
Јӓр тӱнӱктіӊ ӓ̄зі-Кан!	Земной щели — тюнюк'а — хозяйка!
Піј ӱlӱжӱ піјгӓ јӓт!	Доля начальника пусть начальнику достанется!
Кан ӱlӱжӱ канҕа јӓт!	Доля хана пусть хану достанется!

26

Анаӊ пашка кан ада!	Кроме того, хан отец!
Ӱн салыжа кӓlічӓр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжа тужӱгӓр!	Откликаясь на зов, спуститесь!
Анаӊ јадып јајајтан,	Лежа сотворяющий,
Анаӊ јадып тӓмдӓјтӓн,	Лежа устремляющий к жизни,
Ончолордыӊ пашчызы,	Всего глава,
Толојлордыӊ кіндігі!	Всех и всего пуповина!
Казы карта баркызыӊ,	Опохмеляешься жиром сычуга,
Кара аракы суҕадыӊ!	Пьешь черную водку!
Кулаш полҕон окту кан!	Имеющий стрелу в сажень хан!

---

[1] јоо-хан, по представлению телеутов, жил где-то за горизонтом — „за утренней зарей" — за тем местом, где небо упирается в землю. Небо через определенные промежутки времени то опускается, то поднимается.

Когда шаман камлал јоо-хану, он должен пройти с жертвой через основание неба — тӓӊӓрӓ тӧзӱн' одӱпчыкјат — успеть пройти, иначе его придавит вечно находящийся в колебании и ритмичном движении небесный свод. У этого опасного прохода лежат груды костей погибших, прихлопнутых здесь зверей и птиц. Земля, находящаяся за пространством, простирающимся за тӓӊӓрӓ тӧзӱ, т. е. за основанием неба, носит название чын јӓр — истинная земля.

[2] Ӓнкӓј-хан — живет по пути к јöö-хану у јӓр јарыҕы земной щели или јар кіндігі — у „пупа земли" или јӓр тӱнӱгі „земного отверстия" (тӱнӱк — дымовое отверстие юрты, дымоход жилища).

Курдак јätпäс пäldў кап,	Имеющий поясницу, для которой нехватит никакой опояски
Кучак јätпäс мојынду,	Имеющий шею, которую не охватить,
Курчаңа тўшкäн саңалду.	Имеющий бороду, доходящую до пояса,
Каңҕа чапкан чыраjлў,	Имеющий румяное лицо,
Карыш камакту Кан-Äрlік!	Имеющий лоб в четверть хан-Ерлик![1]
Кара кумдус тöжöктў,	Имеющий постель из черного бобра,
Кара мыjык саңалду,	Имеющий бороду из черной шерсти,
Кäр кумдус тöжöктў,	Имеющий постель из гнедого бобра,
Кäр мыjык саңалду,	Имеющий бороду из гнедой шерсти,
Кара арҕымак мінätў,	Ездящий на черном иноходце,
Кара пулут ојонду,	Играющий черными тучами,
Кäр арҕымак мінätў,	Ездящий на гнедом иноходце,
Кäсмäк пулут ојунду.	Играющий с кучевыми — (чернова-тыми) тучами,
Кара кілің тон кіjгäн,	Одевший шубу из черного бархата,
Кäр арҕымак ат мінгäн,	Ездящий на черном иноходце;
Кäр кілің тон кіjгäн,	Одевший шубу из коричневого бархата,
Кäр арҕымак ат мінгäн!	Ездящий на карем иноходце!
Јанду суруң jäр jајкар,	Круп твой с выдающимися боками качает — колыхает землю
Јаак саңалың төш jајкап,	На щеках борода твоя колыхает грудь.
Äндў сууруң jäр jајкап,	Того, кто ни перед кем не сгибался,
Ääк саңалың төш jајкан,	Заставивший согнуться,
Äңдäрбісті ändärгän,	
Äрlік адам ўч поокту!	Отец Ерлик трехзобый,
Поок торбосту поокторҕон,	Того, кто никогда не сгибался, заставивший согнуться,
Пурул адам ўч поокту!	Отец мой Бурул трехзобый.
Кан ўlўжў каңҕа jät,	Доля хана пусть хану достанется,
Пij ўlўжў пijгä! at!	Доля начальника пусть начальнику достанется.

Затем шаман призывал двенадцать öрогў (öрögі) или баjана — небесных духов.

1

Алты катта ај ада!	На шестом слое неба отец месяц
Пäш катта кўн änä!	На пятом слое неба мать солнце![2]

[1] Ерлик или, как его чаще называли, Адам (т. е. мой отец) пользовался особым почитанием у телеутов. Он жил на чін jäр — истинной земле, далеко за пределами täңäр төзі за основанием неба.

[2] См. рисунок на бубне, рис. 8, *1*, *2*, стр. 110.

Үч катта әнәм Поҕош, Кајракан!
На третьем слое неба мать моя Погош, Кайракан.

Төрт катта әнәм јајучы Таңәрә!
На четвертом слое неба мать моя творец неба![1]

Кан үлүжү канҕа јәт,
Доля хана пусть хану достанется,

Пиј үлүжү пијјә јәт!
Доля начальника пусть начальнику достанется!

2

Анаң пашка кан ада!
Кроме того, хан отец!

Үн салыжа кәлигәр,
Откликаясь на (мой) голос, придите,

Кыјҕы салыжа түжүгәр!
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!

Әзәрә пулут әүактү,
Полы (одежды ее) — кучевые облака,

Јажыл пулут јакалу,
Ворот ее — зеленое облако;

Јәтті тапты тапталҕан,
На седьмую тапты — наступающая!

Јатті катта кунду,
Имеющая место игры на седьмом слое небес,

Әнәм мәрген täңәрә!
Мать моя Мерген небо — Мерген теңере!

Пиј үлүжү пијгә јәт,
Доля начальника пусть начальнику достанется,

Кан үлүжү канҕа јәт!
Доля хана пусть хану достанется!

3

Анаң пашка кан ада...
Кроме того, хан отец!

Үн салыжа кәлигәр,
Откликаясь на (мой) голос, придите,

Кыјҕы салыжа түжүгәр!
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!

Сәгіс катта оjунду,
На восьмом слое неба имеющая место игры;

Сәгіс тапты тапталҕан,
На восьмую ступень наступающая,

Шарт ајабкан пәттү кан.
Лазурь небес — лицо его,

Чаҕыр јалдыс көстү кан,
Звезды чагыр — глаза его,

Ајас көстү Чаҕыр-Кан,
С ясными сверкающими глазами Чагыр-хан,

Пулут пәттү Бӯра-Кан,
С видом как облако, Бура-хан,

Әнәм Бура täңәрә!
Мать моя Бура — небо!

Кан үлүжү канҕа јәт,
Доля хана пусть хану достанется,

Пиј үлүжү пијгә јәт!
Доля начальника пусть начальнику достанется!

---

[1] Јајучы-хан — творец, она творит кит — души детей.

4

Анаӊ пашка кан ада...	Кроме того, хан отец...
Ӱн салыжа кäliгäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжа тӱжӱгäр,	Откликаясь на (мой) зов, спуститесь,
Тоҕус тапты тапталҕан.	Наступающий на девятый тапты,[1]
Тоҕус катта ојунду,	Имеющий игру на девятом слое небес,
Пај караҕај таптылу,	Имеющий своей тапты богатую, густоветвистую сосну,
Пала кузуk сӱдäрlӱ,	Имеющий покров — тень от молодого кедра,
Аk чударҕа кіјімдӱ,	Одеждой ему служит белый плащ,
Аk пōс пӯра мінäттӱ.	Ездящий на бело-сивой буре,
Алты тäӊäра адазы,	Отец шести небес,
Алты öркöштӱ адам Абајош тäӊäрä!	Имеющий шесть горбов отец Абајош — небо!
Піј ӱlӱжӱ піјгä јäт,	Доля начальника пусть начальнику достанется,
Кан ӱlӱжӱ канҕа јäт!	Доля хана пусть хану достанется!

5

Анаӊ пашка кан ада!	Кроме того, хан отец!
Ӱн салыжа кäliгäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжа тӱжӱгäр!	Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
Тоҕус тапты тапталҕан,	Наступающий на девятый тапты,
Тогус катта ојынду.	Ведущий игру на девятом слое неба,
Јажыл-пура мінäгӱ,	Ездящий на зеленой бур'а,
Јажыл јібäк тіскіндӱ,	Имеющий повод из зеленого шелка,
Јажыл пулут öргöшту,	Горб его — зеленое лазурное облако,
Јажыл солоӊы тајакту,	Посох его — зеленая радуга,
Кызыл пура мінäтӱ,	Ездящий верхом на красной бу'ра,
Кызыл јібäк тіскіндӱ,	Имеющий повод из красного шелка,
Кызыл пулут öркöштӱ.	Горб его — красное облако,
Кызыл солоӊ тајакту.	Посох его — красная радуга,
Адам Кызыҕан тäӊäрä!	Отец мой Кызыган небо!

[1] При жертвоприношениях верховным небесным духам, в частности, Ульгеню ставили в специально сооруженном шатре (из жердей) — сöölту—березу (у березы обрубали ветви и оставляли лишь вершину). На стволе этой березы делали зарубки. Число зарубок зависело от того, на каком слое неба живет дух, которому совершалось камлание. Эти зарубки носили название тапты и символизировали слои неба (кат). Во время жертвоприношения шаман совершал как бы восхождение на небо по этим тапты. В представлении о березе, на шестнадцатой зарубке — тапты, на которой жил сам Ульгень, — нашло свое отражение представление о мировом дереве, вершиною своей достигающем небес. Сама береза в молитвах также носила название „тапты".

Кан ӱlужӱ канҕа јӓт,	Доля хана пусть хану достанется,
Пiј ӱlӱжӱ пiјгӓ јӓт!	Доля начальника пусть начальнику достанется!

6

Анаӊ пашка кан ада!..	Кроме того, хан отец!..
Ӱн салыжа кӓliгӓр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжа тӱжӱгӓр!	Откликаясь на (мой) зов, спуститесь
Он тапты тапталҕан,	На десятый тапты наступающий,
Он катта ојынду,	На десятом слое неба ведущий игру,
Јажыл пулут јакалу,	С воротом из зеленого облака,
Кызыл пулут ӧркӧштӱ,	С горбом из красного облака,
Ајас пулут пӧlӧ алҕан!	Ясное облако разделивший!
Аҕыј поҕыј пос пуралу,	Наполненная сверкающими бурами,
Адам јӓрi Ak-Тумат!	Отца моего земля — Белый Тумат!
Пӧс пурулар бајбырҕан,	Сивыми бур'ами владеющий,
Адам Тумат-Тӓӊӓрӓ!	Отец мой Тумат небо!
Пiј ӱlӱжӱ пiјгӓ јӓт,	Доля начальника пусть начальнику достанется,
Кан ӱlӱжӱ канҕа јӓт!	Доля хана пусть хану достанется!

7

Анаӊ пашка кан ада!..	Кроме того хан отец!
Ӱн салыжа кӓliгӓр.	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжа тӱжӱгӓр!	Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
Он бiр тапты тапталҕан,	На одиннадцатый тапты наступающий,
Он бiр катта ојунду,	На одиннадцатом слое неба имеющий игру,
Ӱч сӱдӓрiн сајынҕан,	Три покрова на себя возложивший,
Уч солмоны сурлаҕан,	Три утренние звезды его сверкают,
Ӓбiр чӓбiр јылдысту,	С разросшимися кругом деревьями,
Ӓбiрӓ чыккан аҕашту,	С восшедшими кругом звездами,
Тiзiн ала поокту,	С зобом, спускающимся на грудь,
Тӧбӧн ала чоокту,	С блеском на темени,
Адам поокту Кан-Кајракан!	Трехзобный отец мой хан-Кайракан!
Кан ӱlӱжӱ канҕа јӓт,	Доля хана пусть хану достанется,
Пiј ӱlӱжӱ пiјгӓ јӓт!	Доля начальника пусть начальнику достанется!

8

Анаӊ пашка кан ада!	Кроме того, хан отец!
Ӱн салыжа кӓliгӓр,	Откликаясь на (мой) голос, придите
Кыјҕы салыжа тӱжӱгӓр!	Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!

Он бір тапты тапталҕан,
На одиннадцатый тапты наступающий,

Он äкі катта оjунда,
На двенадцатом слое неба имеющий игру,

Кара кіш jакалу,
Имеющий ворот из черного соболя,
Jажыл кумдус äдäктӱ,
Имеющий полы из зеленого бобра,
Jажыл пулут öркöшгӱ,
Имеющий горб из зеленого облака,
Адам кара кіш täҥäрä!
Отец мой черный соболь небо,
Пij ӱlӱжӱ пijгä jät,
Доля начальника пусть начальнику достанется,

Кан ӱlӱжӱ канҕа jät!
Доля хана пусть хану достанется!

9

Анаҥ пашка кан ада!
Кроме того, хан отец!
Ӱн салыжа kälігäр,
Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыjҕы салыжа тӱжӱгäр!
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
Он äкі тапты тапталҕан,
На двенадцатый тапты наступающий

Он äкі катта оjынду,
На двенадцатом слое неба имеющий игру,

Jаш täҥäрä jажыткан,
Молодое небо мокрящий,
Кök täҥäрä көзӱткän,
Синее небо мутнящий,
Күзӱрт шаҕырт оjунду.
Раскаты грома игра его,
Ak Улгäнің арҕын баш,
Белого Ульгеня „аркын“ камень,
Ат көдӱрбäс „сыман“ таш,
„Сыман“ камень, который конь не поднимет,

Ӱlгän канның „Сурҕун“ таш,
Белого Ульгеня „Сургун“ камень,
Кан Ӱlгäннің кызыл таш,
Хана Ульгеня красный камень,
Jаjучының jажыл таш,
Творца зеленый камень,
Адам jада-täҥäрä!
Отец мой jада[1] — небо!
Кан ӱlӱжӱ канҕа jät,
Доля хана пусть хану достанется,
Пij ӱlӱжӱ пijгä jät!
Доля начальника пусть начальнику достанется.

10

Анаҥ пашка кан ада!
Кроме того, хан отец!
Ӱн салыжа kälігäр,
Откликаясь на (мой) голос, придите,

Кыjҕы салыжа тӱжӱгäр!
Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!

Он äкі тапты тапталҕан,
На двенадцатую тапты наступающий,

[1] Jада таш — камень, силою коего производили „дождь, снег или ведро“ (В. В е р б и ц к и й, ук. соч., стр. 66).

Он ӱч катта ојынду,	На тринадцатом слое неба имеющий игру,
Ајланыжа ај качырҕан,	Обойдя месяц, за ним гнался,
Алтын карӓт јӓгінгӓн,	Золотую карету себе запрягший,
Ајҕа кӱнгӓ шаҕырту,	Между луной и солнцем гром низвергающий,
Кӧlӧнӱжӓ кӱн качырҕан,	Подкрадываясь, гнался ты за солнцем,
Кӱміш карӓт јӓгінгӓн,	Серебряную карету для себя запрягший,
Кӱнгӓ ајҕа пызыҕан,	Сверкающий при солнце и луне
Ӓксӓј Мӓксӓј тӓӊӓрӓ,	Ексей Мексей небо,
Адам пыркан тӓӊӓрӓ!	Отец мой бурхан — теӊере (пуркан теӊере).
Піј ӱlӱжӱ піјгӓ јӓт,	Доля начальника пусть начальнику достанется,
Кан ӱlӱжӱ канҕа јӓт!	Доля хана пусть хану достанется!

11

Анаӊ пашка кан ада!	Кроме того, хан отец!
Ӱн салыжа кӓlігӓр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжа тӱжӱгӓр!	Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
Он ӱч тапты тапталҕан,	На тринадцатый тапты наступающий,
Он тӧрт катта ојунду,	На четырнадцатом слое неба имеющий место игры.
Ak Пудајдаӊ ајрылҕан,	От хана Пудай (пшеница) отделившийся,
Ak Мустајдаӊ пӧlӱнгӓн,	От хана Мустая (белого льда дяди) разделившийся.
Мӯс пырчаkтаӊ ајрылҕан,	От белой ледяной крупинки — льдинки отделившийся,
Астај Мустај ӓкі кыс!	Астай Мустай две девицы!
Сӱткӓ паскан таманду.	Имеющие ступни, наступающие на молоко,
Ak ӱрӱстӓ јарукту,	Имеющие промысел на белом наваре,
Мустај канныӊ јӓні,	Племянники Мустая (льда — хана — дяди)!
Тӓкші тӓӊӓрӓ тӓкші адабас,	Все небеса (всех небесных духов) все не назвать!
Адам Тотој-Тӓӊӓрӓ!	Отец мой Тотой — небо!
Кан ӱlӱжу канҕа јӓт,	Доля хана пусть хану достанется,
Піј ӱlӱжӱ піјгӓ јӓт!	Доля начальника пусть начальнику достанется!

12

Анаӊ пашка кан ада!	Кроме того, хан отец!
Ӱн салыжа кälігäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите.
Кыјҕы салыжа тӱжӱгäр!	Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
Он бäш тапты тапталҕан,	На пятнадцатый тапты наступающий,
Он алты катта ојунду,	На шестнадцатом слое неба имеющий место игры,
Адам пыркан āру кыстар,	Отца моего Бурхана чистые девицы,
Адам пыркан јälӱ кыстар!	Отца моего Бурхана глупые девицы,
Он äкі сälмäнчік тäбіlгäн,	На двенадцать качелей ногой наступившие,
Он алты катта ојунду,	На шестнадцатом слое неба имеющие игру,
Тогус сälмäнчік тäбіlгäн,	Девять качелей качающие,
Тогус сырык ојунду,	На девяти жердях имеющие игру;
Јатті сälмäнчік тäбіlгäн,	На семь качелей ногой наступающие,
Јатті сырык ојунду,	На семи жердях имеющие игру,
Адам пыркан, пыркан āру,	Мой отец бурхан, бурхан чистый,
Адам пыркан, јажыл āру,	Мой отец бурхан, јажын ару,
Адам пырк насаран āру,	Отец мой бурхан саран ару,
Адам пыркан алтын āру,	Отец мой бурхан золото чистое,
Адам пыркан пӯдај āру,	Отец мой бурхан пшеница чистая
Адам пыркан пырчак āру!	Отец мой бурхан горох чистый!
Пӯдај чылап пурулҕандар,	Подобно пшеничным зернам вертящиеся,
Курчак чылап тöгӱlгäндäр,	Подобно гороху рассыпающиеся,
Кыјҕылуҕа кычалулар,	Всегда кричащие и зовущие,
Кызыл кошто јäмäттӱläр-јäмзіlӱläр,	Имеющие пищей красные горящие угли,
Äнäм болзо кыстар āру!	Матери моей бурхан чистые девицы!
Піј ӱlӱжӱ піјгä јäг,	Доля начальника пусть начальнику достанется,
Кан ӱlӱжӱ канҕа јäт!	Доля хана пусть хану достанется!

13

Анаӊ пашка кан ада!	Кроме того, хан отец!
Ӱн салыжа кälігäр,	Откликаясь на (мой) голос, придите,
Кыјҕы салыжа тӱжӱгäр!	Откликаясь на (мой) зов, спуститесь!
Он алты тапты тапталҕан,	На шестнадцатый тапты наступающая,

Он алты катта ойынду,
На шестнадцатом слое неба имеющая место игры,

Парчазының башчысы,
Всех и всего глава
Барчы әнәзі Баj-Улгән!
Мать моя богатый Ульгень!
Кан ӱлӱжӱ канца jәт,
Доля жана пусть достанется хану,
Пij ӱлӱжӱ пijгі jәт!
Доля начальника пусть достанется начальнику!

Шаман вставал со своего места и призывал духа (кәр балык талаj канның уланы). Шаман окружал себя обручем курај — рыбой — кәр балык; он как бы опоясывался его (укрчулапjат), подкрепляя себя для предстоящего трудного и далекого путешествия. Шаман обращался к кәр балык со следующими словами:

jajык тӱбӱн jajкаңан,
Глубину разлива колыхающий,
Таңіс тӱбӱн таңсәчән,
Дно океана колеблющий,
Талаj канның уланы,
Хана моря сын,
Ӱзу тоңғыл кәр балык!
Чудовище — глава рыб с обрубленным ртом!

Әр нojумуң тоң курчу!
Для меня мужа ты крепкий обруч!
Ӱч пороло кабыл-кәл!
Приди, охватывая, охвати, окружая, окружи меня трижды!

Шаман шел к порогу, садился на корточки лицом к порогу и обращался к хозяину порога: „кара көөш-кан позоңонуң әзі“ и через него к его отцу Кар-Адаму или әжік таңара, и просил разрешения итти к духу тәр әзі и помощи — поддержки в этом пути:

Ајна тудар ар(у) тоңузум,
Мой могучий борец, что в состоянии задержать злого духа (айна),
Ајланып jатпас әр jадыңым!
Не переворачивающаяся с боку на бок, лежащая моя чистая колода!
Ај каразы jорукту,
Выходящий на промысел на ущербе месяца,
Ају пашмак ӧдӱктӱ,
Имеющий башмаки из медвежьей шкуры;
Тӱн каразы jорукту,
Выходящий на промысел в темноте ночи,
Тӱктӱ пашмак ӧдӱктӱ.
Имеющий шерстистые башмаки;
Алтон ају тәрәзі,
Шестьдесят медвежьих шкур,
Ајак укча jәтпә jәтпәjтән,
Нехватает (тебе) на конец ноги,
Jәттон ају тәразі.
Семьдесят медвежьих шкур,
Jән учуна jәтпәjтән,
На край рукава нехватает (тебе).
Кәрә сӧӧм азулу,
Имеющий клык с четверть,
Кәжік пычкак тырмакту,
Имеющий когти с обрубок ноги,
Адазынаң кучту туған,
Родившийся сильнее своего отца;
Адам кӱчтӱ, Кajракан,
Сильный отец мой уважаемый,
Ӱч әжіктӱ кара Гӧӧш-Кан!
Трехдверный черный Гӧӧш-кан!

Шаман от имени Кара-гӧӧш откликался, произнося свое имя: — аајты! аајты! Кара ӧӧш! и спрашивал у шамана куда, к какому духу он собирается итти.

Ak аданың шаҕаражын,	„Твоим белым бубном побрякивая,
Таш орбуңа тајанып,	На каменную колотушку опираясь, как на посох,
Табылҕыңа шäданіп,	О свою таволгу прислоняясь,
Ak адаңа сööнӱп,	Своим белым бубном подпираясь,
Ала барска тајанып,	На пестрый барс — рукоятку бубна опираясь,
Кажы канҕа кабылып чыктың?	К какому хану, мчась, изнуряя себя, ты идешь?
Кажы пiјгä кӱläп, чыктың?	К какому начальнику, бушуя, ты с пением отправился?“

Шаман отвечал:

Пiläр тјім сäн äдäң,	Все знающий мой начальник, ты есть!
Пiлбäс кулдаң мäн äдäм,	Я — раб твой, ничего не знающий!
Јаан бiјім сäн äдäң,	Великий начальник мой, ты есть!
Јармадыј кулдуң äмн äдäм!	Я ничтожный раб твой (с крупинку, подобной отруби)!
Кажы канҕа кабалып чыҕајын!	К какому хану, изнуряя себя, с шумом я иду!
Кажы бiјгä кӱläп чыҕајын!	К какому начальнику, напевая, я иду!
Ak аданның äзінä,	К хозяину белого бубна,
Ала барстың сӱрмäдінä,	К изображению пестрого барса,
Ak Мардың Ak Тајлыҕа,	Белого мар'а Белому Тайлык'у,
Аҕыр јалду кыс јälаскä.	Имеющей гриву жеребца девице телес.
Ak Мардың Адазына,	К хозяину белого мара,
Ајҕыр јалај Кан-Кычкылҕа!	С гривой жеребца, как Кычкыл'у (я направляюсь)!
Мынаң озо каҕылбадым,	До настоящего времени я не мчался, изнуряя себя,
Мынаң озо кӱläбäдім,	Раньше этого, я не напевал, с шумом идя!
Кабырҕам мäнің кајкалар,	Ребра мои еще не отвердели,
Кал јачым тыңыҕалаk,	Последнее ребро мое еще не окрепло.
Алдым манің ачылҕалаk,	Путь предо мною еще не открылся,
Арҕа јалым сöзӱlгäлäк.	Спина и холка мои еще не примялись.
Ар алдыма älчі бäрзäн,	Вперед меня посла — спутника не пошлешь ли!
Баштап чыҕар башчы салҕан!	Чтобы руководить мною, руководителя не назначишь ли!

Дух Позоҕо отвечал шаману:

Äр алдыңа älчі бäрäјін	Впереди тебя идущего спутника — посла, да, дам я!
Баштан чыҕар башчы салајын!	Руководителя, что руководить тобою будет, да поставлю я
Караҕының кöстö болзын!	Пусть будет так, чтобы из глаз твоих не ушло то, что ты увидишь!
Кармаҕаның колдо болзын!	Что нужно тебе захватить, пусть будет в твоей руке!
Кан алдында казыр бол,	Перед ханом сильным будь,
Пiј алдында пiјiк пол!	Перед начальником высоким будь!
Тiliң болзо јару бол,	Язык твой острый, да будет,
Тiзан болзо, чöгÿ бол,	Твои колена гибки пусть будут!
Канҕа кiрзäн, кајранал,	Если войдешь к хану, милость возьми,
Бiјгä кiрзäн, бilдi кäр!	Если войдешь к начальнику, мудрость увидь!

Шаман произносил благодарность духу Позоҕо;

Мöргÿ-бä, мöргÿ!	Поклоны, поклоны!
Алды кiјiнiм карап калзаң,	Охраняя меня, оставайся,
Оң кöзÿнäң кöрÿп калзан!	Смотря на меня правым глазом твоим, оставайся!
Оң алкыжың бäрiп калзан!	Давая мне правое благословение, оставайся!
Ääм кöзÿн кöрÿп калзаң!	Ласковым глазом смотря, оставайся!
Äрÿ чырај паҕын калзаң!	С лицом, расплывшимся от улыбки, оставайся!

Шаман вставал и проходил на середину дома. Он снова призывал 27 духов јäр јолы, 12 — духов бајана и своих тöс'ов — свое многочисленное, словно ласточки, войско карлыҕаштыј калын чäрÿ. Все эти духи будут ему сопутствовать. Сильным ударом в бубен он присоединял к своим спутникам еще и älчі — посла, полученного им от хозяина двери — позоҕо. Затем он призывал опять свой курчу — обруч духа кäр балык. Садился на корточки около печи, лицом к отверстию ее, и обращался к от-äнä — матери огня, прося у нее себе спутника и помощника.

Одус башту от äнä,	Тридцатиголовая мать огонь,
Кырык бату кысäнä!	Сорокаголовая девица мать!
Чiјдi болзо, пыжырҕан,	Сырое варящая,
Тоңды болзо, äрiткäн.	Мерзлое оттаивающая!
Јажыл јалын кубатту,	Зеленое пламя веселящая,
Јажыл торко кiјiмдÿ,	Из зеленого шелка имеющая одежду,
Кызыл јалын кубатту,	Красное пламя веселящая,

Кызыл торко кіјімбӱ.	Из красного пламени имеющая одежду!
Таш очоҕун салынҕан,	Каменный очаг на себя возложившая,
Талкан кӱlӱн јастанҕан.	Толкан золу под себя постелившая,
От јаказын ојноткан,	Края огня заставившая играть,
Кӱl јаказын кӱбӱраткӓн,	Края золы разрыхляющая,
Одус пашту от ӓнӓ,	Тридцатиголовая мать огонь,
Ојҕон камыш кулакту,	С ушами из гнутого камыша,
Кырык пашту кыс ӓнӓ,	Сорокаголовая девица мать,
Кыјҕан камыш кулакту,	С ушами из кососрезанного камыша,
Ӱч очокту ӓзі кан,	Хозяин трех очагов — треножника хан,
Ӱрӱм талдың мӱзі кан,	Хан с рогами из тальника,
Ӱзӱlӱп ӱскӓ тӱшкӓн кан,	Обрываясь, падающий на навар, хан,
Ја јылын кӧккӓ тамҕан кан,	Расстилаясь, капающий на землю, хан!
Ажыра біlгӓн Ојмок āру!	Всезнающая Оймок, чистая!
Ӓр алдыма ӓlчі бӓрзӓн!	Впереди меня идущего мужа спутника,
	О, если бы ты дала!
Баштап чыҕар башчы салзан!	Мною руководящего руководителя
	О, если бы ты поставила!
Ак Мардың ак Тајlык'ка,	К белого мара белому Тайлыку,
Ајҕыр јалду кан Кычкылҕа,	К кан-Кычкылу, имеющему гриву жеребца,
Мынаң озо каҕылбадым,	До настоящего времени я не ходил,
Мынаң оао јјалбадым.	Раньше этого я не направлялся!

От-ӓнӓ ничего не отвечала шаману — она никогда не вступала в разговор с шаманом — она просто посылала ему от себя спутника — помощника ӓlгі (посол).

Шаман вставал, ударял в бубен и трижды произносил: „оч курӱј!"

Затем он обращался к духу пај паҕа.

Ӓкі кӧзӱ кызарышкан,	С двумя покрасневшими глазами
Танулару сарҕалышкан,	С пожелтевшими ноздрями,
От ордунча пај баҕа,	Богатая лягушка, что в огнище!
Тура јіктӱ тос кӧнӧккӧ,	К моему берестяному кӧнӧк'у, имеющему поперечный шов,
Алаганың јаба тут!	Лапу твою приложи и прикрой его!

Шаман снова призывал кӓр балык. Размахивал трижды бубном. Повертывался делал движение бубном в направлении четырех углов дома и говорил:

Аланчыҕым ак јалыным!	Моя юрта аланчик, белое пламя!
Сӓгіс кыјын тӧрт толуҕум!	С восемью косыми обрубами четыре угла мои!

Оң кӧзіннӓң кӧрӱп калзан,	Правым взглядом взгляни,
Оң алдыжың пӓріп калзаң!	Правое благословение дай!

Снова повертывался кругом и кланялся всем присутствующим людям — старым и молодым, которые будут сидеть в продолжение всего камлания, и просит их петь и кричать с ним вместе, т. е. помогать ему совершать камлание.[1]

Сај сӧгӱм сакчылары,	Караульщики моих костей — гальки,
Саналқанда курчуларым!	Когда мне понадобится, вы мои кольчуги — обручи!
Кудыј бажы кажајқандар,	С побелевшими, как у лебедя головами,
Кускундыј тіжі сарқалқандар!	С пожелтевшими, как у ворона, зубами!
Оң кӧзӱннӓң кӧрӱп калзаң,	Правым глазом взгляните,
Оң алкыжың пӓріп калзаң!	Правое благословение дайте!
Сај сӧқӱмнӱң сакчылары,	Охранители моих костей — гальки,
Саналқанда курчуларым!	Когда мне вздумается, вы мои кольчуги — обручи!
Кыјқы мынаң ычкы тынаң!	Криком и кряхтением (мне помогайте)!

На призыв шамана с ним вместе кричать и петь присутствующие отвечали возгласами.[2]

Шаман снова призывал кӓр балык и начинал медленно двигаться, ударяя в бубен, к кӧнӧк'ам.

Шаман пел. Ему подпевали все присутствующие, исключая женщин.[3]

Шаман, обращался к кӧнӧк'ам и толу, отсылал их к духу ак мар'у.[4]

Ајдың болзо, аруунда,	Когда месяц светит в новолуние,
Кӱннӱң болзо, кӧркӱндӓ,	Когда солнце сверкает в ясный день,

---

[1] Пережитки стадии „коллективного камлания" (массового) — сохранились в обычае, согласно которому все присутствующие на камлании, должны были выкриками, возгласами „помогать" шаману участвовать в совершении обряда. Кроме того, у телеутов существовали особые помощники шамана тӓмчіläр тӓм кошкон кіжіläр или: тӓм кошјатан кіжіläр. Обычно это были молодые люди, обладающие соответственными голосовыми и музыкальными данными, а также хорошей памятью. Шаман усаживал их рядом с собой на скамью. Там они сидели в продолжение всего камлания. Они должны были на память, вслед за камом, повторять все шаманские призывания и продолжать петь одни, когда кам уставал и делал небольшие передышки. В награду за помощь шаман угощал их вином и жертвенным мясом. Особой платы не полагалось. Это были любители, которые по своему усмотрению могли пойти или не пойти на камлание и помогать шаману. Но среди них были и такие, можно сказать, признанные помощники (особо умелые, хорошо поющие и т. д.), за которыми шаман перед камланием специально посылал и приглашал ему помогать и присутствие которых считалось почти необходимым.

[2] Возгласы присутствующих продолжались в течение всего камлания.

[3] Женщины, видимо, исключены из участия в камлании, сохранявшем, в большинстве случаев, родовой характер, как чужеродки.

[4] В настоящей работе приведен вариант камлания, совершаемого весной. Осенью шаман начинал камлание с описания осенней природы.

Јылдың бажы аjланҕанда,
Јылан бажы сајылҕанда,
Ämäl аҕаш пӱр алҕанда,

Ääк куук кыjҕырҕанда,
Jäр јарылып пӱр чыккында,

Аҕын суум пузулҕанда,

Ak таjка ӱру сӧзӱlгändä,
Ат кӧдӱрбäс ар толум,

Аҕым кӧгӱн чаҕылды отур,
Аj оҥуҥа пурулуп отур!
Кӧдурмälӱ кӧl täпшім,

Кӧк ӱрӱс-чä јајылып отур,
Кӱн оҥурча пурулы отур!
Тура јіктӱ тос кӧнӧгӱм,

Mälkildäräп паj сабам!
Ӓр алдымнаҥ јајалы отур,
Аткан октоҥ äҥіl ал,
Ак-кан сӱдаҥ шурҕун тарт!
Ал таjкабаҥ ажу ал,

Аҕыҥ судан кäчӱ ал!

Голова года когда повернулась,
Змея когда сменила кожу,
Когда на плодовых деревьях появились листья,
Когда закричала кукушка,
Когда расщепились деревья и появились листья,
Когда текущие воды разбили ледяной покров,
Когда склон горы распоролся,
Чистое толу мое, что конь не может поднять,
Сверкай белым и синим блеском,
По ходу месяца, повертывайся!
Годная к возношению — как озеро сельница моя,
Разливайся, как синий навар.
По ходу солнца повертывайся!
Мой берестяной туяс, имеющий поперечный шов,
Покачивающаяся моя саба!
Впереди меня — мужа продвигайся.
Легче выпущенной летящей стрелы,
Быстрее текущей воды (иди).
Через белую тайгу — гору перевал бери,
Через быструю воду переправу бери!

Шаман, произнося полное название духа ак мар'а, ударил в бубен. Затем наклонялся, повертывался к двери дома и долго бил в бубен. Этим он как бы отправлял толу и кӧнок к духам, которым они предназначены. Это действие носит название табу какjат, оно повторялось три раза. Три раза шаман повторял все слова, начиная с „аjдың болзо арында..."

Шаман уходил из дома. Выходил на улицу и там еще один раз повторял все слова, начиная с „аjдың болзо арӱнда...."

Шаман возвращался назад, произносил при входе конец обращения к кӧнӧк'ам и толу: „ал таjҕадаҥ ажу ал, аҕың сӱдаҥ кäчӱ ал!"

Он двигался в доме, обернувшись спиной, и несколько раз произносил слова: „табу дäп". Доходил до середины пола и продолжительное время вертелся по солнцу, долго ударял в бубен и выкрикивал „аj, хооо!..." Останавливался. Затем, снова долго вертелся, повторяя все тот же выкрик „аj хооо!.." Это означало, что шаман отправился в свой путь. Он едет на своем бур'е. При этом он призывал своего бура так, чтобы никто этого не заметил.[1]

[1] Шаман скрывал своего бура, так как враждебные ему, шаману, духи, желая погубить его, подкарауливали его и стреляли в него из луков.

Шаман размахивал орбой и с возгласами „шау, ауу“, останавливался по средине дома. Стоя там, он произносил имя јӱыјыка јӱрӓкӓј хана, духа невысокой горы,[1] расположенной недалеко от улуса Чолухоя, почитаемой телеутами.

Улу Бајат кӓзӓ отурҕан,	Старшим — великим Бочатом ведущая,
Ӱссӱн јаныӊ ӱч казыk,	Вверху у тебя три кола,
Алдын јаныӊ муӊ казыk,	Внизу у тебя тысяча колов,
Ӱч толукту ӓнӓм јӱрӓкӓј, Кајракан!	О трех углах, мать моя јӱрӓкӓј Кайракан!
Кол кӧдурзӓм чачу ал,	Если подниму руку, кропление возьми,
Колтыk ачсам, ӱlӱӱ ал,	Если подмышку раскрою, долю возьми.
Тороk полҕон пажына.	На гребневидную голову твою,
Тарсма полкон сыныӊа.	На струнообразную спину твою (пусть падет)!
Оӊ кӧзӱннӓӊ кӧрӱп кал,	Правым глазом взгляни,
Оӊ алкыжыӊ нӓріп ал!	Правое благословение дай!

Затем шаман как бы представлялся — рекомендовался духу — он называл имена двух своих тӧс'ов — имена двух предшествующих ему умерших шаманов, последних из всей иерархии своих шаманов — предков.[2]

Кам Кобордыӊ калдыҕы,	Я потомок—последыш кама Карбоа,
Кам Пӧнӧк ӱрӓні,	Я семя — кама Пӧнӧка,
Ајҕыр јалду кан Кычкылҕа,	К кану Кычкылу, имеющему гриву жеребца,
Мӓн сабылын пар јарым!	Бушуя и мчась, я направляюсь!

Назвав духа — јајык'а — шаман проходил мимо его владений. Он садился на скамейку и пел, призывая свое „войско“ — всех сопутствующих ему духов:

Карлыҕаштыј калыӊ чӓрӱ.	Словно ласточки могучее многочисленное войско,
Ӓр алды-мнаӊ јајалы отурҕар,	Впереди меня, мужа, продвигайся,
Мӓніӓ полуп кабычы отурҕар!	Подобно мне мчись и вперед направляйся!

Шаман называл имя орбу ӓзі — хозяина колотушки:

Карлыҕаш пашту кан кызыл јар кӓзӓ біlгӓн,	Ханом красного Яра, имеющим голову ласточки, правящая,
Сары Чымыш кӓзӓ отурҕан,	Сары Чымышем владеющая.
Ӓнӓм тојпу, Кајракан!	Мать моя, тојлу Кайракан!
Таш орбӯӊ ӓзі,	Хозяин каменной колотушки,
Табылҕымныӊ сӱрмӓді!	Таволжника моего изображение!

---

[1] У каждого улуса свой јајык. Это может быть гора, плоскогорье или даже стена. Так, у Большого улуса јајык-Кубазан, у улуса Черту — јӓlаш-хан.

[2] Приведены духи-предки кама Канакая. У других шаманов это место камлания варьирует, так как они призывают своих тӧс'ов.

Затем шаман обращался к хозяину бубна:

Аҕы Мардың ak Tajlik,	Белого мара белый Тайлык (конь),
Ak пос адын јараткан,	Бело-сивого коня снаряди в путь,
Кӧгӱ Мардың кӧк Tajlik,	Синего мара синий Тайлык (конь)
Кӧк пӧс адың јараткан!	Сине-серого коня снарядил!
Кӧк марын тајанҕан,	На синий барс опирающий,
Кӧгӱ марын тудунҕан,	Синий барс держащий,
Алты ӧркӧштӱ ak аданның ӓзі!	Шестигорбого белого бубна хозяин!

Шаман призывал того духа, „от которого он сотворился“, т. е. того духа, который пересотворил шамана (см. выше).

У кама Канакая это дух Соом адазы јӧӧ-кан.

Алтын Соомның адазы,	Отец золотых сом'ов.
Ӯр Сӧмның ӓзі!	Тяжелых сом'ов хозяин!
Ӱч тӓңӓрӓ тӓбіlгӓн,	Трое небес протоптавший,
Тӓмір таңдаk пазылҕан!	Утреннюю зорю попирающий!
Алтын параты ачыл-јабылҕан,	Золотые ворота открываются и закрываются,
Алды сӧӧгӱ сајланҕан,	Кости диких зверей рассыпаны, как галька,
Куштуң сӧӧгӱ кужалҕан.	Кости птиц сокрушены.
Ak чалдарҕа мінӓтӱ,	На бело-игреневом коне ездящий,
Ајҕыр јалду Јӧӧ-Кан!	С гривой жеребца јӧӧ-кан!

Шаман выбирал себе в спутники на дальнейший путь кого-нибудь из старших духов јӓр-јол. Никто из этих духов не имеет права отказаться от сопровождения кама.[1]

Шаман вертелся. Все присутствующие громко кричали. Это означает, что шаман дошел до второго јајык'а.

Шаман размахивал колотушкой и кричал шауу, а затем произносил имя јајык'а

Кӱчу Бајат кӓзӓ отурҕан!	Малый Бачатом ведущая,
Кус чырајлу куба кадын!	С лицом девицы бледный хан.
Кол кӧдӱ'рзӓм, чачу ал,	Если руку подниму, кропление возьми,
Колтыk ачсам, ӱlӱӱ ал.	Если подмышку раскрою, долю возьми.
Тараk полҕон пажыңа,	На гребневидную голову твою,
Тарсма полҕон сыныңа!	На струнообразную спину твою (пусть упадет)!
Оң кӧзӱннаң кӧрӱп Кал,	Правым глазом взгляни,
Оң алкыжың пӓріп кал!	Правое благословение дай!

---

[1] Исключение составляли духи сӧм ӓзі и Адам. Они находились в постоянной, давнишней вражде друг с другом, отчего, когда шаман шел к Адаму, он не брал с собой соом ӓзі и наоборот.

С этими словами шаман проходил владение второго јајык'а. Шаман садился. Призывал себе в помощь еще кого-либо из духов, по своему усмотрению. Призыв к духу он заканчивал словами:

Ӓр алдымнаӊ кабылы отур,	Впереди меня, мужа, продвигайся,
Мӓнчӓ полуп јајалҕы отур!	Став, как и я, мчась и бушуя, направляйся!

Шаман вставал и опять вертелся: все присутствующие кричали и подпевали шаману; шаман подходил к третьему јајык'у; он обращался к этому јајык'у:

Ӓнӓм Сыӊырлык кӓзӓ отурҕан,	Матерью моей Сыӊырлык'ом владеющая,
Ат пулују пај Караҕај,	Богатая ветвистая сосна—коновязь.
Ӓнӓм чымај, Кајракан!	Мать моя, Чыман Кайракан!
Кол кӧдӱрзӓм чачу ал!	Руку подниму — кропление прими!
Колтук ачсам, ӱӀӱӱ ал!	Подмышку раскрою — долю возьми!
Тарак полҕон пажына,	На гребневидную голову твою,
Тарсма полҕон сыпыҕа!	На струнообразную спину твою!
Оӊ кӧзӱннӓӊ кӧрӱп кал,	Правым глазом взгляни,
Оӊ алкыжыӊ пӓріп кал!	Правое благословение дай!

Шаман проходил владения третьего јајык'а. Садился и призывал еще какого-либо духа себе в спутники, заканчивая свое обращение следующими словами:

Ӓр алдымнаӊ кабылы отур,	Впереди меня, мужа, продвигайся,
Мӓнчӓ полуп јајалы отур.	Став, как я, мчась и бушуя, направляйся!

Шаман вспоминал об отосланных „табӯ", т. е. о кӧнӧк, гӓпші и толу, — которых он отправил к духу („табу" идут впереди шамана, направляясь к духам мар ӓ̄зі и ак мар'у).

Шаман обращаля к своим тӧс'ам — кровным духам и сопутствующим его духам јӓрјол и пајана,[1] спрашивал их о судьбе „табӯ" и просил догнать их:

Пајаҕы парҕан пај табӯлар,	Давеча отправившиеся богатые табулар'ы,[2]
Канча тајка кажа бӓді-нӓ,	Сколько-то гор они теперь перевалили,
Канча талај кӓчӓ бӓді-нӓ?	Сколько-то рек они теперь перешли,
Кӧргӧн јӓргӓ кӧрӧ јаткӓр,	В той земле, где увидите их, там и догоните,
Сӱргӓн јӓргӓ сӱрӓ јӓткӓр!	Там, где их настигнете, там и нагоните.

---

[1] Духи јӓрјол и пајана в данный момент, поскольку они сопутствуют шаману, являлись также его тӧс'ами — духами-помощниками.

[2] Под „табулар" подразумевались духи-помощники шамана, сопровождающие жертву к тому или другому духу, а также уносимая ими жертва (предметы, отправленные к духу).

Шаман подходил к четвертому jajык'у. Шаман кружился и обращался к этому jajык'у:

Äjälÿ сііндÿ äкі чарту käзä бiлгäн!	Старшая и младшая две сестры Чарту — всезнающие!
Ат пулузы куказык,	Конская привязь серый кол,
Аіғыр jалду кыс jäläс!	С гривой жеребца девица Телес!
Кол кödÿрзäм, чачу ал,	Руку подниму — кропленье прими,
Колтук ачсам, ÿlÿÿ ал!	Подмышку раскрою, — долю возьми!
Тарак полҷон пажыңа,	На гребнеобразную голову твою,
Тарсма полҷон сыныңа!	На струнообразную спину твою!
Оң кözÿнäң кörÿп кал,	Правым глазом взгляни,
Оң алкыжың päріп кал!	Правое благословение дай!

Призывал еще какого-либо духа. Садился и говорил про табу, обращаясь к своим духам:

Табÿдың бажы körÿнä-бäді,	Конец табу (голова табу) видна ли стала!?
Толÿдың бажы пілдірä-бäді?!	Конец толу (голова толу) заметна ли стала!?
Körгön jäргä körö jäткäр,	На том месте, где увидите, догоните,
Сÿргäн jäргä сÿргä jäткäн!	На том месте, где достигнете, захватите!

Шаман вставал, кружился: он подходил к пятому jajык'у и призывал его:

Äjälÿ сііндÿ äкі Оскотты käзä бiлгäн,	Младшей и старшей сестрам и Оскот владеющая,
Äнам конус, Кajракан!	Мать моя, Кончус Кайракан!
Кол кödÿрзäм, чачу ал,	Руку подниму — кропленье прими,
Колтык ачсам, ÿlÿÿ ал!	Подмышку раскрою — долю возьми!
Тарак полҷон пажыңа,	На гребневидную голову твою,
Тарсма полҷон сыныңа!	На струнообразную спину твою!
Оң кözÿнäн кörÿп кал,	Правым глазом взгляни,
Оң алкыжың päріп кол!	Правое благословение дай!

Шаман проходил пятый jajык. Шаман садился. Теперь шаман уже нагонял свои табу. Духи, как бы сопровождающие табу, — тöс — выражали шаману свое неудовольствие; от лица их всех один дух говорил шаману:

Алаj, алаj, алаj, алаj кам!	Алай, алай, алай, кам!
Сактаj, Сактаj сак полдым,	Ждал, ждал, заждался,
Саңыскан куjруҷун шарт Кäстім.	(От нечего делать) хвост сороки я отрезал.
Кара jäрің казындын-ба?!	Черную землю копал что ли ты?
Катÿ аҷажың чамындың-ба?!	Твердое дерево тесал что ли ты?

Кам отвечал им:

Кара jäрім казынбадым,	Черную землю я не рыл,
Катÿ аҷажым чамынбадым!	Твердое дерево я не тесал!

Ајлудуң кӱні кӱч полуп,	Живущих под месяцем жалко было оставить,
Ајlік полуп кабылып јаттім!	На месячный срок задержавшись, теперь я примчался,
Кӱндӱнің кӱні кӱч полуп,	Живущих под солнцем трудно было оставить,
Кӱндӱк полуп кабылып јäттім!	На сутки задержавшись, теперь я примчался!
Корлонбоҕор коксупбаҕар,	Не возмущайтесь, не порицайте,
Табӯчылар толӯчылар!	Вы, сопровождающие табу и толу! ✓

Теперь шаман догнал своих табу. Он размахивал колотушкой, обводил ею вокруг кӧнӧк и́ толу и произносил алас:

Ак Ӱlҕäнің чын алас!	Белого Ульгеня истинный алас!
Ат кӧдӱрбäс ар толум,	Чистое толу мое, которое конь не в силах поднять,
Аҕын кӧгӱн чаҕылы-отур!	Синими и белыми огнями сверкай!
Тура јіктӱ тос кӧнӧгӱм!	С поперечным швом берестяный кӧнӧк мой!
Мälкіlдігäн пај сабам!	Покачивающаяся богатая саба!
Кӧдӱрмälӱ кӧl тäпшім!	Озеро — сельница моя, годная для возношения!
Кӧк пулут-ча кӧчӱп отур,	Подобно синему облаку, продвигайся,
Кӧк ӱрӱс-чä јајылы-отур!	Синим наваром разливайся!
Ајҕыр јалдӱ кан Кычкылҕа,	К хану-Кычкылу, имеющему гриву жеребца.
Аткан октоң сӱргӱм тарт!	Выше летящей стрелы высоту небес набирай!
Аккан суудаң тӱргäн ал!	Быстрее текущей воды быстроту бери!
Äр алдымнаң јајалы-отур!	Впереди меня, мужа, мчись!

Шаман вертелся на одном месте. Все присутствующие кричали.

Шаман садился и призывал какого-либо из своих духов.

Он вставал и кружился.

Подходил к шестому јајык'у и с криком „шау" проходил мимо его владений. Он называл имя јајык'а:

Кӧзнӧ гӧжӱ јабылу,	Окошечко закрытое,
Тӱнӱк äжі пӱркälӱ,	Дымовое отверстие закупоренное,
Кӱндӱгä ӱн пäрбäјтäн,	Под солнцем живущему человеку, голоса не подающая,
Ајлуҕа кыјҕы самыш пајтан,	Под месяцем живущему человеку, криком не отвечающая,
Кӱl торонуң чыкканјäр!	Земля, откуда вышел — произошел род (сӧӧк) торо, многочисленный, как зола!

Кол көдүрәйм чачу ал,
Колтук ачсам ӱлӱӱ ал!
Тарак полҕон пажыңа,
Тарсма полҕон сыныңа,
Оң көзүннәң көрүп кам,
Оң алдыжың пәріп ал!

Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение твое дай!

Позвав еще одного духа себе в спутники, шаман совершал алас над табу: Вставал, вертелся — это означало, что шаман подходил к седьмому јајык'у. Шаман обращался к јајык'у:

Оҕум, оҕум ајры баштары,
Анәм шарат ӣтәрі!
Кол көдүрәйм чачу ал,
Колтык ачсам, ӱлӱӱ ал!
Тарак полҕон пажына,
Тарсма полҕон сыныңа!
Оң көзүннәң көрүп кал,
Оң алкыжың пәріп кал!

С отвесными склонами истоки реки,[1]
Течение матери Шараи!
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою!
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение твое дай!

Шаман садился и призывал себе в спутники еще одного духа. Затем вставал и совершал опять алас над табу.

Шаман начинал быстро кружиться, все присутствующие кричали. Шаман проходил мимо восьмого јајык'а. Шаман говорил:

Алдын јаныҥ кәт, Кајракан!

Нижняя твоя сторона реки Кет Кайракан,

Уссӱн јаныҥ әнәм Саныс, Кајракан!

Верхняя твоя сторона, мать моя Сангыс Кайракан!

Аҕын суу ӱс таҕыҕан,
Ак чабагын мај тадыҕан.

Текущая вода твоя — сладкий навар,
Твоя рыба, белый чабак, жирная на вкус,

Алтын сајлу әнә Том!
Кӱмӱс сајлу кӱні Том!

С золотой галькой мать Томь!
С серебристой галькой любимая Томь!

Ак палыҕыныҥ мај тадыҕан,
Аккан суу іҥнаҥ ӱс тадыҕан;
Кӧк палыҕыҥнаҥ мај тадыҕан.
Кӧдӱн сууҥ мај тадыҕан,

Белые твои рыбы жирны на вкус
Твоя текущая вода — сладкий навар,
Синяя твоя рыба жирна на вкус,
Твои волнующиеся воды — сладкий навар,

Анәм Саҥыс, Кајракан!
Кол көдүрәйм чачу ал,
Колтук ачсам ӱлӱӱ ал!
Тарак полҕон пажыңа,
Тарсма полҕон сыныңа!
Оң, көзүнәй көруп кал,
Оң алкыжың пәріп кал!

Мать моя Саҥыс Кайракан,
Руку подниму — кропление прими,
Подмышку раскрою — долю возьми!
На гребневидную голову твою,
На струнообразную спину твою,
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение дай!

[1] Болото, где берет свое начало река Шараи.

Шаман садился и звал к себе еще одного духа. Затем вставал и начинал вертеться. Шаман просил пить, он обращался к присутствующим:

Ајлу јӓрдің кара суҕат,	Черный водопой земли, освещенный месяцем,
Ајлангај-мінӓ арт соң-мынаң!	Вслед за мной не повернется ли!
Ајак алчазың кӧрӧр јӓр кӓіді,	(Вот) дошли до места, где надо смотреть на чашу, упавшую вниз дном,
Чӧчіј алчазың тудар јӓр кӓіді!	Наступило время держать чашу, упавшую вниз дном!

Шаману подавали пить из маленькой деревянной чашки чӧӧчіј.

Выпив воду, шаман не выпускал изо рта чашку, он держал ее зубами. Затем придавал бубну почти горизонтальное положение (лицевой стороной вверх), ставил на него чӧӧчіј. Держа чашку на бубне, он покачивал бубен и произносил следующие слова, обращаясь к своим тӧс'ям:

Ақаш ајаҕы ајлудыјы,	Деревянная чаша — людям, живущим под месяцем.
Аҕын алчазы ајҕыр јалду Кычкыл кандыјы!	Белое чистое падение чаши вниз дном — хану Кычкылу, имеющему гриву жеребца, достанется!
Чӧчіј ајаҕы кӱндӱ діјі,	Чаша для вина Чӧчий — для людей, живущих под солнцем,
Чӧӧк алчазы ајҕыр јалду Кычкыл кандыјы!	Жертвенное падение чаши — для Кычкыл хана, имеющего гриву жеребца!
Кӧзі јаман кӧргӱс пӓгӓр,	Не показывайте злому глазу,
Кӱні јаман таңдатпаҕар.	Скверным желаниям не давайте осуществляться!

Присутствующие отворачивались и закрывали глаза, чтобы не смотреть на чашу. Шаман звал к себе своего тӧс'а — птицу мӧркӱт — беркута.

Базар пузар канатту,	С взмахивающими крыльями,
Јабар јубар кујрукту,	С опушенным хвостом,
Ај тумчуҕун мӱс полҕон,	Твой лунообразный клюв, как лед,
Ај тырмаҕын јӓс полҕон,	Твои лунообразные когти, как медь,
Ӱіҕӓн кужу пај мӱркӱт,	Ульгеня птица богатый беркут,
Јӓс тырмакту кара куш!	Имеющая медные когти черная птица!

Обращаясь к духам-спутникам, говорили:

Сабылтарҕа салбаҕар,	Качаться, колебаться не давайте,
Чајбалтарҕа пӓрбӓгӓр,	Пошатнуться не допускайте!

Шаман сбрасывал чашку бубном, перевертывал бубен и старался поймать ее внутренней стороной бубна (ајак алчалан јат). Считается не важным, куда упадет чашка, в бубен или мимо бубна, на пол. Важно, как упадет чашка: вверх дном или вниз дном.[1]

[1] Алча тӱшсӓ јакши кӧтгӧрӧ тушсӓ јаман — если вниз дном упадет — хорошо, если вверх дном — плохо.

Если чашка упадет вверх дном (кӧмдӧрӧ), шаман снова сбрасывал чашку, и так повторял до тех пор, пока чашка не упадет алза — вниз дном. Тогда тот человек, который подавал шаману пить, берет чашку и делает круг чашкой над огнем.

Шаман садился и говорил, обращаясь к присутствующим:

Алкыжым јӓтсін ӱссӱн Улгӓнгӓ	Пусть благословение мое дойдет до верху находящегося Ульгеня,
Алкыжым јӓтсін алдынгы јуска!	Пусть благословение мое дойдет до нажних духов јӓр-јол!
Оң көзӱнӓн көргӧ дій ошкош,	Похоже, что (хан) правым глазом взглянул,
Оң алкыжың пӓргӓј дій ошкош!	Похоже, что правое благословение дал!
Ӓӓм көзӱн көргӧдій ошкош.	Похоже, что ласковым глазом глянул,
Ӓрӱ чырӕј пакадыј ошкош!	Похоже, что приветливое лицо к нам обратил!
Ӓзӓндіккӓ пӓргӓдій!	Для здоровья благополучия (нашего) оказывается дает (знак)!
Ӓlбӓк кӱнгӓ јајакај-мінӓ,	Не сотворит для долгих благополучных дней,
Тӱрсӱн дӓјін паргӓј-мінӓ,	Потомства похожего (по образцу лица человека) не даст ли?
Тӱктӓп ала јајакај-мінӓ?!	Скота, похожего по шерсти, не сотворит ли!?

Если чашка упала вниз дном — алча, это означает, что Кыч-Кылкан хорошо примет шамана.

Шаман вставал, вертелся, подходил к табу и сотворял над ними алас.

Снова вертелся и при общем крике проходил девятый јајык.

Призывал последнего на своем пути, девятого јајык'а:

Сурук чатпӓс таш көнӧк!	Каменный кӧнӧк, до дна которого не достает жердь!
Ӓнӓм прас ічтӓрі!	Течение матери моей реки Мрассы!
Кол кӧдӱрзӓм, чачу ал,	Руку подниму — кропление прими,
Колтук ачсам ӱlӱӱ ал!	Подмышку раскрою — долю возьми!
Тарак полҕон пажыңа,	На гребневидную твою голову,
Тарсма полҕон сыныңа!	На струнообразную твою спину!
Оң көзӱннӓн көрӱп кал,	Правым глазом твоим взгляни,
Оң алкыжың пӓріп кал!	Правое благословение твое дай!

Шаман садился и призывал себе еще нового спутника-духа. Вставал и совершал алас. Теперь он приближался к месту, где расходятся дороги семнадцати ханов — духов. Он громко восклицал:

Он јӓтті канның јарылҕыш,	Семнадцати ханов разделение путей,
Ончо канның тарам јол!	Где расходятся дороги всех ханов!
Кол кӧдӱрзӓм сачу ал,	Руку подниму — кропление прими,
Колтук ачсам, ӱlӱӱ ал!	Подмышку раскрою — долю возьми!

Тарак полҷон пажыңа,
Тарема полҷон сыныңа!
Оң көзүңнең көрүп кал,
Оң алкышың пәрін кал!

На гребневидную твою голову,
На струнообразную твою спину!
Правым глазом твоим взгляни,
Правое благословение твое дай!

Шаман вставал и, держа бубен на руке над левым плечом, ходил взад и вперед по чому. Садился и снова вставал, и опять продолжал ходить. Он искал те места, где ходил конь, шкура которого пошла на обтягивание его бубна. Духи показывали ему все пути, когда-либо пройденные этим конем. Шаман находил также то место, где срубили дерево для его бубна.

Шаман говорит, обращаясь к своим родным духам — тос'ам:

Алты өркөштү ак аданның алтын кажын.
Кажы јәрдән кәсті-нә?
Кажы суудың кажынаң?
Кажы туудуң бурунаң?
Алты өркөштү ак аданҷа

Золотую обечайку шестигорбого белого бубна
В какой земле срубил?
На берегу какой реки?
На склоне какой горы?
Байтал, шкура которого пошла на покрытие шестигорбого белого бубна,

Јашкан баjтал кажы сууда полды-нә?
Кажы јардә өстү-нә?
Үсеүн Үлгәнің, алдышқы јуугум,
Чолмон болҷон көстүләрім,
Калкан ала кулактулар,

На берегу какой реки жил?
В какой земле вырос?
Верхний Ульгень мой и нижние духи,
Имеющие ясные, как звезды, глаза,
Имеющие чуткие, прислушивающиеся уши,

Тәжә ала көрө бәргәр,
Тәбә ала сыңаj бәргәр!

Проницывая взглядом, посмотрите,
Проникая насквозь, всматривайтесь — вникайте!

Тёе разузнают, где паслся конь и где росло дерево. Их слова шаман повторял присутствующим.

Духи откликались шаману:
Аajтә, аajтә, аajтә!
Шаман пел:

Алты өркөштү ak аданның алтын кажын,
Алтын сајлу әнә Томның,

Золотую обечайку шестигорбого белого бубна
На реке матери Томи с песчаной отмелью,

Әнәм саҷыс, Кајраканның поjунаң кәстір.

На берегу реки Саҷыс матери моей уважаемой,
оказывается, срублен.

Алты өркөштү ak аданҷа јашкан баjтал,

Байтал, шкура которого пошла на обтяжку шестигорбого белого бубна,

Әjәлү сіңдү әкі оскоттың,
Әнам коҷыс Кајраканның ічіндә өстүр

На берегу рек двух сестер Оскот,
В предалах матери моей Коҷус уважаемой, оказывается, вырос

Алты кӧстӱ ала барсын Улу Бајат ічінаң,	Шестиглазый пестрый барс,
Јӱрӓкӓј канның појунаң кӓстір.	На берегу реки Большой Бочат, В пределах самого хана Урекей, оказывается, срубили.

Духи — тӧс'ы — показывали шаману все места, где ходил конь, тот склон горы, где росло дерево. Шаман долго (иногда 2—3 часа) ходил взад и вперед и рассказывал своим слушателям и духам:[1]

Алты ӧркӧштӱ ак аданың алтың кажын!	На золотую обечайку шестигорбого белого бубна!
Ӓнӓ Томның кажынаң рак ӓмӓс.	Недалеко от берега матери Томи,
Пуік тундуң пурунаң,	На склоне высокой горы,
Кун тӱстӱгӱ јанынаң,	На полуденной стороне,
Кузук агашту кӓскӓн полтур.	Кедр дерево срублен был,
Кузук агашту кӓскӓн јӓрдӓң турубалып,	Стоя на том месте, где дерево — кедр срубил,
Кӱн тӱстӱгӱн кӧргӧндӧ,	(Человек его срубивший) на южную сторону поглядел,
Јажыл торко јајҕан ошкош,	Словно зеленый шелк разостлан —
Јаказы сылу Том ӓнӓ полтур.	То берег матери Томи был,
Кызыл торко јајгандыј,	Словно красный шелк разостлан —
Кујузы сылу Том ӓнӓ полтыр.	То откосы матери красавицы Томи были.
Мының пӱткӓн јӓрім кӧрзӧң.	На созданную здесь землю, если взглянешь,
Јонып којҕон пілӱді ошкош,	Она подобна отточенному брусу.
Мындаҕы пӱткӓн аҕашты кӧрзӧң,	Если на здесь выросшие деревья взглянешь,
Кошкоп јонгон окты ошкош.	Они подобны обструганной и оскобленной стреле.
Сыбыскыдыј тууларын кӧрзӧң.	Если взглянешь на свистящие горы,
Сылаҕардыј сындарын кӧрзӧң,	Если взглянешь на сглаженный хребет,
Мындаҕы јаткан јурттарын кӧрзӧн,	На раскинувшие здесь стойбища если посмотришь,
Мындаҕы јаткан ӓлӓдӓрің кӧрзӧң,	На живущий здесь народ если взглянешь,
Кара чымындыј кӧбӱзӱн кӧрзӧң,	Их много, как черных мух.
Мындаҕы нӱткӓн малдарын кӧрзӧң,	Если на тот пасущийся скот взглянешь,
Кара таандыј кӧбӱзін кӧрзӧң,	Его много, как черных галок.
Пулардың ічкӓн сууларың кӧрзӧң,	На те воды, которые они пьют, если взглянешь,

[1] Кам чӓнӓп јат — шаман видел и узнавал посредством своих духов.

Аӈын суу ӱс тадыпӌ ат,
Текущая вода кажется сладкой, как навар,

Ak чабаӈы маӌ тадып ӌат.
Белый чабак-рыба на вкус, как масло.

Аӌлана пӱткӓн тууларын көрзӧӈ,
Если взглянешь на горы, кругом выросшие,

Ak туманы ӌаӌыл-турӈаны
Белые туманы (с гор) расстилаются.

Албаты ӌоныӈ ажырат турӈан.
Если посмотришь на множество зверей,

Алдызыныӈ көбӱзіӈ көрзӧӈ,
Что кормят подданный народ,

Ak көбӧлӧктіӌ ӌабырап турӈаныӊ;
Они, словно порхающие белые бабочки.

Топтоӌ-пӱткӓн тууларын көрзӧӈ,
Если посмотришь на кучеобразно нагроможденные горы,

Толӈонып аккан сууларын көрзӧӈ,
Если посмотришь на извилисто текущие реки, —

Тус туманы ӌаӌылып турӈаны.
Расстилаются солеобразные туманы,

Тундура путкӓн ӌыштарыӈ көрзӧн,
На выросшие непроходимые леса посмотри!

Тäкші калыӈын ажырап турӈан.
Если на множество крылатых птиц,

Канатту кужунуӈ көбӱзін көрзӧӈ,
Весь народ кормящих, взглянешь,

Кӧк көбӧлӧктӱ кӱбурäп турӈан.
Птицы умножатся, точно синие бабочки.

Кузуk агашты käзäр туштэ,
В то время, когда срезали дерево кедр,

Кӧк сӱ туӌуk кӱндӱ äl
Живущие под солнцем люди,[1]

Туудыӈ пурунаӈ турупалып,
Стоя на склоне горы,

Äбäрäдä көрӱп макатып туру,
Смотрели кругом и восхищались.

Калтаӈым сääні! Тáгäн болтур:
Они восклицали:

„Мында ӌадып ӌуртазам-чі!
„О, если бы я здесь жил!

Мында ӌадып äldäзäм-чі!
О, если бы я тут обитал!

Мынаӈ ойто ӌанбас ползом-чі!
Если бы мне отсюда не возвращаться!

Мынаӈ ойто пурбас ползом-чі!
Если бы отсюда назад мне не повертывать!“

Аныӌып сӱläп көӈӱlгäн болтыр.
Когда так говорили, задумались.

Кузуk агашту käзäрдä,
Перед тем, как рубить дерево,

Канча пілгänіӈ алкаӈан болтыр,
Как умели, знали — произносили благословение.

Ӱссӱн Ӱlгänіӈ адаӈан болтыр,
Вверху находящегося Ульгеня называли.

Адынгы ӌузын кычырӈан болтыр,
Внизу находящихся духов призывали.

---

[1] кӧк сӱ туӌуk кӱндӱ äl — с замкнутой грудью человек; в шаманском языке означает — простой, обыкновенный человек, не шаман.

Ак саҕыжын санаҕан болтыр.	Чистыми мыслями мыслили,
Алчак кылыҕын кылынҕан болтыр,	Добрыми намерениями себя настраивали.
Аныјып кäзіп пурулҕан болтыр.	Так срубив, назад воротились.
Алты öркöштӱ ак аданымның,	Мой шестигорбый белый бубен,
Äнам Оскоттың ічіндä,	В пределах матери моей Оскот,
Ак пајталы тулҕан јäрі,	Земля, где родился белый байтал,
Äнам Коңыс, Кајраканның којнунда полтыр.	У подножия матери моей, Коңыс уважаемой, оказывается, была.
Ак пајталды äміскан äкäзің мыны кöрзöгöр!	На мать, вскормившую белого байтала, вот поглядите!
Ак чалдарда-да тӱктӱ балтыр.	Она была, оказывается, бело-игреневой шерсти,
Оң јарында јалы балтыр,	Грива у нее была на правой стороне,
Кујруҕы јалы кöк чалдар балтыр,	Грива и хвост у нее сине-игреневые были.
Кӱіндäгä оң ајаҕы ажыҕында	У лодыжки задней правой ноги
Чäбäзäнâн акту балтыр,	Щетка белая была,
Тунчуҕында кол пажымы акту балтыр.	На носу белизна была, словно отпечаток пальца.
Анаң тулҕан ак пајтал,	От нее рожденный белый байтал,
Ак Ӱlгäннäн јајылу балтыр.	От белого Ульгеня сотворен был.
Алты öркöштӱ ак аданҕа,	Для шестигорбого белого бубна
Ӱссӱн Ӱlгäн пујурҕан балтыр.	Верхним Ульгенем предназначен был.
Уlгäннäн ӱзӱlӱ балтыр,	От Ульгеня предопределен был,
Јузунаң јарҕылу балтыр,	От духов јäр-јол присужден был.
Ак пајталдың ічкäн суу,	Водой, которую пил белый байтал,
Äнäм Оскоттың öзöгӱ балтыр.	Были истоки матери моей Оскота.
Ак пајталдың каап јӱгäн ölöнің кöрзöң!	На траву, которую белый байтал захватывал и поедал, погляди!
Ак јазының појунаң äмтір!	С белой степи она, оказывается.
Ölöңңің болзо, курчун каап,	Из всех трав он самую сочную хватал,
Суӱдың болзо, сӱгӱнӱп тартып!	Воду он самую сладкую, втягивая, пил.
Аҕын суун тартканда,	Когда он втягивал в себя текущую воду,
Арка јалына мај öргöн балтур;	На спине и на шее подгривный жир нарастал,
Ölöңнің курчун капканда,	Когда он схватывал сочную траву,
Кујуугу јалына мај öргöн балтур!	У хвоста и гривы жир нарастал.
Кöзі јаман кöр бöгöн балтур,	Худой глаз его не видел,
Кӱні јаман таң дабајт,	Зломыслящий ему не удивлялся.

Аныӊ јӱргӓн јазызын кӧрзӧн,	Если поглядеть на степь, где он ходил,
Јазап јонгон піlӱдіј балтыр.	Она словно брус, сглаженный и ровный.
Ӓбӓрӓ јаныӊ кӧргӧндӧ,	Когда кругом посмотрел —
Ӓӓбӓн ӓдӓр нàмӓ јоk ӓмтір.	Нет ничего, что возвышалось бы в степи.
Јаја туруп кӧргӧндӧ,	Широко окинув взором, посмотрел,
Јалбаӊ ӓдӓр нàмӓ јоk полтыр.	Ничего нет, что нарушало бы равнину степи.
Аk јазыныӊ бојында.	В белой степи самой,
Кӱн кӓlӓттàн јанында,	В стороне восхода солнца,
Тус јалҕуу полҕон балтыр,	Солонец там был.
Кӱн тӱстугі јанында,	На южной стороне
Кӱчӱ дӓ ползо, туу балтыр.	Хотя и маленькая гора была,
Аk јазыныӊ бојында,	Когда в чистой степи
Ӧlӧӊ ӱјӓ алынганда,	Трава завязывалась узлами,
Аk пајтал тулҕан балтыр.	Белый байтал родился.
Тулҕаннаӊ сӧнда.	После того, как он родился,
Аҕын суу кабыжарда,	Перед тем, как текущая вода сковалась льдом,
Аk тајка пурун караларда,	Перед тем, как белая тайга покрылась снегом,
Аk бајталды арка кујруҕун салынып,	Чтобы белого байтала схватить,
Ал пӧрӱ аларҕа сӱртӱр;	Сильный пестрый волк, закинув на спину хвост
Кӧгӱс куруҕун салынып,	За ним погнался;
Кӧк пӧрӱ аk пајталы тударҕа,	Поджав хвост,
Аk пајталдын ӱрӱзінӓ,	Синий волк, чтобы поймать белого байтала,
Аразына кірга̀н болтур.	В середину конского косяка забрался.
Аk Ӱlгӓннӓӊ јајалҕан болуп,	Будучи сотворенным от белого Ульгеня,
Ал пӧрӓ алдырбај Салтыр;	Белый байтал не поддался сильному волку;
Кӧк Ӱlгӓннӓӊ тӓмдӓlга̀н болуп,	Будучи отмеченным синим Ульгенем,
Кӧк пӧрӧ туттурбај салтыр	Он не дал синему волку себя схватить.
Алдындаҕы оӊ ајаҕы тујгаҕындаактӯ,	На правом копыте передней ноги белое пятно — знак,
Кол пазымы пӓlгӓlӱ балтыр.	С нажим пальца, был.
Аk пајталдыӊ суҕат тарткан јӓрlӓрі	Местность, где имел водопой белый байтал.
Кӱн тӱстӱгӱ јанында балтыр.	На полуденной южной стороне,

Ӓнӓм оскоттун јуртунуң	От стойбища матери моей Оскот,
Суҕат тартарҕа тӱшкӓндӓ,	Когда белый байтал спустился к воде, чтобы напиться,
Јардына чапчаk салынып,	Взяв ведро на плечи,
Тӧрт чӱрмӓжі тӧгӱlӱп,	Развевая четыре косы свои,
Кыс ордозы арӯ јаш.	Из девиц нежнейшая девица,
Аk пајталды кӧргӧн балтур.	(К реке пришла) и его увидела,
Суу сузарын ундуп салып,	Позабыв почерпнуть воды,
Аk пајталды кӧстӧжіп,	Вглядываясь в белого байтала,
Узаk пакатып кӧргӧн балтур.	Долго, восхищаясь, она смотрела.
„Калтаҕым сӓні тӓгӓн балтур,	Восхищенная, она говорила:
Јалы-мынаҷ јӓбра̄ш полтыр,	„Грива у него пышная,
Кујруҕы ӧссӧ кулаш болор,	Если хвост подрастет, то станет с сажень,
Кандіј кӱндӱдің малы-нӓ?!	Какого это человека, живущего под солнцем, скот?!
Мӓн абамның кӱткӓні	У моего отца полный двор
Чул-ан толтыра малу пар.	Нажитого им скота.
Јӓтті ајҕыр малында,	Среди семи косяков коней,
Поо јӓдӓр малы јоk тӓптір.	Коня, который с этим мог бы сравниться, нет.
Толзо толбозо јажын толҕон,	Хотя и не исполнились, но исполнились лета мои,
Јӓтсӓ јӓтпӓзӓ, појојо јӓткӓм.	Хотя не дошла, достигла я до зрелого возраста.
Кӱјз'ӓ кӱјбӓзӓ одым кӱјгӓндіј.	
Ізібїзӓ-дӓ ордың изідӓн.	Если не горит, вот, вот загорится огонь мой,
Тӯлај пашту тӱ јалаҕалу.	Вот согрелось место моего лежания — постель моя.
Мӓн а́бам тӓгӓн балтыр,	Мой отец, она сказала,
Ӓlдің пажын ӓбіргӓн,	Головами народа ведает,
Алтын акчалу бај ӓдӓ.	Много золотых монет имеет он.
Ажымды мӓнің ічкӓн болҕон	Он, просватал, пропил меня,
Аҕылымды кӧргӧн полҕон.	Мое желание (выйти замуж) усмотрел он.
Ак јајыкта суҕаттӯ,	Имеющему водопой на белом разливе,
Таңај кӧlдӧ ордолу,	Имеющему место обитания на озере Танай,
Ӓнӓм Мајҕыл, Кајраканның,	Во владении матери моей Майгыла уважаемой,
Танај кӧlдӱн појында,	На самом озере Танай живущему, он пропил меня.
Паза пајдың ӯлуна,	За сына другого богача,
Аракымды ічкӓн полҕон.	Он, выпив водку, меня просватал.

Качан уjlӱ ашту ползон,	Когда я буду иметь свое хозяйство (свой дом и хлеб)
Аjҕырлу малы кӓрӓк jok ӓдӓ.	Не надо мне будет косяка лошадей,
Мына, бу малды садыбы-алып,	Вот, если бы он этого коня купил,
Мӓн абам малданарҕа,	И, держа за повод, отдал бы мне,
Мӓ jӓдӓктӓп пӓрӓттӓн болзо,	Чтобы мне держать его среди своего скота,
Алкыжым jӓтсін тӓгӓj ӓдӓм“	Я бы сказала ему: „да дойдет до тебя благословение мое!“
Аныjып сӱlӓп аjткан болтыр.	Так девица говорила,
Ak аданҕа jарган баjтал,	Когда белый байтал, шкура которого пошла на обтяжку белого бубна,
Ары паскан jолунда,	На тропах, где он ходил,
Аjlӱ кӱндӱ туштаҕанда,	Встречал людей, живущих под солнцем и месяцем,
Аны мактабас кіжі jok полтур.	Не было ни одного человека, который его не похвалил бы.
Ӓніj jараш паjтал болтыр!	Такой уж хороший байтал был!
Ӓкі jашка jӓткӓндӓ,	Когда байталу минуло два года,
Ӓнӓ Баjаттың ічінӓ,	В пределы — во владения матери Бачат,
Ӓкі кӱндӱ ӓl парын,	Два человека, живущие под солнцем, отправились.
Саныбы-алып аккӓlгӓн балтыр.	Купив его, привели (сюда).
Ak паjталҕа jараган болтур,	Конь годился быть белым байталом,
Ak аданҕа jабылҕан болтур.	Шкурой его был обтянут бубен!
Ала барзын кӓскӓн jӓрін	Где была срублена рукоятка, пестрый барс,
Кӧрзӧгӧр мыны!	Для шестигорбого белого бубна!
Jурӓкӓj канның бojунда.	Во владении самого Ӱрекай хана,
Кӱн тӱштӱгӱ jанында,	На южной стороне
Топтоj пӱткӓн тулардың	Нагромождение выросших гор!
Тудуң пажынаң кӓскӓн болтур.	На вершине горы она срублена была!
Ала барсты кӓскӓн jӓрдӓң,	С того места, где рубили пестрый барс,
Аjландыра кӧргӧндӧ	Когда кругом поглядели,
Ӓнӓ Баjаттың jазызы,	Видна была местность далеко за пределами степи Бачат, матери моей.
Ажыра кӧрӱнгӓн jӓр болтур.	То была земля, которая видна была,
Кӱчӱ Баjаттың коjыны,	
Кӓчірӓ кӧрӱнгӓн jӓр болтур.	За пределами — за пазухой — Малого Бачата.

Ала барсты käскäн күндү,

Көзү мының отту болтыр;
Көксү мының ојлу болтыр.
Ала барсты käзäргä
Аланчыҕынан чыҕарда,

Ak чачылҕы тämдäп туттур.
Täкші täңäräзін täкші адаптыр,
Үlгän бајаназын үзä адаптыр.

Älгä ползо äптү болтыр.

Јатка болзо, јарулу болтыр.

Ak јалдынаң чыҕарда,

Аштың болзо, үрсүм ічіп,
Äрää̈н пара'ан тушкäн полтур.

Алча пöккö түшкäніҥ көрүп

Täргäп täскäп чыҕарҕан кіжіläр
Паза јаш ӯланды јакшы ärді
Аа кожо täргäгäн болтыр,

Ала барсты käскäн јärdä

Көксү туjук күндү äl,

Самајына чал капкан,
Чачына мының пурул капкан,

Äр јічіт алкыш сөзүн ајдалбај.

Ажыра ашты ічкäн полуп,
Алча пöккö тужä бäртір.
Кожо парҕан јаш улан,
Ала барс-ты käскäн полтыр.
Ak саҕыжын санаҕан балтур.
Алчak кылыҕын кылыҥган балтур.
Алкыш сөзүн пілбäс полтыр.
Ала барсты käскäн полтыр.
Аланчыкка ај јалдына.

Ала барсты käзібä-алып.

Солнечный человек, срубивший пестрый барс,
Имел огненные зоркие глаза
И ясный широкий ум.
Чтобы итти рубить пестрый барс,
Когда он выходил из дома — аланчыка (юрты),
Белое кропление он совершил,
Всех небесных духов, всех называя,
Ульгеней бајана всех до одного называл,
Среди своего народа он общительным был,
Среди чужих он обходительным был,
Прежде, чем отойти от очага (от белого пламени),
Из питья он навар выпил,
Из водки он наиболее крепкой напился, и, охмелев, упал.
Видя, как он падает, то вверх лицом, то вниз лицом,
Люди, которые его снаряжали,
Еще молодого парня,
Хорошего мужчину с ним вместе снарядили.
На том месте, где рубили пестрый барс,
Простой человек (не шаман), живущий под солнцем,
С висками, охваченными сединой,
С волосами, которых коснулся бурый — седой налет,
Мужчина (этот) слов благословения не мог произнести;
Чрезмерно сильно пьян он был.
Падал вниз лицом и вверх лицом.
С ним вместе пришедший юноша
Пестрый барс срубил.
Добрыми мыслями он мыслил.
Имел хорошие намерения,
(Но) слов благословения не знал.
Пестрый барс он срубил.
В жилище — аланчык — к чистому очагу,
Срубив пестрый барс,

Алкышчы јігітті алҕанча, — Взяв с собой мужчину, который должен был произносить благословение.[1]

Аныјып алар јанган јолунда. — Так он назад возвращался,
Анаҕ јанган јолунда — В пути, когда они направлялись домой,

Ала барсты käскän кўндў. — Тот солнечный человек, что срубил барс,

Ајлана јанын қөргöндö — Всю местность взглядом окидывал:
Кызыл торко јајчан ошкош, — „Словно расстелившийся зеленый шелк,

Кујузу кыјмат паjадым, дäп. — Моя Бачат с дорогими берегами!“ — говорил он.

Коҕалўп сарнап јанган балтур. — И так, размышляя и напевая, домой возвратился.

Јажыл торко јајгандыј — „Подобно разостланному красному шелку,

Јаказы јараш Баʃадым, дäп, — Моя Бачат с красивыми берегами“ — говорил он,

јазап сарнап јаҕган полтур. — И, напевая, домой возвратился.

Затем шаман обращался к тем, кто привел коня и срубил деревья:

Алты öркоштў ak аданның, — У человека, срубившего золотую березу для шестигорбого белого бубна,

Алтын казыҕ käскän ajlў,

Ak паjталды тап kälгän кўндў äl, — У народа, нашедшего белый Байтал,
Ала барсты käзіп kälгän кўндў кіжіläр, — У народа, срубившего пестрый барс!

Јажы пулардың узak ползын! — Приговор творца для них вечным пусть будет!

Јајанп пулардың мöнкў ползын! — Пусть плодится во множестве их скот.

Сабаҕаның сўдў чачылзын! — Пусть рабрызгивается обильно молоко!

Јастат кўстäп мал кўт-сä, — Летом и осенью, если будет пасти скот,

Јабаҕа таjы кöр ползын! — Пусть молодняка жеребцов у тебя много будет.

Кўстäп јастап мал кўтсä, — Осенью и летом если будет пасти скот,

Кунаjын таjы кöр ползун, — Трехлетних и четырехлетних жеребят пусть много будет.

Äжігінä äl турлазын, — У двери их пусть народ толпится, скопляется,

[1] Но опьянел и не мог говорить.

Түнүгінä куш турлазын,	У дымохода пусть птицы собираются!
Алдынгы ädагін пала пассын,	На передние их полы пусть наступают дети,
Кіjінгі ädагін мал пассын!	На задние их полы пусть наступает скот.
Äldäң алардың алары ползын,	Пусть будет им что взять от народа!
Älгä пäрäрдің пäрäрі ползын!	Пусть будет у них, что дать народу,
Мäн алказам jätпазä	Если я благословлю и до них не дойдет благословение,
Ülгäн баjанам алказын!	Пусть благословит их сам Ульгень Байjана!
Мäн сüуlазім, jätпäзä,	Если я скажу и мои слова не дойдут до них,
Ülгäн баjанам алкап jättірзін!	Пусть дойдет до них благословение Ульгеня!

В дальнейшем своем пути от места разделения дорог семнадцати ханов к акмар'у шаман встречал обитающих там „юзют'ов". Üзüт — души умерших людей. Самые старшие из юзюто'в — муж и жена Орсок и Падüкаj — являлись действующими лицами этого камлания.

Шаман, не доходя еще до этих юзют'ов, рассказывал, как они гонят водку и, подражая их голосам, изображал, как они спорят между собой и как, завидя шамана, они в панике переругиваются.

Муж Орсок кричал:

О, Падüкаj, кара jäргä кіргän!	О, Падукай, в черную землю вошедшая,
Казанының качырқан,	Подгоняй твой котел,
Таткуруңды тадызан	Пробуй крепость — готовность водки!
Ajlü jäрдäң кам kälгät.	Из земли, освещенной месяцем, шаман идет!
Таш очоғунды талап,	Твой каменный очаг он разрушит,
Талкан күüңбу чачып,	Твою золу — талкан развеет,
Тақаныңды таврадып,	Твой таган — треножник — полетит побрякивая.
Казаныңбы каңграп,	Твой котел он заставит греметь.
Кара jäргä кіjдіріп jäр!	В черную землю заставит пойти!

Жена Падüкаj отвечала:

О, Орсок, кара jäргä кіргän!	О, Орсок, в черную землю вошедший,
Сäп нäні атпjазын?!	А ты что делаешь?!
Jукуну jышкырып jышкырып,	Огонь под казаном расшевели,
Одунnaң салзан!	Дрова клади!
Аракының пуу капшыңаj kälзін!	Пар от водки пусть скорее идет!

Таткур — палочка с привязанной к ней холщевой тряпкой, предназначенная специально для пробования водки.

Орсок:

О, кара јӓргӓ кір, Падӱкај!

Кӓбің сууп самајын салактап,

Чімгірігің ағын,
Ӱзу мурдуң јалғылбап,
Сӓӓң тӓргӱӱң пӱтпәјтән!

Кӓчӓ азып алғап полғоң,
Јчін алған полор ӓдӓк.

О, войди ты в черную землю, Падукай!

Вид твой отвратительный, волосы торчат на висках.
Сопли текут,
Рот и губы мокрые, отвисли.
Никогда своевременно у тебя ничего не бывает готово!
Если бы вчера приготовила водку,
Мы бы успели напиться!

Падӱкај:

О, Орсок, кара јӓргӓ кірген!

Казан камышты тӓмір јӓсті,
Одун сууды мӓні кајдуң алзын! Тӓп санаған.
Ӓр полјадын, сӓн тӓргӓн тӓскӓбӓгӓндӓ!

О, Орсок, в черную землю ушедший,
Казан и половник, железо и медь,
Дрова и воду, где бы я взяла, ты думаешь!
Ты муж, а не приготовил ничего!

Орсок:

О, Падӱкај, кара јӓргӓ кір!
Азарға, азарға тӓп,

„Аракыны“ сӓн устаң салбај,
Пӓлӓндӓп јазың!

Пу туј ӓртсін тӓп.

Мӓн ајткам-ок укпағанзың!
Кара јӓргӓ кіргӓн,
Көр чорған аңдарыл-полтыр!
Јакшаӓ мііңјӓт ӓмӓс-пӓ!
Сӓн-бӓ каза паскаңда

Јакшы полбојтон!
Јӓ! Мына! Кам јӓт кылат!
Каніј пararык! Каніј кіräрік!

О, Падукай, в черную землю войди,
„Приготовлять, приготовлять водку надо,“
(Слово) „водка“ из уст не выпуская,
Ты все время (одно и то же) повторяешь.
Я же говорил, что пропустишь зря ты время,
А ты не слушала.
В черную землю ушедшая!
Смотри трубы[1] опрокинулись.
Не к добру же делается это!
Как только ты станешь на чем-либо настаивать, добра не бывает.

Еее! Вот кам подходит!
Куда мы уйдем?! куда мы войдем?!

Шаман подходил к кёнёкам и толу и совершал над ними алас. Потом призывал своего духа „кӓр балык“, повторял обращение к нему и снова опоясывал себя этой рыбой (курчуланјат).

Затем шаман приближался к жилищу юзют'ов и с помощью духов начинал разрушать их стойбище. Он говорил, обращаясь к своим духам:

Канду ӱзӱт кара јӓктің,
Таш очоғун талап чыккар.

Кровавых юзют'ов черных нечистых,
Каменный очаг их разрушайте,

[1] Чорғо — изогнутые две трубы от прибора для выгонки водки.

Талкан кӳӆӳн чачып чыккар!	Талкан воду разбросайте!
Тазандарың таӷырадып,	Таганы — треножники их заставьте греметь,
Казандарын коӈрадып,	Казаны их заставьте бряцать,
Ойуп толку салып чыккар,	Разрушая, ради забавы, взволнуйте!
Аӆӆӳ ӈәрдің алтын кудун.	Золотую душу, что пришла из земли, находящейся под месяцем,
Мән каппазам, сәр кабыӷар,	Если я не поймаю, вы ловите,
Мән албазам, сәр алыӷар!	Если я не схвачу, вы хватайте!

Шаман быстро вертелся, громко кричал. Ему вторили все присутствующие: это шаман и его духи проходят место обитания ӳзӳт'ов, разрушают их пабӓрнӓ, приспособленное для выгонки водки, рушат их жилище и губят самих юзют'ов (ӳзӳт ӳӆӳн талап ӈат). Слышны крики отчаяния погибающих юзют'ов. Шаман, остановившись ненадолго, кричал, подражая голосам юзют'ов, и затем снова кружился.

Теперь шаман приступал к ловле ушедшей души — ӈула кап ӈат[1] с криком: „он курӳӆ" шаман ударял в бубен и, постепенно опуская его все ниже и ниже, приближался к полу. Там он соединял обе руки, держа одной — бубен, другой — колотушку, и порывистым движением поднимал бубен вверх — это означает, что шаман поймал ӈула. Затем быстро вертелся. Держа обе руки соединенными на уровне лица (держа ӈула), он призывал кого-либо из своих духов, которому и поручал хранить эту душу. Ударом в бубен шаман отсылал ӈула к этому духу.

Потом шаман призывал талаӈкан'а и поручал ему затопить своими водами остатки нижних юзют'ов, разрушенную шаманом и его духами местность.

Көбӳхтудӓ Көлбӧӆ-кан,	В пенистых водах Кӧльбӧй-хан,
Балыктуда, Балаӆ-кан,	В водах, полных рыбы, Балай-хан,
Чымытуда чымаӆ-кан,	Там, где скопление влаги, Чымай-хан!
Тал таптыӆу Талаӆ-кан!	Имеющий тапты-тал, Талай-хан!
Ак ӈаӆыӷын тартып кӓӆ,	Белый разлив твой протяни,
Ак ӈіткӓгің салып кӓ!!	Белым болотом твоим заболоть,
Капбу ӳзӳт кара ӈәктің,	Черное стойбище кровавых юзют'ов,
Кара ӈуртун казып пар,	Черных нечистых, разрой,
Ӳзӳт ӈуртун ойуп пар!	Юрты юзют'ов уничтожь!

Шаман вертелся. Погибающие юзют'ы откликались.

Орсок кричал:

„О, кара ӈәргӓ кір, Падӳкаӆ!"	„О, войди ты в черную землю, Падукай!"

Падӳкаӆ кричал:

„О, кара ӈәрга кір, Орсок!"	„О, в черную землю войди ты, Орсок!"

[1] Душа ӈула может, по представлению телеутов, в любой момент уйти от человека. Человек, которого покинула душа, долгое время может и не замечать этого. Вот почему во время камлания шаман искал и ловил такие ушедшие и блуждающие души, чтобы потом, когда обнаружится пропажа души у того или иного из его больных клиентов эту душу вернуть ее владельцу.

Орсок кричал:

„Оно! ајткан! Кара јäргä кір-пардың!“

„Вот, говорил ведь я, что ты в черную землю провалишься!“

Шаман вертелся в последний раз — это он проходил жилище юзют'ов и удалялся от них.

Шаман садился и, напевая, ударял в бубен. Он теперь приближался к духу кан Кычкыл'у.

Шаман отправлял вперед, прежде себя, со своими духами к хан-Кычкыл'у табу. Для этого он из числа своих кӧнӧк'ов — трех, — отделял два и отсылал их к духу. В обращении к духу шаман будет говорить не „два кӧнӧк'а“, а „три“, чтобы обмануть духа и преувеличить количество вина.

Шаман называл имя Кычкыл-хан'а:

Ak мардың ak Tajlікка,
Ајҕыр јалду кан-Кычкылҕа.

Ӱч јакалу аҕыр толу,
Тура јіктӱ тое кӧнӧгім,

Äр алды-мнаң јајалып кіргäр!

Нäш јакалу аҕыр толу
Тура јіктӱ тос кӧнӧгім,

Mälkilдäгäн пај сабам,
Кӧдӱрмälӱ кӧl тäпші,
Аҕы мардың кдазына,
Ајҕыр јалду кан-Кычкылҕа,
Ар алды-мнаң јајалы-отур,
Мäнчä полуп кабылы-отур!

К белому мара белому Тайлыку,
К хану-Кычкылу, имеющему гриву жеребца.
Быстрый толу о трех воротах,
С поперечным швом берестяной туяс мой,
Впереди меня, мужа, направляйся,
Быстрое толу мое
С пятью воротниками,
С поперечным швом, берестяной кӧнӧк,
Покачивающаяся богатая саба,
Поднимающаяся озеро — сельница.
К отцу белого мара,
К хан-Кычкылу, имеющему гриву жеребца,
Вперед меня продвигайся;
Так же, как я, мчись.

Произнося последние слова, шаман встал лицом к табу; отделив два из них, он отправлял их впереди себя к духу.

Шаман вертелся — он приближался, прежде всего, к живущему на пути духу хан-Кычкылу, духу Тајлык-хану или ак мар'у. Затем садился и, ударяя в бубен, обращался к этому духу. Это означает, что шаман подходил к жилищу духа ак мар'а:

Аҕым мардың ak Tajlік,
Кӧкӱн мардың кӧк tajlік,
Ала барска тајанҕан,
Ak аданның äзі кан!
Ak мардың ak tajlік,
Ајҕыр јалду кыс Jäläс!
Оң кӧзунäң кӧргӧј-мінä?
Оң алкыжың пäргäј-мінä?
Ääм кӧзӱн кӧргӧј-міна?
Äрӱ чырајин паккај-міна?
Оң кулаҕын соңоткор,

Белого мара белый Тайлык — конь
Синего мара, сивый Тайлык — конь,
На белый барс (мар) опирающий,
Белого бубна хозяин!
Белого мара белый Тайлык
С гривой жеребца девица Телес!
Правым глазом не посмотрит ли?
Правое благословение не даст ли?
Ласковым глазом не посмотрит ли?
Ласковое лицо не покажет ли?
В правом ухе заставьте звенеть,

Оӊ табаныӊ сырлаткар,	Правую ступню заставьте дрожать;
Сол кулаҕын соӊулоткор.	В левом ухе заставьте звенеть,
Сол табанын сырлаткар!	Левую ступню заставьте дрожать!

Шаман вставал с места. Подняв бубен на руке над левым плечом, проходил по солнцу два-три раза посреди комнаты.

Узнав о его приближении, слуги Tajlik-хан'а выходили ему навстречу.

Шаман садится на свое место и поет:

Кӧрзӧгӧр мыны, калыӊ чӓрӱlӓр!	Посмотрите на это мощное многочисленное войско!
Tajlik-каныӊ кан ӓlчilӓр,	Ханы послы Тайлык-хана
Кӱндӱк јӓрдӧӊ уткуј-бàді?	На расстоянии месяца пути не встречают ли (нас)?
Кан ӓжігін ачар јӓр кӓlді,	Мы подошли к месту, где надо открыть дверь хана,
Піј ӓжігін ачар јӓр кӓlді,	Мы подошли к земле, где надо открыть дверь начальника;
Кан јарҕызын алар јӓр кӓlді.	Мы пришли в землю, где увидим приговор начальника,
Піј јарҕызын алар јӓр кӓlді,	Мы пришли в землю, где получим приговор хана.
Кан ӓжіккӓ ту'ула тӱстӱм.	У двери хана я в тупик попал.
Алкыжым јатсін ӱссӱн Ӱlгӓн-ӓ!	Благословение мое да дойдет до верхнего Ульгеня!
Алкыжым јӓтсін алдынҕы јуска!	Благословение мое да достигнет нижних духов јӓр-јол!

Шаман подошел уже к жилищу духа tajlik хана.

Шаман встал и совершил алас над толу и кӧнӧк. Затем он встал и направился в угол, где стоит кӧпӧк. Он изображал собою робко входящего человека: шел медленно, маленькими вершковыми шагами, как бы не решаясь войти в жилище духа. Шаман подходил к первой двери жилища tajlik-хана.

У двери духа шаман оставлял одного из своих спутников духа — кірбі тај.

Медленно продвигаясь вперед, шаман говорил:

Ајдыӊ ползо аруунда,	В новолуние,
Кӱннӱӊ ала кӧркӱӱндӓ,	При сиянии солнечных лучей,
Јылдыӊ бажы ајланҕанда,	Когда голова года повертывается,
Јылан бажы сојылҕанда,	Когда змея сбрасывает кожу,
Ӓмӓl аҕаш пӱр алҕанда,	Когда плодовые деревья покрываются листьями,
Ӓӓк ку'уk кыјҕырҕанда,	Когда закукует кукушка,
Јӓр јарылып кӧк чыкканда,	Когда расщепляется земля и показывается зелень,
Агаш јарылып пӱр чыкканда [1]	Когда расщепляются деревья и вырастают листья.

[1] Эти слова шаман говорил, если камлание совершалось весной. Если камлал осенью, он начинал словами: коӊур малдыј.

Обращался к своим духам:

Пір äжігін ача кіргäр,	Открывая одну дверь, входите,
Пір адамнаң јарҕы алыжа кабыл-кіргäр!	От одного отца моего приговор получая, подхватите!
Пір сурҕа сураj-кіргäр,	Одну просьбу прося, входите,
Пір тіlўгä тіläj-кіргäр!	Одним языком прося, входите!
Иэҕор тізäм паҕынып кіргäр,	Предназначенные к сгибанию мои колени, преклоняя, входите,
Подолбу моjнум суна кіргір!	Вытягивая позвонки шеи моей, входите,
Ўч подуна мöргўj кіргäр!	Трижды сгибаясь и кланяясь, заходите!

Шаман открывал первую дверь жилища Тajlік-хана. У двери его останавливал привратник Тajlік-хан'а. Он окрикивал входящего шамана.

Шаман делал круг по полу и произносил, подражая крику привратника:

Äääj! Кіжі kälзä кіjдірбä-täгäн,	Ееей! Если человек придет, не давай входить ему, — говорил.
Кійк kälзä пастырба täгäн,	Если дикая коза придет, не впускай ее, — говорил.
Jыда-мынаң jымыр-тур-täгäн,	Пикой коли, — сказал,
Кылыш-мынаң кымыр-тур-täгäн!	Мечом руби, свертывай шею, — сказал!

Шаман повертывал, шел от переднего угла дома по направлению к печи и прикасался колотушкой бубна к голове одного из присутствующих, сидящего около печи. Это означало, что шаман воплощает, „вбивает" в него Тajlік-хана — духа-привратника и этим присоединяет его к числу своих спутников-помощников. Это действие шаман повторял и в дальнейшем, у всех трех дверей, через которые он пройдет по дороге к духу. Слегка ударяя колотушкой по голове выбранного им человека, шаман говорил:

Абräj, абräj, абräj!	Абрей, абрей, абрей!
Кан алдында козыр бол,	Перед ханом сильным будь,
Пij алдында пijік бол!	Перед начальником высоким будь!
Каңҕа кірзäн камajба,	Если к хану войдешь, не стесняйся,
Пijгä кірзäн jалтанба,	Если к начальнику войдешь, не испугайся (не отшатывайся).
Каңҕа кірзäн кajрал ал,	Если к хану войдешь, милость получи,
Пijгä кірзäн пілді көр.	Если к начальнику войдешь, мудрость увидь.
Тілің ала jарў тарт,	Язык твой острым пусть будет,
Тізäн ала чägў тарт!	Колени твои пусть будут вдавлены в землю!

Шаман проходил первую дверь и подходил ко второй. У второй двери он также разговаривал с привратником.

Подойдя к какому-нибудь другому человеку, сидящему у печи, шаман совершал над ним обряд абрäj — ударял его колотушкой и произносил то же, что и у первых дверей, добавляя лишь следующие слова:

Алтын кäстік пыкының пыч! — Золотым ножиком, бедра твои обрежь!

Пройдя вторую дверь, шаман подходил к третьей, где он также встречал привратника.

Шаман опять совершал над кем-либо сидящим у печи обряд абрäj, заканчивая свое обращение словами:

Золотой иглой веки глаз твоих сколи![1]

Характер напева у шамана совершенно менялся. В голосе слышны подобострастие и мольба. Он кланялся и размахивал слегка бубном, качая его перед собой. Шаман пришел к Тajlік-хану со словами:

Aaj мöргÿ, aaj мöргÿ, aaj мöргÿ! . .

Шаман, кланяясь и покачивая перед собой бубен, медленно двигался по направлению к переднему углу дома. Затем, раздвинув руки, он отступал назад. Так он повторял три раза, — шаман не решался подойти к духу.

Тajlік-хан обращался к шаману и спрашивал его, откуда он пришел.

Ааај! Пуду-мынаң сідінärдäң — Ааай! С тех пор, как начали опираться на ноги,

Мурду-мынаң тынардаң ала, кам! — С тех пор, как стали дышать устами, кам!

Канатту учпаҕан, — Имеющие крылья не залетали,

Каjҕакту паспаҕан, кам! — Имеющие ноги[2] не заходили, кам!

Ak аданың саҕыражып, — Белым бубном твоим бряцая,

Таш орбуна таjанып, — На каменную колотушку твою опираясь,

Табылҕыңа шідäніп, — На таволгу твою облокачиваясь,

Ала барска таjанып, — На пестрого барса опираясь, как на посох,

Ak адаңа Сöönÿп, — На белый бубен опираясь,

Кажы jäрдäн кабылып чыктың; — Из какой земли ты, мчась, поднялся,

Кажы jäрдäң кÿläп чыктын? — Из какой земли, напевая, пришел?

Ады jолуң аjдын, кам! — Имя и путь твой назови, кам!

Шаман продолжает размахивать перед собой бубном. Он называл имя того jajык'а, который почитался населением того улуса, в котором он камлал.[3]

Шаман отвечал духу Тajlік-хану:

Полорчык полҕон aj кара jыштаң кабылбадым. — Из исчерна черной тайги я не примчался,

Алаканча aj jатыдаң кÿläп чыккам! — Из освещенной месяцем степи, с ладонь величиной, напевая, я поднялся.

Улу Баjат käзä отурҕан, — От ведающей большим Бачатом,

---

[1] Чтобы не раскрывались веки.

[2] Буквально, лапы с когтями.

[3] Канакай совершал камлание в улусе Чолухой, следовательно, должен был указать своего jäр суудуң äзi jыjык'а, т. е. äнäм jурäкäj.

Ӱссӱн јаның ӱч казык,	На верхней стороне, которой три кола,
Алдын јаның муң казык,	На нижней стороне, которой тысяча колов,
Ӱч толукту ӓнӓм Јӱрӓкӓјдаң чыктым.	От треугольной матери моей Урекей я поднялся, пришел. Говорит:
Ӓӓӓј, ӓӓӓј!	Ееей! ееей!
Кіжі болзо, ады полор	Если человек, то он с именем будет,
Кіік ползо, тӱктӱ полор!	Если дикая коза, то она с шерстью будет!
Нӓ тӓгӓнің калдыҕызын,	Как называемого (кама) ты — последыш,
Нӓ тӓгӓнің ӱрӓнізін?	Как называемого (кама) ты — потомство?
Ады пажын ајдын, кам!	Имя и голову твою назови, кам!

Шаман протяжно пел и качал бубен. Он отвечал духу:

Нӓ тӓгӓнің калдык полојын!	Как называемого (кама) я последыш буду!
Нӓ тӓгӓнің ӱрӓн полојын!	Как именуемого (кама) я семя — потомство буду!
Укту удул[1] ӱрӓні-мін!	Я семя — потомство родовитого шамана...
Учукчунуң[2] калдыҕы,	Я последыш того, кто скручивает сухожилия — тетиву,
Тӧстӱ камның калдыҕы ӓдӓм,	Я последыш шамана, имеющего духов,
Јӧлҕӧ[3] чӱнӱң ӱрӓні ӓдӓм!	Я семя — потомство шамана, камлающего с помощью лука!

Шаман называл Тајlік-хану имена всех своих предков тӧс'ов.

Шаман называл имена всех своих предков шаманов:

Кам Апурнак каҕылҕам,	Я соприкасался с шаманом Апурнак'ом.
Кам Сӧlпӧктӧң тартылҕа́м,	Я был притянут шаманом Шӧльнӧк'ом.

---

[1] удул — синоним шамана (ср. монгольское удул — шаманка). В шаманских призываниях шаман очень часто называл себя удул и удыл. узылӯ јӓlдӱ кам удул Канакај ӓдӓм „я кам Канакай, рот которого приспособлен для разговора с духами". Так же называли и духи шамана. Узы јӓlдӱ кам удулым „мой шаман, рот которого приспособлен для разговора с духами".

[2] Учукчу — синоним шамана. Так называли шамана тогда, когда он камлал духу јаңыс сам'у. Для того чтобы зашить земную щель, шаман с помощью особых мастериц сучил двадцать семь ниток из льна и сухожилий быка или коровы, называемых учук (в быту учук называются только нитки для шитья материи). Этими нитками зашивалась земная щель.

Учукчу же назывался кіріш — тетива лука и бубна в шаманском языке.

[3] Јӧlгӧ — маленький лук, с помощью которого специальные гадатели и шаманы совершали камлание. Јӧlгӧlӧјіргӓ — ворожить, шаманить с помощью лука.

Кам Отконноң кычырҕам,	Я взывал из-за шамана Откон'а,
Кам Јäрäннäн кыјҕырҕам,	Я кричал из-за шамана Ерен'а,
Кам Міткäдäң, кам Мітäмнаң!	От шамана Митке и от шамана Мите!
Кам Јазы-балык кычырҕам,	Я взывал из-за шамана Язы — балык'а,
Кам Сарҕабаң тартылҕам,	Я был притянут шаманом Сарга,
Кам Кобордоң кыјбурҕам,	Я метался — был безумным из-за шамана Кобор'а,
Кам Пöнöк пазылҕам!	Меня давил шаман Пöнöк!

Тајlік-хан опять спрашивал:

Аääј, äääј!	Ееей, ееей!
Карада ала појуңнаң-ба	От черного ли себя (ты пришел)?
Калык-та ала кіжідäн-бä?	От народа-людей (пришел) ли?
Ады бажың ајдын кам!	Имя, голову твою назови, кам!

Шаман снова кланялся, протяжно напевая, и говорил:

Кара-да ала појумнаң äмäс,	И не от себя, черного, я пришел,
Калык-та ала кіжідäн äмäс	И не от народа-людей я пришел...
Аршындајын тазылым бір,	Как у травы арчина один запал,
Арбалајын кылҕам бір,	Как у зерен ячменя один колос,
Озӱ мының адазы полҕон,	Один отец у нас был.
Ајлӱ јäрдäң ајырылҕан,	От освещенной месяцем земли он отделился,
Арҕыс канҕа сабылҕан;	К далекому хану отправился;
Кӱндӱ јäрдäң ајрылҕан,	От освещенной солнцем земли он отделился,
Кӱндӱс канҕа сабылҕан.	К отдаленному хану отправился.[1]
Äр појумның öзӱ мäнің адам полҕон.	У меня, мужа, родной отец был
Алäш тäгäн äр јігіт.	Мужчина по имени Алеш.
Анын кулбу.	Я его потомок —
Анаң калҕан калдыктар	От него оставшиеся остатки
Аттың кулаҕы ӱч тӱңäј,	Трое равных, как у коня уши, мы братья,
Äн ортоны äр појумнуң.	Из трех братьев я средний буду,
Канакај тäгäн äр јігіт-мін!	Муж по имени Канакай!
Äр појумнуң јäр äжіктäң кабыла јäттім.	Я сам от своих дверей, мчась, изнуряя себя, прибыл.
Арҕымак ајак тäр алып јäттім,	Я прибыл, заставляя ноги коня покрыться потом,
Äрдің караҕын јаш алып јаттім!	Я прибыл, заставляя глаза мои наполниться слезами!

[1] Т. е. отец умер.

Tajlik-хан говорит:

Äääj, äääj!	Ееей, ееей!
Пістің јајаҕан кызыл курт,	Нами созданный красный червь,[1]
Кајыш курлу кара алманду,	Черный данник наш, имеющий ременной пояс,
Тӱктӱ нашту кӱндӱ äl!	Живущего под солнцем народ с мохнатой головой!
Пілінбäгäн пілінді-бä?!	Не признающий, не хотевший знать нас, признал ли?!
Тыјын баҕан тыјынды-ба?!	Не замечающий нас, заметил ли?!

Шаман говорил:

Јалынҕанымды уккај-пäдің?!	Послушаешь ли мою мольбу?
Јалбарҕанымды сäскäј-пäдің?!	Почувствуешь ли мое унижение?
Ääм кӧзӱң кӧргӧј-пäдің?!	Ласковым глазом твоим, не посмотришь ли?
Äрӱ чырај паккај-падің?!	Благосклонное лицо твое, не покажешь ли?!

Тајлік-хан:

Äääj, äääj!	Ееей!
Тајка полҕон толу тутсаң,	Если поднесешь толу с тайгу,
Талај полҕон ажын тутсаң,	Если поднесешь питье с море,
Кан јарҕызы анда полор!	Тогда приговор хана будет!

Шаман повертывался спиной к **кӧнӧк'ам** — обращался к каракуш — черной птице — и говорил:

Јäс тырмакту кара куш!	Черная птица с медными когтями!
Устар аткäн тор ајаҕым,	Сделанную кузнецом чашу „тор“,
Устар äткäн кызыл чуңыр,	Сделанную кузнецом красную, глубокую,
Колдоң колҕо кабыл тӱш!	Из рук в руки передавай!
Ӱч ороло курчај тӱш,	Трижды окружая, спустись!
Алтын торын салып тӱш!	Золотую сеть — тор (на чашу), накидывая, спустись!

Шаман получал из лап черной птицы невидимую для присутствующих чашку. Он наливал в нее невидимое вино и подносил Tajlik-хану.

Шаман вставал лицом к кӧнӧк'ам, держа в одной руке бубен, другой рукой размахивал колотушкой и обращался к духам:

Орҕучулар орҕыј салҕар,	Завиватели, завивайте — свивайте,
Пурҕучылар пырҕыј салыҕар!	Мешатели, мешайте!
Узундаҕызын тӱбäнä,	Сделайте так, чтобы находящееся на поверхности стало на дне,

[1] Детский кут — зародыш — телеуты сравнивали с красным червем (кызыл курт), отсюда и народ — люди в шаманском языке носили название „красный червь“. С другой стороны, духи, называя так шамана и людей вообще, подчеркивали свое превосходство над ними.

Түбүндәгізін узуна! — Чтобы то, что на дне, стало на поверхности!

Пірінчі ajak бilrilў-jарқылу ajak, — Первая чаша присужденная, законная чаша,

Пірадамның алқышту ajak! — Чаша, имеющая благословение от первого моего отца!

Ајлу чәјгән ak ајран, — Изготовленный человеком, живущим под месяцем, белый айран,

Ај мурдуң ау јара алзын! — Пусть расщепит на две половины твой рот (т. е. пусть вызовет у тебя отрыжку)!

Күндў чәјгән көк ајран, — Приготовленный человеком, живущим под солнцем, синий айран.

Тоң көксүңдў поlö алзын! — Сквозь крепкую спину твою пусть пройдет — пусть разделит спину твою!

Шаман подходил к көнök'ам и, держа бубен за рукоятку „барс", касался ею көнök'а. Проводил бубном пять раз по горизонтали — этим шаман делил содержимое көнök'а на пять частей. Пять чашек абыртпи он должен будет поднести духу. Шаман, повернувшись по солнцу, говорит:

Ажыра көрзөң адам Тајlік-кан. — Проглоти, — пропусти, отец мой, Тайлык-хан!

Это означало что шаман подал первую чашку духу. Шаман делал движение, как бы глотал напиток и громко отрыгивал: то дух выпил поданную ему чашу и указал на свое удовлетворение количеством абыртки.

Шаман подавал духу вторую чашку и говорил:

Әкінчі ajak јарқылу ajak, — Вторая чаша, законная чаша,

Әкі адамның каданду ajak! — Второго отца моего, повторная чаша!

Оң көзўңнәң көргöj-мінәң, — Не посмотришь ли правым твоим глазом,

Оң алдыжың пәргәj-мінәң?! — Не дашь ли правое твое благословение?!

Әәм көзўң көргöj-мінәң?! — Не взглянешь ли ласковым глазом,

Арў чырајың паккај-мінәң?! — Не взглянешь ли с улыбкой на лице?!

Шаман делал глоток и отрыгивал: дух выпил вторую чашку и остался доволен
Шаман подавал Тајlік-хан'у третью чашку и говорил:

Ўчўнчў ajak ўlгўлў ajak, — Третья чаша — образцовая чаша.

Ўч адамның јарқылу ajak! — Третьим отцом моим присужденная чаша!

Кан тарынбас полбос-па, — Разве не может хан не сердиться,

Кара паңып көрбөс-пö?! — Разве нельзя оглянуться ему и посмотреть?!

Ніj тарынар полбос-по, — Разве не бывает, что начальник не сердится,
Пäрі паӷып көрбöс-пö?! — Что разве нельзя ему в эту сторону поглядеть?!

Тajlïк-хан, выпив третью чашку, снисходительно отвечал шаману:

Äääj! Äääj! — Еей! Еей!
Ajlў чäгäн ак ajран — Приготовленный человеком, живущим под месяцем, белый айран,
Aj мурдумды jара алды! — Через рот мой прошел — рот мой на двое раздвинул!
Күндў чäjгäн көк ajран, — Приготовленный человеком, живущим под солнцем, синий айран,
Тоӈ көксўмдў пöлö алды, кам! — Сквозь крепкую грудь мою прошел — грудь мою разделил!

Шаман подавал Тajlïк-хану четвертую чашку, со словами:

Тортўнчў ajak jölгölў ajak, — Четвертая чаша — чаша ворожбы,
Тöрт адамның каданду ajak! — Четвертого отца моего повторная чаша!
Äрîкпазäн äрдінні, — Если не наскучит тебе, прикладывай губы твои,
Пузукпазаӈ мурдунду сал! — Если не питаешь отвращение, уста твои приложи!
Алтын jарӷынды чäчкäj-підäӈ, — Твой золотой приговор, не развяжешь ли?!
Ajlўдің күнің, көргöj-пїдäӈ?! — На живущего под месяцем человека не взглянешь ли?!
Күміш jарӷынды пäргäj-підäӈ, — Серебряное решение твое не дашь ли?!
Күнбўдўӈ кўнун көргöj-підäӈ?! — На человека, живущего под солнцем не посмотришь ли ты?!

Подавая пятую чашу, шаман говорил:

Пälагаш канның пазінчі ajak, — Пелегеш-хана (т. е. Тайлык-хана) — пятая чаша,
Пäш адамның jарӷылу ajak! — Пятым отцом моим присужденная чаша!
Калӷанаӷын каӷын пäргäр, — Последнее вытряхивая, подайте!
Каныма толо салып пäргäр! — Хану моему полную чашу налейте!
Улу тўбўн шыпкап туткар. — Великое дно дочиста освободите — на дне ничего не оставьте!
Оӈ көзўнäӈ көргöj-мінä, — Правым глазом не посмотрит ли,
Оӈ алкыжын пäргäj-мінä, — Правое благословение не даст ли?!
Äзäндіккä пäргäj-мінä, — Для благополучия не даст ли,
Älбäк күнгä jajaӷaj-мінä?! — Для богатых — широких дней не сотворит ли?!

Шаман от имени Тайһк-хан откликался:

Ääăj! Ääăj!	Ееей! Ееей!
Оң көзүмінäң көрöрүм, кам!	Правым глазом, я взгляну, кам!
Оң алкыжым иäрäрім!	Правое благословение дам!
Äзäндікkä тäмдарім,	К благополучию направлю,
Älбäк күнгä јајаҕым!	Для легких, богатых дней сотворю!

Шаман говорил уже несколько увереннее:

Ak Ўlганнің јајунча	Согласно творению Ульгеня
Алты öркöштў ak аданым,	Мой шестигорбый белый бубен!
Паштапкызым ала баоста таjандым,	В первый раз я оперся на пестрый барс,
Ак аданҕа сööндўм,	На белый бубен налег.
Ak мардың ak Таjіктаң	От белого мар'а белого Тайлык'а
Арҕыш сурап јајалып jäттім.	Испрашивая благословение, я пришел.
Оң көзўнäң көрўп калзан!	Правым глазом, если бы ты взглянул!
Оң алкыжың иäріп калзан!	Правое благословение, если бы ты дал!

Шаман от имени Тайһк-хана отвечал:

Ääăj, ääăj!	Ееей, ееей!
Алты öркöштў ak аданың,	Шестигорбый белый бубен,
Алты көстў ала барсың,	Шестиглавый пестрый барс твой!
Салгындуда ужук ползың,	В ветреные дни пусть будут тебе убежищем — защитой.
Саjlў күндä jöлöк ползун!	В ненастные дни пусть будут тебе опорой!
Јаңылғанда јаак ползун,	Когда ты ошибешься, пусть будет отвечать за тебя (пусть щекой будет).
Сўрнў кäндä туjҕак ползун!	Когда ты споткнешься, пусть тебе опорой (копытом) будет!
Күндў älгä туза ползун!	Народу, живущему под солнцем, пусть польза будет!

Шаман обращался снова к Тайһк-хану и просил у него спутника — помощника, чтобы итти дальше к Кычкым-хану:

Мынаң озо каҕылбадым,	До настоящего времени я не ходил к духам,
Тунаң озо күläбädім.	Раньше этого я не напевал!
Äр алдыма älчі пäр,	Впереди меня (идущего) посла — спутника дай,
Паштап чыҕарҕа пашчы!	Чтобы руководил и вел меня, руководителя дай!

Шаман от имени Тайлїк-хана соглашался и говорил:

Ӓр алдына ӓlчі пӓрӓjін,	Да, дам тебе спутника, что впереди тебя пойдет,
Пашпат чыңарқа пашчы пӓрӓjін,	Да, дам тебе руководителя, что тобой руководить будет.
Карақаның көстӧ ползын,	Что глазом твоим увидишь, из глаз не выпускай.
Кармақаның көлдо ползын!	Что захватишь, пусть в твоей руке будет!

Шаман несколько раз кланялся Тайлїк-хану, сопровождая поклоны следующими словами:

Мӧргӱ-бӓ, мӧргӱ! Мӧргӱ-бӓ, мӧргӱ!	С поклоном — поклон! С поклоном — поклон!

Шаман выходил из владений Тайлїк-хана. Он возвращался к своему спутнику — духу, которого поставил у двери, входя в жилище Тайлїк-хана. Спутник — дух встречал шамана следующими словами:

Аааj! ааяj!	Ааай! Ааай!
Чыктын-ба, кам?	Вышел ли ты, кам?
Кан ӓжігің ачтын-ба?	Дверь хана открыл ли ты?
Кан jарқызын алдын-ба?	Приговор хана получил ли ты?
Кан ӓжігі кат полды-ба?	Дверь хана не была ли недоступной — твердой?
Пij ӓжігі пӓк полды-ба?	Дверь начальника не была ли крепко запертой?

Шаман отвечал:

Кан ӓжігі кат полқон jok,	Дверь хана недоступной не была,
Пij ӓжігі пӓк полқои jok!	Дверь начальника крепкой не была!
Кан jарқызын алқандij-мін!	Как будто бы приговор хана я получил!

Шаман выпрямлялся и, стоя, громко звал своего духа — гуся (кас), на котором он и будет теперь совершать свой дальнейший путь.

Jаjық käскä-jаңылбас,	Если перелетает через разлив (реки Урал), — не теряет свой путь
Jаңы ала Чымар кас,	Пестрощекий Чымар гусь!
Ӓдіl käскä ӓрікпӓс,	Если перелетает через реку Волгу, никогда не скучает,
Ӓӓгі ала Чымар кас!	С пестрым подбородком, Чымар гусь!

Гусь — кас — откликался на зов шаману. Теперь шаман ехал на гусе. Шаман подражал крику гуся. В дальнейшем, в напеве, в голосе шамана слышалось гусиное гоготанье.

Шаман пел, обращаясь к гусю:

Оң канадың јаја сал,	Правое твое крыло распусти,
Сол канадың қыма сал!	Левое твое крыло подожми!
Ак ајастың алды мынаң,	Под белой ясностью,
Ак пулуғтун мурду мынаң,	Впереди белых туч,
Капшықајла кабылы отур!	Поспешно лети!
Калбыракка тартыбы-отур,	С шумом крылья расправь,
Сүргән јәргә сүрә јәт,	Где заметишь, там и догони,
Көргөн јәргә көрө јәт,	Где увидишь, там и настигай.
Ат көдурбәс ар толуну!	Чистое мое толу, которое конь не сможет поднять!
Толудың бажы көрүнә калды,	Голова толу видна,
Толудың бажы пілдїрә калды,	Голова табу заметна.
Алкыжым јәтсін үссүн Үлгәндә!	Да дойдет мое благословение до верхнего Ульгеня!

Шаман вставал и вертелся — кружился. Это означало, что шаман догнал отосланных им вперед табӯ.

Духи шамана, посланные им сопровождать табӯ, выражали шаману свое недовольство его задержкой в пути.

Духи кричали на шамана:

Алај, алај, алај кам!	Алай, алай, алай кам!
Сактај, сактај, — сак полдым!	Ждали, ждали, заждались!
Саңыскан куjруғун сарт кәстім!	(От нечего делать) хвост сороки я обрезал!
Кәра јәрің казындың-ба?	Черную землю, что ли, ты рыл?
Кату ағажың чамындын-ба?	Твердое дерево, что ли, ты тесал?

Шаман оправдывался перед духами, просил их не сердиться на него:

Кара јәрін казынбадым,	Черную землю я не рыл,
Катӯ ағажым чамынбадым.	Твердое дерево я не тесал,
Ајlӱдің кууні кӱч полуп,	Людей, живущих под месяцем, жалко было оставить,
Ајlік полуп кабылып јәттім;	На месячный срок задержавшись, (теперь) я, мчась, пришел;
Кӱндӱдің кууні кӱч полуп,	Людей, живущих под солнцем, трудно было оставить,
Кӱндӱк полуп кабылып јәттім.	На сутки задержавшись (теперь), я, бушуя, несясь, (вас) настиг.
Корлонбоқор оксынбаҳар,	Не возмущайтесь, не порицайте,
Табӯчылар толучылар!	Вы, сопровождающие табу и толу!

Произнося имя Кычкыл-хана «ак малдың адазы аjғыр jалду кан Кычкыл», шаман подходил к кӧнӧк'ам и толу; отделял два кӧнӧк'а и три толу и отдавал их духу Кычкыл-хану. В обращении к нему шаман говорил о пяти кӧнӧк'ах и пяти толу, чтобы преувеличить свой дар:

Ак Мардың адазы.	К отцу белого мар'а,
Аjғыр jалду кан Кычкылға,	К хан-Кычкыл'у, имеющему гриву жеребца,

Пäш јакалу аҕыр толу.	Чистые толу о пяти воротах,
Тура јіктӱ тӧс кӧнӧгім,	Берестяной кӧнӧк мой с поперечным швом,
Äр алдымнаӊ јајалып кіргäр!	Вперед меня направляясь, входите!
Пäш јакалу аҕыр толу,	Чистое толу о пяти воротах,
Тäлкіlдäгäн пај сабам,	Покачивающаяся богатая саба моя,
Кӧдӱрмälӱ кӧl тäпші,	Озеро — сельница, предназначенная для возношения,
Аҕы Мардыӊ адазына,	К отцу белого мар'а
Ајҕыр јалду кан Кычкылҕа,	К хан-Кычкылу, имеющему гриву жеребца,
Äр алдымнаӊ јајалы-отур!	Впереди меня, мужа, продвигайтесь!
Мäнчä полуп кабылы отур!	Подобно мне мчитесь!
Кӧдӱрмälӱ кӧl тäпшім,	Моя озеро — сельница, предназначенная для возношения,
Кӧк пулутча кӧчӱп кірзін!	Подобно синему облаку пусть продвигается!

Шаман направлялся к главному духу ак Мардыӊ адазы хан-Кычкыл'у — цели своего путешествия. У трех дверей жилища духа хан-Кычкыл'а шаман оставлял своих духов, спутников, разговаривал с привратниками хан-Кычкыл'а и, наконец, представал перед самим духом, которому и показывал свой новый бубен. Происходил тот же разговор, который шаман только что имел с духом Тајlік-ханом.

Шаман также угощал Кычкыл-хана. Камлание Кычкыл-хану повторял камлание ак Мар'у; Тајlік-хану.

Закончив переговоры с духом Кычкыл-ханом, шаман выходил из его жилища и призывал опять духа гуся, на котором он и отправлялся в обратный путь. Шаман объяснял гусю, что он возвращается теперь домой. Он пел:

Оӊ кајадыӊ јаја сал,	Правое крыло твое расправь,
Сол канадыӊ кыма сал!	Левое крыло твое прижми.
Ak ајастыӊ алды мынаӊ,	Под белой ясностью — лазурью неба,
Ak пулуттуӊ мурду мынаӊ,	Впереди белых облаков
Капшыҕајла кабылы отур,	Быстро лети.
Калбыраkkа тартыбы отур,	Распростай твои крылья и направляйся
Аланчыҕым ak јалдыма,	К белому пламени моей юрты (аланчика),
Сäчіс кыјын тӧрт толукка!	К восьми срубам — четырем углам (т. е. к дому).

Шаман долго вертелся — это означало, что он возвращался теперь назад.

По дороге домой шаман проходил в обратном порядке все этапы, через которые он пришел к Кычкыл-хану. Он миновал владения ак мар'а, шел по опустошенным им стойбищам узӱт'ов и доходил до разделения путей семнадцати ханов. Он јäтті

канныӊ јаралыш јӓр. Он подходил к самому отдаленному јыјык'уӓпӓм Прас ічтӓр и сообщал ему о том, что он возвращался теперь домой от Кычкыл-хана:

Сырык јӓтпӓс таш кӧнӧк!	Каменный кӧнӧк, до дна которого не достает жердь!
Анӓм Прас ічтӓрі!	Течение матери моей Мрассы!
Аіҕыр јалбу кан-Кычкылдыӊ,	От хана-Кычкыла, имеющего гриву жеребца,
Аланчыҕым ак јалдыма,	К белому пламени моего аланчыка (юрты),
Сӓчіс кыјын тӧрт толукка,	К восьми обрубам четырех углов,
Мӓн сабылып пар-јадым	Я с шумом назад мчусь

Эти же слова шаман повторял и остальным восьми јајык'ам, владения которых он проходил.

Пройдя последний јајык — наиболее близкий к улусу Чолухой — јӱрӓкӓј, шаман в последний раз вертелся и, стоя посреди дома, обращался к духу-гусю. Шаман отпускал его, говоря:

Јајык кӓчсӓ јаӊылбас,	Если он пролетает над разливом (реки Урал), он не собьется с пути,
Јаҕы ала Чымар кас!	О, пестрощекий мой гусь Чымар!
Ӓдіl кӓчсӓ ӓрікпӓс,	Когда он пролетает Волгу, он не затоскует,
Ӓӓгі ала Чымар кас!	Краснощекий мой гусь, Чымар!
Сӱт ак кӧlдӓн суҕатал,	Из молочного белого озера пей,
Сӯрун тууданј ӓмӓтал.	С горы Сӱрӱн бери себе пищу!
Карылӯҕа кӧрӱнбӓ,	Не показывайся имеющему руки,
Камчылҕа тӱжӱрбӓ!	Не являйся во сне имеющему плеть.[1]

Затем шаман направлялся к двери и садился там на корточки лицом к порогу Шаману сразу же откликался хозяин порога, называя свое собственное имя: —

ӓӓјтӱ, ӓӓјтӯ, кара кӧӧш!	Ӓӓйте, ӓӓйте, Кара Гӧӧш! —

и спрашивал шамана об его путешествии к Кычкыл-хану:

Кан ӓжігі кат полды-ба?	Дверь хана плотно запертой не была ли?
Піј ӓжігі пӓк полды-ба?	Дверь начальника недоступной не была ли?
Кан јарҕызын алдын-ба, кам?	Приговор — решение хана получил кам?

Шаман отвечал:

Кан ӓжігі кат полҕон јак.	Дверь хана недоступной не была,
Піј ӓжігі пӓк полҕон јок!	Дверь начальника крепкой не была!
Кан јарҕызын алҕандіј-мін!	Приговор хана как будто бы я взял!

[1] Т. е. даже во сне никому не являйся, кроме меня.

Ајна назар јолына.	На дороге, где ходит айна,
Алты чулҕаныи јадып кал!	Оставайся лежать, в шесть раз свернувшись!
Ајна јолын пош пӓрбӓ!	Доступа (в этот дом) злому духу не давай!

Шаман вставал и шел в передний угол. Там он садился на свое обычное место на скамейку.

Шаман отпускал своих тӧс'ов, говоря:

Јардым паскан јаш ӯландар,	Наступившие на мои плечи молодые ребята,
Іінім поскан ӓр ӯлустар,	Давившие мои плечи мужи,
Туулар, туулар паштарына.	На вершинах гор,
Јӓлӓ, јӓлӓ појлорына	На хребтах вереницей тянущихся гор,
Кыјма кылыш тудун турҕар,	Лунообразный меч держа, стойте,
Кірмӓ кіріш тартын турҕар!	Крученую тетиву натягивая, стойте!
Кычырҕаным саk уҕуҕар!	Ожидая зова моего, чутко вслушивайтесь, прислушивайтесь!
Кыјҕырҕаным јӓп уҕуҕар!	Крик мой тотчас услышать будьте готовы!

Шаман переставал ударять в бубен, — он держал колотушку так, что она висела на ремне у него, на пальце. Шаман щелкал три раза по коже бубна. Засовывал колотушку за рукоятку бубна, а бубен ставил в угол на скамейку, сплошной разрисованной стороной к стене. Шаман несколько раз зевал. Ему подавали јӓн кӧнӧк — небольшой туяс с абырткой, привязанный к большому кӧнӧк'у — туясу. Из него шаман кропил абырткой хозяина порога (позоҕо) и еще раз обращался к нему:

Ај каразы јорукту,	Имеющий промысел на ущербе месяца,
Ају пашмаk ӧдӱктӱ,	В башмаках из медвежьих шкур,
Тӱн каразы јарукту,	Имеющий промысел в темноте ночи,
Тӱктӱ пашмаk ӧдӱктӱ!	Имеющий шерстистые башмаки!
Алтон ају тӓрӓзі,	Шестьдесят медвежьих шкур
Ајаk учка јӓтпӓјтӓн,	Нехватает тебе на конец ноги,
Јӓттон ају тӓрӓзі,	Семьдесят медвежьих шкур
Јӓн, учуна јӓтпӓјтӓн,	Нехватает тебе на конец рукава.
Кӓрӓ сӧӧм ајулу,	Имеющий зубы с сажень,
Кӓзік пычкаk тырмакту,	Имеющий когти с обрубок ноги,
Адазынаӊ кӱчтӱ туҕан,	Родившийся сильнее своего отца,
Адам кӱчтӱ, Кајракан,	Отец мой, наделенный силой, уважаемый,
Ӱч ӓжіктӱ кара Гӧӧш-кан!	Имеющий три двери Черный Гӧӧш-кан!

Шаману подавали трубку и он курил. На этом заканчивалось камлание с новым бубном.

III

Такое же камлание Кычкыл-хану шаман должен был совершать каждый раз, когда он обменивал свой старый бубен на новый.

Как мы говорили выше, по некогда существовавшим представлениям телеутов, духи при выборе нового шамана определяли ему точно количество бубнов, которое он сможет иметь в продолжение своей жизни. Число назначаемых для каждого шамана бубнов неодинаково: оно колеблется от трех до двенадцати.

Шаман сам решал, когда ему обновить свой бубен. Он просил сделать ему новый бубен обычно тогда, когда старый, в результате длительного употребления, уже изнашивался. В случае задержки с заменой старого бубна новым, духи, по словам шаманов, напоминали, что пришло время получить новый бубен. Обычно шаманы старались не часто менять бубен, так как по существовавшим представлениям число бубнов определяет продолжительность жизни шамана. Каждый из числа назначенных — предоставленных ему духами бубнов шаман „показывает Кычкыл-хану", т. е. при каждом таком обновлении бубна совершалась та же сложная процедура, что и при получении первого бубна. Как мы говорили выше, от старого бубна шаман оставлял лишь металлические части кіріш — железную горизонтальную перекладину, с подвесками, и рукоятку. Остов бубна (обечайка и кожа) изготовлялся заново. Заново же наносились рисунки. Новый бубен должен быть точно таким же, каким был старый.

Бывали случаи, когда шаман, боясь, что ему мало будет того числа бубнов, которое ему предоставили духи, делал себе при изнашивании старого бубна новый бубен, тайком от духов.

В этом случае шаман никому не объявлял об этом, бубен ему делали близкие тайно. Никаких торжественных камланий не происходило. Шаман не шел показывать этот „незаконный" бубен и Кычкыл-хану.

Со смертью шамана „кончает жизнь" и его бубен: внешне это выражалось в том, что кожа бубна прорезалась ножом.

После похорон шамана кто-либо из присутствующих (не обязательно родственник) прорезал ножом кожу бубна и относил его куда-нибудь подальше от улуса. Он вешал бубен на дерево, произнося следующие слова:

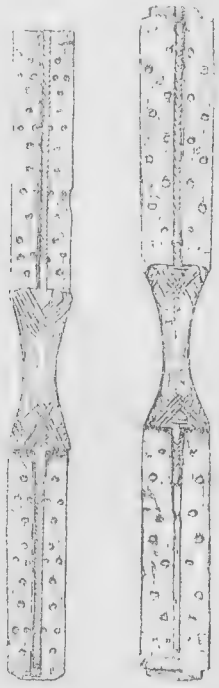
Алты öркöштў ak аданы,	Шестигорбый белый бубен
Ала кајынҕа ilil јат!	На пестрой березе висит,
Алтын туу	Золотые ленты — знамена —
Он јäтті канның тарам јолҕо чачыл јат!	По пути, где разделяются дороги семнадцати ханов, рассыпаются

Затем человек, разрезавший бубен, произносил имена всех јајык'ов, владения которых расположены по пути к тому месту, где расходятся дороги семнадцати ханов он јäтті канның јачылышка ончо канның тарам јолҕо. Этот человек говорил, обращаясь к бубну:

Алты öркöштў ak адам,	Шестигорбый белый бубен,
Кан јолына каҕылбај јазың,	По дороге хана ты (больше) не мчишься,
Ала кајынҕа ilil јазын!	На пестрой березе ты (теперь) подвешен,
Алтын туу јус јолуна ужалбај	Золотые ленты, на пути духов јäрјол вы больше не мнетесь,
Он јäтті канным тарам јолҕо чачыл јажын!	На пути расхождения дорог семнадцати ханов (теперь) вы развеяны — разбросаны!

В отдельных семьях после смерти шамана родичи оставляли рукоятку от его бубна чалу и присоединяли к другим культовым предметам, хранящимся дома. С этой рукояткой связывалось представление о покровительстве умершего шамана и наследственной передаче его дара (рукоятка мыслилась предком шамана). Она хранилась годами и неизменно переходила, вместе с другими изображениями духов (ämägändär'ами, änäkäläp'ами), — изображениями духов предков — женщин, кўрмўш'ем — покровителем дома, канаттулар'ами — покровителями охотничьего промысла, — от отца к младшему сыну, обычно наследовавшему дом отца.

Рис. 10. Рукоять бубна № 3974-193-$\frac{с}{2}$ 1.



а *б*

Рис. 11. *а*, *б*. Рукоять № 5063-4.

Рис. 12. Рукоять № 5063-5.

№ 3974-193-$\frac{с}{2}$ 1 чалу — рукоять бубна, изображающая предка шамана. Длина — 27 см, ширина 5 см, толщина 3.5 см (рис. 10).

№ 5063-4 чалу — рукоять бубна. Длина 69 см, толщина 6.5 см (рис. 11).

№ 5063-5 чалу — рукоять бубна. Длина 71 см, ширина 8.5 см, толщина 6.1 см (рис. 12).

Кроме того, в память умерших предков шаманов изготовляли маленькие деревянные бубны, стараясь сделать их возможно больше похожими на настоящие шаманские бубны.

№ 2334-98-1. Маленький бубен состоит из деревянного ободка (ширина 1.5 см, окружность 38 см), скрепленного веревочкой, и из двух перекладин, крестовины вертикальной (длиной 12.5 см) и горизонтальной (длиной 9 см). Диаметр бубна — по вертикали 13.5 см, по горизонтали 9.5 см (рис. 13).

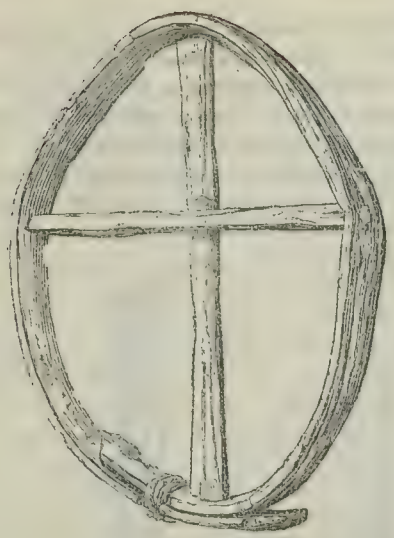


Рис. 13. Маленький бубен № 2334-98-1.

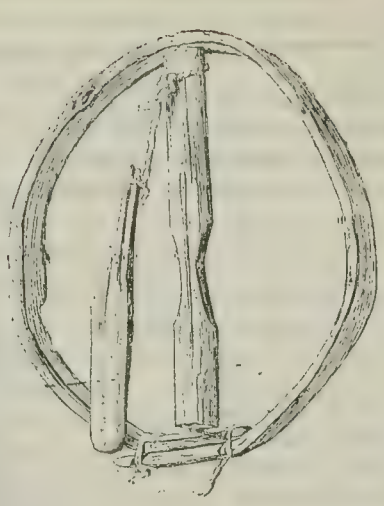


Рис. 14. Бубен с колотушкой № 2334-98к.

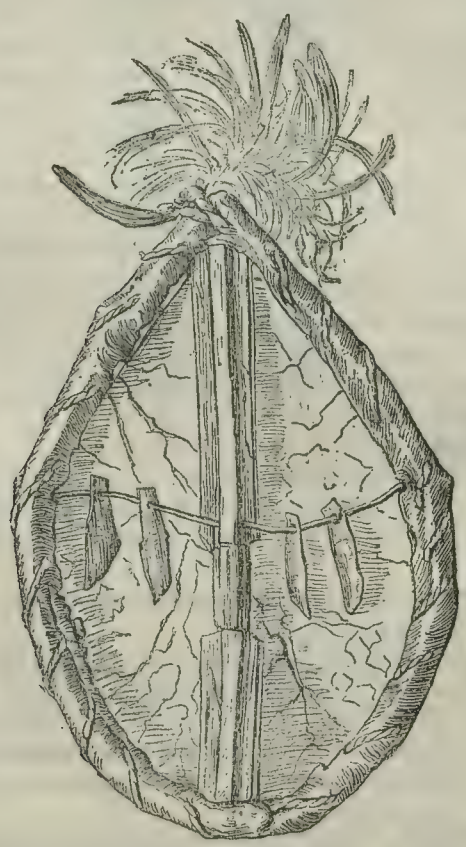


Рис. 15. Бубен № 3974-197ав.

№ 2334-98к. Маленький бубен состоит из деревянного ободка (ширина 1 см; окружность 34 см), скрепленного в двух местах бечевкой, и вертикальной, суживающейся посредине поперечины (ширина 1 см; длина 9.5 см). К поперечине с помощью веревочки прикреплена деревянная палочка с суживающимся концом (длина — 7.5 см), имитирующая колотушку от бубна „орбу" (рис. 14).

№ 3974-197ав. Маленький бубен, состоит из деревянного ободка, обтянутого кожей, и поперечной рукоятки, суживающейся посредине и имеющей по вертикали выступ. По форме перекладина соответствует перекладине большого бубна (рис. 10 и 11); сквозь перекладину продета проволока, повторяющая кіріш — „тетиву" — большого бубна (рис. 1 и 3). Она упирается во внутреннюю

Рис. 16. Бубен № 5063-26.

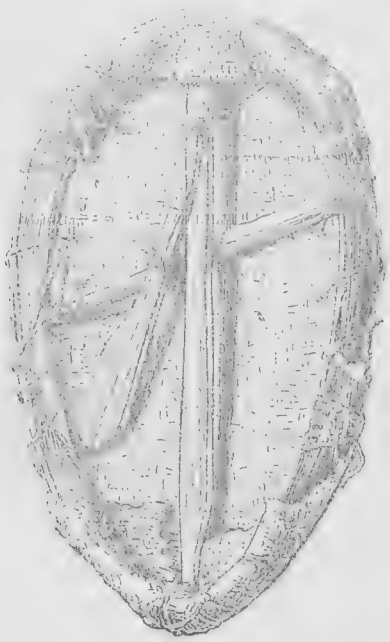


Рис. 17. Бубен № 5063-27.

сторону обечайки и имеет две железные привески. К верхнему краю бубна прикреплены перья (такие же перья прикрепляются к матерчатым изображениям эмеген-дер'ов) (рис. 15).

№ 5063-26. Маленький бубен (форма неправильного круга) состоит из обечайки, скрепленной в одном месте бечевкой, и двух перекладин. Вертикальная перекладина представляет собой рукоять бубна, горизонтальная кіріш — „тетиву" бубна (рис. 1 и 3). Окружность бубна 33 см, ширина обечайки 2 см, длина вертикальной палочки — рукояти — 11 см, длина горизонтальной палочки — кіріш'а — 9.5 см (рис. 17).

№ 5063-27. Маленький бубен (яйцевидной формы) состоит из обечайки, на которую натянут и к которой прикреплен тоненькой бечевкой холст, и двух перекрещивающихся палочек, изображающих рукоять бубна (вертикальная) и кіріш бубна (горизонтальная). К вертикальной палочке — рукоятке бубна — привязана на тонкой бечевке лопатообразная палочка, долженствующая изображать колотушку бубна „орбу". Окружность бубна 32 см, ширина 12 см, длина горизонтальной палочки кіріш'а 8 см, длина палочки — колотушки — 5 см (рис. 17).

Эти маленькие бубны чалу хранились, так же как и рукоятки от бубнов, вместе с другими предметами культа и, в частности, вместе

с эменгедерами — женскими духами-предками.[1] Эти бубны и рассматривались телеутами как бубны эмегендеров, т. е. их предков — женщин. Эмегендеры и энекелеры, говорили телеуты, не все, конечно, были шаманками, но среди них, несомненно, должны были быть шаманки; вот почему и делали в память их маленькие бубны; это — бубны эмегендеров.

Убеждение телеутов в том, что среди эмегендеров — их женщин предков — были шаманки, лишний раз указывает на то, что шаманство своими корнями восходит к материнскому роду.

[1] См.: Н. П. Дыренкова. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков. Духи „ämägändär-örökönnör". Сб. памяти Богораза, 1937, стр. 123.

Бубен телеутской шаманки и его рисунки

Л. П. Потапов

Статья Н. П. Дыренковой „Материалы по шаманству у телеутов", содержащая описание шаманских бубнов по коллекциям Музея антропологии и этнографии, дополненная материалами по обряду изготовления бубна, собранными автором на месте, представляет большой интерес. Особенно ценным в ней надо признать записи и переводы шаманских текстов. По существу, это первая подробная публикация шаманских текстов, относящихся к камланию при изготовлении первого бубна шамана не только у алтайцев, но и у других народов Сибири. К сожалению, тексты эти записаны не со слов шаманов, а от лиц, принимавших деятельное участие в обряде; но и в таком виде важное значение их бесспорно. Вместе с этим, нужно отметить, что, сосредоточив свое внимание на возможно полном и последовательном изложении текстуальной части камлания, Н. П. Дыренкова не отметила ряда существенных моментов, относящихся к шаманскому бубну и его изготовлению. В этой связи мне представляется целесообразным, во-первых, дать краткое описание еще одного телеутского бубна,[1] принадлежавшего шаманке Марфе Тодышевой из сёока Jутты — родственнице шаманов, бубны которых описывает Н. П. Дыренкова, а, во-вторых, обратить внимание на некоторые стороны обряда изготовления бубна, преимущественно в той части, которая отсутствует в публикуемых записях Н. П. Дыренковой.

Прежде всего мне хотелось бы указать, что шаманские бубны телеутов, обитающих по рр. Большому и Малому Бочату (левые притоки Ини, впадающей в Обь), по внешнему виду чрезвычайно сходны с бубнами шорцев и отличаются от последних лишь некоторыми деталями, особенно в рисунках и их толковании. Описываемый бубен принадлежал Марфе Тодышевой, которая жила также в улусе Чолухое, где жили шаманы Канакай и шаманка Пӧдӧк, бубны которых были приобретены А. В. Анохиным и переданы в Музей антропологии и этнографии Академии Наук СССР. Марфа камлала этим бубном в 1920-х годах. Бубен был получен ею от духа Аӈыр јалдӯ хан-Кычкыл (с гривой жеребца хан-

[1] Бубен приобретен мной для Горно-Алтайского областного музея в 1932 г.

Кычкыла), обитающего, по представлению осведомлявших меня телеутов, на 15-м небе („кат“). Это был 3-й или 4-й бубен шаманки Марфы.

Бубен телеутов носил общее название „чалӯ“, хотя во время камлания назывался, как и у других народов Алтая, особым термином — „ак-адан“. Рукоятка бубна здесь также отожествлялась с „хозяином бубна“ и носила название „барс“. В шаманском обращении к рукоятке говорится:

„Ала барска шідäнä кір, — К пестрому барсу прижимайся,
Табылдыма таjана кір — На таволожник. (колотушку бубна из таволожника) опирайся“.

Рис. 1. Внутренняя сторона бубна шаманки Марфы Тодышевой.

Рис. 2. Внешняя сторона того же бубна.

Рукоятка телеутского бубна весьма сходна с рукояткой шорского бубна. Она также изображает, по мнению моих осведомителей, „пестрого барса“ — Ала барстың сӱрмäді, т. е. „имеющая образ пестрого барса“. При этом мне было указано, что „пестрота барса“ нанесена на рукоятке в виде зарубок (резьбы) и круглых дырочек, имеющих вид темных пятен. Гребни на концах рукоятки имеют 7 поперечных отверстий (тäшік). Они символизируют „земную щель“, которую встречает шаман на своем пути, „путешествуя“ во время камлания. Шаман призывает духов умерших „мастеров-портных“, и они зашивают эти отверстия 27 толстыми суровыми нитками. Это делается во время камлания для того, чтобы шаман не провалился в земную щель. В рукоятке, около поперечного железного прута имеется небольшое выдолбленное углубление. В него шаман прячет jула — душу больного человека, когда он ее ловит во время камлания и зажимает пальцем, и потом впускает больному в правое ухо.[1]

[1] О душе „jула“ см.: Анохин. Душа и ее свойства по представлениям телеутов. Сборник Музея антропологии и этнографии, VIII, стр. 253—258.

Бубен имеет железную поперечину — „кіріш“ (буквально „тетива“), на которой подвешены 4 железные подвески в виде трубочек, называемых „сўнкäр“.[1] Сверху на обечайке подвешены 6 железных пластинок ножевидной формы, по 3 с каждой стороны. Это — „кылыш“ — сабли. Они предупреждают шамана о грозящей ему опасности. Иногда, рассказывали мои осведомители, эти подвески на бубне, который обычно стоял в переднем углу, начинали „греметь“. Тогда шаман брал бубен, приступал к камланию и узнавал, откуда ему грозит опасность.

Сверху, на наружной стороне обечайки, бубен имеет 6 горбиков — выпуклостей (öркöш).

Бубен обтянут кожей молодого жеребенка (жеребца), питавшегося молоком матери. Рукоятка сделана из березы, обечайка из кедра. Телеуты говорили, что этот вид дерева способствует звучности бубна.

С внешней стороны на коже бубна нанесены рисунки краской из красного камня. Железные части бубна взяты от бубна предка шамана. Рисунки наносил всегда мужчина, умеющий рисовать, и делал рисунки по указаниям шамана, старавшегося восстановить рисунки бубна предка шамана. Рисунки на описываемом бубне следующие.

Нижняя часть бубна

1. Бозого абышка (дедушка порога).[2] Изображение духе, хранителя жилища, живущего под порогом. Изображался в виде человеческой фигуры, вписанной в квадрат, с хорошо обозначенным лицом. К нему шаман обращался с просьбой не пускать злых духов к хозяину, у которого производилось камлание.

2. Jäр курчызы тääк jыландар. Злые змеи, опоясывающие землю.

3. Адабістің кара-бура. „Нашего отца Адам Бурула вороная бура“. Это ездовое животное духа Адама Бурула,[3] живущего под землей. В жертву ему приносили черного быка 3, 5, 7 и 9 лет. Просили у него счастливой жизни.

4. Пака-лягушка. Дух-помощник шамана. Если у шамана во время камлания разрывался берестяной туяс (сосуд), в котором находилась жертвенная брага (абырткы), лягушка затыкала дыру.

5. Узы тоңгыл кäр балык. „С прожорливым ртом Кер балык“.[4] Этот дух — сын водяного хозяина (Суу-äзі).

5а. Jäр-земля. Поперечная полоса, с ломаной линией посередине, делящая рисунки бубна на две части, изображает землю с горами.

---

[1] Ср. Словарь Вербицкого, стр. 309 „сунгур“ и стр. 313 „сўмер“.

[2] Ср. с „äжік äзі“ шорцев (дух-хозяин порога). Он почитался и у алтайцев. У последних в связи с этим нельзя было садиться на порог, особенно в жилище шамана и зайсана. Ср. также „Ясу“ Чингис-хана, каравшей смертью человека, осмелившегося сесть на порог в ставке хана.

[3] Адам Бурул — обожествленный начальник телеутов. См.: А. Анохин. Шаманизм у телеутов. Сиб. жизнь, 1916, № 253.

[4] Соответствует шорскому „кёр-пос“ — балык-рыба.

Верхняя часть бубна

6. Парбак башту баj чаалдар. Богатые березы с густыми ветвями.

7. Оротj тäңräräзiнiң бос буралар. Күн-дä, ajда шajгырту[1] „Ойротских небесных духов серые буры, гремящие при солнце и при луне". Это изображение шаманских духов ойротов. Их стали помещать на телеутских бубнах после того, как один телеут, возвращаясь на родину через Горный-Алтай заблудился и, чтобы не умереть с голоду, питался шкурами жертвенных лошадей алтайцев оставленных после жертвоприношения в лесу на жердях, прислоненных к березам. При этом заблудившийся телеут дал обещание, в случае благополучного возвращения на родину, почитать этих духов и приносить им жертвы. По возвращении на Бачат телеут выполнил обещание и завещал выполнять его своим соплеменникам. С той поры на шаманских бубнах стали помещать изображения ойротских духов, точнее алтайских.

8. Мундус баjаназынынг Кара буразы. „Вороная бура Баjана родового духа покровителя сеока Мундус". Его еще называют „Тотоj täңräзi", т. е. „небесный Тотой". Этому духу перестали камлать, потому что он прострелил уши лошади творца и за это его творец проклял (jajaчiн атаның äкi кулагы ўзä атканан аны карҕалкан. Онын учун мыны камда баjтан). Изображение же его на бубне оставили.

9. Кызыҕан täңräзңiнiң кызыл буразы. „Саврасая бура духа Кызыгана," живущего на 9-м небесном слое (кат), родового покровителя сеока Меркит.[2] Когда шамана приглашали камлать к человеку из сеока Меркит, то шаман обращался именно к этому духу.

10. Тумат täңräзңiнiң бос буразы. „Серая бура духа Тумат", живущего на 12-м небесном слое, родового покровителя сеока Тумат.

11. Каныҕ кобчы кужы кан Карлыгы. „Вещая птица — вестник Кырлыка". Служит осведомителем о людских делах Кургай-хану.

12. Семь птиц, охраняющих Täöi-хана или äркäi-хана („чамҕылкуштар"). Эти птицы не пускают шамана к Теой-хану, клюют шамана, рвут когтями. Шаман обычно старался их поймать и посадить в клетку „Куш-торы". Эти же птицы защищают и Кургай-хана, живущего на следующем небесном слое.

13. Куш-торы — сетка мешок. При камлании шаман также подвешивал на улице у двери кусок невода, изображавшего клетку Куш-торы.[3]

14. Jäс тырмактў кара-куш. Ўлгäнiң кужы баj Мўркўт. „С медными когтями черная птица — богатый (большой) беркут Ульгеня".

---

[1] Бура — осмысляемые в последнее время как „небесные кони", представляли первоначально диких рогатых животных (лося, марала, оленя и др.). См. мою работу „Следы тотемистических представлений у алтайцев". Советская этнография. 1935, № 5—6.

[2] Духи отдельных сеоков (родов) телеутов представлялись живущими обособленно на отдельном небесном слое.

[3] Изображение „невода" на бубне зафиксировано Г. Н. Потаниным для бубна, конфискованного полицией близ г. Кузнецка. См. „Очерки Северо-западной Монголии", т. IV, стр. 46. Видимо, бубен этот был телеутский и „невод" изображал „Куш-торы".

15. Сабыр бічік. Письмо-книга. Книга законов — решений Ульгеня. Шаман заставляет своих духов смотреть в нее и предсказывает судьбу человека, по просьбе которого он камлает.

16. Тäңäрä тöзöнің саkчызы. Ӱlгäнің улы баj Соjот. „Бай-Сойот — сын Ульгеня, хранитель основания неба“.

17. Тäңäрäнің куры. „Опояска неба“. Ол äмäзä солоң. Она же и радуга.

18. Алты катта Аj-ада. „Отец месяц (луна) на шестом небесном слое (находящийся)“.

19. Аj Чолмоны. Вечерняя звезда (зарница).

20. Jäтті катта кӱн-Ене. „Мать солнце, на седьмом небе (находящаяся)“.

21. Кӱн чолмоның. Утренняя звезда (зарница).

22. Ӱч āрка. Созвездие Орион.

23. Jäтігäн. Созвездие Большой Медведицы.

24. Ӱlкäр. Созвездие Плеяды.

25. Jылдыстар. Звезды. Наносятся для изображения небес.

26. Онjäтті канын-тарам jол. „Перекресток дорог, ведущих к различным 17 духам.

27. Барстаң чокыр ат тäjтäн. Камның „тың бура“, барс äнäзі баj Ӱlгäн ончозынаң jāн баjназы он бäш таптылу. „Пестрый (или чубарый) ездовой конь барса, кама (шамана) «душа-бура». Мать барса богатый Ульгень, высшее божество, живущее на 15-м небесном слое“. Значение этого рисунка шаман обычно держит в тайне и не произносит в присутствии кого-либо слова обращения к нему, ибо связывает с ним свою жизнь. Осведомители сообщили мне, что если кто-либо узнавал слова призывания к этому духу — „душе шамана“, он мог легко погубить шамана. Для этого нужно было сделать из сырой шкуры лоскут, привязать его к березовому суку и крутить, говоря при этом: „из такого-то (имя рек) кама выкручиваю душу“, и шаман якобы после этого вскоре умирал.

Если сравнить рисунки описанного бубна шаманки Марфы Тодышевой с рисунками на бубнах шаманов Канакая и Пöдöк'а, описанных Н. П. Дыренковой, то необходимо признать устойчивость рисунков телеутского бубна, подчеркнутую Н. П. Дыренковой. Наряду с этим, можно отметить и некоторые отклонения и дополнения, выявляющиеся в толковании этих рисунков нашими осведомителями. Эти указания относятся преимущественно к верхней части бубна.

Прежде всего на бубнах, находящихся в МАЭ, отсутствует изображение звезд („jылдыстар“), обозначающих небесный свод, и не встречаются рисунки созвездий: Ориона, Большой Медведицы и Плеяд. К названию солнца в моих записях добавлен эпитет „мать“ и указано на пребывание „матери солнца“ на 7-м кат'е (небесном слое). В отношении месяца прилагается эпитет „отец“ и местоположение отца-месяца указано на 6-м кат'е.

Утренняя зарница названа у Дыренковой „таң чолмон“, а вечерняя „äңір-чолмон“; в моих записях даются соответственно названия „күн чолмон“ и „ај-чолмон“ (т. е. звезда солнца и звезда месяца), что смысла не меняет.

Радугу телеуты еще называют „опояской неба“. Семь или иногда девять (Дыренкова) птиц „чамҷыл куштар“ являются охраной Теой-хана, (он же Эркей-хан), а также его соседа Кургай-хана. Они нападают на шамана, но он ловит их и помещает в клетку „Куш-торы“. Н. П. Дыренкова говорит, что это птицы Ульгеня, хотя из текста обращения шамана (приведенного у нее же) к этим птицам „äркäі канның чамҷыл куштар“ видно, что они имеют отношение к Эркей-хану, который должно быть является Ульгенем. Обращу внимание и на дополнительную характеристику птицы „кан-Карлык“, разведчика шамана, как называет ее Н. П. Дыренкова. Эта птица является также осведомителем Кургај-хан-а.

Более существенными по своему значению являются мои дополнения к характеристике рисунков „бура“ — коней, как безоговорочно их называет Н. П. Дыренкова. Толкование рисунка „бура“ как „небесных коней или как „коней шамана“ — довольно позднее осмысление, отразившееся на характере их изображения на бубне (в виде коней) только у телеутов, в то время как шорцы, челканцы, кумандинцы, тубалары, алтайцы продолжают изображать „бура“ рогатыми животными. Поскольку это показано мной в другой работе, я обращаю здесь внимание на другое обстоятельство, не выявленное или упущенное Н. П. Дыренковой. Я имею в виду локализацию этих „бура“ на определенных небесных слоях (кат) и связь каждого из них с определенным сеоком-родом. Так, красная бура — „Кызыҷан täңäрінің кызыл буразы“ является родовым покровителем телеутского сеока „Меркит“, живущим на 9-м небесном слое. „Черная или вороная бура (кара-бура) — признавалась за родового покровителя сеока Мундус, а „бос-бура“ (серая бура) за покровителя сеока Тумат. Я придаю этим материалам важное значение, так как в этом вижу следы древнего родового культа, связанного с поклонением рода отдельным животным, культа почитания родом-сеоком своего родового покровителя-животного, который изображался в виде „бура“ на родовом шаманском бубне.[1] В связи с разложением родового культа, в связи с превращением шамана из родового в шамана общего для ряда родов, была сделана уступка силе традиции родового культа. Это выразилось в том, что на шаманском бубне, когда он перестал быть родовым и с ним стали обслуживать религиозные нужды не только родственников-сородичей, но и чужеродцев, стали наносить изображения родовых покровителей (животных „бура“) разных родов-сеоков, расположив их по небес-

[1] См. мою работу „Оживление шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая“ где говорится, что и бубен шаманский у алтайцев был в свое время родовым. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, т. I, 1947.

ным слоям. С таким „синтетическим“ бубном шаман мог отдавать дань и традициям родового культа разных сеоков. Размещение духов отдельных сеоков по слоям небес раздельно отразило, видимо, и былое обособление сеоков в их расселении. Одним словом, здесь можно видеть только лишнее свидетельство в пользу того, что родовые культы на Алтае гораздо древнее шаманства, что шаманы в значительной мере усвоили и соответственно переработали эти древние культы. Отсюда, как мне представляется, правильнее объяснить рисунок „ойрот тäңäрäзінің бос буралар“, т. е. „ойротских небесных серых коней“, так же как „бура“ покровителей сеока Ойрот,— встречающийся у телеутов.[1] Легенда, объясняющая происхождение этого рисунка, приведенная мной выше, является, по-моему, поздним осмыслением этого рисунка, название которого так созвучно названию недалеко находящейся от телеутов Горно-Алтайской Автономной Области, носившей в то время название Ойротской Автономной Области. Кстати, самое название этого рисунка древнее, чем наименование Ойротской Автономной Области. Рисунок этот под названием „ойрот täңäрä“ упомянут и у Н. П. Дыренковой для обоих описанных ею бубнов, приобретенных А. В. Анохиным в 1912 г., т. е. за 10 лет до возникновения названия Ойротской Автономной Области.

Из других различий в рисунках описанных бубнов отмечу, что Н. П. Дыренковой описан в верхней части бубна рисунок „трех железных лиственниц“, у меня же это — „густоветвистые священные березы“. У шорцев, челканцев, кумандинцев, тубаларов и алтайцев этот рисунок так же толкуется как изображение березы. Несомненно, что первоначально здесь изображалась родовая береза, из которой делалась рукоятка бубна,[2] подобно тому как на бубне изображалось животное, шкурой которого был обтянут бубен. Железные лиственицы — это уже мифологический образ, созданный шаманами. Это — новое, шаманское осмысление старого образа.

В пользу моего предположения говорит и другое название этого рисунка, также приведенное и Н. П. Дыренковой, это — „üч баj каjың“, т. е. „три богатые (развесистые) березы“.

Описанный тип бубнов с рукояткой „барс“ был у телеутов единственным, других бубнов телеутские шаманы не имели. Не было по словам телеутов также различий между бубном шамана и бубном шаманки ни в форме, ни в рисунках. Женщина шаманка у телеутов могла камлать высшему божеству Ульгеню, что не разрешалось, например, у кумандинцев. Как и у других народов Алтая, шаманы у телеутов получали шаманских духов и бубен от предков шаманов как с отцовской, так

---

[1] Г. Н. Потанин пишет, что он нашел у алтайцев сеок — „ойрот“ (см.: Очерки Северо-западной Монголии, т. IV, стр. 2).

[2] Воспоминание о родовой березе для шорцев приводит и Н. П. Дыренкова (См. Шорский фольклор). Ср. мою работу „Оживление шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая“. Труды Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, т. I, л. 1947.

и с материнской стороны (по мнению моих осведомителей, чаще с материнской).

Будущий шаман, по внушению своего предка, объявлял родственникам о том, что ему нужно сделать бубен, и указывал, что у такого-то человека имеется лошадь — кобыла такой-то масти и таких-то примет, что у нее есть жеребенок-сосунок, шкуру которого и следует взять на обтяжку бубна. Далее он указывал, где и каким образом взять подходящий кусок таволожника (*Spirea altaica*) для изготовления колотушки к бубну, и сообщал, сколько бубнов у него будет в течение жизни и сколько лет он будет камлать каждым бубном. Таким образом, мои осведомители отметили практиковавшийся за последнее время отход от старинного обычая, по которому телеутский шаман до изготовления первого бубна должен был сначала сделать колотушку и некоторое время камлать с ней. Этот обычай точно соблюдался до последнего времени у кумандинских шаманов, где до изготовления первого бубна шаман камлал только родственникам, с куском холщевой ткани, квадратной формы, называемой „алаас".

Обтягивание бубна шкурой жеребенка допускалось потому, что шкуру дикого животного — курана (*Capreolis pygargus* Pall.), т. е. самца козула, или марала, было трудно достать. Требование же употребить на обтяжку бубна шкуру жеребенка „сосунка", т. е. еще кормящегося молоком матери, мне объяснили тем, что именно такая шкура придавала бубну звучность при ударах во время камлания.

При изготовлении первого бубна собиралось много народа — родственников и чужих — мужчин и женщин. Прибывшие на эту церемонию одевались в лучшие одежды. Лучшей для этого случая считалась свадебная одежда. Участники празднества приносили с собой вино и различное угощение, чтобы помочь шаману „прокормить всех", кроме того дарили шаману деньги. Таким образом, изготовление шаманского бубна телеутов носило общественный характер и в расходах по устройству этой церемонии участвовали все присутствующие, в первую очередь родственники, которые помогали шаману делать новый бубен трудом, продуктами и деньгами. Делали бубен и колотушку в течение одного дня, ибо отдельные части бубна приготовлялись заранее. Обечайку гнули из кедрового дерева также для бо́льшей звучности бубна. Если обечайка гнулась легко и хорошо — это служило приметой долголетия шамана. Рукоятку бубна делали обязательно из куска растущей березы. Сухостойное или срубленное дерево находили для этого неподходящим, объясняя тем, что рукоятка бубна должна была быть „живой" и поэтому ее нужно было делать из „живой", т. е. растущей березы. Железные части бубна брали с бубна, находящегося на могиле шамана предка. Если этого по какой-либо причине нельзя было сделать, их заказывали кузнецу по указанию шамана. Разрисовку бубна производили только мужчины, умеющие рисовать. Когда бубен, как утверждали мои осведомители, был обтянут и разрисован, им обязательно должны были камлать все присутствующие, символизируя былую общность бубна как орудия

культового действия. После этого бубен брал сам шаман и отправлялся показывать его своим духам покровителям и помощникам. Таким образом, по моим данным, присутствующие камлали с разрисованным бубном, как это делали при изготовлении бубна челканцы, тубалары и алтайцы правобережья Катуни. По сообщению же Н. П. Дыренковой, присутствующие на празднике камлали с бубном до его разрисовки. Я отметил камлание с шаманским бубном участников торжества до разрисовки бубна только у шорцев и кумандинцев. Характерно, что у телеутов не оживляли бубен, как это делали шаманы шорцев, кумандинцев, челканцев, тубаларов и алтайцев. Мои осведомители объясняли это тем, что рукоятку бубна не оживляли потому, что она делалась из живой березы, следовательно, была живая. Однако почему не оживляли шкуру жеребенка — объяснить не могли, хотя высказали предположение, что этого не делали потому, что это был жеребенок, а не „зверь". Мне сообщили, что оживляли колотушку бубна, которая обтягивалась шкурой курана. Видимо, былое оживление бубна, когда он обтягивался только кожей дикого животного, теперь заменили оживлением колотушки. После показа бубна покровителям шамана с ним мог камлать только шаман. Праздник по случаю изготовления бубна длился до 3 дней.

Телеутские шаманы, по собранным мною материалам, имели в течение своей жизни от 3 до 9 бубнов, делая их по очереди по мере истечения срока камлания каждым бубном, назначаемого духом-покровителем шамана (обычный срок камлания для бубна — от 3 до 5 лет). Некоторые шаманы, получившие определение от своих духов иметь в жизни малое количество бубнов, делали еще дополнительные бубны тайно, как выразился по-русски один из моих осведомителей, „воровские бубны". Такие бубны делались шаманом без участия широкой публики и их шаман не показывал духам-покровителям. Делал дополнительные бубны шаман с единственной целью продлить свою жизнь, исчислявшуюся количеством бубнов, предназначенным духом-покровителем.

Колотушка к шаманскому бубну делалась из такого таволожника, у которого ветки на стволе росли пучками из одного узла не менее трех. Во время камлания шаман оживлял курана, шкурой которого была обтянута колотушка. Шаман в это время имитировал курана (самец козули). Он бегал по помещению и изображая, как куран ест траву, пьет воду, лижет солонец, подражая голосу и движениям курана. Во время оживления курана шаман произносил особое обращение к „хозяину" колотушки.

Со смертью шамана разрушали и его бубен. Над могилой захороненного шамана кто-либо из мужчин со всей силой бил колотушкой по бубну покойника до тех пор, пока кожа не прорывалась от ударов. При этом произносились следующие слова: Алты өркөштӯ ак аданын[1] — „С шестью горбиками твой белый бубен". Ак чāлқа чілäнäргä-јат — „На белую березу вешаются". Алтын тӯ[2] онјätті каныӈ тарам јолго чачыралқа-

[1] Название бубна во время камлания.

[2] Аллегорическое название для колотушки во время камлания, означает буквально „золотая гора".

jat — „Ленты твоей колотушки на 17 дорогах ханов рассыпаются". Из разорванного бубна извлекались железные части и вместе с обечайкой привязывались к березе у могилы. Ленты, в количестве 17, пришитые к колотушке, отрывались и разбрасывались около этой же березы. Мне пояснили, что телеуты шаманисты верили раньше в то, что если не разрушить бубен, умерший шаман каждую ночь камлает со своим бубном и бьет в бубен с такой силой, что не дает никому спать, наводит страх и беспокоит своих соулусников.

Среднеазиатские кувшины для растительного масла

В. В. Екимова

Среди коллекций Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР[1] имеются кувшины для растительного масла, употреблявшиеся оседлым населением Средней Азии — таджиками и узбеками.

Кувшины эти, изготовлявшиеся местными кустарями из водонепроницаемой массы, были легки и прочны. До прихода русских в Туркестан, при отсутствии дешевой стеклянной посуды, они имелись буквально в каждом доме, но и в последующий период, вплоть до революции, имели еще большое распространение, особенно среди беднейших слоев населения. Как у таджиков, так и у узбеков они сохраняли одни и те же формы двух типов: 1) низкий сосуд, приближающийся к форме чайника — сосуды этого типа обычно имели приспособление для подвешивания и иногда ручку; 2) более высокие сосуды типа кувшина, у которых ручка обычно идет от верхнего края горла до начала расширяющейся части сосуда. Сосуды обоих типов имеют носок для наливания масла (рис. 1 и 2).

Устные объяснения, которые мне приходилось слышать в Узбекистане, о том, из какого материала делаются эти сосуды, были различны. То же приходится констатировать и при просмотре описаний этой посуды собирателями музейных коллекций, что отразилось в свою очередь и на научной регистрации, проводившейся музеем. Так, под №№ 3540-48, 49 значится: „кувшины из ослиной кожи“, под № 340-1: „кувшин для масла из бумажной массы“, под № 3324-1: „кувшин для масла из коровьего помета“, под № 3294-38: „кожаный кувшин для масла“, под № 3294-34: „техника изготовления неизвестна“ и т. п. В бывшем этнографическом отделе Русского Музея (ныне Государственный Музей этнография в Ленинграде) долгое время давалось объясне-

[1] Коллекции №№ 340-1, 3294-34, 35; 3324-1; 3540-48, 49; 3533-110, 111, 112, 113, 114, 115; 365—5—43, 44, 45, 46, 157; 3869-5.

ние, что эти кувшины делаются из обрезков лошадиных и ослиных копыт.

Литература по этому вопросу не обширна. Краткие данные имеются в работе М. И. Бродского „Технические производства в Туркестанском крае" (Приложение к промысловому альбому Туркестанского края. СПб., 1895, стр. 83). Сведения эти так невелики, что я позволю себе привести их полностью: „Посуда «яг-кузя» выделывается из особой массы, составляемой из шубного клея[1], глины, золы, овсяной муки и шерсти. Хорошо перемешав составные части этой массы, из нее формуют посуду, которая, после того как она просохнет, обклеивается с наружной стороны пузырем или тонкой пленкой кожи, получаемой на кожевенном заводе при обработке кож. Масло в этих сосудах не просачивается".

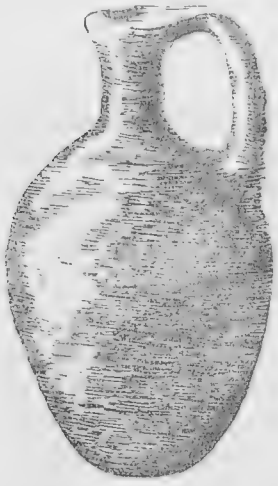


Рис. 1. Кувшин из мездры № 3633-110.

В статье. И. Назарова „Кустарные промыслы в Ташкенте", „Иохчувачи" (газета „Русский Туркестан", 1902, № 198) довольно подробно описывается изготовление сосудов „иох-чува" в Ташкенте. Материалом для них, по словам автора, служат „тараш" кожаная стружка) и камышевая зола. Из этой массы делают тесто и накладывают его на глиняную необожженную, но высушенную болванку в два слоя.

В статье О. Коржинской (рукопись) эти сосуды называются „чала". Об их изготовлении говорится, что они „делаются из мездры ослиной кожи", причем эта мездра „валяется как войлок, затем раскатывается и тонким слоем накладывается на форму".

Итак, в трех работах указываются три различные техники выполнения этих сосудов: 1) валяние массы как войлока и раскатывание; 2) формовка посуды из особо приготовленной массы и оклейка пузырем или тонкой кожей и 3) накладывание эластичной массы на форму.

Различны и самые названия сосудов: в работе Коржинской — „чала", у Бродского — „яг-кузя", у Назарова — „йох-чува". Такое разнообразие описаний изготовления этих сосудов и послужило поводом для опубликования настоящей статьи.

В бытность мою в Хорезме в 1930 г. я наблюдала процесс изготовления сосудов этого типа в деревне Туркестан Ханкинского района Узбекской ССР, где один из дехкан, Уда Адамбаев, еще занимался их изготовлением. Это был бедняк-дехканин, тогда еще единоличник, имевший небольшой клочок земли и прирабатывавший тем, что вместе со своей женой изготовлял посуду для масла и керосина дехканам окрестных кишлаков. На рынок (за 3 километра в г. Ханки) он выносил свою

[1] „Шубный клей — мездреной клей, клейкое вещество, добываемое выварюю из обрезков кожи". Настольный словарь Толля, том, II, стр. 829.

продукцию редко, обычно же продавал ее дома, а чаще всего делал по предварительному заказу соседей. В его мастерской я подробно ознакомилась со всеми этапами работы. Они почти совпадают с описанием И. Назарова о приготовлении этой посуды в Ташкенте. Сосуды эти в Хорезме называются „jag kuza" и „май добле", а также „qoṣalaq" „кошалак" или „qoṣaq" „кошак". Мастерская Уда Агамбаева представляла собой маленькую комнату с дверью на улицу и одним окном. У окна помещался стол и перед ним ножной гончарный круг обычного типа. Уда Агамбаев был одновременно и „хумбузчи" и „иаг-кузачи" — jag kuzaci (гончар и мастер, изготовляющий сосуды для растительного масла). На полу мастерской стояли две больших чашки „тагарык" с тестообразной массой для сосудов. Эта масса была трех оттенков: белая, грязносерая и почти черная. Материалом для этой массы служит „тараш" — мездра, которая снимается кожевниками при обработке кожи ишака и лошади. Верхний слой этой мездры обычно бывает очень грязный, с примесью проса, которым пересыпают кожи при обработке. Второй слой почище, но также с примесью проса, и третий слой совершенно чистый. Мездра обычно покупается пополам, ослиная и лошадиная, у кожевников — „сагрычи". Первый сорт стоил 60 руб. батман (20 кг), второй сорт — 40 руб. и третий грязный — 30 руб.; каждый сорт приготовляется отдельно.

Масса для сосудов приготовляется следующим образом: 5 кг „тараша" заливаются 1—$1^1/_2$ ведрами воды и оставляются стоять в течение 12—15 часов. Когда масса разбухнет, ее вынимают, отжимают и месят ногами в течение 4—5 часов, пока она не станет гладкой и совершенно эластичной. Никаких примесей к мездре (как-то: глина, камышевая зола, мука, шерсть) в Хорезме не кладется, отчего посуда получается очень тонкой.

Прежде чем начать делать из „тараша" посуду, мастер изготовляет глиняную форму „кулуп", делает обычным способом на ножном гончарном станке форму кувшина без носка и ручки; формы эти не обжигаются, а подсушиваются в течение 2—3 дней на крыше дома на солнце. Когда форма подсохла, мастер приступает к изготовлению сосуда из „тараша". Он берет третий сорт теста, грязного, почти черного, с большим количеством проса, ровным слоем накладывает ни глиняную форму „кулуп". В том месте, где должен быть носок, мастер вставляет цилиндрическую палочку и также обволакивает ее тестом. Наложенная на форму масса выравнивается при помощи тряпки или куска войлока; непокрытым остается дно, на которое мастер и ставит сосуд сохнуть на солнце на крыше дома. Сохнет сосуд обычно в течение 3—7 дней, смотря по погоде. Когда сосуд подсох, массу накладывают на дно, и сосуд вновь ставят сохнуть, но уже горлом книзу, вверх дном. Во время работы мастер обтирает руки куском мыла, чтобы масса лучше отставала от рук. Когда сосуд совершенно высох, мастер приступает к дальнейшей работе. Если у сосуда должна быть ручка, то прежде всего поверх первого слоя массы делается ручка из глины. Ручка при-

крепляется к первому слою массы для того, чтобы изолировать пяточку ручки от масла, которое впоследствии будет храниться в сосуде. После этого весь сосуд, с носком и ручкой, покрывается тонким слоем массы, сделанной из первого или второго сорта „тараша“[1] (рис. 3). Слой из массы первого сорта часто бывает так тонок, что его легко можно принять за оклейку сосуда тонкой кожей или пузырем, что и вводило в заблуждение исследователей. Для удешевления посуды верхний слой делался из массы второго сорта „тараша“, где часто также попадается просо, но в меньшем количестве, чем в третьем сорте. В этом случае от выступающих крупинок проса поверхность получалась негладкой и требовала зачистки пемзой. Сосуд, покрытый вторым слоем массы, сохнет еще 3—5 дней. Когда сосуд хорошо высох, мастер берет толстую палку или деревянный молоток

Рис. 2. Кувшин из мездры № 3540-49.

Рис. 3. Кувшин, изготовленный на болванке.

и бьет по сосуду. Глиняная болванка ломается, крошится и мастер постепенно выкидывает ее всю из середины сосуда, остается глина только в ручке. Затем мастер проталкивает цилиндрическую палочку из носка внутри сосуда.

Края горлышка и носка выравниваются ножом, затем сосуд, если нужно, зачищается пемзой, о чем свидетельствуют беловатые крапинки, остающиеся на сосуде. Когда сосуд совершенно готов, его смазывают соком плодов джиды (Eleagnus hortensis), слегка разбавленным водой, чтобы он не был очень густым. Сок джиды должен пропитать верхний тонкий слой сосуда, состоящий из высшего сорта массы — первого, а иногда второго. Слой из первого сорта становится прозрачным и от этого еще более напоминает оклейку сосуда пузырем.

---

[1] Образцы последовательной обработки сосудов из тараша привезены мной в Гос. Музей этнографии.

Таким образом, каждый сосуд состоит из двух слоев; отсюда название его у мастера в Хиве „кошалак" — два сросшихся предмета, или „кошак" — соединенный, спаренный. Так, в условиях примитивной техники, на основе древнего гончарного производства, народное творчество нашло в отбросах кожевенного производства дешевый материал для изготовления крайне необходимой посуды для хранения масла — одного из основных элементов питания земледельческих народов Средней Азии.

Работают „кузачи" только в течение четырех летних месяцев, когда нет дождей, и сосуды можно легко сушить на крыше дома. О заработке судить в настоящее время трудно, так как спрос на эту посуду уже в 1930 г. был невелик. Так, на базаре в Хиве, по моим наблюдениям, в течение всего дня ни один сосуд не был продан. Судя по тому количеству массы, которая была у мастера, тоже нельзя было вывести заключения о большом производстве. То небольшое число сосудов (пять—шесть), которые были вынесены на базар в Хиве, было сделано этим же мастером, но продавались они, видимо торговцами, так как цена на базаре была выше, чем у самого мастера, и продавец очень неохотно сказал нам адрес мастера лишь после того, как его об этом усиленно просил мой проводник-хивинец. Изготовление сосудов Уда Адамбаевым являлось в то время пережитком когда-то широко распространенного ремесла.

Наибольшее распространение имеют сосуды для масла типа кувшина с носком и ручкой — „як-куза" среднего и малого размера. Прежде делались еще сосуды большого размера — на пуд и больше — для хранения больших запасов масла.

Кроме посуды для масла, прежде изготовлялись еще чашки для весов, для взвешивания растительного масла и черпаки для маслобойного производства.

Все имеющиеся в музее сосуды для растительного масла типа „кашалак" можно разделить на три группы, различающиеся по толщине внутреннего слоя. К первой группе относятся узбекские сосуды с очень тонким внутренним слоем, как например, сосуды № 340-1, 3294-34, 35, 3540-48, 49.[1]

Иногда верхний слой этих сосудов так тонок и прозрачен, что, если бы я не видела таких сосудов в производстве у Уда Адамбаева, и я бы могла принять его за слой пузыря.

Ко второй группе относятся таджикские сосуды с очень толстым и рыхлым внутренним слоем, как например, сосуды №№ 3655-44, 157 3637-112.[2]

И, наконец, к третьей группе относятся таджикские сосуды, внутренний слой которых вдвое тоньше, чем у второй группы, но значи-

---

[1] Институт этнографии Академии Наук СССР

[2] Там же.

тельно толще, чем у первой, причем он менее рыхлый; к этой группе относятся сосуды №№ 3655-43, 45, 3633-114.[1] Если в других местах Узбекистана и Таджикистана и употребляются какие-либо примеси к массе,[2] из которой делается внутренний слой этой посуды, все же основным материалом, не дающим просачиваться маслу, является верхний слой из „тараша", и мы имеем все основания называть их сосудами из „тараша" — мездры.

---

[1] Там же.

[2] Как это, например, указывается в работе Назарова.

Фигурки предков племени бари

Д. А. Ольдерогге

В Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР находятся коллекции известного русского путешественника В. В. Юнкера. По возвращении из своего путешествия к верховьям Нила В. В. Юнкер передал в дар Музею все свои собрания. Наиболее значительная и лучше всего составленная часть его коллекций была им собрана среди племен северо-восточной части Конго: у азанде и мангбету и среди племен верховий Нила, как-то: динка, бари, митту, бонго и др.

В числе предметов коллекции Юнкера имеется пять деревянных фигурок небольшого размера, сделанных довольно грубо. В описи, составленной самим собирателем, указано: „Бари. Пять деревянных фигурок. Их вешают в хижине в память об умершем".[1] Как известно, образцы скульптуры из этих районов представляют известную редкость, в особенности фигурки предков племени бари, ныне уже исчезнувшие.

Все пять фигурок, хранящихся в собраниях МАЭ, сделаны довольно примитивно, тем не менее каждая из них имеет свои особые черты. Фигурка № 5227-18 (рис. 1, *1*) наиболее примитивна. Как и все другие, она сделана из одного куска дерева. Голова имеет яйцевидную форму. Рот, ноздри, правый глаз и правое ухо обозначены углублениями. Слегка отмечены нос и подбородок. Уши имеют вид выступающих пластинок. Руки и ноги непропорционально малы по сравнению с туловищем и головой. На руках врезками отмечены пальцы. Колени обозначены выступами, пальцы ног — врезками. Крайняя примитивность обработки сказывается, между прочим, и в том, что левый глаз отсутствует. Удачно использовано расположение сучков. Человек, резавший фигурку, слегка обработал сучки, обозначив ими на туловище пупок и половые органы. С задней стороны фигурки обозначены ягодицы. Посередине спины видны остатки сквозного отверстия, в которое была продета веревка для подвешивания фигурки. Высота фигурки 24.7 см.

---

[1] Основная опись коллекций № 104, составленная В. В. Юнкером. При поступлении в Музей вся коллекция получила № 104, и все пять фигурок в течение долгого времени значились под № 104-86-5, одним для всех пяти фигурок. При перерегистрации коллекций Музея коллекция № 104 была разделена на несколько частей. Все предметы племени бари выделены были в коллекцию № 5227, и фигурки получили №№ 13, 14, 15, 16 и 18.

Фигурка № 5227-16 (рис. 1, *2*), как и предыдущая, имеет голову яйцевидной формы. Обработана она более тщательно. Все лицо в целом дано общей срезкой. Посередине оставлены выступы, обозначающие нос, верхнюю губу и подбородок. Глаза и ноздри обозначены углублениями. Своеобразно трактованы уши. Они сделаны в виде выступов, имеющих форму усеченной пирамиды, посередине их отмечено ушное отверстие. На туловище обозначены пупок и половые признаки. Талия очень низка. Как руки, так и ноги сделаны тщательнее. Левая рука, сохранившаяся полностью, имеет своеобразный вид: весьма условную трактовку ее можно видеть на рисунке. Левая нога обломана. Правая, сохранившаяся полностью, имеет типичный для африканской скульптуры изгиб ноги в колене. Вообще обработка ног напоминает образцы западно-африканской пластики. Высота фигурки —31.1 см.

Фигурка № 5227-15 (рис. 1, *3*), в отличие от всех остальных фигурок этой группы, уплощена. Голова яйцевидной формы. Надбровные дуги, нос и губы отмечены выступами. Глаза и ноздри обозначены углублениями. Трактовка ушей сходна с предыдущей статуэткой. На туловище отмечены пупок и половые органы. Руки не отделены от туловища, а обозначены лишь слегка в плечах, на сгибе локтя и в кистях. Ноги слегка согнуты в коленях. Ступня ноги имеет выступающую назад пятку деталь, типичная для западноафриканской скульптуры многих районов. Никаких следов врезов для подвешивания нет. На шее и посреди туловища сохранились обрывки шнурка, за который подвешивали фигурку. Шнурок этот укреплен петлей очень тщательного плетения, видно, что он сделан опытной рукой. Высота фигурки 29.1 см.

Фигурка № 5227-14 (рис. 1, *4*) сделана из очень светлого дерева, чем все остальные. Поверхность ее сглажена, что придает ей несколько иной вид, отличающий ее от всех предыдущих. Голова имеет шарообразную форму. Глаза и уши обозначены углублениями, сделанными острым ножом, в виде воронок. Ножевым врезом отмечен рот; между носом и верхней губой сделан второй врез, создающий впечатление как бы второго рта — так изготовитель фигурки хотел отметить нос. Этот прием встречается и на следующей фигурке № 5227-13, но там он имеет свое оправдание, здесь же чувствуется большая условность этого приема. Туловище не расчленено; прямой линией оно идет вплоть до бедер, посредине — пупок. Два коротких обрубка по бокам изображают руки. Расширение у бедер отмечено прямой линией. Ноги совершенно прямые: отмечены колени и половые признаки. На ступнях обозначены пальцы. Интересно, что ступни ног опущены книзу, как будто фигура должна изображать висящего человека. Эта деталь характеризует все фигурки этой группы. Сзади вдоль всей спины идет выступающее ребро. Посередине несколько сквозных отверстий для подвешивания. Следы ремешка сохранились в одном из них. Вокруг шеи, кроме того, имеются также остатки туго затянутого ремешка. Длина фигурки 31.7 см.

Фигурка № 5227-13 (рис. 1, *5*) во многом по стилю сходна с преды-

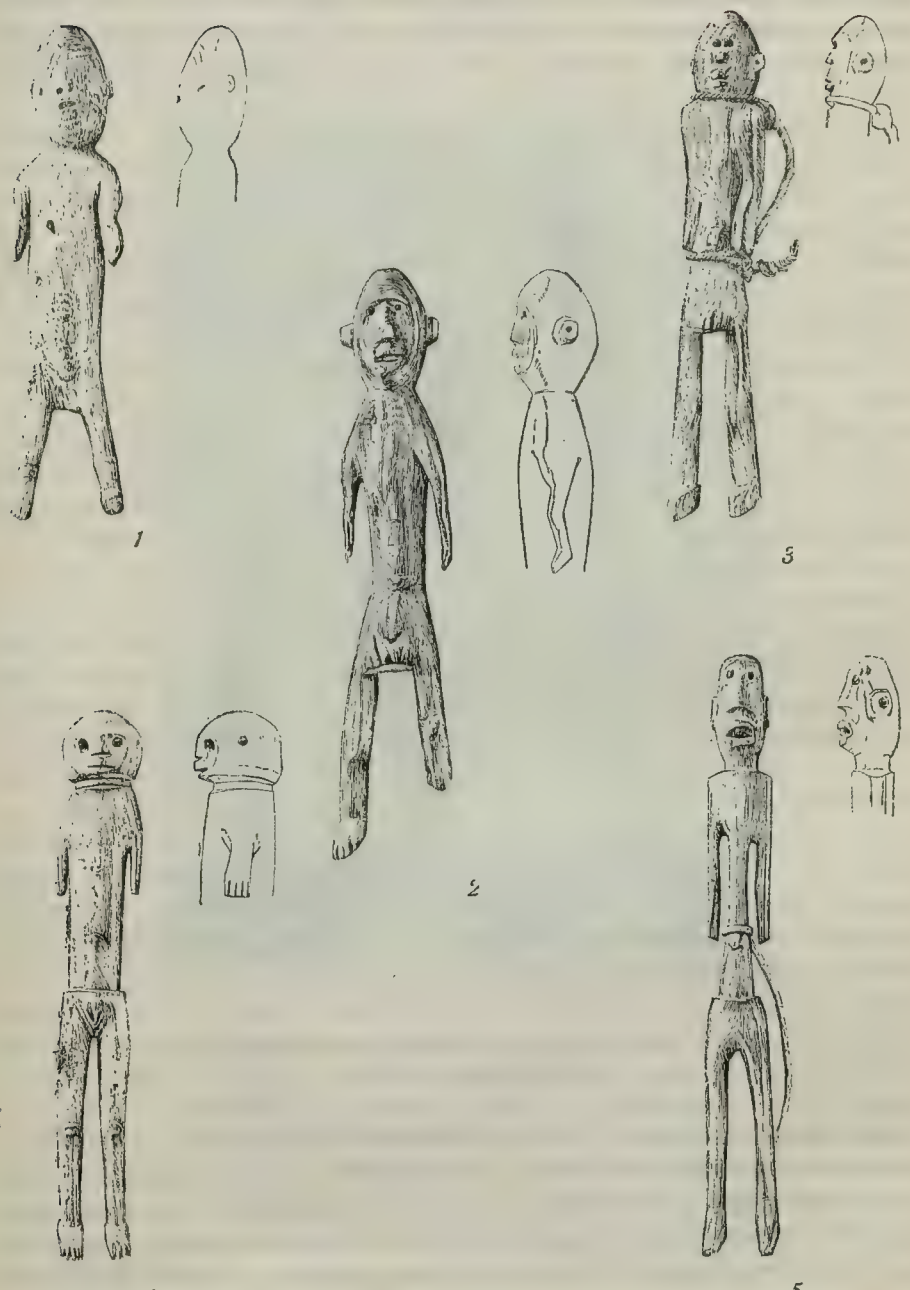


Рис. 1. Фигурки предков племени бари, хранящиеся в МАЭ.

1 — № 5227-18; *2* — № 5227-16; *3* — № 5227-15; *4* — № 5227-14; 5 — № 5227-13.

дущей, но обработана тщательнее. Особенно своеобразна голова фигурки; удлиненная кверху, по форме своей она сходна с яйцевидными головами первых трех фигурок, но обработана иначе. Между носом и ртом глубокий врез обозначает нос и отделяет верхнюю губу. Рот и уши глубоко врезаны. Губы и ушные раковины, трактованные

Рис. 2. Фигурки предков племени бари (Берлинский музей народоведения).

в виде колец, выступают. Ноздри отмечены углублениями. Глаза инкрустированы бусинами, одна из них сохранилась. Сохранился также один из верхних зубов, сделанный из кости и окрашенный в красный цвет. Туловище трактовано иначе, чем у предыдущих фигурок. Сверху оно не расчленено. Руки начинаются довольно низко. В этом отношении она очень сходна с одной из статуэток Венского естественно-исторического музея.[1] Локтевой сгиб отмечен легким врезом спереди. Пальцы рук не обозначены. Туловище тонкое, прямое; посредине отмечен пупок.

[1] Frobenius. Das Unbekannte Afrika, München, 1923, табл. 171, четвертая фигурка слева.

В бедрах расширение. Ноги прямые, коленный сгиб отмечен не так как обычно — выступом коленной чашечки, а наоборот — вырезом сзади. Прием тот же, что и в отношении локтевого сгиба. Пальцы ног не обозначены. Посередине фигурки укреплен ремешок для подвешивания. Общая высота фигурки 30.5 см.

К этой же серии относятся, повидимому, еще две фигурки, находившиеся в Берлинском музее народоведения. В описях этого музея отмечено, что они получены в подарок от В. Юнкера. На фотографии, полученной мной в 1930 г., изображены три фигурки предков племени бари (рис. 2). Вторая и третья из них — из коллекции Юнкера. Первая же — „неизвестного происхождения".[1] По стилю обе фигурки собрания Юнкера близки к вышеописанным, в частности третья фигурка во многом сходна с № 5227-13, а вторая — с №№ 5227-15, 16, 18. Самая высокая из приведенных на фотографии — фигурка „неизвестного происхождения" имеет одну особенную деталь — трактовку рук. Согнутые в локтях руки, плотно прилегающие к туловищу и частью слитые с ним, дают непомерно длинное плечо и чрезмерно укороченное предплечье — деталь эта встречается в скульптуре Судана и Камеруна.

Назначение фигурок не вызывает сомнений. Указание В. В. Юнкера, что все они изображают предков, подтверждают сообщения английского исследователя майора Стиганд. Он пишет, что бари „подвешивают в хижинах пенаты в виде грубо вырезанных деревянных фигур, которые изображают умерших родителей".[2] Современник Юнкера — Швейнфурт, посетивший Верховья Нила, несколько лет спустя также сообщает, что племена бонго, митту и племя соффи на р. Роль вешают фигурки умерших внутри хижин.[3]

Мне представляется, что фигурки предков племени бари, несомненно, связаны по стилю и назначению со скульптурой соседних племен, в частности со скульптурой племени бонго. Предполагать, как это делал Зелигман, миграцию бари, или части племени бари, из западной части Африки на основании наличия у бари этих фигурок — неосновательно. Несомненно, отдельные детали могут быть сближены с некоторыми чертами западноафриканской скульптуры, но в целом все известные нам образцы фигурок предков бари достаточно характерны и по форме своей, а главное по назначению, несомненно, связаны с монументальной скульптурой, воздвигаемой на гробницах многих племен верховьев Нила и Южной Абиссинии. В этом отношении интересны резные фигуры бонго, где фигурки, подобные изображениям предков племени бари (которые вешают в хижинах), сосуществуют с надгробными резными фигурами, известными, кроме бонго, у алуров, консо и других племен верховьев Нила и Южной Абиссинии. Таким обра-

[1] Инвентарные номера этих фигурок мне неизвестны.

[2] Stiganel. Equatoria, 1923, стр. 44. Цитирую по статье: Seligman. The Bari. Journal R. Anthrop. Institute, том 58, 1928, стр. 412, прим. 3. Это же подтверждается указаниями, что фигурки Венского естественно-исторического музея изображают предков.

[3] Schweinfurth. Artes Africanae, Leipzig, 1875, табл. VIII.

зом, фигурки бари являются не исключением, но связаны со скульптурой этих районов Африки.

Мнение, что нилото-хамитские и хамитские племена „лишены чувства пластики", в конечном счете основывается на представлении о культурном единстве хамитов, мнении, которое достигло своего крайнего выражения в работах Фробениуса. В одном из Сборников музея мною были описаны глиняные фигуры из Южной Абиссинии — пример „пластики хамитских племен". Несколько лет тому назад Енсеном, а незадолго до того Ходсоном, были изданы рисунки и фотографии с надгробных памятников консо. Примеры[1] эти показывают, что скульптура всех этих племен, во-первых, теснейшим образом связана с культом предков, и во-вторых, почти всегда изображает предков — мужчин. Все это характерно для отцовского рода племен этой части Африки.

[1] Jensen. Im Lande des Gada, Stuttgart, 1936; Arnold Hodson. Southern Abyssinia. Georg. Journal, v. 53, № 2, 1919, S. 70; Д. Ольдерогге. Глиняные фигурки из юго-западной Абиссинии. Сборник МАЭ. т. VIII, стр. 324.

Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР

В. В. Гинзбург и Е. В. Жиров

1

В 1938 и 1939 гг. А. Н. Бернштам производил раскопки Кенкольского могильника, интереснейшего исторического памятника на территории Киргизской ССР,[1] датируемого рубежом н. э.

Эти раскопки, помимо археологического, дали ценный антропологический материал, так как почти все обнаруженные скелеты оказались в хорошей сохранности, позволяющей определить физическое развитие, индивидуальные и расовые особенности захороненных субъектов.

Скелеты распределяются по курганам следующим образом (табл. 1).

Среди погребенных преобладает средний и пожилой возраст.

13 скелетов принадлежат мужчинам, 9 — женщинам и 2 — младенцам, пол которых по скелету определить не удается.

Большинство скелетов в хорошей или средней сохранности. Черепа (за исключением одного из 8-го кургана — № 5729-10) сохранились хорошо.

Эти раскопки представляют исключительный интерес, так как по Средней Азии мы до сих пор имеем вообще мало палеоантропологических материалов.[2]

Раскопанные А. Н. Бернштамом курганы совершенно аналогичны курганам, раскопанным в 1893 г. в той же местности Гейкелем.[3] Антропологические материалы из этих раскопок, хорошо сохранившиеся, были

---

[1] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1940.

[2] Сводки имеющихся материалов: Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Диссертация. Тр. Инст. этнографии. Новая серия, т. IV, 1948.

[3] H. J. Heikel. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Société finno-ougrienne. Travaux ethnographiques, VII Helsinki, 1913.

Таблица 1

	Курган и погребение	Инвент. № Музея антропологии и этнографии АН СССР	Пол	Возраст	Номера в таблицах
Материалы 1933 г.	Курган 54	5672-1	Мужск.	Maturus (40—60 лет)	9
	Курган 54	5672-2	Женск.	Adultus (25—35 лет)	
	Курган 55	5672-3	Мужск.	Juvenis (16—17 лет)	1
	Курган 55	5672-4	Мужск.	Adultus (25—30 лет)	3
	Курган 55	5672-5	Мужск.	Maturus (50—60 лет)	10
	Курган 56	5672-6	Женск.	Maturus (40—60 лет)	17
	Курган 57	5672-7	Женск.	Maturus (40—60 лет)	19
	Курган 54	5672-8	Женск.	Senilis (глубокая старость)	21
Материалы 1939 г.	Курган 2	5729-1	Мужск.	Maturus (ок. 50 лет)	6
	Курган 2	5729-2	Женск.	Maturus (40—50 лет)	15
	Курган 5	5729-3	Мужск.	Mat.-Sen. (ок. 60 лет)	11
	Курган 6	5729-4	Мужск.	Adultus (20—25 лет)	2
	Курган 6	5729-5	Женск.	Adultus (ок. 25 лет)	14
	Курган 6	5729-6	Неопред.	Infans I (ок. 20 мес.)	—
	Курган 6	5729-7	Неопред.	Infans I (ок. 12 мес.)	—
	Курган 7	5729-8	Мужск.	Maturus (40—50 лет)	5
	Курган 7	5729-9	Женск.	Maturus (ок. 50 лет)	18
	Курган 8	5729-10	Мужск.	Adultus (35—40 лет)	4
	Непотревоженное погребение, курган 9	5729-11	Мужск.	Mat.-sen. (ок. 60 лет)	7
	Непотревоженное погребение, курган 9	5729-12	Женск.	Mat.-sen. (ок. 60 лет)	20
	Курган 10 — катакомба	5729-13	Мужск.	Mat.-sen. (ок. 60 лет)	12
	Курган 10 — катакомба	5729-14	Женск.	Maturus (ок. 60 лет)	16
	Курган 10 — дромос	5729-15	Мужск.	Maturus (ок. 50 лет)	8
	Курган 10 — дромос	5729-16	Мужск.	Senilis (60—70 лет)	13

изучены Ретциусом[1] и представляются совершенно одинаковыми с изученными нами.

Интерес к данным материалам еще увеличивается тем, что на них резко выражена искусственная кольцевая деформация черепов, которой подверглись большинство из захороненных здесь субъектов.

Так как некоторые авторы (Ранке,[2] Шлиц[3]) категорически отрицали преднамеренность всякой деформации, отметим, что в некоторых случаях

[1] G. Retzius. Schädelbeschreibung. Société finnoougrienne. Travaux ethnographiques, VII, Helsinki, 1918.

Ranke. Ueber altperuanische Schädel von Ancon und Pachacamac. Abh. d. math.-phys. Class d. Königl. Bayer. Akad. d. Wissenschaft. 1900. Bd. XX.

[3] A. Schliz. Künstlich deformierte Schädel in germanischen Reihengrabern. Arch. f. Anthrop. N. F. 1905, Bd. III.

морфологическим анализом можно установить, что данная форма достигнута длительными, тщательными и, несомненно, обдуманными усилиями.

Кольцевая деформация обусловливается давлением, распределенным по поясам, которые охватывают голову в различных направлениях. Орудиями деформирования служат давящие повязки или тесно прилегающие к голове чепчики и шапочки. Следует различать две основных разновидности кольцевой деформации: высокую (так наз. „макрокефалию"), вызываемую лобно-затылочным поясом давления, и низкую, которая является следствием давления по поясу: темя — нижняя челюсть. Между этими двумя формами, реальность которых подтверждается их историко-географическим распространением, существуют, однако, бесконечные переходы. Наложение повязки по одному и тому же поясу вызывает резкие углубления в местах давления и сферическое компенсаторное выпячивание свода над ними. Если же по мере деформирования головы периодически, возможно ежедневно, перебинтовывать повязки, перенося их постепенно все выше, то череп может принять форму почти идеального конуса.

Вследствие кольцевого бинтования головы ребенка, на черепе образуется так называемое „позадивенечное вдавление" — поперечное углубление непосредственно сзади от венечного шва, предвенечный валик или бугор, повышается частота метопизма и т. д. Поэтому мы считаем необходимым представить материалы возможно полнее.

Для удобства пользования материалами описание скелетов и черепов мы даем в порядке их инвентарных номеров, под которыми они хранятся в музее.

В прилагаемых же таблицах материал разбивается по полу и возрасту.

Прежде чем приступить к частному описанию костяков, надлежит остановиться на методике исследования искусственно-деформированных черепов. Обычная программа наблюдений здесь явно недостаточна. Так, циркулярно-деформированные черепа, относящиеся к высокой разновидности, часто имеют коническую или цилиндрическую форму. Ось этого конуса, или цилиндра, располагается под более или менее большим, иногда прямым углом к горизонтали. Опистокранион помещается очень высоко, нередко впереди лямбды. Вершина конуса, как правило, располагается выше брегмы. Естественно, что наиболее характерным размером в этом случае будет расстояние от базиона до наиболее удаленной от последнего в медиано-сагитальной плоскости точки, которую мы назовем антибазионом. Так измеряли Анучин,[1] Харузин[2] и Вейсбах.[3]

---

[1] Д. Н. Анучин. О древних искусственно-деформированных черепах, найденных в пределах России. Изв. общ. люб. ест., антр. и этн., т. XLIX, 1887, вып. 4.

[2] А. Харузин. Древние могилы Гурауфа и Гугуша. Изв. общ. люб. ест., антр. и этн., т. LXIIV, 1890.

[3] Weisbach. Die Serbo-Kroaten der Adriatischen Kustenländer. 1884.

В описании мы будем различать следующие категории данного промера:

x—129 — малый
130—139 — средний
140—149 — большой
150—160 — весьма большой
161—x — огромный

Половой дифференцировки здесь, как и в последующих рубрикациях, мы не даем, так как для искусственно-деформированных черепов она не существенна.

Лобно-затылочное расстояние лучше всего выражается диаметром глабелла-инион, который приблизительно перпендикулярен оси конически или цилиндрически видоизмененного черепа. Отношение наибольшей высоты черепа (базион—антибазион) к последнему измерению дает представление о степени деформации. Именно мы различаем:

1) слабо-деформированные (гипомакрокранные) черепа с указателями x—89;

2) сильно-деформированные (макрокранные) черепа с указателями 90—99;

3) очень сильно деформированные (гипермакрокранные) черепа с указателями 100—x.

Это относится и к кольцевой и к лобно-затылочной деформациям. Разумеется низкие формы сюда не входят. Из вышеуказанного ясно, что окружность черепа следует измерять также через инион, а не опистокраний.

Здесь нужно отметить, что на искусственно деформированных черепах глабеллу нельзя определять согласно предписанию Мартина,[1] как наиболее выступающую вперед в медиано-сагиттальной плоскости точку на нижнем конце лобной кости. Такой точкой на циркулярно- и лобно-затылочных деформированных черепах будет назион, а на париетально-деформированных — часто метопион. Поэтому, следуя Швальбе, мы определяем глабеллу как вершину глабеллярного отрезка медиано-сагиттальной лобной кривой.

Весьма важное значение имеет характеристика строения лба. В описании использована следующая группировка угла профиля лба:

91°—x — лоб нависающий
86°—90° — „ прямой
81°—85° — „ наклонный
76°—80° — „ весьма наклонный
71°—75° — „ покатый
61°—70° — „ весьма покатый
x—60° — „ убегающий.

Уплощение лба отражается медиано-сагиттальным хордо-дуговым лобным указателем далеко не точно. Помимо степени развития над-

[1] R. Martin. Lehrbuch der Anthropologie, 1928.

переносья на этот указатель влияет также различная выраженность так называемого предвенечного валика. Поэтому гораздо предпочтительней употребление угла кривизны лба, за вершину которого, в отличие от общепринятой техники, мы постоянно принимали метопион, что имеет ряд преимуществ. Прежде всего, таким образом можно определить указанный угол без предварительного вычерчивания медиано-сагиттальной кривой. При установке черепа на краниофоре измеряются углы, образованные линиями назион-метопион и метопион-брегма. Сумма второго из этих углов и угла, дополнительного к первому, дает искомое. С другой стороны, высшая точка лобной кривой циркулярно-деформированных черепов зачастую помещается на предвенечном валике, что делает невозможным сравнение углов, полученных обычным методом. Углы меньшие 135° мы расцениваем как малые, от 135 до 145° как большие, от 145 до 154° как очень большие. При углах больше 155° имеет место чрезвычайная уплощенность лба.

При исследовании затылка внимание обращалось на сходные внешне, но весьма различные по происхождению признаки. Это, во-первых, уплощение всей затылочной области под влиянием затылочной деформации и, во-вторых, уменьшение кривизны затылочной кости в результате кольцевого деформирования, которое выражается соответствующим углом. Последний оценивается нами так:

x —119	— малый
120° —129°	— средний
130° —139°	— большой
140°— x	— очень большой.

Наклон оси свода циркулярно-деформированных черепов высокой разновидности, повидимому, в основном зависит не столько от положения повязок, которое не могло сильно варьировать, сколько от интенсивности затылочной деформации. Сильные степени последней часто комбинируются с кольцевой деформацией. Поэтому признак этот принципиального значения не имеет. Все же нами измерен угол наклона оси свода по Оттекингу.[1] Также определен угол, образуемый осью базион-антибазион с немецкой горизонталью. Его можно измерять без краниографирования при помощи аништек-гониометра, укрепленного на толстотном циркуле.

Добавим еще, что горизонтальная профилировка лица измерялась согласно Ву и Моранту. Таким образом, измерения, произведенные кроме описанных у Мартина, сводятся к следующим.

I. Расстояние от базиона до наиболее удаленной от него в медиано-сагиттальной плоскости точки (антибазион).

II. Окружность через глабеллу-инион.

III. Угол изгиба лобной кости с вершиной в метопионе.

---

[1] B. Oetteking. Craniologie of the North pacific Coast. Mem. of the Amer. of. Nat. Hist., v. 15, 1930.

IV. Угол наклона оси свода черепа по Оттекингу.
V. Угол наклона оси базион-антибазион к немецкой горизонтали.
VI. Высота корня носа по Ву и Моранту.[1]
VII. Высота носовых костей по Ву и Моранту.
VIII. Высота переносья над межглазничной линией.
IX. Высота Subspinale над средней шириной лица.

Что касается краниоскопии, то в данном случае приходится различать явления, непосредственно вызванные орудиями деформирования, и признаки, возникшие вторично. К числу первых относятся вдавления от повязок, которые, как правило, располагаются по окружности, проходящей через середину лба и верхнюю затылочную чешую. Они образуют непрерывный пояс лишь в исключительных случаях и бывают на отдельных участках выражены по-разному. Мы различали вдавления: 1) в медиальной области лба, 2) в латеральных частях лба, 3) на боковых стенках черепа, 4) в областях над астерионами и 5) на затылочной кости. Сюда же следует причислить упомянутое выше общее уплощение затылочной области, к которому, в случае его комбинации с кольцевой деформацией, можно подойти тоже только краниоскопически. Метрическая характеристика здесь невыразительна, так как сагиттальная кривизна верхней затылочной чешуи уменьшается также под влиянием кольцевого давления.

Уплощение затылка оценивалось 5 баллами (0—4), причем „0" означает отсутствие уплощения, а „4" — крайнюю степень.

Ко вторичным явлениям на циркулярно-деформированных черепах относятся так называемые предвенечный валик и позадивенечное углубление, а также выступание верхней чешуи. Мы различали медиальный и литеральные отделы позадивенечного углубления, степень развития которых бывает обычно неодинакова.

2

Даем частную характеристику строения скелетов и физического развития субъектов.

1. Материалы раскопок 1938 г.

Курган 54. Инв. № Музея 5672-1. Табл. № 9. Мужчина, зрелого возраста (ч. т. к.).[2]

Довольно хорошо сохранившийся скелет субъекта среднего роста. Кости очень массивные, крупные, с резко выраженными местами прикрепления мышц. Особенно резко выражены места прикрепления ягодичных мышц. На некоторых костях в местах прикрепления мышц резкие разрастания костной ткани — остеофиты (над левой вертлужной впадиной, по вертлужным линиям обеих бедренных костей, в области правого 3-го вертела, в верхнем и нижнем отделе правых костей голени, в области дельтовидной бугри-

[1] T. L. Woo a. G. M. Morant. A Biometric Study of the „fatness" of the facial skeleton in Man. Biometrica. V. 25. 1934, p. 1—2.

[2] Буквы (ч. т. к.) означают: хорошо сохранившиеся кости черепа, таза, конечностей.

кости обоих плечевых костей). Большое количество остеофитов и по краям тел позвонков. Позвонки несколько расплющены, причем книзу расплющенность усиливается. Крестцовая кость в области 1—3 позвонков неестественно изогнута кпереди, без каких-либо внешних следов патологических изменений. Суставные головки плечевых суставов имеют форму не полукруга, а значительно меньшей части круга, хотя поверхность их нормальна.

Лопатки имеют узкую, длинную форму.

Отмечается резкий остеоартроз головки 3-й правой пястной кости.

Концевые фаланги больших пальцев обеих ног отклонены кнаружи (влияние обуви?) — Hallux valgus.

Курган 54. Инв. № Музея 5672-2. Женщина, возмужалого возраста (к).

Плохо сохранившийся скелет. Сохранились позвонки, 1-е ребро и несколько костей предплюсны, плюсны и пястья. Все кости небольшой величины и грацильные.

Курган 54. Инв. № 5672-8. Табл. № 21. Женщина, старческого возраста (ч. т. к).

Хорошо сохранившийся скелет. Тазовые кости женского типа. Кости тонкие грацильные, с довольно хорошо выраженными местами прикрепления мышц. Обращают на себя внимание небольшие суставы.

На бедренных костях развиты третьи вертелы. Лопатки короткой треугольной формы. По краям тел позвонков резко выраженные остеофиты, а поясничные позвонки имеют двояковогнутую форму.

Тазовые кости срощены с крестцом в области ушковидных поверхностей. Кроме того, на дне вертлужных впадин, как и в области ушковидных поверхностей, отмечается перестройка костной ткани.

Шейка левой бедренной кости укорочена.

Ассимиляция 1-го копчикового позвонка.

Курган 55. Инв. № Музея 5672-3. Табл. № 1. Мужчина, юношеского возраста (ч. т. к.).

Скелет в довольно хорошей сохранности. Тазовые и бедренные кости мужского типа. Все кости с несросшимися эпифизами. Лишь недавно приросли пяточные бугры и основания первых пястных костей. Лопатки овальной формы, с выпуклыми внутренними краями.

Кости субъекта выше среднего роста.

Курган 55. Инв. № Музея 5672-4. Табл. № 3. Мужчина, возмужалого возраста (ч. т. к.).

Скелет в хорошей сохранности. Тазовые и бедренные кости мужского типа. Кости субъекта среднего роста, довольно грацильные, со слабо выраженными местами прикрепления мышц.

Костные накладки на тазовых костях еще не вполне приросли.

Ассимиляция 5-го поясничного позвонка. Лопатки небольшие, длинные. Следы раннего заболевания правого тазобедренного сустава (вертлужная впадина менее глубокая, суставная поверхность головки бедренной кости несколько расплющена, а шейка бедренной кости короче и угол отхождения ее меньше, чем слева).

В нижней части левой бедренной кости крупный остеофит бобовидной формы.

Курган 55. Инв. № Музея 5672-5. Табл. № 10. Мужчина, пожилого возраста (ч. т. к.).

Скелет в хорошей сохранности. Кости субъекта невысокого роста, но массивные, с хорошо выраженными местами прикрепления мышц.

Тазовые и бедренные кости мужского типа. На бедренных костях резко развита шероховатая линия, которая в средней трети оттянута кзади.

Крестец прямоугольной формы.

По краям тел нижних грудных и поясничных позвонков большое количество остеофитов.

Курган 56. Инв. № Музея 5672-6. Табл. № 17. Женщина, зрелого возраста (ч. т. к.).

Скелет в довольно хорошей сохранности.

Тазовые кости женского типа.

Кости субъекта небольшого роста, грацильные, со средне выраженными местами прикрепления мышц.

Лопатки небольшие, треугольной формы.

Курган 57. Инв. № Музея 5672-7. Табл. № 19. Женщина зрелого возраста (ч. т. к.).

Скелет в довольно хорошей сохранности. Тазовые и бедренные кости женского типа. Кости субъекта небольшого роста, грацильные, хотя места прикрепления мышц очерчены резко.

Обращают на себя внимание небольшие суставы.

Крестец с ассимилированным 1-м копчиковым позвонком.

Лопатки небольшие, треугольной формы.

2. Материалы раскопок 1939 г.

Курган 2. Инв. № Музея 5729-1. Табл. № 6. Мужчина, зрелого возраста (ч. т. к.)

Скелет в состоянии средней сохранности. Из длинных костей отсутствуют обе малоберцовые, обе лучевые, правая локтевая и левая плечевая.

Кости крупные, с хорошо выраженными местами прикрепления мышц. Тазовые кости мужского типа.

На сохранившейся левой лопатке внутренний край выпуклой формы. Рукоятка грудины не срощена с телом ее.

На телах позвонков большое количество остеофитов. Дужка 5-го поясничного позвонка не приращена к поперечным отросткам.

Курган 2. Инв. № Музея 5729-2. Табл. № 15. Женщина, в зрелом возрасте (ч. т. к.).

Скелет в средней сохранности.

Кости небольшие, с средне выраженными местами прикрепления мышц. Тазовые кости женского типа. Крестец приближается к треугольной форме.

Медиальный край лопатки прямой.

На теле последнего поясничного позвонка имеются остеофиты.

Курган 5. Инв. № Музея 5729-3. Табл. № 11. Мужчина, в пожилом возрасте (ч. т. к.).

Сохранность длинных костей хорошая, коротких — плохая.

Кости крупные, массивные, с резко выраженными местами прикрепления мышц. Сохранившаяся правая тазовая кость мужского типа.

Лопатка (правая) крупная, треугольной формы, с очень глубокой подлопаточной впадиной.

На сохранившихся нижних грудных и всех поясничных позвонках большое количество остеофитов и костных наплывов.

Костные наплывы и у суставных поверхностей локтевых и коленных суставов.

Зуб эпиотрофея обломан и срощен с атлантом. Имеется след старого перелома в нижней части левой лучевой кости, причем как на этой кости, так и на соседней локтевой — большое количество костных разращений. Сохранился след старого перелома и на 4-й метакарпальной кости.

Перелом зуба 2-го шейного позвонка показывает, что вращение головы уже не было строго определенным, по вертикальной оси, а голова была как бы разболтана.

Курган 6. Инв. № Музея 5729-4. Табл. № 2. Мужчина, на границе юношеского и возмужалого возраста (ч. т. к.).

Скелет в хорошей сохранности.

Кости не массивные, но плотные, показывающие большой рост и хорошо развитые суставы. Места прикрепления мышц выражены не резко, скорее слабо.

Тазовые кости мужского типа. Крестец широкой формы, совершенно не изогнутый. На бедренных костях хорошо развиты головки, сидящие на массивных шейках, а также массивные мыщелки.

Тело большеберцовой кости резко сужено с боков.

Надколенники треугольной, удлиненной формы, причем нижний край их как бы оттянут книзу.

Лопатки длинной, треугольной формы.

Ребра грацильные. На плечевых костях имеются надблоковые отверстия.

Тело грудной кости состоит из почти несросшихся сегментов, причем 3-й сегмент еще расщеплен вдоль.

Много эпифизарных отделов приросло только недавно (дистальные эпифизы бедренных костей и головки плечевых костей). Дистальные эпифизы предплечья еще не приросли. Эпифизы тел позвонков только кое-где начали прирастать. Эпифизарные пластинки на гребнях подвздошных костей и у симфиза лобковых еще не приросли, на седалищных буграх только начали прирастать.

Повидимому, хорошо сложенный субъект, высокого роста.

Курган 6. Инв. № Музея 5729-5. Табл. № 14. Женщина, на границе юношеского и возмужалого возраста (ч. т. к.).

Хорошо сохранившийся скелет.

Кости очень небольшие, грацильные, хотя довольно плотные и тяжелые. Места прикрепления мышц выражены средне. Женщина миниатюрного роста, хотя вполне нормальная.

Тазовые кости женского типа. Тело 1-го крестцового позвонка еще не вполне срослось со вторым. Бедренные кости несколько платимеричны. Лопатки имеют выпуклый внутренний край и округлый нижний угол.

Эпифизы тел позвонков приросли недавно. То же на дистальных концах лучевых и малоберцовых костей.

Курган 6. Инв. № Музея 5729-6. Ребенок в возрасте около 20 месяцев, так как лишь недавно прорезались все молочные зубы.

Из костей скелета сохранены только две бедренные и одна плечевая кость (без эпифизов).

Курган 6. Инв. № Музея 5729-7. Ребенок в возрасте около одного года, так как уже прорезаны все резцы и первые коренные зубы.

Из костей скелета сохранены две плечевые и одна бедренная кость.

Курган 7. Инв. № Музея 5729-8. Табл. № 5. Мужчина, зрелого возраста (ч. т. к.).

Скелет в средней сохранности, хотя ребра и большинство позвонков не сохранились.

Кости крупные, массивные, со средне выраженными местами прикрепления мышц.

Лопатки имеют округленный нижний угол.

Тазовые и бедренные кости мужского типа.

Крестец (с сакрализацией 1-го копчикового позвонка) сращен над ушковидной поверхностью с левой подвздошной костью. Над ушковидной поверхностью правой подвздошной кости имеется костный наплыв, показывающий также тенденцию к сращению с крестцовой костью.

Из сохранившихся 5 поясничных позвонков — 2 верхние сращены телами, а 2 нижние имеют неприросшие дужки.

Курган 7. Инв. № Музея 5729-9. Табл. № 18. Женщина, зрелого возраста (ч. т. к.).

Скелет в средней сохранности.

Кости небольшие, тонкие, с небольшими суставными концами. Места прикрепления мышц выражены средне.

Тазовые кости женского типа. Обращает на себя внимание асимметрия симфиза, суставные поверхности которого расположены не в сагиттальном направлении, а в косом (отклонены по вертикальной оси влево). Возможно, что симфиз был даже некоторое время сращен, а затем опять разломан, так как соприкасающиеся поверхности лобковых костей остями пришлифованы.

Крестец широкий, не изогнутый, хотя 1-й копчиковый позвонок приращен к нему под прямым углом вперед.

Большие берцовые кости сужены с боков и несколько изогнуты внутрь.

Курган 8. Инв. № Музея 5729-10. Табл. № 4. Мужчина, возмужалого возраста (к. т.).

Довольно хорошо сохранившийся скелет (за исключением правой бедренной кости и большей части ребер).

Кости очень длинные, показывают высокий рост, но довольно грацильные, хотя и широкие в суставах. Места прикрепления мышц выражены не резко, скорее слабо.

Тазовые и бедренные кости мужского типа.

Лопатки узкие, длинные.

На позвонках хорошо выраженные и отграниченные эпифизы тел.

Полная люмбализация 1-го крестцового позвонка.

Курган 9. Инв. № Музея 5729-11. Табл. № 7. Мужчина, зрелого, даже пожилого возраста (ч. к. т.).

Скелет полностью сохранен. Сохранена и подъязычная кость, а также обизвествленный щитовидный хрящ. На костях правого предплечия продольные щели посмертного происхождения.

Кости массивные, крупные, с резко выраженными местами прикрепления мышц.

Тазовые и бедренные кости резко выраженного мужского типа. Бедренные кости платикнемичной формы. Лопатки крупные, с выпуклыми внутренними краями. Ребра широкие, массивные. На некоторых сохранены остатки окостеневших хрящей. Рукоятка грудины не срощена с телом ее.

Правая тазовая кость срощена с крестцом.

Имеется и частичная сакрализация 5-го поясничного позвонка. У суставных поверхностей коленных суставов — костные наплывы. Деформация поверхностей правого лучезапястного состава.

Тела 5-го, и отчасти 4-го поясничных позвонков, а также последнего грудного имеют клиновидную форму, благодаря чему совершенно отсутствует лордоз поясничной части позвоночника. Повидимому, имеется даже небольшой кифоз в верхней части этой области.

Курган 9. Инв. № Музея 5729-12. Табл. № 20. Женщина, пожилого возраста (ч. к. т.).

Хорошо сохранившийся скелет, включая и мелкие косточки.

Кости небольшие, грацильные, с небольшими суставами. Места прикрепления мышц выражены средне.

Тазовые кости женского типа, хотя крылья их и небольшие. Малый таз несколько сдавлен с боков (поперечный размер таза меньше продольного).

Лопатки небольшие, треугольной формы. Грудная кость небольшая, с несросшейся рукояткой. Правая малоберцовая кость изогнута внутрь. Шейка левой бедренной кости несколько укорочена и создает впечатление давнего перелома, причем головка как бы осела на шейку. Позвонки небольшие. 2 последних поясничных позвонка значительно сплющены, а 12-й грудной позвонок имеет резко клиновидную форму (высота его тела у переднего края 6 мм, а у заднего — 19 мм). Клиновидную форму имеет и 8-й грудной позвонок. Повидимому, был резкий угловой кифоз на границе между грудной и поясничной частями позвоночника.

Курган 10. Инв. № Музея 5729-13. Катакомба, верхний костяк Табл. № 12. Мужчина, пожилого возраста (ч. к. т.).

Хорошо сохранившийся скелет.

Кости средней массивности с резко выраженными местами прикрепления мышц и связок. Тазовые кости приближаются к мужскому типу.

Лопатки с выпуклыми внутренними краями. Левая ключица несколько длиннее правой.

Крестец узкой длинной формы с ассимилированным 1-м копчиковым позвонком.

Полная ассимиляция атланта, а эпистрофей сросся с 3-м позвонком.

Зуб эпистрофея укорочен и имеет конусовидную, а не цилиндрическую форму (повидимому, на нем происходило не только вращение, но и сгибание головы). Тела большинства позвонков расплющены, а 12-й грудной имеет клиновидную форму. На телах нижних грудных и поясничных позвонков много резко выраженных остеофитов. Тела 11-го и 12-го грудных, 1-го, 2-го, 4-го и 5-го поясничных позвонков резко вогнуты с одной или с двух сторон. Повидимому, отсутствовал поясничный лордоз.

Рукоятка грудины не срощена с телом ее. У прикрепления к рукоятке первых ребер на ней резкие костные разращения, так же как и на концах этих ребер.

Резко разрощены и места прикрепления связок на нижней поверхности ключиц.

На левом среднем бедре след старого зажившего перелома.

Курган 10. Инв. № Музея 5729-14 Катакомба, нижний костяк. Табл. № 16. Женщина, зрелого возраста (ч. к. т.).

Скелет довольно хорошо сохранившийся, за исключением ребер и мелких косточек.

Кости средней величины, грацильные со средне выраженными местами прикрепления мышц.

Тела позвонков нормальные, остеофиты на них отсутствуют. Тазовые и бедренные кости женского типа. Крестец с ассимилированным 1-м копчиковым позвонком. Лопатки небольшие, удлиненной треугольной формы.

По краям суставных поверхностей коленных суставов отмечаются костные наплывы.

Курган 10. Инв. № Музея 5729-15. Дромос, погребение 1. Табл. № 8. Мужчина, пожилого возраста (ч. к. т.).

Хорошо сохранившийся скелет (за исключением мелких костей).

Кости средней величины, легкие, не массивные. Места прикрепления мышц выражены хорошо. Тазовые и бедренные кости мужского типа. Крестец с приросшим 1-м копчиковым позвонком, сильно согнут.

Обращает на себя внимание малая величина головок бедренных костей.

Лопатки имеют длинную форму.

На краях тел поясничных позвонков костные разрастания (из губчатой костной ткани). Левая плечевая кость укорочена благодаря изогнутости в латеральную сторону. На всех сохранившихся ребрах (от 5-го до 11-го левого и 8-е правое) следы старых заживших переломов.

Курган 10. Инв. № Музея 5729-16. Дромос, погребение II. Табл. № 13, Мужчина, пожилого возраста (ч. к. т.).

Хорошо сохранившийся скелет, за исключением правой большеберцовой, левой малоберцовой и большинства мелких костей. Сохранена подъязычная кость. Кости крупные, массивные, с хорошо выраженными местами прикрепления мышц и широкими суставами. Тазовые кости мужского типа. Крестец с ассимилированным 1-м копчиковым позвонком.

На левой плечевой кости надблоковое отверстие. На нижних грудных и поясничных позвонках, также и на основании крестца, сглаженные, языкообразные остеофиты.

На суставных поверхностях левого коленного сустава костные наплывы.

Изученные материалы показывают довольно хорошее физическое развитие. На костях места прикрепления мышц почти у всех как мужчин, так и женщин выражены резко и хорошо очерчены, что говорит о хорошем развитии мышечной системы.

На скелетах хорошо выражена половая дифференцировка. Костяки женщин отличаются миниатюрностью и небольшими суставами. Длина тела (рост), вычисленная по Пирсону, колеблется у мужчин от ниже среднего до выше среднего, достигая в нескольких случаях (особенно 5729-4) высокого.

Средний рост мужчин 165.8 см, рост женщин в среднем 150.9 см. Одна женщина (5729-5) отличается особой миниатюрностью.

На многих костяках более или менее выражены старческие изменения (остеофиты, артрозы, изменения нормальных кривизн позвоночника). Особенно резко выражены старческие изменения у женщины (5672-8).

Отмечается целый ряд интересных аномалий. Так, в двух случаях (5729-1 и 8) на последних поясничных позвонках не приращены дужки. Интересен случай (5729-13) полной ассимиляции атланта, сопровождающейся сращением 2-го и 3-го шейных позвонков между собой.

На 3 костяках (5729-3, 12, 15) имеются следы старых заживших переломов. Особенно интересен первый из этих субъектов, у которого переломан зубовидный отросток 2-го шейного позвонка и сращен с атлантом, причем у этого же лица имеются еще два других перелома на предплечии и кисти (детали изложены выше, в частном описании).

3

Даем частное описание черепов и их деформации:

1. Материалы раскопок 1938 г.

Курган 54. Инв. № Музея 5672-1. Табл. № 9. Мужчина, зрелого возраста (рис. 4)

Череп средней величины и массивности со средне выраженным общим рельефом. Искусственная деформация черепа приближает его к башенной форме. Черепная коробка высокая, макрокранная. Широкое, но неглубокое поперечное вдавление на границе между средней и верхней третью лобной кости. Предвенечный валик и позадивенечное углубление развиты слабо. Затылок слабо уплощенный, выпрямленный, асимметричный.

Сосцевидный отросток средней величины. Сагиттальный шов начал облитерироваться. Лицо узкое, средне-высокое, средне-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб резко наклоненный, вследствие деформации черепа, с большим углом изгиба. Глабелла и надбровные дуги выражены слабо. Выступание скул и глубина собачьей ямки средняя.

Переносье узкое, нос, повидимому, слабо-выступающий. Спинка носа круглая, развитие носового шипа среднее. Нижний край отверстия с углублением (fossa praenasalis). Орбиты высокие, округлой формы.

Нижнечелюстная кость средней массивности со значительно отклоненными наружу углами. Средне развитый torus mandibularis. Зубы значительно стерты.

В черепе сочетаются европеоидные признаки (узкое лицо, среднеглубокие собачьи ямки) с монголоидными (небольшое выступание носа, высокие орбиты, torus mandibularis).

Курган 55. Инв. № Музея 5672-3. Табл. № 1. Мужчина, юношеского возраста (рис. 1).

Череп средней величины, не массивный, со слабо выраженным общим рельефом. Черепная коробка подверглась искусственной конусовидной деформации, высокая, макрокранного типа. Затылок заметно уплощен с небольшим углом кривизны затылочной кости.

Вдавления от повязок можно проследить по всей окружности, причем особенно выражены они в затылочной области, что является довольно редким исключением. Вторичные образования в области венечного шва совершенно отсутствуют и череп имеет вид почти правильного конуса. Сосцевидный отросток небольшой величины. Окостенение швов не началось. Не начал окостеневать и затылочно-основной синхондроз.

Лицо длинное, средне-широкое.

Лоб сильно наклоненный, вследствие деформации черепной коробки, с очень слабо развитой глабеллой и надбровьем.

Выступание скул слабое, собачья ямка совершенно не углублена (0).

Переносье средне-широкое. Выступание носа среднее. Профиль носовых костей вогнутый, спинка носа угловатая. Нижний край грушевидного отверстия с заостренным краем (Autropina). Носовой шип значительно выступает. Орбиты большие, высокие, угловатой формы.

Нёбо высокое, широкое. Нижняя челюсть развита слабо. Torus mandibularis отсутствует.

Стертость зубов незначительная.

Средние верхние резцы лопатовидной формы. На 2-м верхнем левом моляре — дополнительный задний бугорок.

Расовый тип черепа типичный монголоидный (по высокому лицу, высоким неглубоким глазницам, невысокому узкому носу, отсутствию собачьих ямок).

Курган 55. Инв. № Музея 5672-4. Табл. № 3. Мужчина, возмужалого возраста (рис. 2).

Череп средней величины и массивности со средне выраженным общим рельефом. Резко выраженная искусственная конусовидная деформация черепа.

Черепная коробка высокая, макрокранного типа. Череп в целом повторяет форму предыдущего, с той лишь разницей, что вдавления от повязок выражены слабей.

Сосцевидные отростки средней величины.

Облитерация швов не началась.

Лицо длинное и широкое, средне-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб сильно наклоненный вследствие деформации черепной крышки. Глабелла и надбровье развиты слабо. Выступание скул среднее, глубина собачьей ямки небольшая (1).

Переносье средней ширины. Выступание носа среднее.

Профиль носовых костей вогнутый, спинка носа угловатая. Нижний край грушевидного отверстия заострен. Носовой шип выступает значительно.

Орбиты высокие, угловатые.

Нёбо высокое, узкое.

Размеры длинных костей и рост мужчин, погребенных в Кенкольском могильнике

Таблица 2

	№№ по Мартину		1 5672-3 Курган 55 ♂ Juv. (16—17 л.)		2 5729-1 Курган * ♂ Ad. (20—25 л.)		3 5672-4 Курган 55 ♂ Ad. (22—25 л.)		4 5729-10 Курган 8 ♂ Ad. (30—35 л.)		5 5729-8 Курган 7 ♂ Mat. (40—50 л.)		6 5729-1 Курган 2 ♂ Mat. (ок. 50 л.)		7 5729-11 Курган 9 ♂ Mat. (ок. 50 л.)	
		Длина тела (по Пирсону)	168.3		172.0		165.5		169.9		162.8		164.0		169.8	
			прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
Бедренная кость	1	Полная длина	48.2	47.9	48.6	48.8	44.2	45.8	—	48.6	43.8	44.5	44.8	45.2	48.1	48.4
	2	Длина в естественном положении	47.6	47.5	48.1	48.2	43.8	45.5	—	47.8	43.5	43.7	44.6	45.0	47.9	48.2
	8	Окружность	85	87	80	79	83	87	81	81	93	93	93	95	96	94
	21	Ширина надмыщелков	91	90	82	82	84	85	84	84	83	81	85	85	85	85
	8 : 2	Указатель прочности	17.80	18.31	16.63	16.39	18.95	19.12	—	16.94	21.38	21.28	20.85	21.11	20.04	19.50
Большая берцовая кость	1	Полная длина	38.3	38.9	39.3	39.2	37.7	37.2	38.2	38.0	36.2	35.9	36.5	36.6	37.9	38.2
	1а	„ „	38.3	38.9	40.1	40.1	37.8	37.7	39.1	38.9	36.8	36.8	37.3	37.6	38.7	39.0
	10в	Наименьшая окружность	71	73	74	71	72	71	69	69	73	74	81	77	75	76
	10в : 1а	Указатель прочности	18.54	18.77	18.45	17.70	19.05	18.83	17.65	17.74	19.84	20.11	21.71	20.48	19.38	19.49
	1	Длина малоберцовой кости	—	—	—	38.0	38.0	37.9	38.2	—	—	35.4	—	—	38.0	38.6
Плечевая кость	1	Полная длина	32.4	31.7	34.1	33.3	31.0	30.8	33.3	33.2	31.3	30.4	30.7	—	34.8	33.8
	7	Окружность	66	65	60	57	67	64	66	65	74	73	75	—	75	70
	4	Ширина надмыщелков	—	—	—	—	66	65	63	62	65	68	66	—	—	—
	7 : 1	Указатель прочности	20.37	20.5	17.6	17.12	21.61	20.78	19.82	19.58	23.64	24.01	24.43	—	21.55	20.71
Лучевая кость	1	Полная длина	—	—	—	—	24.8	24.8	25.8	25.8	24.9	24.0	—	—	25.1	25.4
	3	Наименьшая окружность	—	—	39	40	42	43	43	43	45	43	—	—	50	47
	3 : 1	Указатель прочности	—	—	—	—	16.93	17.34	16.67	16.67	18.07	17.92	—	—	19.92	18.50
	1	Полная длина локтевой кости	—	—	—	—	26.4	26.4	27.9	27.4	—	—	—	—	27.4	27.4

Продолж. табл. 2

	№№ по Мартину	№№ по порядку / Инвентарный № / № погребения / Пол / Возраст	8 5729-15 Дромос, Курган 10 ♂ Mat. (ок. 50 л.) прав.	8 лев.	9 5672-1 Курган 54 ♂ Mat. (40—60 л.) прав.	9 лев.	10 5672-5 Курган 55 ♂ Mat. (50—60 л.) прав.	10 лев.	11 5729-3 Курган 5 ♂ Mat.-Sen. (ок. 60 л.) прав.	11 лев.	12 5729-13 Катакомбы, курган 10 ♂ Mat.-Sen, (ок. 60 л.) прав.	12 лев.	13 5729-16 Дромос, курган 10 ♂ Sen. (60—70 л.) прав.	13 лев.	Все мужчины (без № 1) прав.	Все мужчины (без № 1) лев.
		Длина тела (по Пирсону)	168.1		164.0		162.0		166.1		161.1		164.9		165.85	
Бедренная кость	1	Полная длина	46.0	46.0	44.7	44.6	43.6	42.9	45.5	46.7	42.7	42.7	45.0	45.2	**45.18**	**45.78**
	2	Длина в естественном положении	45.9	45.8	44.6	44.4	43.4	42.9	45.1	46.5	42.5	42.4	45.0	45.1	**44.95**	**45.46**
	8	Окружность	93	92	92	90	87	85	93	97	92	90	98	100	**90.08**	**90.25**
	21	Ширина надмыщелков	76	77	83	82	94	96	82	81	81	82	86	87	**83.75**	**83.92**
	8 : 2	Указатель прочности	20.26	20.09	20.63	20.27	20.04	19.81	20.62	20.86	21.65	21.23	21.78	22.17	**20.26**	**19.90**
Большая берцовая кость	1	Полная длина	38.0	37.9	37.4	37.3	34.2	33.8	—	38.5	34.7	35.0	—	36.8	**37.01**	**37.03**
	1а	„ „	38.6	38.6	37.1	37.5	34.5	34.2	—	39.3	35.5	36.2	–	37.8	**37.55**	**37.81**
	10в	Наименьшая окружность	78	74	76	75	77	79	—	83	78	76	—	78	**75.3**	**75.25**
	10в : 1а	Указатель прочности	20.21	19.17	20.48	20.0	22.32	23.1	—	21.12	21.97	20.99	—	20.63	**20.11**	**19.95**
	1	Длина малоберцовой кости	—	—	36.7	36.6	34.2	34.0	—	—	34.0	34.6	39.6	—	**36.96**	**36.44**
Плечевая кость	1	Полная длина	32.7	31.5	31.1	30.8	32.1	31.8	31.6	31.2	31.5	31.1	31.9	32.0	**32.17**	**31.81** (без № 11) и 31.84 (без № 8)
	7	Окружность	71	71 искривл. лин.	73	69	72	70	75	73	68	68	69	68	**70.42**	**68.0**
	4	Ширина надмыщелков	—	—	65	66	64	64	70	69	—	—	66	64	**65.62**	**65.43**
	7 : 1	Указатель прочности	21.71	22.54?	23.47	22.4	22.43	22.01	23.73	23.4	21.59	21.86	21.63	21.25	**21.93**	**21.42** (без № 8 - 21.31)
Лучевая кость	1	Полная длина	26.2	25.6	—	24.4	23.9	23.5	26.4[1]	25.0	23.6	22.5	24.6	24.2	**25.03**	**24.52** (без № 11— 24.47)
	2	Наименьшая окружность	44	43	46	45	43	41	46	—	46	42	42	42	**44.18**	**42.9**
	3 : 1	Указатель прочности	16.79	16.8	—	18.44	17.99	17.45	17.42	—	19.49	18.67	17.07	17.35	**17.82**	**17.68**
	1	Полная длина локтевой кости	27.7	27.5	26.6	26.2	25.8	25.2[2]	28.5	28.3	24.9	24.9	26.8	26.0	**26.89**	**26.59** (без № 10— 26,76)

[1] Перелом.
[2] Деформация шиловидного отростка.

Размеры длинных костей и рост женщин, погребенных в Кенкольском могильнике

Продолж табл. 2

	№№ по Мартину		14 5729-5 Курган 6 ♀ Ad. (ок. 25 л.)		15 5729-2 Курган 2 ♀ Mat. (40—50 л.)		16 5729-14 Катакомбы, курган 10 ♀ Mat. (ок. 40 л.)		17 5672-6 Курган 56 ♀ Mat. (40—60 л.)		18 5729-9 Курган 7 ♀ Mat. (50—60 л.)		19 5672-7 Курган 57 ♀ Mat. (40—60 л.)		20 5729-12 Курган 9 ♀ Mat. (50—60 л.)		21 5672-8 Курган 54 ♀ Sen (глуб. стар.)		Все женщины	
		№ по порядку / Инвентарный № / № погребения																		
		Пол																		
		Возраст																		
		Длина тела (по Пирсону)	143.0		150.9		153.9		151.3		154.7		149.5		150.9		153.3		150.9	
			прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
Бедренная кость	1	Полная длина	35.6	35.6	39.5	39.7	41.3	41.7	39.3	39.1	42.3	42.0	38.8	39.1	39.5	40.0	40.6	40.5	**39.61**	**39.71**
	2	Длина в естественном положении	35.5	35.4	39.3	39.4	40.6	41.2	38.8	38.7	41.4	41.6	38.4	38.4	39.2	39.3	40.0	39.9	**39.15**	**39.24**
	8	Окружность	67	66	75	75	79	79	70	72	84	85	70	72	75	75	70	71	**73.75**	**74.37**
	21	Ширина надмыщелков	73	71	—	75	74	74	74	74	70	—	75	—	72	70	77	77	**73.57**	**73.5**
	8:2	Указатель прочности	18.87	18.64	19.08	19.03	19.46	19.17	18.04	18.60	20.29	20.43	18.23	18.75	19.13	19.08	17.5	17.79	**18.82**	**18.94**
Большая берцовая кость	1	Полная длина	30.5	30.3	—	33.2	34.1	34.1	32.4	32.6	34.8	35.0	32.9	32.8	32.9	32.7	33.4	32.8	**33.0**	**32.94**
	1a	„ „	31.0	31.0	—	33.8	34.7	34.8	32.1	31.9	35.4	35.5	32.1	32.0	33.2	33.2	32.6	32.2	**33.01**	**33.05**
	10в	Наименьшая окружность	60	60	—	61	66	66	63	63	68	68	59	59	63	62	62	62	**63.0**	**62.63**
	10в:1a	Указатель прочности	19.35	19.35	—	18.05	19.02	18.96	19.63	19.75	19.21	19.15	18.38	18.44	18.97	18.67	19.02	19.25	**19.08**	**18.95**
	1	Длина малоберцовой кости	—	29.6	—	32.4	33.4	33.6	32.4	32.4	—	—	32.1	32.1	32.5	32.7	32.5	32.3	**32.58**	**32.17**
Плечевая кость	1	Полная длина	25.5	25.3	27.7	27.7	30.1	29.6	29.2	28.5	29.4	29.4	27.1	26.9	28.5	28.2	29.0	28.8	**28.31**	**28.05**
	7	Окружность	53	52	57	57	58	59	59	58	59	60	54	52	59	59	60	58	**57.37**	**56.87**
	4	Ширина надмыщелков	55	55	56	57	56	55	59	58	58	57	57	56	54	52	62	61	**57.12**	**56.37**
	7:1	Указатель прочности	20.78	20.55	20.58	20.58	19.27	19.93	20.2	20.35	20.07	20.41	19.93	19.33	20.70	20.92	20.69	20.14	**20.28**	**20.28**
Лучевая кость	1	Полная длина	20.4	20.0	22.2	21.5	22.3	22.3	22.2	22.2	—	23.3	20.9	21.0	22.3	22.1	—	20.9	**21.72**	**21.66**
	3	Наименьшая окружность	33	32	35	35	38	36	37	35	—	33	29	30	35	35	—	37	**34.5**	**34.12**
	3:1	Указатель прочности	16.18	15.0	15.76	16.28	17.04	16.14	16.67	15.76	—	14.16	13.88	14.29	15.69	15.83	—	17.70	**15.87**	**15.64**
	1	Полная длина локтевой кости	21.9	21.8	—	—	24.5	24.6	24.7	24.8	25.5	25.5	22.6	22.8	24.2	23.9	23.2	22.7	**23.8**	**23.73**

Нижнечелюстная кость средней массивности с несколько отклоненными кнаружи углами. Torus mandibularis отсутствует.

Верхние резцы имеют среднюю степень выраженности лопатообразной формы.

Стертость зубов слабая.

Расовый тип черепа монголоидный (по высокому лицу, высокому узкому носу, высоким неглубоким глазницам, слабо углубленным собачьим ямкам).

Курган 55. Инв. № Музея 5672-5. Табл. № 10. Мужчина, пожилого возраста (рис. 3).

Череп средней величины и массивности с хорошо выраженным общим рельефом. Черепная коробка эллипсоидной формы, бомбовидная со стороны затылка. Очень слабые следы кольцевой деформации. Затылок прямой, причем левая нижняя часть его уплощена — плагиоцефалия, что, возможно, вызвано длительным лежанием в колыбели. Сосцевидные отростки большой величины. Облитерация швов только началась в области обелиона.

Лицо средней длины и ширины, слабо-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб средне наклоненный. Глабелла развита выше среднего (4), надбровье — средне.

Выступание скул — среднее, собачья ямка — глубокая (3).

Переносье средней ширины. Выступание носа среднее. Профиль носовых костей слегка выпуклый в нижней части. Спинка носа угловатая. Нижний край грушевидного отверстия заостренный (Antropina).

Орбиты мезоконхные, хотя приближаются к высоким, особенно слева. Нижнечелюстная кость развита слабо. Углы ее несколько отклонены кнаружи. Torus mandibularis отсутствует.

Передние зубы верхней и нижней челюсти резко стерты.

Череп европеоидного типа (по глубоким собачьим ямкам и средневыступающим скулам) Однако слабо-выступающее в горизонтальной плоскости лицо и средне-выступающий нос придают слегка монголоидные черты.

Курган 55. Инв. № Музея 5672-6. Табл. № 17. Женщина, зрелого возраста (рис. 5).

Череп массивный, хотя общий рельеф его развит слабо.

Черепная коробка овоидной формы. Средне-высокая, слабо деформированная гипермакрокранного типа. Затылок уплощенный, прямой.

Вдавления от повязок различимы только на лбу, где предвенечный валик хорошо развит. Степень деформации настолько мала, что череп сохранил нормальные соотношения основных осей.

Сосцевидные отростки развиты слабо.

Швы почти полностью облитерированы.

Лицо средней длины и ширины, слабо-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб значительно наклоненный, причем наклон несколько усилен деформацией черепной коробки (большой угол изгиба).

Глабелла и надбровье развиты очень слабо. Скулы выступают слабо, глубина собачьей ямки небольшая (1).

Переносье широкое, нос слабо-выступающий с вогнутым профилем и уплощенной спинкой. Нижний край грушевидного отверстия округленный (infantilis). Носовой шип выступает ниже среднего. Орбиты угловатой формы, невысокие.

Широкое, низкое нёбо.

Развитие нижнечелюстной кости слабое. Torus mandibularis намечается.

Стертость зубов средняя.

Обращает на себя внимание очень маленькое foramen occipitale magnum.

Расовый тип приближается к монголоидному (по высоте и слабому выступанию лица, строению носовой области, неглубокой собачьей ямке).

Курган 57. Инв. № Музея 5672-7. Табл. № 19. Женщина, зрелого возраста.

Череп сломан. Величина и массивность его средняя, общий же рельеф его выражен

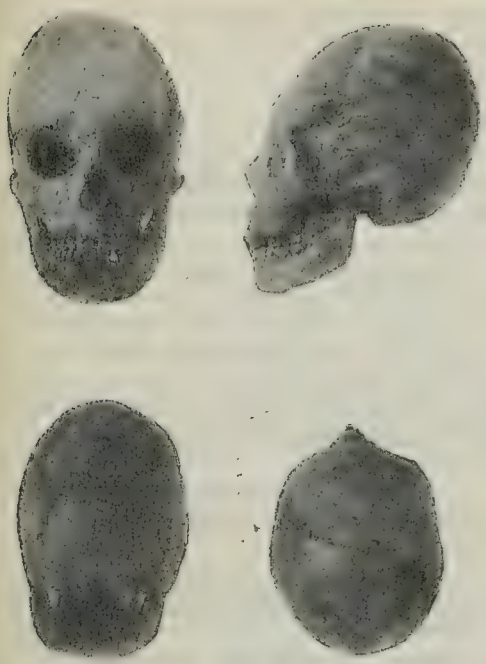


Рис. 1. Череп мужчины (юноши) из кургана 55 (инв. № 5672-3).

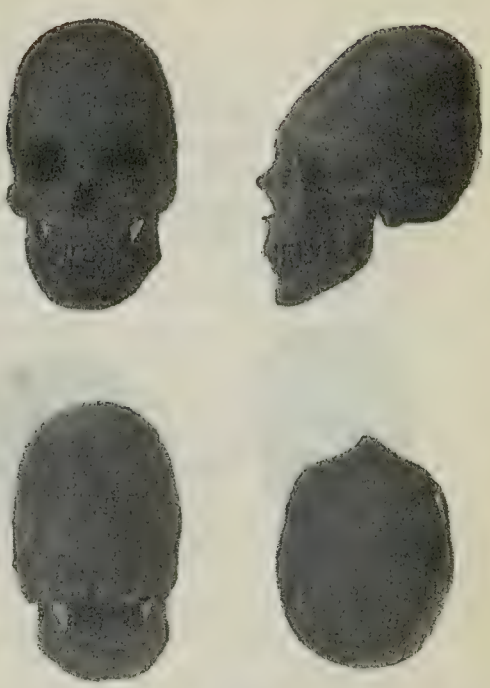


Рис. 2. Череп мужчины (возмужалого) из кургана 55 (инв. № 5672-4).

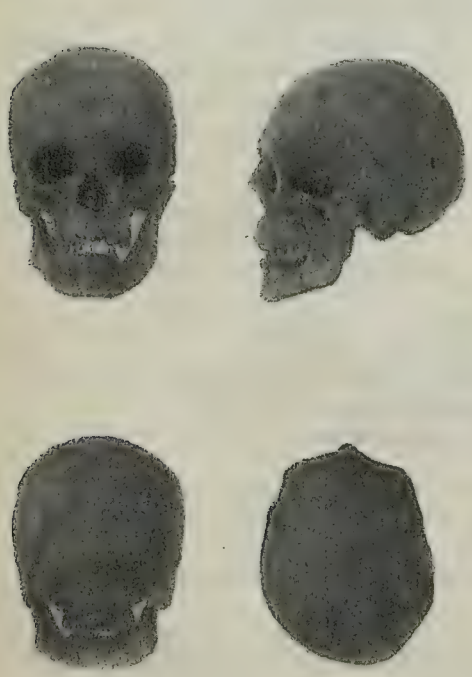


Рис. 3. Череп мужчины (зрелого) из кургана 55 (инв. № 5672-5).

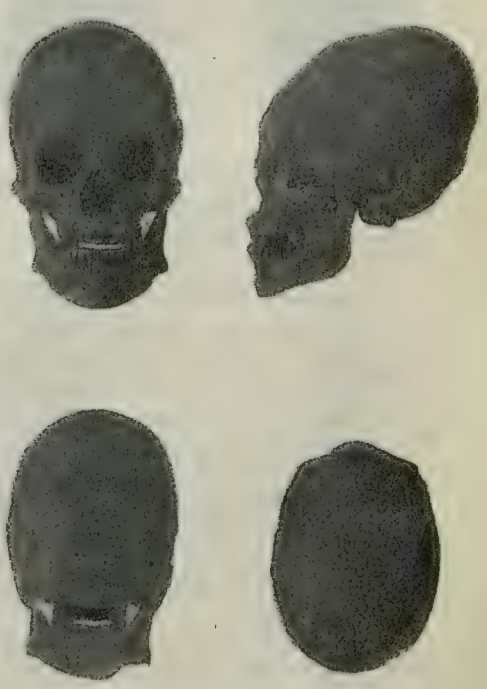


Рис. 4. Череп мужчины (зрелого) из кургана 54 (инв. № 5672-1).

слабо. Черепная коробка высокая, макрокранная. Затылок уплощенный. Вдавления от повязок прослеживаются на лобной кости, где они довольно глубоки и на обоих теменных. Слабо развит сосцевидный отросток.

Хорошо выраженная конусовидная деформация черепа.

Началась облитерация венечного и сагиттального швов.

Лицо средне-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб сильно наклоненый, причем наклон усиливается деформацией черепной коробки. Глабелла развита ниже среднего. Скулы слабо выступают, собачья ямка малоуглубленная (1).

Переносье средней ширины. Выступание носа, повидимому, среднее.

Орбиты высокие.

Расовый тип черепа монголоидный, сходный с № 5672-3 и 4.

Рис. 5. Череп женщины (зрелого возраста) из кургана 56 (инв. № 5672-6).

Курган 54. Инв. № Музея 5672-8. Табл. № 21. Женщина, старческого возраста.

Череп небольшой величины из очень легких истонченных костей, со слабо выраженным рельефом.

Значительная искусственная конусовидная деформация черепа. Черепная коробка высокая, макрокранного типа. Затылок уплощенный, выпрямленный. Сильно выражены явления старческой атрофии свода (malum senile, Virchow).[1] К ним относятся глубокие вдавления вдоль полностью облитерированных стреловидного и ламбдовидного швов, а также огромные (около 6 см в диаметре) треугольные симметричные углубления на месте теменных бугров. Стенки черепа в области этих углублений сильно утоньшены. На вершине темени костная опухоль.

Сосцевидный отросток развит средне. Сагиттальный, венечный и ламбдовидный швы полностью облитерированы.

Лицо слабо-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб сильно наклоненный. Глабелла и надбровье развиты очень слабо.

Скулы развиты слабо, собачья ямка мало углублена (1).

Переносье узкое, выступание носа среднее. Профиль носовых костей чуть выпуклый в нижней трети. Форма спинки носа приближается к округлой.

Нижний край грушевидного отверстия заострен (antropina).

Орбиты высокие, угловатой формы.

Нижнечелюстная кость развита слабо, Torus mandibularis отсутствует.

Отмечаются две глубокие вырезки на нижнем краю тела нижнечелюстной кости впереди ее углов.

Альвеолярные отростки обеих челюстей полностью атрофированы в связи с отсутствием зубов.

Расовый тип приближается к монголоидному (по высокому, узкому, слабо-выступающему носу, неглубоким собачьим ямкам, высоким глазницам).

---

[1] R. Virchow. Über die Involutionskrankheit (malum senile) der platten knochen, namentlich des schädels. In R. Virchow, Gesammelte Abhandlungen... Frankfurt a. M., 1856.

2. Материалы раскопок 1939 г.

Курган 2. Инв. № Музея 5729-1. Табл. № 6. Мужчина, зрелого возраста (ок. 50 лет).

Хорошо сохранившийся череп, средней величины, но очень массивный, со значительно развитым общим рельефом.

Череп подвергнут слабой конусовидной деформации — гипомакрокранный.

Черепная коробка эллипсоидной формы, а со стороны затылка — бомбовидная. Черепная коробка высокая. Темя несколько угловатое, со слабо выраженными теменными буграми и двусторонними небольшими теменными отверстиями. Затылок уплощенный с малой кривизной затылочной кости. Затылочная чешуя выступает слабо. Вдавления от повязок имеются только на лбу. Вторичные явления выражены слабо.

Рельеф затылочной кости выражен средне, средне выступает и затылочный бугор, по бокам которого выражен затылочный валик.

Сосцевидный отросток средней величины. Сосцевидные отверстия небольшой величины имеются с обеих сторон. В области птериона длинный сфенопариэтальный шов.

Все швы развиты средне. Облитерация в области обелиона полная, ламбдовидного шва — диффузная, очень слабая (1), а в боковых частях венечного шва — значительная (3).

Лицевая часть черепа высокая, средне-широкая, прямоугольной формы. Вертикальный профиль лица ортогнатный, горизонтальный профиль очень сильно выдающийся вперед.

Лоб невысокий, средне-широкий, сильно наклоненный и уплощенный, причем наклон лба резко усиливается кольцевой деформацией черепа.

Надпереносье (3) и надбровные дуги (2) развиты средне. Выступание скул — среднее (2), глубина собачьей ямки — средняя (2).

Переносье узкое. Нос средне-выступающий (2). Профиль носовых костей вогнутый (1). Спинка носа округлая. Носовые кости длинные, узкой выемчатой формы.

Грушевидное отверстие грушевидной формы. С предносовой ямкой у нижнего края (fossa praenasalis). Выступание носового шипа среднее. Орбиты крупные, высокие, средней формы.

Твердое нёбо высокое, прямоугольной формы.

Нижнечелюстная кость крупная, с отклоненными кнаружи, средне развитыми углами. Венечный отросток и подбородочная кость развиты средне. Вырезка ветви неглубокая. Подбородок выступает значительно. Слегка выражен нижнечелюстной валик (Torus mandibularis).

Альвеолярная дуга верхней челюсти инсилоидной, нижней — параболоидной формы.

Зубная формула полная.

Расовый тип черепа, повидимому, смешанный. Общее впечатление монголоидности, хотя выступающее лицо при средней глубине собачьих ямок показывает и европеоидные черты.

Курган 2. Инв. № Музея 5729-2. Табл. № 15. Женщина зрелого возраста (40—50 лет).

Хорошо сохранившийся череп небольшой величины, средней массивности, со слабо выраженным общим рельефом.

Череп подвергнут слабой конусовидной деформации, гипомакрокранный.

Черепная коробка эллипсоидной формы, а со стороны затылка — прямоугольная. Черепная коробка высокая, темя округлое, причем теменные кости несколько вдавлены по бокам, книзу от височной линии. Теменные бугры развиты значительно (3), теменные отверстия с обеих сторон.

Затылок округлый, несколько уплощенный, со слабо выступающей чешуей. Вдавления от повязок различимы только на лбу. Хорошо развит предвенечный валик, тогда как позадивенечное углубление отсутствует. Рельеф затылочной кости средний,

затылочный бугор развит слабо (1). Сосцевидный отросток средней величины, сосцевидное отверстие имеется слева.

Швы были развиты хорошо, в том числе и метопический. Облитерация их достигла средней степени (2—3), а венечный шов в боковых частях облитерирован полностью.

Лицевая часть черепа высокая, узкая, овоидной формы.

Вертикальный профиль лица ортогнатный, горизонтальная профилировка слабовыступающая. Лоб невысокий, средне-широкий, слабо наклоненный. Однако верхняя часть лба уплощена и резко наклоняется под влиянием деформации. Надпереносье (глабелла) развито слабо (1), надбровные дуги совсем не развиты (0).

Скулы слабо выступают (1). Собачья ямка мало углублена (справа — 1, слева — 2). Переносье средней ширины, нос средне-выступающий (2). Профиль носовых костей вогнутый (1), спинка носа угловатая. Носовые кости узкой выемчатой формы. Грушевидное отверстие грушевидной формы, с заостренным нижним краем (antropina). Носовой шип развит слабо (2).

Орбиты крупные, высокие, угловатой формы.

Нижнечелюстная кость небольшая, со слабо развитым углом. Венечный отросток и подбородочная кость развиты средне. Вырезка ветви нижней челюсти — глубокая. Выступание подбородка — среднее. Нижнечелюстной валик отсутствует. Альвеолярные дуги челюстей широкие, верхняя инсилоидной формы, нижняя — параболоидной. Выпали 3 левых больших коренных зуба, верхние 2-й и 3-й и нижний 2-й. Стертость зубов средняя.

Расовый тип черепа смешанный. Узкое лицо и слабо выступающие скулы придают европеоидные черты, но строение носа, неглубокие собачьи ямки, слабовыступающий горизонтальный профиль, большие высокие глазницы — придают черепу черты монголоидного типа.

Курган 5. Инв. № Музея 5729-3. Табл. № 11. Мужчина на пороге зрелого и старческого возраста (ок. 60 лет).

Хорошо сохранившийся череп средней величины и массивности, но с резко выраженным общим рельефом.

Череп подвергнут слабой конусовидной деформации — гипомакрокранный.

Черепная коробка овоидной формы, а со стороны затылка—прямоугольная. Черепная коробка высокая. Темя округлое, со слабо развитыми теменными буграми и левосторонним теменным отверстием.

Затылок округлый, несколько уплощенный, со слабой кривизной затылочной кости и со средне-выступающей затылочной чешуей. Слабые вдавления от повязок заметны по всей окружности черепа, за исключением затылочной кости. Имеется небольшой предвенечный валик и позадивенечное вдавление, выраженное только в латеральных отделах. Рельеф затылочной кости развит хорошо, затылочный бугор — средне (3). Выражен затылочный валик.

Сосцевидный отросток значительной величины Сосцевидное отверстие только слева, при этом небольших размеров.

Облитерация швов значительная (3—4).

Лицевая часть черепа, средне-высокая, широкая, прямоугольной формы. Лицо ортогнатное, слабо-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб невысокий, средне-широкий, сильно наклоненный и уплощенный, причем наклон еще усиливается деформацией. Лобные бугры развиты слабо. Надпереносье (глабелла) развито средне (3). Надбровные дуги средне-выступающие, короткие. Скулы выступают сильно (3), собачья ямка не углублена (справа — 0, слева — 1).

Нос средне-выступающий (2), с узким переносьем (1). Профиль носовых костей выпуклый в нижней части (3). Спинка носа угловатая. Носовые кости трапециевидной формы. Грушевидное отверстие сердцевидной формы с заостренным нижним краем (antropina). Носовой шип выступает слабо (2).

Орбиты средней величины, средне-высокие, неопределенной формы.

Нижнечелюстная кость средней величины, со средне-развитым, несколько отклонен-

ным кнаружи углом. Венечный отросток и подбородочная ость также развиты средне. Глубина вырезки ветви средняя. Подбородок средне-выступающий. Намечается нижнечелюстной валик.

Альвеолярная дуга нижней челюсти эллипсоидной формы, верхней челюсти, из-за отсутствия большинства зубов, определить нельзя.

В верхней челюсти сохранились: правый 1-й моляр; левые: боковой резец, клык и оба премоляра. В нижней челюсти сохранились все зубы за исключением 1-го левого премоляра. Стертость зубов значительная; отмечаются следы луночковой пиорреи.

Расовый тип черепа монголоидный (по широким скулам, строению носа, неглубоким собачьим ямкам, строению орбит).

Курган 6. Инв. № Музея 5729-4. Табл. № 2. Мужчина, только достигший возмужалого возраста (20—25 лет).

Хорошо сохранившийся череп, очень больших размеров, но средней массивности и со слабо выраженным общим рельефом.

Череп подвергнут слабой деформации — гипомакрокранный.

Черепная коробка эллипсоидной формы, а со стороны затылка — бомбовидная.

Затылок округлый с сильно выступающей над общим уровнем чешуей. Кривизна затылочной кости небольшая. Рельеф затылочной кости выражен средне, затылочный бугор развит очень слабо (1).

Теменные бугры выражены слабо, теменное отверстие очень маленькое, только справа.

Сосцевидный отросток небольшой величины, сосцевидные отверстия с обеих сторон.

В области птериона имеется длинный сфено-париэтальный шов.

Череп слабо деформирован в области затылка и верхней части лба.

Вдавления от повязок слабо выражены на лбу и в областях над астерионами. Вторичные явления отсутствуют.

Швы развиты хорошо. В левой половине ламбдовидного шва имеются вставочные косточки. Затылочно-основной спихандроз сросся недавно. Облитерация швов не началась.

Лицевая часть черепа высокая, средне-широкая, овоидной формы. Лицо мезогнатное, слабо-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб высокий, широкий, сильно наклоненный, со средне-выраженными лобными буграми. Надпереносье развито ниже среднего (2—3). Надбровные дуги средне-выступающие, средне-протяженные. Скулы выступают слабо (1), собачья ямка углубленная (справа — 3, слева — 2).

Нос слабо-выступающий (1), со средне-широким переносьем. Профиль носовых костей вогнутый (1), спинка носа округлая. Носовые кости прямоугольной формы. Грушевидное отверстие треугольной формы с заостренным нижним краем (antropina) Носовой шип хорошо развит.

Орбиты средней величины, неопределенной формы; правая — средне-высокая, левая — высокая.

Твердое нёбо — высокое.

Нижнечелюстная кость крупная, но слабо-массивная, характеризующаяся низкими ветвями. Венечный отросток ее развит средне, подбородочная ость — слабо. Вырезка ветви средней глубины. Подбородок выступает значительно (3). Torus mandibularis отсутствует.

Альвеолярная дуга верхней челюсти инсилоидной, нижней — параболоидной формы.

Зубная формула полная. Боковые верхние резцы лопатовидной формы. Стертость зубов незначительная.

Расовый тип черепа европеоидный, приближающийся к памиро-ферганскому.

Курган 6. Инв. № Музея 5729-5. Табл. № 14. Женщина, достигшая возмужалого возраста (ок. 25 лет).

Хорошо сохранившийся череп небольшой величины, слабой массивности, со слабо выраженным общим рельефом.

Череп со следами искусственной деформации — макрокранный.

Черепная коробка эллипсовидной формы, а со стороны затылка — бомбовидной. Высота черепной коробки средняя, темя — угловатое, с сильно выраженными теменными буграми и с теменными отверстиями с обеих сторон. Затылок округлый, несколько уплощенный над обелионом, со слабо выступающей чешуей и выпрямленной затылочной костью. Рельеф затылочной кости развит слабо, очень слабо выступает и затылочный бугор (1).

Вдавления от повязок слабы, а предвенечный валик и предвенечные углубления хорошо выражены.

Сосцевидный отросток небольшой величины, сосцевидное отверстие имеется с обеих сторон. В области птериона отмечается длинный сфенопариэтальный шов.

Развитие швов среднее. Имеется метопический шов. Вставочные косточки отмечаются в ламбдовидном и париэто-мастоидальном швах.

Облитерация швов не началась.

Лицевая часть черепа средне-высокая, узкая, овоидной формы. Лицо мезогнатное, средне-выступающее в горизонтальной плоскости. Лоб средней высоты и ширины, с сильно выступающими буграми, слабо наклоненный, несмотря на то, что наклон еще усиливается деформацией.

Надпереносье выступает очень мало (1), надбровные дуги отсутствуют. Скулы слабо-выступающие (1), собачья ямка средней глубины (2).

Нос слабо-выступающий (1), со средне-широким переносьем. Профиль носовых костей вогнутый (1), спинка носа округлая, но низкая, приближающаяся к плоской. Носовые кости прямоугольной формы. Грушевидное отверстие грушевидной формы, с заостренным нижним краем (antropina). Носовой шип выступает слабо (2).

Орбиты средней величины, средне-высокие, угловатой формы,

В обеих челюстях не выросли 3-и моляры. Стертость зубов слабая.

Расовый тип черепа смешанный, хотя и имеет монголоидную основу (слабо-выступающий нос, неглубокие собачьи ямки). Однако слабо-выступающие скулы и средне-выступающий горизонтальный профиль лица привносят и европеоидные черты.

Курган 6. Инв. № Музея 5729-6. Ребенок, в возрасте ок. 20 месяцев неопределенного пола (возможно мужского).

Череп, подвергнутый резкой конусообразной деформации, очень высокий, макрокранный, с хорошо различимыми вдавлениями от повязок и сильным уплощением затылка. Лобный родничек еще окончательно не зарос. В ламбдовидном шве много вставочных косточек.

Лоб наклонный и уплощенный.

Носовая часть лобной кости спускается низко, т. е. глазницы расположены высоко и высокие. Лицевая часть черепа развита довольно хорошо для такого возраста.

Все молочные зубы прорезались, причем задние правые коренные — незадолго до смерти.

Курган 6. Инв. № Музея 5729-7. Ребенок возраста ок. 12 месяцев, неопределенного пола.

Череп подвергнут резкой конусовидной деформации.

Можно отметить очень широкое переносье и низко опущенную носовую часть лобной кости.

Все резцы и первые коренные зубы уже прорезались.

На обеих теменных костях, недалеко от стреловидного шва довольно большие (4—5 см) моллюскообразные разращения из губчатой костной ткани, причем направление костных пластинок соответствует направлению окостенения теменных костей в этой области.

Курган 7. Инв. № Музея 5729-8. Табл. № 5. Мужчина зрелого возраста (40—50 лет).

Хорошо сохранившийся череп средней величины, но массивный, со средне-выраженным общим рельефом. Череп слабо деформирован — гипомакрокранный.

Черепная коробка эллипсоидной формы, а со стороны затылка — прямоугольная. Высота черепной коробки средняя, темя плоское, со средне-развитыми теменными буграми и правосторонним теменным отверстием. Затылок округлый, слегка уплощенный в области лямбды и обелиона, со средней кривизной затылочной кости. Рельеф затылочной кости значительный, хотя бугор выступает очень слабо (1). Имеется затылочный валик.

Имеются слабые следы вдавлений на лобной кости в ее латеральных отделах и слабо же выраженные предвенечный валик и позадивенечные углубления.

Сосцевидный отросток большой величины, сосцевидные отверстия с обеих сторон.

Швы узкой формы, хорошо развиты, за исключением ламбдовидного, развитого средне. Имеется неполная sutura mendosa. Облитерация швов с внутренней поверхности почти полная, с внешней — в области обелиона и в боковых отделах венечного.

Лицевая часть черепа высокая, средне-широкая, прямоугольной формы. Лицо мезогнатное, слабо-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб высокий, широкий, сильно-наклоненный и уплощенный. Надпереносье выступает средне (3), надбровные дуги развиты хорошо (3), хотя протяженность их небольшая (1).

Выступание скул среднее (3), собачья ямка углублена ниже среднего (левая — 1, правая — 2).

Нос слабо-выступающий (1), со средне-широким переносьем. Профиль носовых костей вогнутый (1). Спинка носа угловатая. Носовые кости трапециевидной формы. Грушевидное отверстие грушевидной формы с заостренным нижним краем (antropina). Носовой шип развит средне (3).

Орбиты средней величины, средне-высокие, угловатой формы.

На твердом небе слегка выражен torus palatinus. Нижнечелюстная кость средней величины, но углы ее развиты хорошо и отклонены кнаружи. Венечный отросток и подбородочная ость развиты средне. Глубина вырезки ветви справа — средняя, слева — значительная. Подбородок сильно выступающий. Torus mandibularis отсутствует.

Альвеолярная дуга верхней челюсти параболоидной, нижней — эллипсоидной формы. Отмечается средне-выраженный прогнатизм альвеолярных отростков верхней и нижней челюсти.

Зубная формула полная. Стертость зубов значительная. Следы альвеолярной пиорреи обоих верхних первых моляров.

Расовый тип черепа монголоидный, приближающийся к южно-сибирскому.

Курган 7. Инв. № Музея 5729-9. Табл. № 13. Женщина, зрелого возраста (50—60 лет).

Хорошо сохранившийся череп средней величины, слабой массивности, со средне-выраженным общим рельефом и слабыми следами деформации — гипомакрокранный.

Черепная коробка овоидной формы, а со стороны затылка — бомбовидная. Высота черепной коробки средняя, темя округлое, со средне-развитыми буграми и правосторонним теменным отверстием. Затылок округлый со средней кривизной затылочной кости и слабо выступающей затылочной чешуей.

Рельеф затылочной кости средний, хотя затылочный бугор выступает очень слабо (1). Отмечается небольшой затылочный валик. Сосцевидные отростки небольшой величины. Незначительное сосцевидное отверстие только справа.

В области птериона — длинный сфенопариэтальный шов. Едва различимы вдавления от повязок на лобной кости и позадивенечное углубление.

Швы развиты хорошо. В ламбдовидном шве имеются вставочные косточки. Облитерация швов не началась.

Лицевая часть черепа низкая, средне-широкая, прямоугольной формы. Лицо ортогнатное, слабо-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб средне-высокий, неширокий, значительно наклоненный, со средне-выступающими лобными буграми. Надпереносье развито слабо (2), надбровные дуги также (1).

Выступание скул среднее (2), глубина собачьей ямки слева небольшая (1), справа — средняя (2).

Нос средне-выступающий (2), с узким переносьем. Профиль носовых костей выпуклый в нижней части (3). Спинка носа угловатая. Носовые кости трапециевидной формы. Грушевидное отверстие сердцевидной формы с заостренным нижним краем (antropina). Носовой шип выступает слабо (2).

Орбиты крупные, высокие, неопределенной формы.

Нижнечелюстная кость небольшая, со средне-развитым, несколько отклоненным кнаружи углом. Венечный отросток и подбородочная ость развиты средне. Вырезка ветви мало углубленная. Подбородок выступает значительно. Чуть намечается torus mandibularis.

Альвеолярная дуга нижней челюсти параболоидной формы.

В верхней челюсти отсутствуют все зубы и альвеолярные отростки атрофированы, причем 2 правых и 1 средний левый резец выпали незадолго до смерти. В нижней челюсти отсутствуют правые — оба резца, 1-й и 3-й моляры, левые — все моляры и 2-й премоляр (последний выпал незадолго до смерти). Все оставшиеся зубы сильно стерты.

Состояние зубов и челюстей состоит в резком противоречии с неначавшейся облитерацией швов.

Расовый тип монголоидный, несколько смягченный.

Курган 8. Инв. № Музея 5729-10. Табл. № 4. Мужчина, возмужалого возраста (30—35 лет).

От черепа сохранилась нижняя челюсть со всеми зубами, которые мало стерты.

Углы нижнечелюстной кости развиты средне и отклонены кнаружи.

Нижний край кости как бы весь отклонен кнаружи. Зубная дуга небольшая. Подбородок заострен, выступает значительно.

Курган 9. Инв. № Музея 5729-11, Табл. № 7. Мужчина, зрелого возраста (ок. 50 лет). Хорошо сохранившийся череп большой величины, массивный, с резко выраженным общим рельефом.

Следы деформации слабые — гипомакрокранные.

Черепная коробка овоидной формы, а со стороны затылка приближается к бомбовидной. Высота черепной коробки большая, темя округлое, со слабо-выраженными буграми и очень маленьким правосторонним теменным отверстием.

Затылок округлый с средней кривизной затылочной кости и со слабо-выступающей над общим уровнем чешуей. Правая половина затылка несколько уплощена. Рельеф затылочный кости хорошо выражен. Затылочный бугор выступает значительно (4) и по бокам его короткие, но резко выраженные затылочные валики.

Изменения рельефа свода, связанные с деформацией, отсутствуют и последняя сказывается только в характере медиально-сагиттальной кривизны черепа.

Сосцевидный отросток крупный, узкой, длинной формы. Сосцевидные отверстия с обеих сторон. В области птериона длинный сфенопариэтальный шов.

Развитие швов среднее. Облитерация их диффузная в незначительной степени (1).

Лицевая часть черепа высокая, средне-широкая, имеющая вид прямоугольника со сглаженными контурами.

Лицо ортогнатное, слабо-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб средне-высокий, неширокий, значительно наклоненный. Лобные бугры развиты слабо.

Надпереносье (глабелла) развито выше среднего (3—4). Надбровные дуги короткие, но значительно выступающие.

Выступание скул среднее (2), глубина собачьей ямки небольшая (1).

Нос значительно выступающий (3), с узким переносьем. Профиль носовых костей выпуклый в нижней части (3). Спинка носа округлая. Носовые кости трапециевидной формы. Грушевидное отверстие приближается к прямоугольной форме с заостренным нижним краем (antropina). Носовой шип выступает очень значительно (5).

Орбиты средних размеров, средне-высокие, округлые.

Нижнечелюстная кость крупная, массивная. Угол ее развит средне и слегка отклонен кнаружи. Венечный отросток и подбородочная ость также развиты средне. Вырезка ветви — глубокая. Подбородок выступает значительно. Он очень высок, резко удлиняет все лицо и придает ему акромегалоидный оттенок.

Альвеолярная дуга верхней челюсти инсилоидной, нижней — параболоидной формы.

Большинство зубов верхней челюсти выпало; остались: правые — клык и боковой резец, левые — боковой резец, клык и 1-й премоляр.

В нижней челюсти большинство зубов сохранилось. Отсутствуют: справа — 2 задних моляра, слева — 2-й премоляр и 2-й моляр.

Стертость зубов значительная.

Расовый тип смешанный. Высокое, слабо-выступающее в горизонтальной плоскости лицо и глазницы, неглубокие собачьи ямки придают черепу монголоидный характер. Строение же носа и не очень выступающие скулы смягчают монголоидность. Возможно, череп приближается к южно-сибирскому типу.

Курган 9. Инв. № Музея 5729-12. Табл. № 20. Женщина, зрелого возраста (50—60 лет).

Хорошо сохранившийся череп небольшой величины, не массивный, со слабо-выраженным общим рельефом.

Не резко выраженная конусовидная деформация — череп гипомакрокранный.

Черепная коробка овоидной формы, а со стороны затылка приближается к бомбовидной. Высота черепной коробки выше средней, темя округлое с хорошо выраженными теменными буграми и очень маленьким правосторонним отверстием.

Затылок округлый с резко изогнутой затылочной костью, слегка уплощенный в области лямбды, со средне-выступающей над общим уровнем затылочной чешуей. Рельеф затылочной кости выражен слабо, бугор — отсутствует (0).

Следы вдавления от повязок заметны на лобной и теменных костях. Намечен предвенечный валик.

Сосцевидный отросток небольшой, сосцевидное отверстие имеется только справа.

Птерион образован коротким сфенопариэтальным швом, причем с обеих сторон здесь имеются маленькие вставочные косточки.

Швы развиты средне, причем большинство их достигло значительной степени облитерации (3—4). В области обелиона, лямбды и височных гребней лобной кости швы сохранены полностью, так же как и чешуйчатый шов.

Лицевая часть черепа высокая, средне-широкая, овоидной формы. Лицо ортогнатное, сильно-выступающее в горизонтальной плоскости. Лоб навысокий, средне-широкий, сильно наклоненный, что еще усиливается лобно-затылочной деформацией. Лобные бугры совершенно не выражены. Надпереносье развито слабо (2). Надбровные дуги — также слабо (1).

Скулы выступают слабо, собачья ямка слева — малоуглубленная (1), справа — глубина ее средняя (2). Нос значительно выступающий (3), с узким переносьем. Профиль носовых костей выпуклый в нижней части (3). Спинка носа округлая. Носовые кости трапециевидной формы. Грушевидное отверстие грушевидной формы с заостренным нижним краем (antropina). Носовой шип выступает значительно (5).

Орбиты средней величины, высокие, неопределенной формы.

Твердое нёбо высокое. Нижнечелюстная кость небольшой величины со слабо развитыми углами, хотя слегка отклоненными кнаружи, и слабо-выступающей подборо-

дочной остью. Венечные отростки развиты средне. Вырезка ветви средней глубины. Выступание подбородка среднее. Torus mandibularis отсутствует. Альвеолярная дуга верхней и нижней челюсти параболоидной формы.

В верхней челюсти выпали оба 3-и моляры, в нижней справа выпал 2-й моляр, слева — 3-и. Стертость зубов значительная. Отмечаются следы альвеолярной пиорреи правого 2-го верхнего моляра.

Расовый тип черепа приближается к европеоидному (сильно выступающее лицо и нос, сравнительно слабо развитые скулы), хотя высокие глазницы и неглубокие собачьи ямки придают налет монголоидности. Возможно, что череп приближается к памиро-ферганскому типу (наклон лба может быть обусловлен искусственной деформацией).

Курган 10. Инв. № Музея 5729-13. Катакомба. Табл. № 12. Мужчина, на грани зрелого и пожилого возраста (ок. 60 лет).

Хорошо сохранившийся череп, крупный, массивный, со значительно выраженным общим рельефом и следами кольцевой деформации — гипомакрокранный.

Черепная коробка эллипсоидной формы, а со стороны затылка — прямоугольная. Высота черепной коробки средняя. Темя округлое с хорошо выраженными теменными буграми. Теменные отверстия отсутствуют. Затылок округлый, со средней кривизной затылочной кости, несколько уплощенный в области лямбды, с незначительно выступающей над общим уровнем чешуей. Общий рельеф затылочной кости средний. Затылочный бугор развит слабо (1); при этом имеется хорошо выраженный torus occipitalis.

Следы деформации выражены в легком вдавлении на лобной кости.

Сосцевидный отросток средней величины, сосцевидные отверстия имеются с обеих сторон. В области птериона — зигзагный сфенопариетальный шов.

Общее развитие швов среднее. Началась диффузная облитерация всех швов (1—2).

Боковые части венечного шва облитерированы полностью.

Лицевая часть черепа низкая, широкая, квадратной формы. Лицо ортогнатное, слабо-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб высокий, широкий, сильно-наклоненный и уплощенный, со слабо-выступающими буграми. Развитие глабеллы выше среднего (4). Выступание надбровных дуг значительное, при небольшом их протяжении.

Выступание скул значительно (3), глубина собачьей ямки средняя (2).

Нос средне-выступающий (2), со средне-широким переносьем. Профиль носовых костей вогнутый (1). Спинка носа угловатая. Носовые кости узкой выемчатой формы. Грушевидное отверстие грушевидной формы с заостренным нижним краем (antropina). Носовой шип выступает очень сильно (5). Орбиты крупные, невысокие, угловатой формы. Твердое нёбо узкое, длинное.

Нижнечелюстная кость крупная, с хорошо развитым, отклоненным кнаружи углом. Хорошо развит и венечный отросток. Вырезка ветви — глубокая. Подбородочная ость развита средне. Выступание подбородка среднее. Намечается torus mandibularis.

Альвеолярная дуга верхней челюсти, повидимому, эллипсоидной формы, нижней — параболоидной. Из всех зубов верхней и нижней челюсти сохранился только 1 нижний правый боковой резец. Зубы, повидимому, выпали незадолго до смерти и сравнительно за короткий срок. Следы альвеолярной пиорреи.

Полная ассимиляция атланта.

Расовый тип черепа смешанный. Низкое лицо и глазницы, строение носа придают ему европеоидные черты, широкие же скулы и неглубокие собачьи ямки при покатом лбе придают черты южно-сибирского типа.

Курган 10. Инв. № Музея 5729-14. Катакомба. Женщина, зрелого возраста (ок. 40 лет).

Хорошо сохранившийся череп средней величины, но массивный, с общим рельефом выраженным выше среднего.

Череп подвергнут слабой кольцевидной деформации — гипомакрокранный.

Черепная коробка эллипсоидной формы, а со стороны затылка — прямоугольная. Высота черепной коробки большая. Темя с перетяжкой, со средне-выступающими теменными буграми и теменными отверстиями с обеих сторон. Затылок округлый, слабо асимметрично уплощенный, с малой кривизной затылочной кости и со средне-выступающей над общим уровнем чешуей. Рельеф затылочной кости выражен средне. Средне развит и затылочный бугор (3), по бокам которого имеются хорошо развитые затылочные валики. Слабые вдавления от повязок на лобной кости. Сосцевидный отросток крупный, сосцевидные отверстия отсутствуют.

В области птериона длинный сфенопариэтальный шов.

Швы развиты хорошо. Довольно значительная диффузная облитерация венечного и сагиттального швов.

Лицевая часть черепа средне-высокая, средне-широкая, овоидной формы. Лицо ортогнатное, слабо-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб невысокий, широкий, сильно-наклоненный, что еще усиливается деформацией. Лобные бугры выражены средне. Надпереносье выступает слабо (2), надбровные дуги развиты также слабо (1).

Выступание скул среднее, глубина собачьей ямки ниже среднего (справа — 2, слева — 1).

Нос средне-выступающий, со средне-широким переносьем. Профиль носовых костей вогнутый. Спинка носа угловатая. Носовые кости трапециевидной формы. Грушевидное отверстие сердцевидной формы с заостренным нижним краем (antropina). Носовой шип выступает слабо (2). Орбиты крупные, средне-высокие, угловатой формы. Твердое нёбо короткое, широкое.

Нижнечелюстная кость небольшая, причем тело ее как бы несколько вздуто в задней части. Угол ее развит средне, венечный отросток и подбородочная ость — значительно. Глубина вырезки — средняя.

Альвеолярная дуга верхней челюсти эллипсоидной, нижней — параболоидной формы. Отмечается средне-выраженный альвеолярный прогнатизм нижней челюсти.

В верхней челюсти отсутствуют справа 2 задних моляра, слева — боковой резец и 3-й моляр. В нижней челюсти отсутствует справа 1-й моляр, слева 1-й и 2-й моляры. Кроме того, повидимому, 3-и моляры нижней челюсти не разбились.

Отмечаются следы альвеолярной пиорреи. Бросаются в глаза резко развитые и как бы вздутые средние носовые раковины.

Расовый тип монголоидный (очень плоское лицо, неглубокие собачьи ямки, строение носа, большие высокие глазницы).

Курган 10. Инв. № Музея 5729-15. Дромос. Табл. № 8. Мужчина, в зрелом возрасте (ок. 50 лет).

Хорошо сохранившийся череп больших размеров, очень массивный с резко выраженным общим профилем. Следы искусственной деформации отсутствуют.

Черепная коробка эллипсоидной формы, а со стороны затылка — прямоугольная. Высота черепной коробки средняя. Темя округлое, с средне-выступающими буграми и левосторонним теменным отверстием. Ангибазион расположен впереди брегмы. Поэтому за наибольшую высоту принято расстояние Ba—b, а угол наклона оси свода не измерен).

Затылок округлый, со слабо-выступающей чешуей. Рельеф затылочной кости выражен хорошо. Затылочный бугор выступает средне (3). Очень резко выражен torus occipitalis. Сосцевидные отростки крупные, сосцевидные отверстия с обеих сторон. В области птериона длинный сфенопариэтальный шов.

Развитие швов хорошее. Облитерация швов со стороны полости черепа почти полная, с внешней же стороны облитерированы только боковые отрезки венечного шва.

Лицевая часть черепа средне-высокая, широкая, прямоугольной формы. Лицо ортогнатное, слабо-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб высокий, средне-широкий, средне-наклоненный, со средне-выступающими буграми.

Надпереносье (глабелла) развито выше среднего (4). Надбровные дуги короткие, незначительно выступающие. Скулы выступают значительно (3), глубина собачьей ямки ниже средней (справа — 1, слева — 2). Нос сильно-выступающий (3), с узким переносьем Профиль носовых костей выпуклый в нижней части (3). Спинка носа округлая. Носовые кости трапециевидной формы. Грушевидное отверстие сердцевидной формы со сглаженным нижним краем (infantilis). Носовой шип развит ниже среднего (2). Орбиты небольшие, низкие, угловатые. Твердое нёбо прямоугольной формы.

Нижнечелюстная кость средних размеров, с хорошо развитыми, отклоненными кнаружи углами. Венечный отросток развит хорошо, подбородочная ость — средне. Глубина вырезки ветви — средняя. Выступание подбородка значительное. Намечается torus mandibularis.

Альвеолярная дуга верхней челюсти эллипсоидной, нижней — эллипсоидной формы.

В верхней челюсти сохранились только клыки и 2 левых последних моляра. В нижней челюсти имеется большинство зубов. Отсутствуют выпавшие левый 1-й моляр, правый 2-й моляр и невыросший правый 3-й моляр.

Зубы очень сточены. Некоторые выпали незадолго до смерти. Следы альвеолярной пиорреи во многих местах.

Расовый тип смешанный. Слабо-выступающее лицо, широкие скулы, смягченность нижнего края грушевидного отростка, средний наклон лба, приближают череп к монголоидному, возможно южно-сибирскому типу. Однако небольшая высота лица, выступающий нос, низкие глазницы придают европеоидные черты.

Курган 10. Инв. № Музея 5729-16. Дромос. Табл. № 13. Мужчина, старческого возраста (60—70 лет).

Хорошо сохранившийся череп, крупный, массивный, но со смягченным общим рельефом. Следы кольцевой деформации отсутствуют.

Черепная коробка овоидной формы, а со стороны затылка — прямоугольная. Высота черепной коробки средняя, темя плоское, со средне-выступающими теменными буграми и отверстиями с обеих сторон. Обелион несколько уплощен, а по бокам стреловидного шва имеются небольшие вдавления. Затылок угловатый (слегка уплощенный). Рельеф затылочной кости развит хорошо. Хотя выступание затылочного бугра слабое (1), однако очень резко выражен затылочный валик.

Сосцевидные отростки средней величины; небольшое сосцевидное отверстие справа. В области птериона длинный сфенопариэтальный шов.

Венечный шов развит средне и достиг средней степени облитерации. Стреловидный и ламбдовидный швы облитерированы полностью.

Лицевая часть черепа невысокая, очень широкая, овоидной формы. Лицо ортогнатное, слабо-выступающее в горизонтальной плоскости.

Лоб средней высоты и ширины, средне-наклоненный со средне-выступающими буграми.

Надпереносье (глабелла) развито средне (3), надбровные дуги короткие, средне-выступающие. Скулы выступают значительно (3), глубина собачьей ямки небольшая (слева даже — 0, справа — 1).

Нос средне-выступающий (2), с узким переносьем. Профиль носовых костей выпуклый в нижней части (3). Спинка носа округлая. Носовые кости длинные, узкой выемчатой формы. Грушевидное отверстие сердцевидной формы со сглаженным нижним краем (infantilis). Носовой шип развит ниже среднего (2).

Орбиты небольшие, средне-высокие, неопределенной формы.

Верхняя челюсть несколько прогнатична. Нижнечелюстная кость крупная, со вздутым телом. Углы ее развиты средне, венечный отросток — слабо, а подбородочная ость — сильно. Глубина вырезки ветви небольшая. Выступание подбородка среднее. Torus mandibularis отсутствует.

Альвеолярная дуга нижней челюсти эллипсоидной формы, верхнюю определить невозможно, так как в ней сохранились только 2 средних резца. В нижней челюсти отсутствуют 3 правых моляра и 1-й и 2-й левые. Стертость зубов значительная.

Расовый тип смешанный, приближающийся к южно-сибирскому, хотя хорошо выступающий нос и низкое лицо придают европеоидные черты.

При изучении краниологического материала, прежде всего, обращает внимание и поражает большое количество искусственно деформированных черепов.

Характер искусственного воздействия на форму головы сомнений не вызывает. В основном — это кольцевая деформация, вызванная бинтованием головы ребенка, о чем говорит хорошо выраженная конусообразная форма черепа.

Известно, что в некоторых случаях в целях деформирования надевают на головы детей тесно прилегающие шапочки, чепчики или тюрбаны, которые, распределяя давление по всей поверхности, способствуют возникновению цилиндрических форм черепного свода. В изучаемой серии имеются хорошо выраженные конусообразные черепа и поэтому предположение о деформации шапочкой или чепчиком нужно отвергнуть. Конусообразность чрезвычайно подчеркнута у черепов № 5672-3 и 4, происходящих из одной катакомбы и настолько сходных антропологически, что можно с уверенностью говорить о близких родственных связях их носителей (рис. 1 и 2).

Кроме кольцевой, известную роль играла также затылочная деформация, массовый характер которой доказывается находкой особого рода колыбели (бешика) в одной из катакомб. Насколько нам известно, это — древнейшая находка подобных колыбелей, хотя, очевидно, они существовали и раньше, в частности, у усуней, черепа которых имеют сильно уплощенные затылки. Затылочной деформации мы склонны, как говорилось уже выше, приписать выраженную „стоячую“ форму большинства черепов.

Особо отметим, что все без исключения черепа, найденные в катакомбах, циркулярно-деформированы, тогда как найденные в дромосе кургана № 10 (№ 5729-15 и 16) никаких следов кольцевой деформации не имеют.

Интенсивность деформации вариирует. Указатель деформации в мужской и женской группах приблизительно одинаков, но если откинуть черепа из дромоса, то черепа мужчин со средним указателем (87.0) окажутся деформированными несколько сильней, чем женщин.

Никакого сравнительного материала пока привести нельзя за отсутствием в литературе соответствующих данных. Старые авторы (Анучин и др.) определяли инион как вершину наружного затылочного бугра и потому цифры их с нашими несравнимы.

Любопытна относительная частота метопизма среди краниологических материалов из Кенкольского могильника. В самом деле, из 20 черепов метопических 2, т. е. 10%, а если принять в расчет только циркулярно-деформированные черепа, которых 18, то метопических среди них окажется 11%. Для европейцев процент метопизма в среднем ниже 10%. Фигурирующие до сих пор в литературе более высокие цифры, как

показал Зитсен,[1] — недостоверны. За пределами Европы частота метопизма резко падает, доходя в некоторых популяциях до 1%. Приводимая табл. 3 показывает, что кольцевая деформация в какой-то мере способствует сохранению метопического шва.

Таблица 3

Серии	Общее число циркулярно-деформированных черепов	Из них с метопическим швом
Погребения эпохи бронзы	11	3 (27.3%)
Погребения сарматского времени	16	4 (25%)
Херсонес	31	6 (19.4%)
Керчь	34	9 (26.5%)
Готские могильники	8	3 (37.5%)
Грузинский могильник VII в. близ Мцхета	3	2 (65.7%)
Алуштинский могильник	11	2 (18.2%)
Разные	7	0
Все	121	29 (24%)

Приведенные цифры относятся к европеоидным или преимущественно европеоидным сериям, исследованным нами лично. Только для Керчи использованы также данные Анучина[2] и Кожевникова и Прибыткова.[3] Столь же велико количество метопических черепов в „арменоидных" группах (Бунак[4] и Фюрст[5]). Среди других рас соотношения могут быть иными. Так, например, Оттекинг[6] не нашел никаких различий в этом отношении между циркулярно-деформированными и недеформированными черепами индейцев Ванкувера.

Циркулярно-деформированные метопические черепа отличаются от подобных неметопических тем, что обе лобные кости поставлены у них под углом друг другу, вследствие чего поперечная кривизна лба увеличена. Это явление есть следствие, а не причина метопизма, так как ему аналогично соответствующее взаимоотношение теменных костей. Кроме того, мы наблюдали на метопических черепах, деформированных

[1] A. Sitsen. Über die Ursachen des Metoposmus. Anthr. Anz. Jahrg., XIV. 1937, H. 2.

[2] Д. Н. Анучин, ук. соч.

[3] А. Я. Кожевников и Г. И. Прибытков. Неврологический музей имп. Московск. унив., М., 1897.

[4] В. В. Бунак. Crania armenica. M., 1927.

[5] C. M. Fürst. Zur Kenntnis die Anthropologie der prähistorischen Bevölkerung der Insel Cypern, Lund., 1933.

[6] B. Ottekіng, ук. соч.

двудощечным аппаратом, такую же кривизну лобных костей. Очевидно, она развилась по прекращении процесса деформирования.

Хорошо выраженный в большинстве случаев общий рельеф черепа подтверждает данные, полученные при изучении костей скелета, о значительно развитой мускулатуре.

На черепе, как и на длинных костях, хорошо выражена и половая дифференцировка. Бросается в глаза довольно плохое состояние зубной системы, наступающее сравнительно рано (например в №№ 3, 9, 11, 13, 15, 16 очень много выпавших зубов), и сравнительно большое количество лиц с альвеолярной пиореей (№№ 3, 8, 12, 13, 14, 15). Может быть здесь имел место авитаминоз или эндемический зоб, который и теперь встречается в этих местах.

4

Большой интерес представляет расовая характеристика изученных черепов (табл. 4).

Продольные размеры черепа, несмотря на удлиняющую его деформацию, относятся к небольшим. Поперечные же размеры черепной коробки относятся к средним. Это, может быть, говорит за то, что деформация в данном случае была проделана при брахи- или мезо-, но отнюдь не на долихокранной форме черепной коробки, как на черепах из Крыма и Северного Кавказа, изученных Е. В. Жировым,[1] у которых кольцевая деформация проделана на долихокранной основе. Какова была исходная форма мозгового черепа — сказать в точности нельзя. По формулам Шапиро[2] можно восстановить лишь вероятный продольный диаметр, который оказывается для всей серии равным 185.8. Если же откинуть черепа из дромоса кургана № 10 (№№ 5729-15 и 16), то исправленный продольный диаметр будет равняться 185.0. И в том, и в другом случае он реально не отличается от наибольшей длины черепов из дромоса. О ширине черепа можно судить лишь по размерам биаврикулярного диаметра, которые довольно значительны. В целом же группа была, вероятно, мезокранна и недеформированные черепа №№ 5729-15 и 16 для нее достаточно характерны.

Это подтверждает и величина черепного указателя, который находится в пределах мезо-и брахикрании, даже и в наименее деформированных черепах данной серии.

Очень большая высота черепа зависит не только от искусственной деформации его, так как мало деформированный череп (5672-5) тоже относится к высоким (рис. 3).

Лицо, в среднем, довольно высокое, но неширокое, благодаря чему оно имеет узкую форму (лептопрозопия). Вертикальный профиль лица

[1] Е. В. Жиров. Об искусственной деформации головы. Кр. Сообщ. ИИМК, № 8, 1940.

[2] H. L. Shapiro. A correction for artificial deformation of sculls. Anthr. papers of the Amer. Mus. of Nat. Hist., 1. 1928, XXX.

Таблица 4

Измерительные и описательные признаки на черепах мужчин из Кенкольского могильника

№№ по порядку	Наименование признака	№№ по Мартину	1 5672-3 ♂ Juvenis 16—17 л.	2 5729-4 ♂ Adultus 20—25 л.	3 5672-1 ♂ Adultus 22—25 л.	5 5729-8 ♂ Maturus 40—50 л.	6 5729-1 ♂ Maturus ок. 50 л.	7 5729-11 ♂ Maturus ок. 50 л.	8 5729-15 ♂ Maturus ок. 50 л.	9 5672-1 ♂ Maturus 40—60 л.	10 5672-5 ♂ Maturus 50—60 л.	11 5729-3 ♂ Mat.-Sen. ок. 60 л.	12 5729-13 ♂ Mat.-Sen. ок. 60 л.	13 5729-16 ♂ Senilis 60—70 л.	Все мужчины
1	Продольный диаметр (gl — op)	1	171	179	176	180	174	184	185	184	172	173	179	186	**179.27**
2	Продольный диаметр (gl — i)	2	163	166	163	170	169	178	181	165	168	167	173	181	**171.0**
3	Поперечный диаметр	8	141	142	140	140	140	145	138	139	140	133	142	113	**140.18**
4	Биаурикулярная ширина	11	130	134	131	130	129	127	125	125	129	126	123	135	**129.0**
5	Высотный диаметр	17	152	136	151	135	136	143	138	140	130	136	137	133	**137.73**
6	Наибольшая высота черепа	1	135	140	158	139	148	148	128	157	132	147	137	134	**144.0**
7	Высота крыши черепа	22a	113	111	118	102	100	112	101	115	100	107	106	99	**105.45**
8	Ширина лба наименьшая	9	101	105	99	98	96	95	98	95	91	90	95	94	**96.09**
9	Ширина лба наибольшая	10	114	130	119	122	108?	—	125	118	118	—	—	—	**120.0**
10	Горизонтальная окружность через gl — i	23	488	515	488	525	505	530	520	484	503	490	513	523	**508 73**
11	Черепной указатель	8 : 1	—	79:3	—	77.8	80.5	78.8	74.6	—	81.4	76.9	79.3	76.9	**78.39**
12	Черепной указатель	8 : 2	86.5	85.5	85.9	82.4	82.8	81.5	76.2	84.2	83.3	79.6	82.1	79.0	**82.05**
13	Высотно-продольный указатель	17 : 1	—	76.0	—	75.0	78.2	77.7	74.6	—	75.6	78.6	76.5	71.5	**75.96**
14	Высотно-поперечный указатель	17 : 8	—	95.8	—	96.4	97.1	98.6	100.0	—	92.9	102.3	96.5	93.0	**96.95**
15	Высотно-продольный указатель (указатель деформации)	I : 2	95.1	84.3	96.9	81.8	87.6	83.1	76.2	95.2	78.6	83.0	79.2	74.0	**85.0**
16	Высотно-поперечный указатель	I : 8	86.5	85.5	85.9	82.4	82.8	81.5	100	84.2	83.3	79.6	82.1	79.0	**84.4**
17	Лобно-поперечный указатель	9 : 8	71.63	74.7	70.7	70.0	68.6	65.5	71.0	68.4	65.0	67.7	66.9	65.7	**68.56**
18	Окружность черепа через gl — i	II	489	504	489	508	507	524	520	483	493	496	510	522	**505.09**
19	Угол профиля лба	32	68	75	67	79	70	80	82	75	72	74	80	79	**75.73**
20	Угол наклона лба	32 -Ia	48	46	48	51	45	51	49	50	46	52	53	47	**48.91**
21	Угол изгиба лобной кости (Nas — Met — Br)	33—I	12	135	152	137	143	137	132	142	139	146	139	134	**139.64**
22	Угол наклона верхней чешуи	33—4	97	107	100	91	95	95	86	104	94	96	95	86	**95.36**
23	Угол изгиба затылочной кости	34	139	130	142	124	136	125	110	143	123	132	125	117	**127.91**
24	Угол наклона затылочного отверстия	IV	—2	—10.5	—6	—3	+7!	—16	—1	—2	-21	10	—21	—1	—
25	Угол наклона оси свода (Oeteking).	V	55	50	54	59	56	58	55	55	54	56	57	56	**55.45**
26	Угол наклона оси свода (Жиров)	—	83	70	76	81	76	81	—	68	76	79	93!	82	**78.2**
27	Степень уплощения затылка	—	2	0	2	1	2	2	0	1	3 асим.	2	2	2	**1.54**
28	Выступание затылочного бугра	—	1	1	1	1	3	4	3	2	2	3	1	1	**2.0**
29	Метопический шов	—	Отсут.	Отсут.	Отсут.	Отсут.	Отсут.	Отсут.	Отсут.	Отсут.	Отсут.	Отсут.	Отсут.	Отсут.	—

Продолж. табл. 1

№№ по порядку	Наименование признака	№№ по Мартину	1 5672-3 ♂	2 5729-4 ♂	3 5672-4 ♂	5 5729-8 ♂	6 5729-1 ♂	7 5729-11 ♂	8 5729-15 ♂	9 5672-1 ♂	10 5672-5 ♂	11 5729-3 ♂	12 5729-13 ♂	13 5729-16 ♂	Все мужчины
30	Длина основания черепа	5	107	99	102	104	112	103	103	100	100	99	105	108	**103.73**
31	Длина основания лица	40	102	93	99	101	103	197	103?	98	93	—	—	106?	**99.22**
32	Высота лица полная	47	124	123	123	—	128	—	—	—	—	—	—	—	**124.67**
33	Высота лица верхняя	48	78	71	76	77	77	—	—	73	71	—	—	-	**74.67**
34	Скуловой диаметр	45	136	136	139	142	138	135	141	133	133	136	140	145	**137.91**
35	Бигониальный диаметр	66	103	106	111	101	113	104	112	107	105	110	107	106	**107.73**
36	Ширина средней части лица	46	100	92	100	—	90	97	101	95	98	97	104	101	**97.8**
37	Биорбитальная ширина	43—I	100	104	100	100	97	99	101	93	96	98	102	96	**98.73**
38	Назомалярная ширина	44—I	114	114	112	110	109	110	109	103	105	103	114	104	**109.00**
39	Межорбитальная ширина d-d	50a	23	23	22	21	20	19	22	20	20	23	24	16	**21.1**
40	Высота ветви нижней челюсти	70	57	56	57	69	64	75	60	59	63	9	62	69	**62.09**
41	Ширина ветви нижней челюсти	71a	34	29	33	37	35	34	36	35	30	35	36	39	**34.54**
42	Выступание лица (по Абинде-ру)	IX	25	23	25	21	27	18	19	24	22	21	25	23	**22.75**
43	Указатель прогнатизма	40 : 5	95.3	93.9	97.1	97.1	92.0	93.3	95.4?	98.0	93.0	-	—	98.2?	**95.33**
44	Лицевой указатель верхний	48 : 45	57.4	54.4	54.7	54.2	55.8	—	—	54.9	53.4	—	—	—	**54.57**
45	Лицевой указатель	47 : 45	91.18	90.44	88.49	—	92.75	—	—	—	—	—	—	—	**90.56**
46	Лобно-скуловой указатель	9 : 45	74.3	77.9	71.2	69.0	69.6	70.1	70.0	71.4	68.4	66.2	67.9	64.8	**69.71**
47	Челюстно-скуловой указатель	66 : 45	75.7	77.9	79.9	73.2	81.9	77.9	80.0	80.5	79.0	80.9	76.1	73.1	**78.16**
48	Назомалярный указатель	44_1 : 44a	112.9	111.8	110.9	111.1	111.2	110.0	109.0	110.8	109.3	109.1	110.7	109.5	**110.3**
49	Верхний челюстный указатель	61 : 60	140.8	121.2	124.5	117.5	118.5	—	—	116.1	113.0	—	—	—	**118.47**
50	Указатель ветви нижней челюсти	71a : 70	59.7	51.8	57.9	53.6	54.7	45.3	60.9	50.3	47.6	73.5	58.3	56.5	**56.21**
51	Ширина носа	54	25	23	25	26	24	24	26	25	26	27	25	28	**25.45**
52	Высота носа	55	56	51	53	51	56	52	52	53	48	52	50	51	**52.0**
53	Носовой указатель	54 : 55	44.6	45.1	47.2	51.0	42.9	46.2	50.0	49.1	54.2	51.9	50.0	51.9	**49.05**
54	Наименьшая шир. носовых костей	57	9	10.5	10	7	7.5	5.5	7	7	9.3	8	9	7	**7.98**
55	Высота носовых костей (по Woo)	VII	3.3	3.2	4.0	2.5	3.5	2.7	2.8	2.5	4.7	3.6	4.1	3.2	**3.37**
56	Высота корня носа над биорбитальной линией	VI	21	19.5	20	18.5	19	17.4	18.5	17	17	18.5	18	17	**18.22**
57	Указатель высоты корня носа к биорбитальной линии	VI : 43_1	21.0	19.2	20.0	18.0	18.6	18.2	18.3	18.3	18.8	18.4	16.7	17.7	**18.38**
58	Указатель высоты переносья к межорбитальной линии d-d	VIII : 50a	42.6	46.8	51.7	54.7	67.4	53.5	55.1	53.0	56.0	47.8	54.3	69.0	**69.0**
59	Высота переносья над межорбитной линией	VIII	9	11.0	11.4	11.6	13.5	11.3	12.3	10.6	11.2	11.1	13.3	11.1	**11.53**
60	Указатель высоты спинки носа (по Woo)	VII : 57	36.7	30.5	40.0	35.7	46.7	49.1	40.0	35.7	50.5	45.0	45.9	45.7	**42.53**

Продолж. табл. 4

№№ по порядку	Наименование признака	№№ по Мартину	1 5672-3 ♂	2 5729-4 ♂	3 5672-4 ♂	5 5729-8 ♂	5729-1 ♂	7 5729- ♂11	8 29-15 ♂	9 5672-1 ♂	10 5672-5 ♂	11 5729-3 ♂	12 5729-13 ♂	13 5729-16 ♂	Все мужчины
61	Ширина орбиты	51	43	42	13	42	41	41	42	39	41	41	44	41	**41 82**
62	Ширина орбиты	51a	41	40	40	40	38	41	39	37	37	33.5	42	40	**39.32**
63	Высота орбиты	52	37	33	36	33	37	35	27	35	33	34	30	32	**33.18**
64	Орбитный указатель	52 : 51	86.1	78.6	83.7	78.6	90.2	79.6	64.3	89.7	80.5	82.9	68.2	78.1	**79.49**
65	Длина нёба	62	44	43	47	52	40	46	51	45	45	45	49	49	**46.64**
66	Ширина нёба	63	41	37	41	38	32	38	40	39	41	36	33	36	**37.36**
67	Указатель ширины нёба	63 : 62	100	86.05	87.23	73.03	80.0	82.61	78.43	86.67	91.11	78.26	67.35	73.47	**80.39**
68	Угол профиля лба	32	68	75	67	79	70	80	82	75	72	74	80	79	**75.73**
69	Угол наклона лобной кости	32—Ia	48	46	43	51	45	51	49	50	46	52	53	47	**48.91**
70	Угол профиля лица	72	83	85	83	83	85	86	86	83	83	84?	85?	85?	**84.45**
71	Угол спинки носа	75	56	—	57	57	60	59	60	—	59	53	60	60	**58.89**
72	Угол спинки носа к линии профиля	75—I	27	—	26	26	25	27	26	—	24	26?	25?	25?	**25.67**
73	Сагиттальный угол входа в орбиту	78	91	90	87	91	93	92	90	90	92	89	93	99	**91 45**
74	Фронтальный угол входа в орбиту	78—I	20	15	17	20	17	16	16	15	17	19	16	14	**16 54**
75	Горизонтальное выступание лица	—	2	1	2	1	3	1	1	2	1	1	1	1	**1.36**
76	Наклон лба	—	3 деф.	3	3 деф.	3	3	3	2	3 деф.	2	3	3	2	**2.73**
77	Развитие глабеллы	—	1	2	2	3	—	3—4	4	2	4	3	4	3	**3.95**
78	Выступание надбровных дуг	—	0	1	1	3	—	3	3	1	2	2	3	2	**2.1**
79	Выступание скул	—	1	1	2	2	2	2	3	2	2	3	3	3	**2.27**
80	Глубина собачьей ямки	—	0	3 прав. 2 лев.	1	2 прав. 1 лев.	2	1	1 прав. 2 лев.	2	3	0 прав. 1 лев.	2	1 прав. 0 лев.	**1.59**
81	Ширина переносья	—	2	2	2	2	1	1	1	1	2	1	2	1	**1.45**
82	Выступание носа	—	2	1	2	1	2	3	3	1?	2	2	2	2	**1.91**
83	Профиль носовых костей	—	1		1	1	1	3	3	3?	3	3	1	3	**2.09**
84	Строение спинки носа	—	Углов.	Округ.	Углов.	Углов.	Округ.	Округ.	Округ.	Округ.	Углов.	Углов.	Углов.	Округ.	Округ 6, Углов. 5
85	Форма грушевидного отверстия	—	Треуг.	Треуг.	Треуг.	Сердц.	Груш.	Груш.	Сердц.	Груш.	Сердц.	Сердц.	Груш.	Сердц.	Треуг. 2, Сердц. 5, Груш. 4
86	Нижний край грушевидного отверстия	—	Antrop.	Antrop.	Antrop.	Antrop.	F. praenes	Antrop.	Infant.	F. praenes	Antrop.	Antrop.	Antrop.	Infant.	Ant. 7, f. pr. 2, inf. 2
87	Развитие носовой ости	—	5	4	5	3	3	5	2	3?	2—3?	2	5	2	**3.32**
88	Высота орбиты	—	3	2 прав. 3 лев.	3	3	3	3	1	3	2 прав. 3 лев.	3	2	2	**2.54**
89	Torus mandibularis	—	0	0	0	0	1	1	1	2	0?	1	1	0	**0.64**

Измерительные и описательные признаки на черепах женщин из Кеакольского могильника

№№ по порядк.	Наименование признака	№№ по Мартину	14 5729-5 ♀ Adultus ок. 25 л.	15 5729-2 ♀ Maturus 40—50 л.	16 5729-14 ♀ Maturus ок. 40 л.	17 5672-6 ♀ Maturus	18 5729-9 ♀ Maturus 50—60 л.	19 5672-7 ♀ Maturus	20 5729-12 ♀ Maturus 50—60 л.	21 5672-8 ♀ Senilis глуб. стар.	Все женщины
1	Продольный диаметр (gl — op)	1	170	168	177	176	171	172	165	168	170.87
2	Продольный диаметр (gl — i)	2	151	162	167	170	164	159	161	159	160.87
3	Поперечный диаметр	8	133	123	135	136	135	—	134	127	131.86
4	Бауриkулярная ширина	11	119	111	124	124	124	—	119	114	119.28
5	Высотный диаметр	17	132	129	133	132	128	140	131	125	131.37
6	Наибольшая высота черепа	1	139	135	140	132	135	148	139	141	138.62
7	Высота крыши черепа	22a	101	103	105	105	95	115	103	112	105.25
8	Ширина лба наименьшая	9	100	99	103	102	90	91	91	92	96.0
9	Ширина лба наибольшая	10	118	—	—	—	111	—	115	—	114.67
10	Горизонтальная окружность через gl — i	23	473	475	500	500	485	—	483	454	482.14
11	Черепной указатель	8 : 1	78.2	73.2	76.3	77.3	79.0	—	812	—	77.53
12	Черепной указатель	8 : 2	86.4	75.9	80.8	80.0	82.3	—	83.2	84.7	81.9
13	Высотно-продольный указатель	17 : 1	77.7	76.8	75.1	75.0	74.9	—	79.4	—	76.48
14	Высотно-поперечный указатель	17 : 8	99.3	101.9	98.5	97.1	94.8	—	97.8	—	96.73
15	Высотно-продольный указатель (указатель деформации)	1 : 2	90.3	83.3	83.8	77.6	82.3	93.1	86.3	94.0	86.3
16	Высотно-поперечный указатель	1 : 8	86.4	75.9	80.8	80.0	82.3	—	83.2	84.7	81.9
17	Лобно-поперечный указатель	9 : 8	75.2	89.5	76.3	75.0	66.7	—	67.9	72.4	73.43
18	Окружность черепа через gl — i	II	464	476	496	499	483	—	478	455	478.71
19	Угол профиля лба	32	85	75	75	77	80	66	74	66	74.75
20	Угол наклона лба	32—1a	50	45	45	48	51	46	48	44	47.12
21	Угол изгиба лобной кости (Nas — Met — Br)	III	129	134	136	136	135	150	140	146	138.25
22	Угол наклона верхней чешуи	33—I	103	98	101	92	95	105	97	109	100.0
23	Угол изгиба затылочной кости	33—4	135	134	131	119	126	140	111	148	130.5
24	Угол наклона затылочного отверстия	34	+1	—16	—10	—23	—4	—12	13	—19	—
25	Угол наклона оси свода (Oeteking)	IV	56	55	52	57	57	53	55	55	55.0
26	Угол наклона оси свода (Жиров)	V	74	77	72	83	74	71	72	69?	74.0
27	Степень уплощения затылка	—	1	2	1 асим.	2	0	0	1	2	1.12
28	Выступание затылочного бугра	—	1	1	3	0	1	1	0	0	0.87
29	Метопический шов	—	Имеется	Имеется	Отсут.	Отсут.	Отсут.	Отсут.	Отсут.	Отсут.	—
30	Длина основания черепа	5	96	102	102	108!	92	99	91	96	98.25

Продолж. табл. 4

№№ по порядку	Наименование признака	№№ по Мартину	14 5729—5 ♀	15 5729—2 ♀	16 5729—14 ♀	17 5672—6 ♀	18 5729—9 ♀	19 5672—7 ♀	20 5729—12 ♀	21 5572—8 ♀	Все женщины
31	Длина основания лица	40	92	90	94	106	—	—	84	96?	93.67
32	Высота лица полная	47	111	112	—	114	—	—	—	—	112.33
33	Высота лица верхняя	48	67	70	74	71	—	—	68	—	70.0
34	Скуловой диаметр	45	125	120	133	120	128	—	121	118	124.85
35	Бигониальный диаметр	66	92	95	103	104	105?	—	97	93	38.49
36	Ширина средней части лица	46	96	95	99	103	98	—	87	96	96.28
37	Биорбитальная ширина	43—I	96	97	106	101	91	93	95	92	96.75
38	Назомалярная ширина	44—I	106	109	120	113	102	—	104	101	107.85
39	Межорбитальная ширина d-d	50a	21	24	26	29!	19	—	22	22	23.29
40	Высота ветви нижней челюсти	70	52	51	57	53	51	—	53	60	54.28
41	Ширина ветви нижней челюсти	71a	31	30	29	36	29	—	29	34	31.14
42	Выступание лица (по Абиндеру)	IX	25	24	22	25	19	—	24	23	23.29
43	Указатель прогнатизма	40 : 5	95.8	88.2	92.2	93.2	—	—	92.3	100?	94.45
44	Лицевой указатель верхний	48 : 45	53.6	58.3	55.6	55.0	—	—	56.2	—	55.74
45	Лицевой указатель	47 : 45	88.30	93.33	—	88.37	—	—	—	—	90.17
46	Лобно-скуловой указатель	9 : 45	80.0	82.5	77.4	79.1	70.3	—	75.2	78.0	77.5
47	Челюстно-скуловой указатель	66 : 45	73.6	79.2	77.4	80.6	82.0?	—	80.2	73.8	78.83
48	Назомалярный указатель	$44_1 : 44a$	111.6	112.4	111.3	111.9	107.4	—	111.8	107.4	110.97
49	Верхний челюстный указатель	61 : 60	125.0	—	116.7	122.8	—	—	112.2	—	119.17
50	Указатель ветви нижней челюсти	71a : 70	59.6	58.8	50.9	67.9	53.7	—	54.7	56.7	57.47
51	Ширина носа	54	25	24	26	27	24	—	22	24	24.71
52	Высота носа	55	49	53	53	52	50	—	50	49	50.86
53	Носовой указатель	54 : 55	53.1	45.3	49.1	51.9	48.0	—	44.0	49.0	48.63
54	Наименьшая ширина носовых костей	57	13	9	8	15.5	6	7	8	8	93 12
55	Высота носовых костей (по Woo)	VII	3.6	3.3	4.0	4.2	2.0	1.7	4.0	3.3	3.26
56	Высота корня носа над биорбитальной линией	VI	18	22	23	21	15	—	17.2	14	19.03
57	Указатель высоты корня носа к биорбитальной линии	$VI : 43_1$	18.8	21.7	21.7	22.8	16.0	16.1	19.0	14.1	18.77
58	Указатель высоты переносья к межорбитальной линии	VIII : 50	43.8	51.4	51.5	41.2	49.2	—	49.0	46.8	47.43
59	Высота переносья над межорбитальной линией d-d	VIII	9.2	12.5	13.9	12.3	9.6	—	10.8	9.6	11.1
60	Указатель высоты спинки носа (по Woo)	VII : 57	27.7	36.7	50.0	27.1	33.3	24.3	50.0	41.3	36.3
61	Ширина орбиты	51	39	42	46	41	40	41	40	40	41.12
62	Ширина орбиты	51a	37.5	37	44	37	38	—	38	38	38.5

Продолж. табл. 4

№№ по порядку	Наименование признака	№№ по Мартину	11 5759-5 ♀	15 4729-2 ♀	16 5729-14 ♀	17 5672-6 ♀	18 5729-9 ♀	19 5672-7 ♀	20 5729-12 ♀	21 5672-8 ♀	Все женщины
63	Высота орбиты	52	33	3[illegible]	37	30	32	37	35	31	34.75
64	Орбитный указатель	52 : 51	84.6	85.7	80.4	73.2	80.0	90.2	87.5	85.0	83.33
65	Длина нёба	62	42	42	46	50	43	—	42	46	44.43
66	Ширина нёба	63	35	40	36	42	34	—	33	43	37.37
67	Указатель ширины нёба	63 : 62	83.33	95.24	78.26	84.0	79.07	—	78.57	93.48	81.56
68	Угол профиля лба	32	85	75	75	77	80	66	74	66	74.75
69	Угол наклона лобной кости	32—1a	50	45	45	48	51	46	43	44	47.12
70	Угол профиля лица	72	85	89	88	85	86?	—	85	81	85.57
71	Угол спинки носа	75	64	65	62	69	61	—	53	57	61.57
72	Угол спинки носа к линии профиля	75—1	21	24	26	16	25?	—	32	24	24.0
73	Сагиттальный угол входа в орбиту	78	92	91	89	96	97	87	92	84	91.37
74	Фронтальный угол входа в орбиту	72—1	20	19	22	22	15	—	16	14	18.28
75	Горизонтальное выступание лица	—	2	1	1	1	1	2	3	1	1.5
76	Наклон лба	—	1	1	3	2	2	3 деф.	3	2	2.33
77	Развитие глабеллы	—	1	1	2	1	2	2	2	1	1.5
78	Выступание надбровных дуг	—	0	0	1	1	1	—	1	0	0.57
79	Выступание скул	—	1	1	2	1	2	1	1	1	1.25
80	Глубина собачьей ямки	—	2	1 прав. 2 лев.	2 прав. 1 лев.	1	2 прав. 1 лев.	1?	2 прав. 1 лев.	1	1.37
81	Ширина переносья	—	2	2	2	3	1	2	1	1	1.75
82	Выступание носа	—	1	2	2	1	2	2?	3	2	1.87
83	Профиль носовых костей	—	1	1	1	1	3	—	3	1	1.57
84	Строение спинки носа	—	Прибл. к плоск.	Углов.	Углов.	Уплощ.	Углов.	—	Округ.	Округ.	Округ. 3, Углов. 3, Уплощ. 1
85	Форма грушевидного отверстия	—	Груш.	Груш.	Сердц.	Груш.	Сердц.	—	Груш.	Сердц.	Груш. 4, Сердц. 3
86	Нижний край грушевидного отверстия	—	Antrop.	Antrop.	Antrop.	Infant.	Antrop.	—	Antrop.	Antrop.	Ant. 6, inf. 1
87	Развитие носовой ости	—	2	2	2	2	2	—	5	3?	2.57
88	Высота орбиты	—	3	3	3	2	3	3	3	3	2.87
89	Torus mandibularis	—	—	0	1	—	1	0	0	0	—

выступает мало и варирует в пределах мезо- и ортогнатии. Нос имеет узкую форму и варирует в пределах лепто- и мезоринии. Орбиты высокие, крупные.

Важный вопрос об изменениях, претерпеваемых скелетом лица под влиянием деформации мозгового черепа, почти не исследован, а для нас то или иное решение его играет большую роль, так как именно по лицевому скелету главным образом диагносцируются расы первого порядка (монголоидная и европеоидная). В нашей серии намечается определенная зависимость между степенью деформации и высотой глазниц.

Высокие же глазницы характерны для монголоидного типа. Здесь возможно было бы такое объяснение, что более высокоорбитные, т. е. монголоидные субъекты, принадлежавшие, как это считает Бернштам, к социальной верхушке, подвергались более интенсивному деформированию.

Мы произвели проверочное изучение зависимости между степенью циркулярной деформации и высотой глазниц на 32 циркулярно-деформированных черепах обоего пола, различного происхождения, среди которых, однако, не было ни одного с монголоидными признаками и ни одного кенкольского. При этом коэффициент корреляции между указателем деформации и глазничным оказался довольно значителен (+0.55), что говорит о прямой зависимости высоты глазницы от кольцевой деформации. Следовательно, при расовой диагностике циркулярно-деформированных черепов, к такому признаку, как высота глазницы, мы должны подходить очень осторожно. Несомненно, что искусственная деформация головы видоизменяет не одну только форму глазниц, а весь лицевой скелет, но мы не располагаем пока достаточным материалом для выяснения количественной стороны этой проблемы.

При индивидуальном изучении двадцати черепов взрослых можно видеть, что 8 из них относятся к смешанному типу, сочетая в себе как европеоидные, так и монголоидные черты. Мужчина из кургана 54 (5672-1) — рис. 4, мужчина из кургана 2 (5729-1), женщина из кургана 2 (5729-2), женщина из кургана 6 (5729-5), мужчина из кургана 9 (5729-11), мужчина из катакомбы кургана 10 (5729-13), мужчина из дромоса кургана 10 (5729-15), мужчина из дромоса кургана 10 (5729-16).

9 черепов относятся к монголоидному типу, хотя иногда и несколько смягченному, не резко выраженному: мужчина из кургана 55 (5672-3) — рис. 1, мужчина из кургана 55 (5672-4) — рис. 2, женщина из кургана 56 (5672-6) — рис. 5, женщина из кургана 57 (5672-7), женщина из кургана 54 (5672-8), мужчина из кургана 5 (5729-1), мужчина из кургана 7 (5729-8), женщина из кургана 7 (5729-9), женщина из катакомбы кургана 10 (5729-14). Поражает особенное сходство между собой двух мужских (5672-3, 5672-4) — рис. 1 и 2 — и женского (5672-7) черепа, которое проявляется не только в описательных,

но и в большинстве измерительных признаков, а также в четко конусовидной форме деформации.

Лишь 3 черепа имеют явно преобладающие европеоидные черты: мужчина из кургана 6 (5729-4), женщина из кургана 9 (5729-12) и мужчина из кургана 55 (5672-5) — рис. 3.

Расовый тип в целом, несмотря на явно метисное происхождение данной популяции, все же довольно однороден и характеризуется ослабленной монголоидностью.

Аналогии кенкольским черепам подыскать трудно. Хотя в погребениях Крыма и Кавказа, датируемых I тысячелетием н. э., нередко встречаются хорошо выраженные конические циркулярно-деформированные черепа, но расовый облик их совершенно иной.

Способ деформации черепа № 5672-1 более редок и близкие этому черепу формы мы знаем только из земляных склепов Эски Кермена.

Ошанин,[1] на основании сокращенной выписки Иакинфа,[2] делает следующий вывод: „Обычай подчеркивать, усиливать долихоцефалию путем наложения повязок широко применялся в Азии, вплоть до пределов Восточного Туркестана". Однако редакция данного китайского известия, которая имеется у Жюльена,[3] гласит: „Il existe chez eux une coutume étrange: quand un enfant est né, on lui aplatit la tête en la comprimant avec une planchette". Это описание лобно-затылочной или теменной деформации, а не кольцевой. Уйфальви[4] пишет, что у трех гуннских царей Индии (V—VI вв.) были искусственно-деформированные головы. Приведенные этим автором изображения на монетах показывают, что деформация в данном случае была или кольцевая, или лобно-затылочная.

Имеющиеся пока скудные данные говорят о том, что в области Средне-Азиатского междуречья (между Аму- и Сыр-дарьей), Семиречья (к востоку от Сыр-дарьи и Восточного Туркестана), откуда имеются палеоантропологические материалы, древнее оседлое население (согдийцы), а также кочевое (усуни) рубежа I тысячелетия н. э. обладало европеоидным расовым типом, при черепном указателе, варьирующем главным образом в пределах брахикрании.

Об этом говорят погребения усуней, изученные Трофимовой,[5] Гинзбургом.[6] Об этом говорят погребения из зороастрийских кладбищ,

---

[1] Л. В. Ошанин. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен. Изв. Средазкомстариса, вып. III, 1923.

[2] Иакинф (Бичурин). История о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. III, СПб., 1851.

[3] S. Julien. Histoire de la vie de Hionen-Tsang et de ses voyages dans l'Inde... Paris, 1853.

[4] Oujfalvy. Memoires sur les huns blancs et les ephtalites. L'Anthropologie, т. IX, 1898.

[5] Т. А. Трофимова. Краниологический очерк татар Золотой Орды. Антроп. журн. № 2, 1936.

[6] В. В. Гинзбург. Антропологические материалы из курганов у города Янги-юль близ Ташкента. Советская этнография, № 4, 1946.

изученные Жировым,[1] и из древних кладбищ Восточного Туркестана, изученные Клаачем[2] и Киссом.[3] Об этом говорят и более поздние погребения (уже XIII—XIV вв.) из несторианских кладбищ, изученные Дебецом.[4] Об этом же говорят и краниологические материалы более позднего времени, изученные Богдановым,[5] Зографом[6] и Трофимовой.[7]

Все эти материалы подводят нас к современности, так как европеоидный, брахикефальный расовый тип присущ и современному населению среднеазиатского междуречья, включая и западный Памир,[8] а также оседлому населению оазисов Восточного Туркестана.[9] Среди черепов из раскопок Григорьева у Янги-Юля имеются отнесенные им ошибочно к „сакской" культуре.[10] Теперь эти материалы относят к несколько более поздней культуре Каунчи II. Черепа эти долихокранного европеоидного типа, близкого к средиземноморскому. Однако еще трудно интерпретировать этот, пока стоящий одиноко, очень незначительный материал. Стоят ли эти „саки" в какой-нибудь связи со „скифами", предками туркмен, или это потомки длинноголового европеоидного населения эпохи тагарской культуры? Только накопление материалов поможет нам разобраться в этом.

Необходимо еще остановиться на небольшом, но интересном краниологическом материале, привезенном С. Е. Маловым из окрестностей оз. Лоб-Нор.

Эти черепа, датируемые VI—VII вв. н. э. принадлежат туркам, перешедшим к оседлости (может-быть это уйгуры). По данным изучив-

[1] Е. В. Жиров. Костяки из Зороастрийских погребений в Средней Азии. Сб. МАЭ, X, 1948.

[2] Klaatsch. Morphologische Studien zur Rassendiagnostik der Turfanschädel. Abh. d. preuss. Akademie der Wissenschaft. Physik Math. Klasse-Abh. III, 1912.

[3] A. Keith. Human skulls from ancient. cemeteries in the Tarim Bassin. The journ. of the Royal Anthrop. Inst. Vol. LIX, 1929.

[4] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, 1948.

[5] А. П. Богданов. Краниологические заметки о Туркестанском населении. Изв. Общ. люб. ест., антр. и этногр., X, IX, 1885, вып. 3—4.

[6] М. Ю. Зограф. Черепа из Машкеватских пещер. М., 1899.

[7] Т. А. Трофимова. Краниологический очерк татар Золотой Орды. Антропол. журн., № 2, 1936.

[8] T. A. Joyce. Note on the physical anthropology of the Pamirs and Amu-Daria basin. Journ. of the Royal Anthrop. Inst. VI, 1926. — Д. В. Ошанин. Иранские племена Западного Памира. Тр. Узбек. наст. экспер. медиц., т. I, 1937. — В. В. Гинзбург. Антропологический состав населения Западного Памира. Антропол. журн., № 1, 1937. — Л. В. Ошанин. Узбеки Хорезма. Бюлл. Ср.-Аз. Гос. унив. 1927, № 16, и 192, № 17. — Л. В. Ошанин. Материалы по антропологии населения Узбекистана. Вып. 1. 1929. — А. И. Ярхо. Антропологический состав турецких народностей Средней Азии. Антропол. журн., № 3, 1933. — В. В. Гинзбург. Горные таджики. Изд. Акад. Наук, 1937.

[9] Joyce T. A. Notes on the physical Anthropology of Chinese Turkestan and the Pamirs. journal of the Royal Anthrop. Inst. XLII. 1914.

[10] В. В. Гинзбург. Антропол. материалы из курганов у города Янги-юль. Советская этнография, № 4, 1946.

шего их А. Н. Юзефовича,[1] они относятся к монголоидному расовому типу. В связи с этим нужно отметить, что и среди черепов, изученных Клаачем и упоминаемых нами выше, по крайней мере половина также имеет монголоидный облик. Однако происхождение материалов, изученных Юзефовичем и Клаачем, недостаточно еще ясно, и трудно пока сопоставлять их с материалами кочевников из Кенкольского могильника долины р. Талас.

Менее ясно в антропологическом отношении древнее население Алтае-Саянского нагорья.

Здесь был узел, где сходились и расходились разные народы, стоявшие в широкой связи со всеми окружающими областями (Прибайкальем и Забайкальем, Джунгарией, Семиречьем, Юго-зап. Сибирью и Средней Азией). Здесь обитало и длинноголовое население европеоидного типа, в котором хотели видеть рыжеволосых динлинов, здесь обитало и несомненно монголоидное по типу население, явившееся основным в формировании современного населения Семиречья и Алтае-Саянского нагорья. Депигментация, отмеченная историческими источниками, несомненно, в какой-то степени здесь существовала, так как следы ее отмечаются и сейчас в области Семиречья и Алтае-Саян, среди монголоидного по типу населения (киргизов, хакасов).[2]

Мы присоединяемся к гипотезе А. И. Ярхо, что здесь существовал самостоятельный центр депигментации, которая была распространена среди всего местного населения как европеоидного, так и монголоидного по типу. Эта гипотеза имеет не меньше оснований, чем распространенное представление о бывшей здесь (Джойс) белокурой расе северо-европейского типа. Во всяком случае, палеоантропологические находки из Восточного Туркестана (Джойс) не согласуются с этими представлениями. Что касается собственно гуннов, то мы теперь знаем, что это название охватывало большой союз племен, и по всей вероятности не один.[3] Организаторами этого союза явились племена, обитавшие в IV в. до н. э. в Забайкалье.

Венгерский антрополог Бартуц,[4] занимавшийся вопросами этногенеза венгерского народа, изучил погребения многих кладбищ гуннско-аварского времени. В работе, подводящей итоги многим его исследованиям, он, однако, говорит, что в настоящее время погребения гуннов неизвестны, так как те, которые раньше относили к гуннам, теперь считаются аварскими.

---

[1] А. Н. Юзефович. Древние черепа из окрестностей Лоб-Нора. См. настоящий сборник.

[2] А. И. Ярхо. Казаки русского Алтая. Северная Азия. № 1—2, 1930; А. И. Ярхо. Киргизы. Сб. „За индустриализацию Советского востока", 1934.

А. И. Ярхо. Антропологический состав турецких народностей Ср. Азии. Антропол. журн. № 3, 1933; А. И. Ярхо. Алтае-Саянские тюрки, Абакан, 1947.

[3] История народов СССР, т. I и II. Изд. Акад. Наук.

[4] L. Bartucz. Die Geschichte der Rassen in Ungarn und das Werden des heutigen ungarischen volks Körpers. Ungarische Jahrbücher B. XIX, H. 2—3, 1939.

Это, однако, нисколько не умаляет фактической стороны его работ,[1] из которых видно, что ко времени прихода гуннов на территорию Венгрии, у части их был такой же антропологический тип, как и в гуннских погребениях из суджинского могильника в Ильмовой пади в Забайкалье.[2] Этот древне-монгольский расовый тип сохранился и ныне у тунгусов Прибайкалья,[3] которых, вероятно, можно считать одними из непосредственных потомков основоположников гуннского союза.

Другая часть черепов была брахикранной и имела менее выраженные монголоидные черты. Бартуц отмечает, что этот тип встречается в погребениях определенно аварских, где к тому же иногда встречаются и европеоидные черепа и черепа смешанного типа.

Отмечая частые находки черепов, подвергнутых кольцевой деформации, Бартуц считает носителей их принадлежавших к гуннам, resp. аварам, хотя указывает, что этот обычай восходит еще к эпохе бронзы Кроме того он отмечает, что среди деформированных черепов имеются разные расовые типы как европеоидные, так и монголоидные. Это говорит о распространении обычая у различных народов.

Из приведенных материалов можно видеть, что между древним (гуннским) населением Забайкалья и очень близким ему по типу древним (гунно-аварским) населением Венгрии имелся очень большой территориальный разрыв, так как между этими областями до сих пор не обнаружен этот, очень характерный, расовый тип.

Имеющиеся палеоантропологические материалы подтверждают предположение о том, что под названием гуннов были объединены племена с большой территории, обладавшие различным расовым типом и, повидимому, сохранившие свою племенную обособленность до распада союза. Распад же аваров сопровождался постепенной ассимиляцией их среди местного населения.

Расовый тип захороненных в Кенкольском могильнике, с его ослабленной монголоидностью, стоит пока довольно обособленно. Монголоидные черепа нашей серии не подходят ни к центрально-азиатскому, ни к южно-сибирскому типу,[4] который распространен здесь и в настоящее время. Не подходят они по типу ни к тунгусо-манчжурам, ни к северным китайцам, ни к тибетцам.[5] Наиболее близко по строению лица они стоят к оседлым туркам (уйгурам) из Восточного Туркестана, отличаясь от них более короткой формой головы.

---

[1] L. Bartucz. Über die Anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános. Σκυθικα, 2, Prague, 1929; L. Bartucz. Die Anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Jutas und öskü. Σκυθικα, 4, Prague, 1931.

[2] Ю. Д. Талько-Грынцевич. Суджинское доисторическое кладбище. М., 1899.

[3] Я. Я. Рогинский. Материалы по антропологии тунгусов северного Прибайкалья. Антропол. журн., № 3, 1934.

[4] Г. Ф. Дебец. К характеристике остеологических особенностей южно-сибирской расы. Антропол. журн., № 3, 1934.

[5] G. M. Morant. A. First study of the Tibetian skull. Biometrica. XIV, № 3–4, 1923.

Что касается европеоидных черепов, то их тип, повидимому, стоит в связи с короткоголовым европеоидным типом, автохтонным для области Средней Азии к востоку от Аму-дарьи и для Восточного Туркестана, который прослеживается здесь от первых веков н. э. и до настоящего времени. Если принять, что европеоидные элементы, представленные в Кенкольском могильнике, местного происхождения, то ослабленную монголоидность можно, повидимому, объяснить смешением с местным населением. Вопрос, откуда появилось монголоидное население, пока остается открытым.

В отношении обычая деформирования головы Кенкольский могильник не стоит так изолированно, как может показаться с первого взгляда.

Внезапное и сильное распространение среди народов Европы в первых веках н. э. кольцевой деформации головы вряд ли может быть объяснено чем-либо иным, кроме заноса соответствующих обычаев извне. Заметное учащение находок деформированных черепов по направлению к востоку, а также сравнительная датировка их, определяют время и направление культурных влияний, непосредственно связанных с грандиозным передвижением народов из центра Азии.

Черепа из зороастрийских погребений в Средней Азии

Е. В. Жиров

Основой этой статьи является исследование палеоантропологических коллекций, хранящихся в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР. Наибольшая из них была собрана Г. В. Григорьевым в 1936 г. на костехранилище XIII в. в кишлаке Фринкенте, в 55 км к югу от Самарканда.[1] Другая происходит из погребений IX—X вв. в урочище Тиктурмас в 3 км к юго-востоку от г. Джамбула, раскопанных Г. И. Пацевичем в 1939 г. Последние два костяка, мужской и женский, добыл А. Н. Бернштам в 1940 г. из оссуариев V—VII вв., обнаруженных на Краснореченском городище в Чуйской долине. Средние важнейших краниометрических и краниоскопических признаков мужских черепов даны в приложенной таблице.

Одиннадцать сохранившихся мужских костяков дали возможность вычислить по таблицам Мануврие и формулам Пирсона средний рост погребенных, который оказался равным 165 см. Вариация этого признака очень мала. Семь костяков фринкентского костехранилища дали среднюю, равную и по Мануврие, и по Пирсону — 164.9.

Все без исключения черепа искусственно деформированы, но в то время как краснореченским и тиктурмасским свойственно простое уплощение затылочной области, вызванное, без сомнения, лежанием в колыбели с мочеотводными приспособлениями, черепа из Фринкента представляют крайне поучительную картину различных вариантов теменной деформации, о которых мы уже упоминали в другой работе.[2] Там же приведены важнейшие исторические известия относительно этой разновидности искусственной деформации. Поэтому здесь мы позволим себе только процитировать тексты арабских географов, имеющие непосредственное отношение в данной теме. Мы читаем у ал-Макдиси о хорез-

[1] Г. Григорьев. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент. Вест. древ. ист., № 2, 1939.

[2] Е. В. Жиров. Об искусственной деформации головы. Кр. сообщ. ИИМК, № 8, 1940.

Средние мужских черепов
(в скобках число случаев)

№№ по Мартину	Признаки	Фринкент	Прочие
1	Наибольшая длина черепа	183.6 (14)	176 (4)
2	Длина глабелла-инион	180.1 (14)	172.3 (4)
5	Длина основания	105.9 (9)	101.8 (4)
8	Наибольшая ширина черепа	150.3 (15)	144.5 (4)
9	Наименьшая ширина лба	100.8 (16)	98.2 (5)
11	Биаврикулярная ширина	130.9 (15)	127.5 (4)
17	Высота базион-брегма	143.2 (9)	133.3 (3)
20	Высота порион-брегма	121.2 (16)	117 ( )
22а	Высота свода	101.9 (13)	101.3 (4)
32	Угол профиля лба	87.1° (16)	84.2° (5)
33_1	Угол ламбда-инион	87.3° (12)	91.3° (4)
33_4	Угол изгиба затылочной кости	115.2° (10)	118.8° (4)
—	Угол обелион-ламбда	59.7° (12)	63.8° (4)
8 : 1	Черепной указатель	82 (13)	82.3 (4)
22а : 2	Указатель высоты свода	56.8 (13)	59 (4)
29 : 25	Сагиттальный указатель лобной кости	86.2 (16)	87.8 (4)
30 : 27	Сагиттальный указатель теменной кости	91.4 (12)	89.8 (4)
31 : 28	Сагиттальный указатель затылочной кости	80.1 (11)	81.5 (4)
—	Сагиттальный указатель затылочной области	93.5 (12)	93.5 (4)
—	Степень уплощения затылочно-теменной области (0—4)	2.33 (16)	2 (4)
—	Развитие надпереносья (по Мартину)	3 (16)	2.4 (5)
40	Длина лица	96.6 (8)	97.5 (4)
45	Скуловая ширина	135.2 (13)	135,8 (5)
48	Верхняя высота лица	75 (12)	77.8 (5)
—	Высота глазничного поля	30.5 (16)	32.4 (5)
—	Высота носового поля	23.1 (15)	22.4 (5)
—	Высота альвеолярного поля	21.7 (12)	23 (5)
50	Межглазничная ширина	20.7 (15)	21 (5)
51	Ширина глазницы	44.1 (15)	41.8 (5)
52	Высота глазницы	34.6 (16)	33.6 (5)
54	Ширина носа	23.3 (15)	24.2 (5)
55	Высота носа	53.3 (15)	54.8 (5)
—	Высота носовых костей	5 (13)	4.2 (5)
58	Длина носового отростка лобной кости	5.4 (16)	3.6 (5)
72	Лицевой угол	86.2° (12)	84.8° (5)
75_1	Угол спинки носа	31.8° (8)	30° (3)
78	Сагиттальный угол глазницы	96.4° (16)	93.4° (5)

Продолж.

№№ по Мартину	Признаки	Фринкент	Прочие
44_1 : 44	Назомалярный указатель	113.3 (13)	112.8 (5)
—	Фронтальный указатель	19.4 (16)	19.8 (5)
—	Симотический указатель	49.1 (13)	46.4 (5)
52 : 51	Глазничный указатель	78.2 (15)	80.8 (5)
54 : 55	Носовой указатель	43.7 (14)	44 (5)
—	Указатель носового поля	76.7 (15)	70.2 (5)
—	Развитие носовой ости (по Брока)	3.17 (12)	3 (5)
—	Глубина собачьей ямки (0—4)	1.81 (16)	2 (5)
66	Бигониальная ширина	100.7 (6)	113 (2)
70	Высота восходящей ветви	67.1 (7)	67 (4)
71а	Ширина восходящей ветви	33.1 (8)	34 (4)
72а : 70	Указатель восходящей ветви	50.9 (7)	50.8 (4)

мийцах: „Я спросил, а почему ваши головы отличаются от голов людей? Они сказали: наши древние делали три вещи, которыми они одолевали жителей (других) стран. Одна из них — это то, что они делали набеги на тюрок и брали их в плен, (поэтому) у них сходство с тюрками и их не узнавали. Иногда они попадали к мусульманам и их продавали в рабство. Тогда они велели женщинам, чтобы они, когда родят, привязывали мешки с песком с обеих сторон к головам детей, чтобы головы их уширялись, и после этого они не обращались в рабство“ ...[1] Якут, позаимствовавший у ал-Макдиси этот рассказ, дополняет его интересными подробностями: „Наиболее распространенные свойства населения его (Хорезма) — большое дородство и речь как будто голоса скворцов. Головы их широки, а лбы большие“ ...[2]

Отличительный признак всех париетально-деформированных черепов это более или менее резкое понижение свода непосредственно за брегмой, обычно сопровождающееся уплощением и расширением его. Максимальная выпуклость теменных костей помещается при теменной деформации чрезвычайно низко, в области чешуйчатых швов. В своей работе о разновидностях брахикефалии[3] мы привели результаты коррекции по методу Шапиро продольного и поперечного диаметров париетально-деформированных черепов Средиземноморья. Под влиянием давления, направленного под очень большим углом к немецкой горизонтальной плоскости, черепа эти претерпели наряду с небольшим укорочением сильное расширение.

[1] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, М.—Л., 1939, стр. 186.
[2] Там же, стр. 420.
[3] Е. В. Жиров. Разновидности брахикефалии. Кр. сообщения ИИМК, № 10, 1941.

Обращаясь к рассмотрению черепов из Фринкента, видим следующее: Продольный диаметр в среднем у них велик, причем в некоторых случаях весьма велик, в других же — мал. Поперечный имеет средние размеры, хотя широкие черепа составляют почти половину серии. Высота базион-брегма весьма большая, порион-брегма — средняя, указатель высоты свода — малый. Средняя черепного указателя характеризует данную группу как умеренно брахикефальную, но индивидуальные числа колеблются в пределах от 75 до 89. Коррекция по методу Шапиро дала наибольшую длину черепа — 189, ширину — 140 и указатель — 74.1. Таким образом, можно с уверенностью принять, что исходной формой головы была по крайней мере мезокефальная.

Фюрст[1] правильно указал, что для теменной деформации наиболее показательны хордо-дуговые указатели костей свода. Однако при сопоставлении сагиттального указателя теменной с черепным указателем видно, что почти долихокранный череп имеет столь же сагиттально уплощенную теменную, как и ряд гипербрахикранных черепов. С другой стороны, длина основания у него (103 мм) резко не соответствует наибольшей длине (193 мм). Очень важный моменг для разграничения теменной деформации от затылочной — положение и угол уплощения, к сожалению, трудно поддается учету. Для характеристики уплощенности затылочной области мы, помимо краниоскопического определения, применили хордо-дуговой указатель дистанции обелион-инион. Об основном же направлении деформирующего давления дает некоторое представление угол, образуемый линией обелион-ламбда с немецкой горизонталью. У некоторых черепов он уменьшается почти до 50°, у одного из женских черепов доходит даже до 40°. На одном из черепов мы видим переход к затылочной деформации, на другом уже почти чисто затылочное положение уплощения. Все же падающая кзади от брегмы медиано-сагиттальная кривая свидетельствует и в этом случае о происшедшем перемещении давления из вертикальной плоскости в горизонтальную.

Это многообразие форм мозгового черепа объясняется при сравнительном изучении исторических данных о теменной деформации.

Китайские хроники[2] говорят о дощечках, которыми сжимали головы новорожденных, арабы же о мешках, привязывавшихся к голове. Но само по себе понятно, что одна дощечка без дополнительного груза не могла бы произвести столь резких изменений затылочно-теменной области. Дощечка могла быть закреплена повязкой только под подбородком, что при сильном стягивании, во-первых, препятствовало бы дыханию и питанию, а во-вторых, вызвало бы уродование нижней челюсти, которое до сих пор не было никем отмечено. С другой стороны, мешки, расположенные по бокам головы, отнюдь не могли способ-

[1] C. M. Fürst. Zur Kenntnis der Anthropologie der prähistorischen Behölkerung der Insel Cypern. Lund. 1933.

[2] S. Julien. Histoire de la vie Hionen — Jhsang... Paris, 1853.

ствовать уширению черепного свода, но были несомненной причиной возникновения форм, подобных указанному выше почти долихокранному черепу. Наконец, напомним о наличии чисто затылочной деформации на черепах из зороастрийских погребений, относящихся к более ранней поре.

На основании вышесказанного можно реконструировать практику деформирования у зороастрийцев Фринкента следующим образом. На дощечку, привязанную к голове, сверху накладывались мешки, а затем ребенка привязывали к столь обычному на востоке „бешику". При достаточно высоком изголовье давление было почти перпендикулярно теменной области, в ином же случае оно смещалось по направлению к затылку, причем по небрежности матери или няньки могло быть перенесено уже прямо на затылочную область. В некоторых случаях дощечка или отсутствовала, или была чрезмерно узка, благодаря чему, как говорилось выше, получались удлиненные формы. Таким образом, деформация, наблюдающаяся на фринкентских черепах, в целом должна быть определена как затылочно-теменная. Комбинация различных способов деформирования не представляет чего-нибудь необычного, стоит вспомнить только „арменоидов". Мотивировка деформирования, которую мы находим у аль-Макдиси, по всей вероятности, является позднейшим осмыслением этого обычая. Для не-антрополога наиболее заметным признаком тут был, конечно, крутой, часто нависающий лоб, о котором писал еще Страбон.[1]

История теменной деформации намечается пока только в самых общих чертах. Древнейшие париетально-деформированные черепа относятся к эпохе бронзы, приблизительно к середине II тысячелетия до н. э. Обнаружены они на Крите и Кипре,[2] а также в погребениях андроновской культуры в Хакасском округе.[3] Мы заметили следы этой деформации на черепах из так называемых тагарских погребений, хотя нам не известно еще ни одной достаточно выразительной серии. Очередной вехой является текст Страбона, относящийся к одному из народов Малой Азии. Дальше следуют упомянутые выше описания обычаев туземцев Восточного Туркестана VIII—IX вв. в китайских летописях и материалы, которым посвящена настоящая статья. Примерно одновременны фринкентской находке черепа из несторианских кладбищ Семиречья, где, однако, деформация была значительно более затылочная, чем в Фринкенте. Очень возможно, что соответствующие обычаи бытуют еще в наше время у тувинцев, на черепах которых мы наблюдали изменения, которые могли возникнуть только в силу теменной деформации.

Из других особенностей мозгового черепа отметим следующие. Из 21 мужского черепа только 1 оказался метопическим. Ни разу

[1] География Страбона. Перевод Ф. Г. Мищенко. М., 1879.

[2] L. H. D. Buxton. Künstlich deformierte Schädel von Cypern. Anthr. Anz., Jahrg. VII 1931; см. также: Фюрст, ук. соч.

[3] Е. В. Жиров. Об искусственной деформации головы. Кр. сообщ. ИИМК, № 8, 1940.

не были встречены какие бы то ни было сверхкомплектные швы затылочной кости. На фрынкентских материалах наблюдается много случаев широкого клиновидно-теменного шва. Расовый ли это признак или последствие деформации — остается пока под вопросом. Весьма вероятно, но не может также быть доказано, что результатом деформации явилось увеличение поперечных размеров лобной области и, в связи с этим, глазничной части лица и самих глазниц. Более определенно можно говорить о влиянии теменной деформации на вертикальную профилировку лица. Действительно, мы видим у фрынкентцев высокий лицевой угол и весьма высокие сагиттальные углы глазниц, нередко превышающие 100°. Наконец, теоретически допустимо, но опять-таки не может быть констатировано, понижение глазниц.

Из собственно расовых признаков особенно подчеркнем безусловную и выраженную европеоидность как всей серии в целом, так и каждого отдельного черепа в нее входящего. В пользу этого говорят высокие назомалярный и фронтальный указатели, широкая и высокая спинка носа с большим сагиттальным углом и симотическим указателем, широкое расстояние между глазницами, короткий носовой отросток лобной кости, характерные вертикальные пропорции лица и ряд других особенностей.

Нам кажется, что мы привели достаточные доказательства того, что современные классификации европеоидных рас совершенно не отражают действительного положения вещей.[1] Мы различаем европеоидные или преимущественно европеоидные краниологические серии в расовом отношении лишь по двум категориям признаков: 1) степени кроманьоидности и 2) примеси монголоидных или негроидных черт. Исследование живых субъектов, конечно, значительно расширяет эти возможности. Так, мы не сомневаемся, что, например, „ассироидная" форма носа, свойственная некоторым народам Закавказья и Малой Азии, наследственна, но требуется еще большая работа для выделения проблематической, по нашему мнению, передне-азиатской расы. Пока же серьезно приходится считаться только с двумя вариантами современных европеоидов: южным — с темнопигментированными волосами и глазами, и северным, отличающимся светлой окраской. Для краниологических исследований пользы от этого, конечно, мало. Поэтому большой интерес вызывает одна особенность строения лицевого скелета описываемой серии. Мы имеем в виду совершенно необычные высотные размеры лица. Известно, что различия в абсолютных размерах лицевого скелета весьма существенны для дифференцирования основных рас человечества. Встречающиеся отклонения, например, низколицые монголоиды — имеют в связи с этим крупное таксономическое значение для выделения локальных антропологических типов. Благодаря Филду[2] область распространения высоколицых европеоидов определяется довольно точно. В настоя-

[1] Е. В. Жиров. Разновидности брахикефалии. Кр. сообщ. ИИМК, № 10, 1941.
[2] H. Field. Contributions to the Anthropology of Iran. Chicago, 1939.

щее время это Луристан и, возможно, Курдистан, другими словами, западный Иран, восточная Турция и север Ирака. Особенно примечательны измеренные Филдом луры, высота верхнего лица которых выражается поистине астрономической цифрой — 78.35. Соответственно этому очень высок у луров и нос. Ни у таджиков советской Средней Азии, судя по материалам Ошанина и Гинзбурга, ни у какой-либо народности Закавказья и более западных областей Малой Азии ничего подобного не наблюдается. Сюда же, очевидно, следует причислить и юго-восточный Иран, где, по Филду, также преобладает средне- или даже низколицесть. Относительно северного Ирана сведения недостаточны, но в древности, судя по интересной находке у Астрабада, опубликованной Филдом, здесь встречалось, а может быть и преобладало, высоколицее население.

Таким образом, мы имеем дело с краниологическим типом, имеющим определенную географическую локализацию и, возможно, большую древность. Пока нет никаких данных об антропологическом составе населения древнего Согда, трудно сказать что-либо определенное относительно непосредственного происхождения наших „зороастрийцев". Но представляются вероятными неоднократные миграции их из западного Ирана. Происходили эти миграции через Согд или минуя его, решить, конечно, нельзя.

Черепа из зороастрийского кладбища XIII в. в Фринкенте

В. В. Гинзбург

I

Предлагаемые материалы получены Г. В. Григорьевым в 1936 г. во время раскопок зороастрийского кладбища в Фринкенте (45 км от Самарканда). На этом очень небольшом кладбище оказалось 180 захоронений в горшках, очень тесно расположенных, да еще в два слоя. Повидимому, это кладбище было заполнено за очень короткий промежуток времени, так как все горшки — однотипные. Г. В. Григорьев относит это кладбище к XIII в.

Изученные нами в 1942 г. материалы хранятся в Самаркандском музее (коллекционный № А-106), и представляют лишь часть добытого во время раскопок. Другая, меньшая часть, хранящаяся в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР, была в 1940 г. изучена Е. В. Жировым и публикуется в этом же сборнике. Наши материалы явятся существенным дополнением к ним, так как палеоантропологических материалов по Средней Азии еще очень мало, а они важны для изучения, подчас очень запутанной, истории народов, обитавших на этой территории.

Мы имели возможность изучить 14 черепов (8 мужских и 6 женских). Сохранность черепов довольна хорошая, за исключением 3, на которых частично отсутствовали кости лицевого скелета (главным образом верхнечелюстные). При некоторых черепах сохранены и длинные кости скелета, которые помогли нам в ряде случаев произвести половую дифференциацию, что в данной серии не всегда хорошо выражено.

Большинство черепов показывают возмужалость или зрелый возраст их обладателей. Лишь один череп оказался детским. Мы приводим данные и о нем, так как на этом черепе хорошо выражен расовый тип, но в средние величины его, конечно, не включаем.

Почти на половине черепов резко выражена затылочная деформация, значительно повлиявшая на форму черепной коробки, которая в резуль-

тате уплощения затылка укоротилась и расширилась в области теменных бугров, более резко выделяющихся. Наклон лба, под влиянием затылочной деформации, уменьшается, а на тонкостенных, чаще на женских черепах, становится даже отрицательным, как иногда при рахите, т. е. лоб становится как бы нависшим вперед. Верхнечелюстные и нёбные кости вместе с крыловидными отростками основной кости приближаются к основанию черепа, в частности к большому затылочному отверстию.

II

Приводим суммарные данные по изучаемым черепам (см. сводную таблицу).

Лоб большей частью совершенно прямой, не наклоненный. Глабелла и надбровные дуги у мужчин развиты средне, у женщин — слабо.

Измерение черепной коробки показало, что длина ее относится к средним, ширина ее выше средней, а у женщин приближается к большим. Высота черепной коробки значительная. Затылочная деформация сказалась на конфигурации черепной коробки и соотношении ее диаметров, уменьшив продольный, и, особенно, увеличив поперечный.

Это сказывается и на черепном указателе, который вообще варирует в пределах суббрахи- и брахикефалии (за исключением одного, о котором речь будет ниже). Резкая деформация затылка превращает череп в гипербрахикранный. У женщин черепная коробка имеет более круглую форму и черепной указатель ее несколько выше, чем у мужчин.

Ширина лба (наименьшая, между височными гребнями) приближается к средним величинам. Небольшая же величина лобно-теменного указателя связана с большой шириной темени на резко даформированных черепах.

Размеры лица как высотные, так и широтные относятся к средним. В одном случае лицо оказалось очень высоким. В горизонтальной плоскости выступание лица у мужчин среднее, у женщин несколько сильнее. Скулы выступают слабо, а глубина собачьей ямки больше, чем средняя.

Нос значительной высоты, причем у мужчин очень узкий, у женщин же по ширине приближается к средним. Выступание носа, судя по носовым костям и передней носовой ости, — значительно. Орбиты относятся к средне-высоким.

III

Суммарные данные указывают на европеоидный характер данной популяции. Однако таким общим ответом удовлетвориться нельзя, так как за суммарными данными могут скрываться и другие расовые типы, встречающиеся в небольшом количестве. И, действительно, дифференцируя черепа по признакам больших рас, мы выявили, что из 14 черепов — 12 являются хорошо выраженными европеоидами, а 2 мужских (№ 5 и 8) — монголоидами.

Черепа XIII в. из Зороастрийского кладбища в Фрунконте, раскопанного Г. В. Григорьевым в 1936 г.

№№ пп.	Хранительский № Самаркандского музея А—105	Пол	Возраст	Лоб			Лицо			Нос			Орбита		Черепная коробка			Наибольшая ширина лба	Ширина скул	Высота лица		Нос		Орбита		Указатели						Деформация затылка		Расовый тип
				наклон	габелла	надбровье	горизонтальный профиль	выступание скул	глубина собачьей ямки	выступание носовых костей	переднее-носовая ость	нижний край грушевидного отверстия	высота	форма	длина	ширина	высота			верхняя	полная	высота	ширина	ширина	высота	черепной	лобно-теменной	лобно-скуловой	лицевой	носовой	орбитный	степень	место	
1	—26	М	Adultus	1	2	2	3	1	2	3	3	Antr.	1	Четырехуг.	171	142	134	93	124	70	—	49	22	40	31	83.0	65.5	75.0	56.4	44.9	77.5	2	Ламбда-обелион	Европеоид
2	—24	М	Adultus	1	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	189	144	142	101	130	—	—	—	—	—	—	76.2	69.5	76.9	—	—	—	0	—	Европеоид
3	—33	М	Adultus	1	4	2	3	1	3	3	5	Antr.	2	Овальн.	183	145	147	95	133	83	—	61	22	42	36	80.8	64.2	71.4	62.4	36.1	85.7	1	Ламбда	Европеоид
4	—16	М	Adultus	1	1	1	2	1	3	3	5	Antr.	2	Четырехуг.	177	143	139	98	130	70	—	51	24	42	35	80.7	68.5	75.3	53.8	47.0	83.3	1	Обелион	Европеоид
5	—10	М	Ad.-Mat.	2	3	2	1	2	2	2	3	Inf.	2	Перех.	171	147	138	97	136	71	—	54	24	40	32	86.0	65.9	71.2	52.2	44.0	80.0	3	Ламбда	Монголоид
6	—35	М	Maturus	1	2	2	—	—	—	3?	—	—	—	—	131	143	139	104	138	—	—	—	—	—	—	79.0	72.7	75.4	—	—	—	1	Ламбда	Европеоид
7	—21	М	Maturus	1	4	3	2	1	4	3	3?	Sulc. praen.	2	Овальн.	171	156	137	90	126	73	127	51	20	42	34	91.2	57.7	71.4	57.9	39.2	80.9	3	Обелион	Европеоид
8	—23	М	Mat.-Sen.	2	5	2	1	1	1	2	2	Antr.	2	Четырехуг.	175	156	134	87	134	70	112	52	26	38	32	89.1	35.7	64.9	52.2	50.0	84.2	1	Ламбда-обелион	Монголоид
			Все мужчины	**1.2**	**3.0**	**1.9**	**2.0**	**1.2**	**2.5**	**2.7**	**3.5**	**Antr. 67%**	**1.8**		**177.2**	**147.4**	**138.7**	**95.5**	**131.4**	**72.8**	—	**53.0**	**23.0**	**40.7**	**33.3**	**83.2**	**65.0**	**72.7**	**55.8**	**43.5**	**81.3**			
9	—65	Ж	Infans II (ок. 8 л.) . .	1	2	1	3	1	3	3	4	Antr.	2	Овальн.	162	136	125	83	107	56	—	44	19	35	30	84.0	61.0	77.6	52.3	43.2	85.7	1	Обелион	Европеоид
10	—22	Ж	Adultus	1	1	1	2	1	2	3	5	Inf.	3	Кругл.	161	155	131	85	117	64	109	48	21	36	34	96.3	54.8	72.6	54.7	43.7	94.5	3	Ламбда-обелион	Европеоид
11	—46	Ж	Adultus	1	1	1	3	1	2	2	3	Antr.	2	Перех.	169	141	130	90	114	66	—	50	24	38	33	83.4	63.8	78.9	57.8	48.0	85.8	1	Обелион	Европеоид
12	—14	Ж	Adultus	1	2	1	2	1?	3	2	3	Inf.	2	Овальн.	175	142	135?	95	122	68	—	48	21	39?	35	81.2	66.8	77.8	55.7	43.7	89.7	2	Обелион	Европеоид
13	—42	Ж	Adultus	1	1	1	2	2	2	3	3?	Fossa praen.	2	Четырехуг.	164	149	138	93	127	69	—	51	27	40	34	90.9	62.4	73.2	54.3	52.9	85.0	3	Ламбда-обелион	Европеоид
14	—41	Ж	Adultus	1	2	1	—	—	—	3	—	—	2	Четырехуг.	178	145	142	97	125	—	—	—	—	40	32?	81.5	66.9	77.5	—	—	80.0?	0	—	Европеоид
			Все женщины	**1.0**	**1.4**	**1.0**	**2.2**	**1.2**	**2.2**	**2.6**	**3.5**	**Antr. 25%**	**2.2**		**169.4**	**146.4**	**135.2**	**92.0**	**121.0**	**66.7**	—	**49.2**	**23.2**	**38.6**	**33.6**	**86.7**	**62.5**	**76.0**	**55.6**	**47.1**	**87.2**			

Примечание. № 9 в средние не включен.

встречающиеся в небольшом количестве. [illegible] цируя черепа по признакам больших рас, мы выявили, что из 14 черепов — 12 являются хорошо выраженными европеоидами, а 2 мужских (№ 5 и 8) — монголоидами.

Последние, кроме общемонголоидных признаков на черепе (плоское, более широкое лицо с неглубокой собачьей ямкой, слабее, чем на европеоидных черепах, выступающий нос), характеризуются более покатым лбом и резче выраженным надпереносьем и надбровными дугами, средне, а не слабо, выступающим носом и брахикранией.

Эти признаки характеризуют южно-сибирский тип монголоидной расы, который, однако, несколько смягчен средними, а не большими размерами головы и лица.

Европеоидные черепа (мужские) имеют черепной указатель (если отбросить случаи резкого уплощения затылка) в пределах суббрахи- и брахикрании. Один череп выходит из этого ряда (№ 2) и характеризуется более низким черепным указателем, стоящим на нижней границе мезокрании. К сожалению, лицевая часть на нем плохо сохранилась, но он характеризуется еще широким лбом и высокой черепной коробкой. Этот череп очень сходен с другим (№ 6), также плохо сохранившимся.

Обращает на себя внимание и череп № 3, характеризующийся абсолютно и относительно очень высоким лицом, с очень узким носом.

Если отбросить эти 3 черепа, то все остальные европеоидные черепа оказываются очень однородными по типу, принадлежа к припамирской европеоидной расе Среднеазиатского Междуречья.

Таким образом, основная масса черепов, несомненно, относится к древним местным аборигенам, которые обладали европеоидным брахикефальным типом и продолжали быть, или снова стали, последователями зороастризма.

Что касается трех выделенных европеоидных черепов, то два из них (№№ 2 и 6) приближаются к средиземноморскому типу, а один (№ 3) по очень высокому лицу сходен с населением Луристана (Западный Иран). На данной небольшой серии трудно решить, являются ли эти три черепа просто крайними вариантами или обладатели их являются представителями другого расового типа. По Средней Азии опубликовано еще мало краниологического материала, чтобы решить это.

В заключение можно добавить, что наши выводы сходны с данными Е. В. Жирова и обе части одной серии дополняют друг друга.

Самарканд, 1942 г.

Костяки из каменных ящиков Крыма

Е. В. Жиров

В Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР хранятся четыре палеоантропологических коллекции, добытые из каменных ящиков Крыма. Мы использовали для исследования только две из них, так как остальные содержат лишь незначительные обломки черепов и разрозненные, большей частью поломанные, кости скелета. Одна изученная нами коллекция (№ 4544) доставлена С. А. Семеновым-Зусером.[1] Она собрана им во время раскопок 1930 г. близ с. Черкес-Кермен. Вторая коллекция (№ 5307) получена от Н. И. Репникова.[2] В 1933 г. он раскопал ту же группу каменных ящиков, которую до него исследовал Семенов-Зусер. Одно, более сохранившееся погребение, Репников привез монолитом. Оно было расчищено и разобрано в лабораторных условиях, благодаря чему удалось собрать и реставрировать несколько неслишком дефектных костяков. Публикуемые ниже костяки №№ 5307/1 и 2 (табл. 1) принадлежат, повидимому, к наиболее поздним захоронениям этого ящика, так как часть их костей сохранила анатомический порядок. Кроме них, был изучен ряд более или менее фрагментированных черепов, на которых можно было взять только немногие измерения и описательные признаки, а также две длинные кости.

Датировка материалов, описываемых в данной работе, не может считаться вполне установленной. Наиболее приемлемо мнение Репникова,[3] который, следуя Уварову, относит крымские каменные ящики к переходной поре от бронзы к раннему железу, т. е. к периоду непосредственно предшествовавшему греческой колонизации. Попытка уточ-

[1] С. Семенов-Зусер. К вопросу о мегалитических памятниках. Природа, № 5, 1931.

[2] Н. И. Репников. О новейших раскопках крымских „дольменов". Изв. ГАИМК, вып. 117, 1935.

[3] Он же. О так называемых „дольменах Крыма". Изв. Таврической уч. арх. ком., № 44, 1910. — Он же. Предполагаемые древности тавров. Изв. Таврического общ. ист., археол. и этн., т. I, 1927.

нения этой датировки, предпринятая Репниковым, определяющим время означенных памятников VII—V вв. до н. э.,[1] заслуживает оценки, которую сам Репников ранее дал подобному же опыту Данилевича: „Такое странное и необъяснимое предположение о принадлежности их (каменных ящиков) строго определенному времени не имеет под собою твердого основания".[2] Принадлежность каменных ящиков древнейшему, исторически известному населению Крыма — таврам — особых сомнений не вызывает.

Что касается литературных данных по палеоантропологии интересующего нас предмета, то они почти отсутствуют. Это тем более досадно, что большое количество каменных ящиков уже разрушено раскопками дореволюционных археологов, которые относились к костным останкам небрежно. Так, Репников, вскрывший в 1907 г. в урочище Мал-Муз шесть непотревоженных ящиков, нашел в них свыше 200 черепов. Хотя автор и оговаривает плохую сохранность костей, но судя по тому, что он смог даже определить форму черепов,[3] эти стихийные раскопки обошлись антропологии весьма дорого. В. Кеппен,[4] был единственным исследователем, серьезно интересовавшимся физическими признаками людей, погребенных в каменных ящиках. Не имея в руках ни одного таврского черепа, он, однако, весьма обстоятельно изложил свои, ныне совершенно устаревшие соображения, относительно особенностей этих черепов, основываясь лишь на сравнительном изучении черепных указателей различных современных народностей. Из ложных посылок Кеппен, однако, делает вывод, заслуживающий всяческого внимания. Он пишет: „Мне кажется очень вероятным, что в жилах обитателей почти всех богатых дольменами областей еще и теперь течет кровь древних строителей дольменов".[5]

Переходим к описанию наших материалов. Форма мозгового черепа не совсем ясна. Приведенные в табл. 1 абсолютные размеры №№ 5307/1 и 2 вряд ли будут характерны для данной популяции. Например череп № 5307 1 имеет малые основные диаметры, тогда как величина наибольшего продольного диаметра, измеренного на двух женских черепах, в одном случае большая, в другом — средняя. Ширина черепа, которую также можно было измерить на двух женских черепах, у одного средняя, у другого — большая. Высота черепа, которую мы установили у одного женского черепа, равна 120, т. е. она довольно велика, между тем приведенные в табл. 1 числа, относящиеся к этому размеру, малы.

[1] Н. И. Репников. Предполагаемые древности тавров. Изв. Таврического общ. ист., археол. и этн., т. I, 1927.

[2] Он же. О так называемых „дольменах Крыма". Изв. Таврической арх. ком., уч. № 44, 1910.

[3] „Насколько можно судить о форме их при плохой сохранности они длинноголовые" (Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. Изв. имп. археол. ком., вып. 30, 1909, стр. 155).

[4] W. Köppen. Streifzüge in der Krim. I. Im Baidar-Thale. Russische Revue, Bd. V, 1874.

[5] Там же, стр. 551.

Таблица 1

Индивидуальные измерения костяков

№№ по Мартину	Признаки	5307/1	5307/2
		Пол и возраст	
		♂ mat.	♂ ad.
1	Наибольшая длина черепа	173	—
2	Наибольшая ширина черепа	135	—
9	Наименьшая ширина лба	98	91
10	Наибольшая ширина лба	117	122
11	Биаврикулярная ширина	125	—
20	Высота черепа	110	110
23	Горизонтальная окружность	500	—
24	Поперечная кривая	298	—
25	Медиано-сагиттальная кривая	344	—
32	Угол профиля лба	—	79°
38	Вместимость черепа (по Пирсону)	1207	—
8 : 1	Черепной указатель	78.0	—
29 : 26	Сагиттальный лобный указатель	83.4	83.4
44	Двуглазничная ширина	—	101
44(1)	Назомалярная ширина	—	111
46	Ширина середины лица	—	93
47	Высота лица	—	120
48	Высота верхней части лица	—	71
50	Передняя межглазничная ширина	—	18
51	Ширина глазницы	—	44
52	Высота глазницы	—	32
54	Ширина носа	—	24
55	Высота носа	—	55
57	Наименьшая ширина носовых костей	9	8
58	Длина носового отростка	4.5	4
62	Длина нёба	—	48
63	Ширина нёба	—	17
64	Высота нёба	—	13
65	Мыщелковая ширина нижней челюсти	120	132
66	Бигониальная ширина	109	111
68	Длина челюсти	78	77
69	Подбородочная высота	—	34
70	Высота восходящей ветви	70	60
71a	Наименьшая ширина ветви	32	35
72	Лицевой угол	—	83°
79	Угол восходящей ветви	109°	128°
44(1):44	Назомалярный указатель	—	109.9
52 : 51	Глазничный указатель	—	72.7

Продолж. табл. 1

№№ по Мартину	Признаки	5307/1	5307,2
		Пол и возраст	
		♂ mat.	♂ ad.
54 : 55	Носовой указатель		53.6
63 : 62	Нёбный указатель	—	97.9
	Развитие затылочного бугра (по Брока)	2	—
	Развитие надпереносья (по Мартину)	3	4
	Развитие передней носовой ости (по Брока)	2—3	3
	Развитие собачьей ямки (0—4)	—	2
	Наибольшая длина плеча (1)	320	336
	Длина плеча (2)	317	332
	Наибольшая длина лучевой (1)	249	268
	Наибольшая длина локтевой (1)	270	289
	Длина большеберцовой (1)	369	
	Наибольшая длина малоберцевой (1)	366	—
	Лучеплечевой указатель	78.5	80.7
	Рост (по Пирсону)	165.1	170.2
	Рост (по Мануврие)	166.0	175.4

Наименьшая ширина лба была измерена на четырех мужских черепах, включая №№ 5307/1 и 2. Она дала среднюю, равную 102.2, при вариации от 94 до 111.

Черепной указатель мог быть вычислен только у двух черепов, причем вторая цифра относится к гипербрахикранному женскому черепу из раскопок Семенова-Зусера (№ 4544/26, гряда Е, двойной ящик № 4). Наибольшая длина его 169, ширина 147, указатель 87.0. Кроме того, в нашем распоряжении было пять дефектных черепов, форму которых можно было приблизительно определить на-глаз. Все они мезо- или брахикранные. Развитие надпереносья у мужчин дало средний балл 2.7 (№4), при вариации 2—4. Развитие затылочного бугра у мужчин (№ 5) слабое, так как средний балл равен 1.2, а вариация идет от 0 до 2. Мышечный рельеф выражен слабо, сосцевидные отростки средней величины. На девяти лобных костях можно было констатировать полное отсутствие метопического шва. Особо оговариваем, что никаких следов искусственной деформации не было замечено.

Лицевой скелет сохранился более или менее полно только у одного субъекта (№ 5307/1), в остальных же случаях были фиксированы отдельные измерительные и описательные признаки. У черепа № 5307/1— средне-выступающее (мезогнатное), средне-высокое, с широким носом, узкое лицо, с очень узким межглазничным расстоянием и значительной горизонтальной профилировкой. Обращает на себя внимание очень широкое, короткое нёбо. Средняя наименьшей ширины носовых костей у трех

мужчин 8.7, форма спинки носа во всех этих случаях сводчатая. Носовой отросток лобной кости короткий. Нижний край грушевидного отверстия сохранился у шести индивидов, мужчин и женщин, причем только в одном случае, на обломке женского черепа, были констатированы предносовые ямки. Передняя носовая ость развита средне (3 наблюдения). Собачья ямка у трех мужчин дала средний балл 2.7, у одного индивида степень ее развития соответствует отметке „4". Для скулового диаметра точных цифр у нас нет. Насколько можно судить по размерам биаврикулярного диаметра и мыщелковой ширины нижней челюсти, ширина лица была во всяком случае средняя, а может быть и большая. Нижние челюсти сохранились в относительно большом количестве. Мы исследовали 3 почти полных челюсти и 4 обломка их, происходящих от разных субъектов, исключительно мужчин (табл. 2). Так как все эти обломки

Таблица 2

Измерительные признаки нижних челюстей

№№ по Мартину	Наименование признаков	N	Min.-Max.	M
65	Мыщелковая ширина	3	120—138	130.0
66	Бигониальный диаметр	3	109—112	110.7
68	Длина челюсти	3	76—78	77.5
69	Подбородочная высота	2	34—38	36.0
70	Высота восходящей ветви	7	59—70	65.4
71a	Наименьшая ширина ветви	7	23—40	33.4
79	Угол ветви	7	109°—128°	118.9°
66 : 65	Поперечный указатель	3	81.2—90.8	85.6
68 : 65	Длинотно-широтный указатель	3	55.1—65.0	59.5
71a : 70	Указатель ветви	7	42.0—61.5	51.2

были правосторонние, то измерена во всех случаях правая восходящая ветвь, а не левая, как то обычно практикуется. Весьма значительные широтные размеры, мыщелковый и бигониальный, сочетаются на этих челюстях с умеренной длиной. Восходящая ветвь средней ширины. Последний признак сильно варьирует, равно как и угол ветви. Подчеркнем полное отсутствие так называемого нижнечелюстного валика.

Для определения роста и пропорций тела, кроме приведенных в табл. 1 данных, мы располагали еще измерениями одной плечевой кости мужчины (№ 5307/6, наибольшая длина 316 мм) и бедра женщины (№ 5307/3, наибольшая длина 398 мм длина в естественном положении 393 мм). Из этого материала вычислена средняя роста для 3 мужчин по формулам Пирсона в 165.8 см, а по таблицам Мануврие 167.8 см. Вероятно, что эти числа выше истинных. Дело в том, что длина предплечья у исследованных индивидов относительно велика, а это обстоятельство,

несомненно, сыграло роль, завысив при вычислении длину тела № 5307/2, у которого пригодными для измерения оказались только кости руки.

Резюмируем результаты исследования. Людям, погребенным в каменных ящиках Крыма, были свойственны следующие физические особенности: средний рост, относительно длинное предплечье, широкий или умеренно широкий череп[1] европеоидный, среднеширокий или широкий и средне-высокий (?) лицевой скелет, узкий по указателю, с широким носовым отверстием и широким нёбом, весьма широкая нижняя челюсть. Все это еще очень недостаточно для расовой характеристики, но некоторые сопоставления все-таки возможны.

Прежде всего об отношениях людей из каменных ящиков к позднепалеолитическому населению Крыма. Последний, как известно, по количеству обнаруженных погребений четвертичного периода занимает первое место в СССР. В частности, мезолит представлен тремя хорошей сохранности костяками, найденными как раз в районе распространения каменных ящиков — одним из навеса Фатьма-Коба[2] и двумя из грота Мурзак-Коба.[3] Последние два по целому ряду признаков — большому росту, очень широкому лицу, очень низким глазницам, и пр. — бесспорно относятся к так называемой „кроманьонской" расе, доминирующей в верхнем палеолите Западной Европы. С Фатьма-Кобинским скелетом дело обстоит сложней. Кроманьонские черты в нем смягчены, и описавший его Дебец нашел возможным говорить даже о наличии некоторой негроидности. Это утверждение весьма спорно, но так или иначе все мезолитические костяки Крыма резко отличаются от описываемых нами в настоящей работе. В том же направлении, хотя несколько и менее, отличаются наши скелеты от останков древних обитателей южно-русских степей. Как видно из интересных работ Дебеца,[4] в эпоху ранней бронзы (древне-ямная и афанасьевская культуры) от Днестра до Енисея был распространен европеоидный тип, ближайшие морфологические параллели которому нужно искать в верхнем палеолите Европы. Дебец находит, что наибольшее сходство афанасьевские и древне-ямные костяки обнаруживают с брюннской расой. В более поздних погребениях (срубно-хвалынских, тагарских) кроманьоидные признаки выражены значительно менее резко, хотя слабые намеки на них мы находим еще на славянских и финских костяках второго тысячелетия н. э. Мы вполне разделяем взгляды Дебеца на то, что этот процесс изменения физического облика древнего европеоидного населения территории СССР, а также Западной Европы и всего средиземноморского бассейна, имеет рассогенетический

---

[1] Цитированному выше замечанию Репникова мы не имеем основания доверять.

[2] Г. Ф. Дебец. Тарденуазский костяк из навеса Фатьма-Коба в Крыму. Антропол. журн., № 2, 1936.

[3] Е. В. Жиров. Костяки из грота Мурзак-Коба. Сов. Археология, № 5, 1939.

[4] Г. Ф. Дебец. Брюнн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы. Антропол. журн., № 3, 1936. — Г. Ф. Дебец. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. Антропол. журн., № 1, 1936.

характер. Факторы метисации и смена расовых типов в связи с миграциями не могли здесь играть большой роли. Дебец указывает направление, в котором изменялись антропологические особенности европеоидов. Это: „1) «грацилизация» черепа, выражающаяся в уменьшении наклона лба, развития надбровья и отчасти общих размеров как мозгового, так и особенно лицевого черепа и 2) увеличение черепного указателя".[1] Следует упрекнуть цитируемого автора в неточности выражений. Хотя, несомненно, наблюдается грацилизация лицевого скелета: уменьшение скулового диаметра, углубление собачьих ямок, уменьшение массивности отдельных костей, например скуловой и пр., но, с другой стороны, нельзя проследить изменений высоты лица, высоты и ширины носа, высота же глазниц, несомненно, увеличивается. Поэтому не может быть и речи об „особенном уменьшении общих размеров" лица. Метаморфоз последнего значительно сложней. Наконец, Дебец не остановился на одном любопытном моменте, отчасти объясняющем эволюцию черепа, а именно, — на почти повсеместном уменьшении абсолютных размеров тела. Брахикефализация на Западе начинается весьма рано (Солютре, Офнет, Фюрфооз, Тевьек), но носит явно локальный характер. Доисторическая Европа, изобиловавшая естественными преградами — лесами, горными цепями, большими реками — была прекрасным местом для образования „малых" рас. И действительно, мы находим здесь явные расовые различия, несмотря на общий кроманьоидный субстрат, уже в мезолите.[2] Одну из таких рас образовывали, повидимому, и запертые в горном Крыму тавры, ближайшие антропологические аналогии которым может быть следует искать именно в азилотарденуазских погребениях Западной Европы, что хорошо согласуется с предположением Дебеца[3] о неравномерности эпохальных изменений в различных географических провинциях. Таким образом, с точки зрения изложенной гипотезы, нет основания думать, что люди каменных ящиков не могли быть потомками палеолитического населения Крыма. Две эти группы разделяет значительный промежуток времени и впоследствии будут наверно найдены костяки, представляющие недостающие звенья.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о соотношениях нашего материала с костяками из катакомбных погребений Причерноморья и Нижнего Поволжья. Опубликованные Третьяковым[4] и Дебецом[5] данные о черепах отличаются как от предшествовавших им древнеямных, так и от более поздних, срубно-хвалынских, выраженной брахи-

[1] Там же, стр. 320.

[2] Met. S-J. Pequart. Téviec. Station-Nécropole Mesolitique du Morbihan. M. Boule, H. Vallois. Paris, 1937.

[3] Г. Ф. Дебец. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. Антропол. журн., № 1, 1936.

[4] Д. К. Третьяков. Остатки человеческих скелетов из кургана на Слободке-Романовке. Изв. Одесского общ. ист. и древн., т. XXXII, 1915.

[5] Г. Ф. Дебец. Брюнн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы. Антропол. журн., № 3, 1936.

краней. Однако археологи, исследовавшие катакомбные погребения (Локтюшев, Артамонов),[1] отмечают факт искусственного деформирования головы у многих из погребенных. А так как Третьяков и Дебец не дают ни детального описания, ни изображений измеренных ими черепов, то пока естественное происхождение этой странной брахикрании остается под большим сомнением. Слабые степени кольцевой деформации могли ускользнуть от внимания указанных авторов, а затылочную деформацию многие попросту игнорируют. От сравнений поэтому благоразумней воздержаться. Старинная гипотеза о центрально-европейских лапаноидных, подновленная Эйкштедтом,[2] критики не заслуживает. Работа Бунака[3] разрушила миф об изолированном положении лопарей в северной Евразии, показав их ближайшее родство с некоторыми восточно-финскими народностями. Наиболее близкие таврам по времени и территории скифы, судя по кратким сведениям, опубликованным Ошаниным[4] и Дебецом,[5] отличаются длинноголовостью и широконосостью. Кроме европеоидности они не имеют, повидимому, ничего общего с людьми из каменных ящиков.

Со времени Бузбека, весьма многие авторы усердно разыскивали и находили среди горных татар черты готов, которые в начале средних веков образовали в Тавриде небольшое государство, просуществовавшее около тысячелетия. Обычно при этом обращалось внимание на часто встречающуюся в горных деревнях депигментацию. По данным Петрова,[6] например 16—20% обследованного им населения д. Черкес-Кермен имели светлые глаза (№№ 9—15 шкалы Мартина) и слабо-пигментированные волосы (№№ 8—11 старой таблицы Фишера). К чести автора, он затрудняется ответить на вопрос: являются ли представители этого светлого „типа" остатками крымских готов. И действительно, при решении этого вопроса приходится иметь дело с одной неизвестной величиной — таврами, о пигментации которых мы ничего не знаем. С другой стороны, опубликованные тем же Петровым,[7] скудные данные о европеоидных брахи- и гипербрахикранных черепах из пещерного города Эски-Кермена невольно наводят на мысль о том, что не было ли средневековое население Горного Крыма в основном потомками его древнейших аборигенов, тавров? История многих средневековых госу-

[1] М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. Сов. археология № 4, 1937. С. А. Локтюшев. Среднедонецкие курганные погребения бронзовой эпохи... — Праці Наук. тов. на Донеччині в м. Луганському. Зб. № 1, 1928.

[2] E. Eickstedt. Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit. Stuttgart, 1934.

[3] W. Bunak. Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas. Ztschr. Morph.-Anthr., Bd. XXX, H. 3, 1932.

[4] Л. В. Ошанин. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркменов и вопрос о ее происхождении. Русск. Антропол. журн., т. 14, вып. 1—2, 1925.

[5] Г. Ф. Дебец. Так называемый „восточный великорос". Антропол. журн., №1—2, 1933.

[6] G. Petroff. Anthropologische Untersuchungen in der Krim im Jahre 1928. Anthrop. Anz., Jahrg. VI, H. 3, 1930.

[7] Г. И. Петров. Об антропологических материалах Эски-Керменской экспедиции. Изв. ГАИМК, вып. 117, 1935.

дарств — вандальского, вест-готских, франкского и др. — показывает, что германской в них была только численно ничтожная социальная верхушка, основная же масса населения не подвергалась процессу даже языковой германизации, не говоря уже о расовой. Законно поставить таким же образом вопрос и о жителях Крымской Готии. В самом деле, куда же исчезли тавры? История не говорит о каких-либо переселениях или массовых избиениях. И потому вероятнее всего, что, сменив неоднократно язык и этническую личину, тавры выжили в качестве пригодной для антропологического изучения группы до наших дней.

Таков круг проблем, связанных с публикуемым материалом. Надеемся, что археологи в будущем отнесутся к костным останкам, находимым в каменных ящиках, с должным уважением и осторожностью.

Антропологические материалы из раскопок на р. Маныч

В. В. Гинзбург

Описываемые здесь материалы собраны во время двух экспедиций, проводившихся на р. Маныч. В 1935 г. у хутора Спорного, в западной части р. Маныча, работала экспедиция под руководством М. И. Артамонова, и в 1937 г. близ хутора Веселого, у южного конца плотины Манычстроя, работала экспедиция под руководством Ю. В. Подгаецкого.

Во время этих экспедиций было раскопано пять курганов с большим количеством погребений разных типов: древне-ямного, катакомбного, в насыпи, скорченного и вытянутого, т. е. типов, охватывающих значительный период от II тысячелетия до III—II вв. до н. э.

Большой охват времени и точная датировка повышают интерес к этим материалам, принадлежащим населению одного места, и, возможно, именно местному.

Приводим краткую характеристику полученных материалов.

I. Материалы из раскопок М. И. Артамонова в 1935 г.[1]

1. Погребения из кургана II

Инв. № 5652-1. Погребение 12, скорченное, в насыпи кургана.

Череп ребенка, возможно девочки, в возрасте ок. 7 лет. Форма черепа брахикранная (Г. у.—83).

Инв. № 5652-2. Погребение 16, скорченное, в насыпи. Обломок черепной коробки мужчины, зрелого возраста (Maturitas), ок. 45 лет. Череп возможно европеоидного типа, брахи- или мезокранной формы.

Инв. № 5652-3. Погребение 39, скорченное, в насыпи. Костяк, без черепа, женщины старческого возраста. Длина тела по Пирсону 152 см.

Инв. № 5652-4. Погребение 45, катакомбное. Костяк ребенка в возрасте 6—8 месяцев.

---

[1] М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г. Советская археология, № 4, 1937.

Инв. № 5652-5. Погребение 49, катакомбное. Сломанный череп и кости очень крупного, крепкого мужчины, в возрасте ок. 40 лет (Ad.-Mat.). Обращают внимание атрофированные луночки двух нижних средних резцов, очевидно выбитых в раннем возрасте. Расовый тип черепа долихокранный, приближающийся к протонордическому. Длина тела по Пирсону 175 см.

№ 5652-6 до 18. Погребение 50. Древне-ямное. Это погребение, представляющее наибольший интерес, к сожалению, было нарушено. Кости в плохой сохранности, принадлежат 3 мужчинам. Один из них (кости № 9, 10, 13, 15, 18) очень крупный, крепкого телосложения (рост 172 см), другой (кости № 8, 11, 12, 14, 17) среднего телосложения (рост также 172), третий (№ 6, 7, 16), повидимому, более молодой, также крепкого телосложения.

Инв. 5652-19. Погребение 51. Катакомбное. Хорошо сохранившийся череп и кости женщины очень пожилого возраста (Mat.-Sen.). Расовый тип черепа европеоидный, мезокранный (ч. у.—76. 7), смягченный средиземноморский. Длина тела 154 см.

2. Погребения из кургана III

Инв. № 5652-20. Погребение 8, в насыпи, на незначительной глубине. Плохо сохранившееся кости крупного мужчины зрелого возраста (Mat.), крепкого телосложения.

Инв. № 5652-21. Погребение 16, в насыпи (одно из более поздних). Плохо сохранившиеся кости и череп женщины возмужалого возраста (30—40 лет). Череп длинный, узкой формы (возможно средиземноморского типа). Длина тела 151 см.

Инв. № 5652-22. Погребение 24, в насыпи. Обломки черепа женщины, очень пожилого возраста (ок. 60 лет). Череп узкий, возможно длинный.

Инв. № 5652-23. Погребение 25, в насыпи (из более поздних). Сломанный череп и кости молодого мужчины (ок. 25 лет). Черепная коробка эллипсоидной формы, на границе мезо- и брахикрании (ч. у. ок. 80), возможно приближается к типу Среднеазиатского Междуречья. Длина тела 160 см.

Инв. № 5652-24. Погребение 23, в насыпи (из более поздних). Череп и кости принадлежат женщине зрелого возраста (40—50 лет). Расовый тип черепа европеоидный мезокранный (ч. у. — 76.5) смягченный передне-азиатский. Длина тела 152 см.

В этом же погребении находился и скелет новорожденного.

Инв. № 5652-26. Погребение 29, катакомбное. Несколько сломанный череп и кости крупного, крепкого мужчины пожилого возраста (Mat.-Sen.) (ок. 50 лет). Черепная коробка подвергалась искусственной деформации и имеет форму усеченного конуса. Расовый тип, несомненно, европеоидный, долихокранный. Длина тела 173 см.

Инв. № 5652-27. Погребение 30, катакомбное. Скелет (без черепа), довольно грацильной женщины небольшого роста (149 см), достигшей зрелого возраста (ок 40 лет).

Инв. № 5652-28. Погребение 31, катакомбное. Череп и скелет мужчины зрелого возраста (Mat. — ок. 40 лет). Обращает внимание резкое развитие глабеллы и надбровья, которые тянутся над глазницами сплошным валом. Расовый тип европеоидный, приближающийся к передне-азиатскому (ч. у. —83.7).[1] Длина тела 166 см.

II. Материалы из раскопок Ю. В. Подгаецкого в 1937 г.

1. Погребения из кургана I

Инв. № 567-32. Погребение 1, датируемое II тысячелетием до н. э. Сохранены несколько зубов и правая теменная кость ребенка в возрасте ок. 7 лет

[1] М. И. Артамонов в своей работе считает этот скелет женским, с чем мы не можем согласиться, так как сохранившиеся тазовые кости недтверждают принадлежность скелета мужчине.

Инв. № 5673-3. Погребение 2, датируемое второй половиной I тысячелетия до н. э. Сохранено несколько костей подростка 12—13 лет.

Инв. № 5673-4. Погребение 4, датируемое I тысячелетием до н. э. Сохранен сломанный череп и несколько костей скелета мужчины крепкого телосложения в возрасте ок. 40—45 лет. Расовый тип черепа европеоидный, мезокранный (ч. у. 78.3), приближающийся к памиро-ферганскому, с некоторым оттенком передне-азиатского. Длина тела 168 см.

Инв. № 5673-5. Погребение 5, датируемое серединой II тысячелетия до н. э. Несколько костей женщины, достигшей зрелого возраста (Ad.-Mat.).

Инв. № 5673-6. Погребение 6, датируемое концом II тысячелетия до н. э. Плохо сохранившийся череп и кости женщины старческого возраста. Расовый тип европеоидный, средиземноморский. Длина тела 153 см.

2. Погребения из кургана II

Инв. № 5673-7. Погребение 1, датируемое рубежом II и I тысячелетия до н. э. Довольно плохо сохранившийся череп и кости крепкого коренастого мужчины пожилого возраста (ок. 60 лет). Расовый тип черепа европеоидный, северный. Длина тела 168 см.

Инв. № 5673-9. Погребение 2, датируемое, как и предыдущее. Плохо сохранившийся череп и длинные кости женщины молодого возраста (ок. 25 лет), грацильного телосложения. Расовый тип европеоидный, средиземноморский. Длина тела 150 см.

Инв. № 5673-10. Погребение 3, датируемое, как и предыдущее. Сохранились несколько зубов и мелких косточек юноши.

Инв. № 5673-11. Погребение 4. Датировка неизвестна (повидимому, из более поздних). Сохранен череп и некоторые кости мужчины юношеского возраста (ок. 18 лет). Расовый тип европеоидный Среднеазиатского Междуречья.

Инв. № 5673-13. Погребение 6, датируемое III—II вв. до н. э. Сохранен сломанный череп и несколько костей мужчины крепкого сложения, возмужалого возраста (ок. 40 л.). Расовый тип европеоидный, приближающийся к курганным славянским. Длина тела 166 см.

Инв. № 5673-14. Погребение 7, датируемое концом II тысячелетия до н. э. Костяк крепко сложенного, хорошо развитого мужчины, возмужалого возраста (35—40 лет). Расовый тип европеоидный, приближающийся к передне-азиатскому. Длина тела 167 см.

Инв. 5673-15-22. Погребение 8, катакомбное, где обнаружено два костяка взрослых лиц пожилого возраста и несколько детских, в возрасте от 5 до 9 лет.

Инв. № 5673-15. Погребение 8а, катакомбное. Костяк крупного мужчины, крепкого телосложения, зрелого возраста (50—60 лет). Длина тела 168 см.

Инв. № 5673-16. Погребение 6б, катакомбное. Плохо сохранившийся череп и кости женщины старческого возраста. Расовый тип черепа, возможно, европеоидный, передне-азиатский.

3. Погребения из кургана III

Инв. № 5673-23. Погребение 1, датируемое рубежом II и I тысячелетия до н. э. Костяк ребенка в возрасте 7—8 лет.

Инв. № 5673-24. Погребение 2, датируемое, как и предыдущее. Кости молодого мужчины в возрасте ок. 20 лет. Длина тела 167 см.

Инв. № 5673-25. Погребение 3, датируемое, как предыдущее. Кости молодого субъекта женского пола в возрасте 14—15 лет. Расовый тип европеоидный, возможно средиземноморский.

Инв. № 5673-26. Погребение 4, датируемое, как предыдущее. Кости ребенка в возрасте ок. 6 лет. Черепная коробка короткой формы.

Краткая сводка хронологических материалов из района р. Маныч

Таблица I

Год раскопок	1935	1935	1937	1937	1935	1935	1937	1937	1937	1937	1937	1937	1937	1937	1937	1937
Курган	II	III	III	III	III	II	II	I	II	III	II	I	III	II	III	II	II
Погребение	49	31	8	9	29	51	7	6	1	3	2	4	6	7	28	6	4
Датировка	Катакомбы	Катакомбы	Катакомбы	Катакомбы	Катакомбы	Катакомбы	Конец II тысяч. до н. э.	Конец II тысяч. до н. э.	Рубеж II и I тысяч. до н. э.	Рубеж II и I тысяч. до н. э.	Рубеж II и I тысяч. до н. э.	I тысяч. до н. э.	I тысяч. до н. э.	I тысяч. до н. э.	В насыпи	III и II вв. до н. э.	I до н. э.
Пол	М	М	М	М	М	Ж	М	Ж	М	Ж	Ж	М	М	М	Ж	М	М
Возраст	Ad.-Mat.	Mat.	Mat.	Mat.	Mat.-Sen.	Mat.-Sen.	Ad.	Sen.	Mat.-Sen.	Juv.	Ad.	Ad.	Ad.	Ad.	Ad.-Mat.	Ad	Juv.-Ad.
Инвент. № МАЭ	5652-5	5652-28	5673-29	5673-30	5652-26	5652-19	5673-14	5673-6	5673-7	5673-25	5673-9	5673-4	5673-27	5673-23	5652-24	5673-13	5673-11
Продольный диаметр черепа	194	178	176	183	180	176	180?	195	197	178	185?	185	179	181	183	191	176
Поперечный диаметр черепа	138?	149	129?	146?	127	135	138?	129?	134	128	130?	145?	149	140	140	140?	147
Черепной указатель	71	83.7	73.3	79.7	70.5	76.7	76.6	61.5	68	71.9	70.2	78.3	83.2	77.3	76.5	73.2	83.5
Верхняя высота лица	77	70	66	—	75	71	59	57	76	—	—	73	73?	76	67	76	71
Скуловой диаметр	—	138?	120?	—	133?	127	—	124?	127?	—	—	144?	144?	131	125	144	—
Ширина носа	23	22	26?	—	25	25	25	24	25	—	—	25	28	22	23	26?	23
Высота носа	53	48	15	—	54	53	50	52	53	—	—	49	52?	54	47	55	54
Наклон лба (0—3)	3	3	3	1	3	2	2	1	3	1	1	2	2	2	2	1	1
Развитие глабеллы (1—6)	5	5	4	3	5	3	3	2	3	1	—	3	3	2	3	4	1
Выступание надбровья (1—4)	3	3	3	3	3	2	3	2	3	1	1	3	3	2	3	3	1
Протяженность надбровья (1—3)	2	3	1	—	2	1	1	—	2	—	—	1	2	2	1	1	—
Горизонтальное выступание лица (1—3)	—	2	—	—	2	3	—	2	3	—	—	2	—	1	1	3	—
Выступание скул (1—3)	2	2	1	1?	2	1	—	—	1	—	—	2	—	2	1—2	—	1
Глубина собачьей ямки (0—4)	2	1	2	4	3	1	3	2	1	3	2	1—2	2	1	1—2	3	1
Выступание носа (1—3)	3?	3	—	—	3?	3	3	2?	3	—	—	3	—	2?	3	3	—
Развитие носового шипа (1—5)	2	4	—	—	5	3	—	—	5	—	2	2	2	1	3	—	—
Ширина орбиты (от Mf)	44	41	41	—	41	41	43	37	42	—	—	41	40	42	43	41	40?
Высота орбиты	33	28	33	—	31	33	30	31	33	—	—	32	32	32	33	34	35
Ширина переносья (1—3)	—	1	—	—	2	1	1	1	1	—	—	1	2	2	1	—	1
Искусственная деформация	Небольшая кольцевая деформация	—	Кольцевая деформация	—	Резкая кольцевая деформация	Легкая кольцевая деформация	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Длина тела (по Пирсону)	175	166	160	165	173	154	167	153	168	—	150	168	164?	160	152	166	163

Инв. № 5673-27. Погребение 6, датируемое I тысячелетием до н. э. Кости мужчины возмужалого возраста (ок. 30 лет). Расовый тип европеоидный, брахикранный (ч. у.—83. 2). Длина тела ок. 164 см.

Инв. № 5673-28. Погребение 7, датируемое, как предыдущее. Костяк мужчины, грацильного телосложения, возмужалого возраста (30—40 лет). Расовый тип европеоидный, мезокранный, приближающийся к типу Среднеазиатского Междуречья. На черепе следы монголоидной примеси. Длина тела 160 см.

Инв. № 5673-29. Погребение 8, катакомбное. Костяк мужчины зрелого возраста (40—50 лет). Череп подвергнут резкой кольцевой деформации. Расовый тип европеоидный, приближающийся к средиземноморскому. Длина тела 160 см.

Инв. № 5673-30. Погребение 9, катакомбное. Кости мужчины зрелого возраста (40—50 лет). Расовый тип европеоидный, приближающийся к типу Среднеазиатского Междуречья. Длина тела 166 см.

Инв. № 5673-31. Погребение 10, катакомбное. Кости ребенка в возрасте ок. 7 лет.

Костные материалы представляют интерес благодаря целому ряду характерных особенностей, свойственных им, встречающихся и в других сериях, относящихся к сравнительно ранним периодам развития родового общества.

Необходимо прежде всего отметить крупную величину и массивность мужских костей, благодаря чему половая дифференцировка выражена довольно хорошо. В то время как рост мужчин — выше среднего, рост женщин — ниже среднего. Многие бедренные кости характеризуются сильным изгибом вперед и хорошо выраженным пилястром в области шероховатых линий. Большеберцовые кости имеют суженную с боков форму. Кости предплечья, в особенности локтевые, часто изогнуты.

Ввиду параллельности материала, собранного в 1935 и 1937 г. и происходящего почти с одного места, целесообразно дать общую характеристику его, разбив материал по типу и по времени погребений, т. е. хронологически, что дает возможность проследить смену типов населения данной области.

Обращаясь к материалам, нужно прежде всего констатировать, что расовый тип населения на протяжении всех двух тысяч лет до н. э. является европеоидным. Среди более древних погребений, до I тысячелетия до н. э., преобладает долихо- и мезокранный тип, приближающийся к средиземноморскому. В погребениях более поздних, относящихся к различным периодам I тысячелетия до н. э., значительно преобладает брахикранный, или близкий к нему мезокранный тип, приближающийся к переднеазиатскому и типу Среднеазиатского Междуречья (табл. 1).

Интересно проследить за изменениями общей длины тела. Наиболее крупными являются костяки из древне-ямного погребения, длина которых 171—173 см. В следующих за ними катакомбных погребениях длина тела мужчин в среднем 168 см.

На рубеже II и I тысячелетия и в начале I тысячелетия до н. э. средний рост равен 165 см. и, наконец, в погребениях более позд-

Таблица 2

Сводка остеометрических материалов из района р. Маныч

Инвентарный № МАЭ	Год раскопок	Курган	№ погребения	Погребение	Пол	Возраст	Длина тела (рост, вычисленный по Пирсону)	Бедренная кость								Большая берцовая кость								Малая берцовая кость		Плечевая кость						Лучевая кость				Локтевая кость	
								полная длина		длина в естественном положении		окружность		ширина мышелков		длина		наименьшая окружность		переднезадний диаметр		поперечный диаметр		длина		длина		окружность		ширина мышелков		длина		наименьшая окружность		длина	
								прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
5652-9, 10, 15, 18	1935	II	50	Древне-ямное	М	Ad.-Mat.	172	46.2	—	46.0	—	10.0	—	8.6	—	—	39.8	—	8.7	—	—	—	—	—	—	34.5	—	8.0	—	—	—	26.5	—	4.9	—	—	—
5652-11, 12, 17	1935	II	50	Древне-ямное	М	Ad.-Mat.	172	—	47.8	—	47.7	—	9.3	—	9.5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	26.6	26.1	5.0	4.8	—	—
5652-5	1935	II	49	Катакомбное	М	Ad.-Mat.	175	—	50.1	—	50.1	—	10.5	9.2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	34.5	—	7.8	—	6.9	—	—	—	—	—	—
5652-28	1935	III	31	Катакомбное	М	Mat.	166	—	45.1	—	44.8	8.9	9.2	—	8.2	36.4	36.4	8.3	8.4	—	—	—	—	35.3	35.5	32.9	32.0	7.1	6.6	6.2	6.0	25.1	—	—	—	26.9	26.6
5673-29	1937	III	8	Катакомбное	М	Mat.	160	—	42?	—	—	—	8.7	—	7.8	34.3	34.4	7.5	7.4	3.7	3.6	—	2.6	—	33.8	—	31.0	—	6.1	—	6.0	—	—	—	—	25.0	24.9
5673-30	1937	III	9	Катакомбное	М	Mat.	166	45.3	45.1	45.3	45.0	8.9	9.1	—	9.0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5673-15	1937	II	80	Катакомбное	М	Mat.	168	—	—	—	—	—	—	—	—	37.8	—	8.7	—	—	—	—	—	—	—	34.8	—	8.2	—	6.7	—	—	—	—	—	—	—
5652-26	1935	III	29	Катакомбное	М	Mat.-Sen.	173	48	49	—	—	9.4	9.5	—	—	38?	—	8.5	8.7	4.4	—	2.5	—	—	—	32?	33?	6.6	6.3	6.5	6.8	26.6	26.0	4.3	4.2	28.4	28.0
5652-27	1935	III	30	Катакомбное	Ж	Ad.-Mat.	—	38.8	39.1	38.5	38.8	7.3	7.5	7.4	7.4	31.4	31.2	6.0	6.0	—	—	—	—	31.1	30.8	28.8	28.5	6.2	6.1	5.6	5.6	21.2	20.9	—	—	—	22.9
5652-19	1935	II	51	Катакомбное	Ж	Mat.-Sen.	154	41.5	41.3	41.0	40.8	7.7	8.1	7.6	7.6	34.5	34.6	7.4	7.5	—	—	—	—	34	34	29.2	28.9	6.4	6.5	5.8	5.8	22.2	22.3	—	—	23.9	23.8
5673-14	1937	II	7	Конца II тысяч. до н. э.	М	Ad.	167	44.7	45.1	44.5	44.7	9.0	8.8	8.4	8.3	37.2	37.2	8.3	8.4	4.4	4.5	2.5	2.5	35.8	36.0	32.1	32.0	6.6	6.3	6.6	6.6	—	24.9	—	—	—	—
5673-6	1937	I	6	Конца II тысяч. до н. э.	Ж	Sen.	153	41.6?	—	41.3	—	8.5	8.8	—	—	—	33.5	—	7.2	—	—	—	—	—	—	29.7	29.6	6.6	6.4	6.4	6.6	21.3	—	—	—	—	—
5673-24	1937	III	2	Рубежа II и I тысяч. до н. э.	М	Ad.	167	—	45.0	—	44.8	—	8.6	—	8.2	—	37.0	—	7.4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5673-7	1937	II	1	Рубежа II и I тысяч. до н. э.	М	Mat.-Sen.	168	46?	—	45?	—	9.6	—	—	—	—	—	8.8	—	—	—	—	—	—	—	33.2?	—	7.3	—	—	—	25.3?	—	4.8	—	—	28.5
5673-9	1937	II	2	Рубежа II и I тысяч. до н. э.	Ж	Ad.	150	39.2	39.2	38.9	38.9	7.5	7.8	7.1	7.1	32.1	32.0	6.2	6.2	—	—	—	—	—	—	27.5	26.8	6.0	6.1	5.6	5.6	21.1	21.1	—	—	23.2	23.4
5673-4	1937	I	4	I тысяч. до н. э.	М	Ad.	168	—	45.0?	—	44.9?	—	9.3	—	8.3	38.6	38.7	7.4	7.4	—	—	—	—	—	—	32.7	—	7.4	—	6.7	—	25.6	—	4.8	—	—	—
5673-27	1937	III	6	I тысяч. до н. э.	М	Ad.	164?	44.6	44.9	44.2	44.4	8.2	8.3	8.3	8.3	34.4	34.1	7.2	7.2	3.5	3.5	2.3	2.4	—	—	32.7	32.4	6.4	6.4	6.0	6.1	22.1	23.0	—	—	24.6	24.7
5673-28	1937	II	7	I тысяч. до н. э.	М	Ad.	160	41.6	42.7	41.2	42.3	8.3	8.0	7.4	7.5	34.0	34.2	6.6	6.5	3.3	3.3	2.1	2.1	—	38.0	29.6	30.3	6.5	6.5	6.4	6.3	23.9	23.9	4.1	4.0	26.0	26.0
5652-23	1935	III	25	В насыпи	М	Juv.-Ad.		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	31.0	—	6.7	—	6.5	—	—	—	—	—	—
5652-21	1935	III	16	В насыпи	Ж	Ad.		40.0	39.9	39.6	39.4	7.9	7.8	7.2	7.7	—	—	—	—	—	—	—	—	32.6	32.4	—	—	—	—	—	—	22.0	—	—	—	—	—
5652-24	1935	III	28	В насыпи	Ж	Ad.-Mat.	152	40.0	40.4	39.7	40.2	7.7	7.8	8.0	8.1	32.9	32.8	—	—	—	—	—	—	—	31.8	29.8	30.0	6.0	6.0	5.8	5.8	22.2	—	—	—	23.9	—
5652-3	1935	II	39	В насыпи	Ж	Sen.		40.6	40.7	40.2	40.1	8.1	8.0	7.8	7.8	33.7	33.5	7.0	7.1	—	—	—	—	—	—	31.0	30.7	6.9	6.9	5.7	5.8	22.4	22.1	—	—	24.5	24.3
5673-13	1937	II	6	III—II в. до н. э.	М	Ad.	166	—	45.1	—	—	—	9.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5673-11	1937	II	4	? до н. э. (позднее)	М	Juv.-Ad.	163	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32.1	—	7.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—

них, периода наиболее близкого к н. э., средний рост оказывается еще меньше (163 см). Эти изменения роста связаны исключительно с изменением расового типа, так как рост короткоголовых европеоидов в изучаемой серии оказывается в среднем около 165 см, а длинноголовых — 168 см.

К сожалению, небольшое количество хорошо сохранившихся костяков не дает возможности изучения их по более дробным эпохам.

Может быть, можно увязать бо́льшее количество короткоголового населения в I тысячелетии до н. э., по сравнению с более ранним периодом, начавшейся диффузией сюда населения с нижнего Поволжья в связи с образованием и расширением сарматских племенных образований.

Сарматы нижнего Поволжья как раз и характеризуются европеоидным типом, приближающимся к типу Среднеазиатского Междуречья.[1] Этот короткоголовый европеоидный тип, в I тысячелетии н. э. становится, повидимому, наиболее распространенным в районе левобережья Дона и нижнего Поволжья.

Преобладание до этого времени более длинноголового населения европеоидного типа, относившегося возможно к киммерийцам или еще более ранним племенным группам, указывает на то, что, возможно, они являются здесь автохтонными еще со времен неолита, когда, как мы знаем по ряду находок на юге Европы, длинная форма черепа являлась характерной. В качестве пережиточной формы этого времени можно представить и череп из катакомбного погребения 49 (II курган), раскопанного М. И. Артамоновым в 1935 г. (№ 5652-5).

Говоря о связях населения раннего бронзового периода на р. Маныч с населением нижнего Поволжья, не нужно забывать и о само собой разумеющемся автохтонном его развитии. Это следует из некоторых признаков, характеризующих постепенную грацилизацию физического типа этого населения. Грацилизация,[2] как мы здесь видим, заключается в уменьшении наклона лба, связанного с более слабым выступанием глабеллы, хотя надбровные дуги изменяются сравнительно мало. Грацилизация лицевой части черепа сопровождается уменьшением выступания носового шипа. Наконец, грацилизация физического типа совершенно явственно следует из рассмотрения костей конечностей и туловища, массивность и общие размеры которых заметно уменьшаются от древнеямных погребений до поздних погребений в насыпи (табл. 2).

За связь с катакомбным населением нижнего Поволжья, в основном брахикефальным (по Дебецу), возможно, говорит брахикранный череп № 5652-28 (курган III, погребение 31, из раскопок 1935 г.).

---

[1] Г. Ф. Дебец. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. Антропол. журн., 1936, № 1.

[2] Г. Ф. Дебец. Брюнн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы. Антропол. журн., 1936, № 3.

В заключение нужно отметить частое наличие кольцевой деформации черепа в катакомбных погребениях изучаемой серии. Наиболее хорошо кольцевая деформация выражена на черепе погребения 29 из кургана III (№ 5652-26) и погребения 45 из кургана II (хранящегося в Эрмитаже), раскопанных М. И. Артамоновым в 1935 г.[1]

Ленинград, 1940.

---

[1] Фотографии этих черепов имеются в упомянутой выше работе М. И. Артамонова.

Краниологические типы чукчей и эскимосов (в связи с вопросами этногенеза северо-восточной Азии)

М. Г. Левин

Имеющиеся в литературе данные по краниологии народов северо-восточной Азии крайне немногочисленны. Если не считать отдельных старых работ, в которых дается описание единичных черепов чукчей и азиатских эскимосов,[2] мы можем назвать лишь три исследования, посвященных краниологии этих народов. Это работы Фридолина, Грдличка и Монтандона.

В работе Фридолина[3] приводятся данные о 64 черепах из собраний Музея антропологии и этнографии Академии Наук, описываемых автором как чукотские. Однако имеющиеся в архиве Музея материалы[4] позволили установить, что из числа описанных Фридолиным черепов только 46 могут быть датированы как чукотские, остальные происходят из раскопок на Юкагирской сопке. Этническая принадлежность последних не определена; по своему типу они значительно отличаются от основной серии. Указанное обстоятельство, а также устаревшая программа и методика измерения черепов очень затрудняют использование опубликованных Фридолином материалов.

В работе Грдлички[5] опубликованы индивидуальные данные (по со-

---

[1] Настоящая работа была выполнена по плану Института антропологии МГУ в 1938 г. и сдана в печать до начала систематических исследований Г. Ф. Дебеца на Чукотском полуострове. Поэтому результаты этих исследований в настоящей работе не учтены.

[2] I. Wyman. Crania of Tsuktshi. Boston, 1868.—А. А. Ивановский. Череп чукчи из бухты Провидения. Изв. общ. люб. естеств., антроп. и эти., т. XXIII. Дневник Антропол. отд., вып. 4, 1890, стр. 117.

[3] Julius Fridolin. Tschuktshenschädel, Archiv für anthropologie, B. 28. Supplement, стр. 1—17.

[4] Архив Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР.

[5] Hrdlička. Catalogue of human crania in the United States National Museum Collections. Washington, 1927.

кращенной программе) по черепам чукчей и черепам азиатских эскимосов, хранящимся в американских музеях.[1]

В распоряжении Монтандона было 18 черепов, из которых 17 поступили в Парижский музей в 1898 г. от Н. Гондатти. Из их числа 10 относятся к оседлым чукчам, 5 — к оленным и 3 — к азиатским эскимосам.

Материалом для настоящей работы послужили серии чукотских черепов, хранящиеся в Антропологическом отделе Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР в Ленинграде и в Музее антропологии Московского Государственного университета.

Чукотские черепа Московского музея составляют коллекцию, поступившую в музей в 1898 г. от Н. Л. Гондатти, состоящую из 56 черепов (из них взрослых 48, юношеских 8).

Коллекция Музея антропологии и этнографии также в основном состоит из черепов, поступивших в том же 1898 г. от Н. Л. Гондатти и составляющих одну серию с черепами Московского музея.[2] Количество черепов 48 (из них взрослых 39, юношеских 6, детских 3).

Кроме них, в коллекциях Музея антропологии и этнографии имеются еще 18 черепов (из них взрослых 14, юношеских 3, детских 1), поступивших от разных лиц. Таким образом, в нашем распоряжении было 122 черепа (из них взрослых 101).

Согласно имеющимся в музеях данным, 55 черепов относятся к оленным чукчам (из них взрослых 47) и 49 черепов — к оседлым чукчам (из них взрослых 40). Для остальных черепов групповая принадлежность не определена.[3]

Коллекция Н. Л. Гондатти представляет особый интерес благодаря тому, что черепа эти точно датированы по месту находок. В архивах Московского музея антропологии и Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР имеются материалы, позволившие установить селения и пункты на Чукотском п-ове, где добыты отдельные черепа коллекций.

Выше мы называли исследованные нами черепа чукотскими; так значатся они в музейных каталогах. Однако этническая датировка изученных нами коллекций нуждается в уточнении. Если в отношении черепов, относящихся к оленным чукчам, этническая датировка не вызывает сомнений, то в отношении черепов, значащихся как черепа оседлых чукчей, вопрос обстоит сложнее. Благодаря работам В. Г. Богораза,[4] мы располагаем данными об этническом составе отдельных селе-

---

[1] G. Montandon. Craniologie paleosibérienne. L'Anthropologie, №№ 3—4; 5—6, 1926.

[2] Указанные выше чукотские черепа Парижского музея, обработанные Монтандоном, относятся к этой же серии.

[3] Коллекция Музея антропологии и этнографии состоит преимущественно из черепов сидячих чукчей; коллекция Московского музея — из черепов оленных чукчей. Указания на половую принадлежность черепов в материалах собирателя отсутствуют. Пол определялся нами на основании морфологических признаков.

[4] В. Г. Богораз. Чукчи. 1934, стр. 14—16.

ний Чукотского п-ова в конце XIX в., в том числе и тех, откуда происходят рассматриваемые черепа. Только часть этих селений может считаться чукотскими (оседлые чукчи), другие же являются эскимосскими и смешанными (чукотско-эскимосскими).

Соответствующие данные приведены в таблице (для взрослых черепов):

Название селения	Этнический состав селения	Количество добытых в данном пункте черепов
Унын	Эскимосы	16
Иан	Эскимосы	3
Уэллэн	Смешанное	5
Уэлькаль	Чукчи	1
Эрулэн	Чукчи	3
Лорэн	Чукчи	1
Вутээн	Эскимосы	1
Раткип	Чукчи	1
Нуукан	Эскимосы	1
Пуётэн	Чукчи	1
Эунмон	Эскимосы	1
Нунлигран	Чукчи	1

Черепа оленных чукчей происходят из следующих пунктов:

Р. Алган	1
Р. Сухой Анюй	1
Зал. Св. Лаврентия	2
Р. Анадырь (близ Утесиков)	2
Р. Анадырь (близ Кедровой Кошки)	4
Гора Св. Марии	3
Окрестности сел. Уэллэн	4
Р. Майн	2
Р. Чаун	4
Зал. Св. Креста	3
Гора Острая Сопка	4
Р. Колючи	1
Р. Белая	1
Гора Св. Дионисия	2
Р. Ерэпол	1
Р. Пелидон	1
Бухта Провидения	2
Мыс Св. Александра	1
Ушканий хребет	7
Пекульнейские горы	1

Соответственно приведенным выше данным мы разбили наш материал на группы:

Оленные чукчи	47 черепов
Оседлые чукчи	11 черепов
Эскимосы	22 черепа

Ряд черепов не датирован в отношении места их происхождения. Они составляют 4-ю группу, которую мы условно называем смешанной.

Сюда же отнесены и черепа из сел. Уэллэн. Цифровая характеристика групп приведена в табл. 1, 2, 3, 4.

I

ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Мозговой череп

Тотальная величина мозговой коробки характеризуется горизонтальной окружностью. По этому признаку все 3 группы (чукчи оленные, чукчи оседлые, эскимосы) очень близки и характеризуются сравнительно высокой величиной.

Продольный диаметр дает для всех 3 групп очень близкие цифры, лежащие в пределах средних величин.

По поперечному диаметру группа оленных чукчей отличается от оседлых и группы эскимосов несколько меньшим размером. Все 3 группы характеризуются сравнительно малой величиной данного признака.

По высотному диаметру группа оседлых чукчей отличается от двух других меньшей величиной. Однако, как видно из таблицы, это относится только к группе мужских черепов. Женские черепа, напротив дают высокие цифры. Учитывая небольшое количество черепов в группе оседлых чукчей, мы вправе рассматривать указанное различие как случайное и характеризовать все три группы как обладающие сравнительно высоким черепом.

По носоосновному диаметру наши группы различий не обнаруживают. Из других размеров приведены данные для наименьшего лобного и ушного диаметров. По обоим этим размерам группа оседлых чукчей отличается от двух других большими величинами. В целом же черепа характеризуются большой шириной основания и сравнительно узким лбом.

По черепному указателю все три группы мезокефальны. Группа оленных чукчей характеризуется несколько более низким указателем (за счет меньшего, как указывалось выше, поперечного диаметра). По высотно-продольному указателю все три группы стоят на границе гипсикефалии. По высотно-поперечному указателю все три группы метриокефальны; в группе оленных чукчей этот указатель несколько выше (за счет меньшего поперечного диаметра).

Лобнопоперечный указатель несколько выше в группе оленных чукчей (опять-таки за счет меньшего поперечного диаметра).

Угол наклона лба дает во всех группах близкие величины. Вся серия в целом характеризуется покатым лбом. Углы верхней и нижней частей затылочной кости различий между группами не обнаруживают. Угол наклона затылочного отверстия сравнительно небольшой.

Лицевой череп

По высоте лица все группы характеризуются близкими величинами. Можно отметить разве несколько более высокую цифру в группе эскимосов. Вся серия в целом характеризуется очень высоким лицом. По скуло-

Таблица 1

Сравнительные данные по важнейшим признакам

№№ по Мартину	Признаки	Мужчины				Женщины			
		чукчи оленные	чукчи оседлые	эскимосы	смешанные	чукчи оленные	чукчи оседлые	эскимосы	смешанные
1	Продольный диаметр	182.3	181.9	183.1	184.3	173.9	176.3	175.2	176.0
8	Поперечный диаметр	139.1	142.5	142.4	142.6	135.1	134.0	136.5	136.6
17	Высотный диаметр	1[illegible]5.8	132.9	135.7	135.8	130.1	133.0	133.4	130.2
5	Носоосновной диаметр	102.7	101.0	102.6	104.2	97.0	97.3	99.5	99.3
9	Наименьшая ширина лба	94.3	96.5	94.2	96.8	88.9	95.3	90.6	89.8
48	Высота верхней части лица	77.8	77.6	79.3	78.6	70.4	72.0	73.0	73.0
45	Скуловая ширина	137.8	142.6	140.7	137.9	127.5	129.0	132.7	132.0
40	Длина основания лица	103.8	102.2	101.2	103.9	96.0	95.3	99.7	97.4
55	Высота носа	55.2	54.5	55.3	55.6	50.9	52.0	51.8	51.7
54	Ширина носа	25.1	25.4	24.8	25.0	24.0	24.0	24.6	25.9
51	Ширина орбиты I	43.3	44.5	43.9	43.9	40.0	42.3	42.5	43.0
51a	Ширина орбиты II	41.1	42.3	41.5	41.6	38.6	40.7	40.1	40.6
52	Высота орбиты	36.8	36.6	36.7	36.5	35.3	35.7	36.1	36.3
—	Лобный угол глабелла-метопион	72.5	70.9	69.7	71.0	75.7	76.7	75.0	75.9
32	Лобный угол назион метопион	78.2	78.0	77.0	77.8	80.2	82.0	79.4	79.9
72	Общий угол профиля лица	82.0	82.6	83.8	84.5	83.2	83.0	82.7	83.7
75(1)	Угол носовых костей к линии профиля	20.1	24.2	24.7	20.4	15.0	16.7	16.5	16.2
8:1	Черепной указатель	76.4	78.4	77.8	77.4	77.3	76.0	77.4	77.6
17:1	Высотнопродольный указатель	74.5	73.5	74.0	73.8	74.9	75.4	75.9	73.8
17:8	Высотнопоперечный указатель	97.5	91.0	95.1	95.3	96.3	99.2	97.3	95.4
40:5	Указатель выступания лица	101.0	101.2	98.7	100.2	91.5	99.1	100.3	98.2
48:45	Лицевой указатель	56.6	54.3	56.4	57.3	54.3	55.8	55.1	55.4
48:17	Вертикальный черепно-лицевой указатель	57.5	58.1	58.4	58.0	53.9	54.2	55.0	55.5
54:55	Носовой указатель	45.7	46.7	45.0	45.0	47.2	46.2	47.5	46.3
52:51	Орбитный указатель I	85.1	82.3	83.7	84.5	87.7	84.3	84.9	84.5
52:51a	Орбитный указатель II	89.3	86.8	88.5	87.9	91.5	87.7	81.1	89.5
	Развитие глабеллы (1—8)	2.97	3.13	3.27	3.40	1.92	2.00	1.82	2.10
	Развитие собачьей ямки (0—4)	2.03	1.88	1.91	1.50	2.00	1.67	2.18	2.20
	Форма нижнего края грушевидного отверстия в % Anthropina	20.0	—	27.3	30.0	41.7	66.7	40.0	70
	Fossae praenasales	73.4	100.0	63.6	70.0	25.0	33.3	30.0	20
	Sulcus praenasalis	3.3	—	—	—	8.3	—	—	10
	Infantilis	3.3	—	9.1	—	25.0	—	30.0	-

вому диаметру группа оседлых чукчей дает наибольшие размеры, группа оленных обнаруживает наименьшую ширину лица как по мужским, так и по женским черепам. Те же соотношения мы имеем и по верхней,

и по средней ширине лица. По абсолютному масштабу лицо во всех трех группах должно быть оценено как широкое. Лицевой указатель соответственно дает наименьшую цифру для оседлых чукчей, которые относятся по этому признаку к категории мезен; оленные чукчи и эскимосы по этому признаку не различаются и относятся в категории лептен.

По длине основания лица и соответственно по указателю выступания лица заметных различий между группами не обнаруживается.

По строению носового скелета наши группы характеризуются высоким и сравнительно узким носом. По носовому указателю все группы лепторинны. Высота орбит (во всех группах одинаковая) по абсолютному масштабу должна быть оценена как большая. Различия в ширине глазницы очень невелики. Наибольшую ширину дает группа оседлых чукчей, наименьшую — группа оленных; эскимосы по этому признаку занимают среднее место. Соответственно и орбитный указатель наиболее высокий в группе оленных, наименьший в группе оседлых чукчей. По указателю группы стоят на границе гипсиконхии.

Угол профиля лица, определяющий выступание верхней челюсти в целом, очень близок во всех группах, характеризуя их как мезогнатные.

По выступанию носовой части лица группы более ортогнатны и, наконец, альвеолярный профиль обнаруживает сравнительно сильное выступание. Таким образом, наша серия в целом характеризуется умеренным альвеолярным прогнатизмом при ортогнатном носовом отделе.

Выступание носа — признак очень большого расово-диагностического значения — определяется углом носовых костей (выступание их над линией назион-простион). Все три группы характеризуются значительным, по сибирскому масштабу, выступанием носа, однако, группа оленных чукчей отличается от двух других несколько более плоским носом.

Поперечный краниофациальный указатель (скулотеменной) и вертикальный краниофациальный указатель заметных различий между группами не выявляют. Оба дают для серии в целом большие величины.

ОПИСАТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ

Для всей серии характерны две основных формы черепа: пентагоноидная и овоидная. По мужским и женским черепам вместе овоидные и пентагоноидные формы найдены: в группе оленных чукчей в 89.1%, в группе оседлых чукчей в 90%, в группе эскимосов в 68.2%. Характерный тип затылка — выпуклый; линия контура затылка в norma lateralis дает преобладание угловатых форм. Типичная форма темени в norma occipitalis (вертикальное сечение) — угловатая; надо отметить значительное количество лофокефальных черепов.

Развитие сосцевидных отростков во всех группах должно быть оценено ниже среднего; наружный затылочный бугор развит слабо; верхняя затылочная линия выражена средне. Развитие глабеллы различий между группами не обнаруживает и должно быть по абсолютному масштабу оценено как среднее.

Глазницы во всех группах высокие, отмечены почти исключительно квадратные и округлые формы. Собачья ямка выражена умеренно, и различий между группами в этом признаке не отмечается. Выступание spinae nasalis слабое.

В строении нижнего края носового отверстия характерен малый процент антропинного типа (28.5%—в группе оленных, 18.2%—в группе оседлых чукчей и 33.3% — в группе эскимосов).

Из признаков, не вошедших в таблицы, укажем следующие: на значительном количестве черепов отмечено вдавление (желоб) в задней половине сагиттального шва. Височные линии на большей части черепов (мужских) расположены высоко и сближены между собой.

При рассмотрении черепов в norma lateralis отмечается вдавление (уплощенность) в области теменных костей.

Аномалии

1) Метопический шов отмечен на одном черепе.

2) Кость инков встречена в трех случаях (os incae proprium 2, os incae tripartitum 1); os apicis — в двух случаях.

3) На трех черепах встречен приросший атлант.

4) Асимметрия затылка отмечена на семи черепах (скошен слева — 2, скошен справа — 5).

Следы люэса отмечены на 4 черепах.

II

Приведенные выше данные позволяют характеризовать все три группы как весьма сходные между собой. Следует указать, что уже при общем осмотре серии черепов в целом она представляется в высшей степени однородной и выделить на-глаз отдельные морфологические типы внутри серии не представилось возможным. Имеющиеся различия по отдельным признакам не велики, лежат в пределах утроенных ошибок[1] и не обна-

[1] Приводим данные для признаков, обнаруживших наибольшие различия:

1. Поперечный диаметр: оленные 139.1
   оседлые 142.5
   $d = 3.4$; $m(d) = 1.92$; $m(d) \cdot 3 = 5.75$.
2. Высота лица: оленные 77.8
   эскимосы 79.3
   $d = 1.5$; $m(d) = 1.69$; $m(d) \cdot 3 = 5.08$.
3. Скуловой диаметр: оленные 137.8
   оседлые 142.6
   $d = 4.8$; $m(d) = 2.54$; $m(d) \cdot 3 = 7.62$.
4. Черепной указатель: оленные 76.4
   оседлые 78.4
   $d = 2.0$; $m(d) = 0.96$; $m(d) \cdot 3 = 2.88$.

руживают строгой направленности. Отметим, что различия в группе мужских черепов и группе женских черепов идут для ряда признаков в разных направлениях, что мы можем рассматривать как результат малочисленности материала.

Уже общая краниологическая характеристика серии дает нам указания на то, где искать близкие антропологические типы; они ведут нас на восток, к эскимосам Северной Америки. Высокий, сравнительно долихокранный череп, очень высокое лицо, высокий и узкий нос — все это классические признаки эскимосского расового типа.

Однако самый термин „эскимосский расовый тип" требует уточнения. Эскимосы населяют огромную территорию: берега Гренландии, Арктический архипелаг, весь арктический берег от восточной окраины Лабрадора до Аляски и северо-восточного края Азии на западе. На этом обширном пространстве антропологический тип эскимосов обнаруживает значительные вариации. Можно выделить два типа: один, характерный для восточных эскимосов (Гренландии, Баффинова залива, Лабрадора), другой — для эскимосов западных (Аляски, о. Св. Лаврентия).

Западный тип характеризуется по сравнению с восточным более высоким черепным указателем (как за счет меньшего продольного, так и за счет большего поперечного диаметров) и менее высоким черепом. Исследованные нами черепа близки именно к западному типу, отличаясь от восточного в том же направлении, что и черепа Аляски и о. Св. Лаврентия.

Районы распространения западного и восточного типов нельзя представлять себе как строго разграниченные. Как показал Грдличка, западный тип встречается в различных пунктах далеко за пределами своего основного распространения (пролив Смита, о. Соутгемптон, часть берега Гудзонова залива). Так же и восточный тип представлен спорадически и на западе, особенно на п-ове Сюарда.

Между крайними долихо- и брахикефальными типами эскимосов имеются различные степени переходов, и как западные, так и восточные эскимосские группы обнаруживают очень значительные вариации по головному указателю, который, как мы уже указывали, является основным признаком, различающим западный и восточный типы.

Резкое противопоставление этих двух типов представляется нам поэтому недостаточно обоснованным. Обнаруживая различия по головному указателю и некоторым другим признакам, крайние представители западных и восточных эскимосов, несомненно, имеют е д и н ы й, х о р о ш о о ч е р ч е н н ы й р а с о в ы й т и п, что неоднократно подчеркивает в своих работах такой специалист по антропологии эскимосов, как Грдличка.

Данные палеоантропологии[1] указывают на более широкое в прошлом распространение долихокранного элемента, который на Аляске в сравнительно позднее время был сменен брахикефальным типом. Как объяснить эту смену антропологических типов?

[1] См. нашу заметку „К антропологии эскимосов", Сов. этнография, VI—VII, М., 1947.

Этот вопрос является одним из наиболее сложных вопросов расогенеза северо-восточной Азии и северо-западной Америки.

Антропологические данные не позволяют видеть в западных эскимосах средний тип между восточным длинноголовым эскимосским типом и соседними индейцами Аляски. К сожалению, полностью отсутствуют палеоантропологические материалы из северо-восточной части СССР, которые могли бы пролить свет и на эту проблему. При современном состоянии наших знаний можно высказать гипотезу о процессе брахикефализации эскимосского типа, процессе, который мог проявиться в разных районах расселения эскимосов в разной степени. В пользу этой гипотезы, как нам кажется, говорят данные палеоантропологии, рисующие смену долихокефалии брахикефалией, при сохранении в целом единого расового типа.

III

Сформулированный выше вывод о близости краниологического типа оленных чукчей, оседлых чукчей и азиатских эскимосов и сходство этого типа с типом эскимосов Америки позволяет подойти к освещению некоторых вопросов этногенеза на северо-востоке Азии.

В результате исследований Джезуповской экспедиции, главным образом В. Богораза и В. Иохельсона, была выделена в области Берингова моря особая кругобережная этнографическая зона, представленная группами племен в Азии и в Америке.

Указанные авторы установили культурную близость палеоазиатов в Азии и племен северной части Тихоокеанского побережья Северной Америки и разработали теорию об азиатско-американской цепи индоидных племен. Сходство в материальной культуре, культе, мифологии (в которой особенную роль играет культ ворона) племен северо-восточной Азии и индейцев северо-западной Америки свидетельствует, согласно этой теории, о прямой связи этих групп, существовавшей в эпоху Берингова перешейка. Эта связь была нарушена после разделения материков в результате вторжения с севера эскимосов. Эскимосы явились клином, рассекшим надвое первоначально культурно и расовоединую цепь племен.

Эта теория эскимосского клина, разработанная Богоразом и Иохельсоном в целом ряде работ,[1—5] в течение трех десятилетий была господствующей в литературе, посвященной этно-расовым взаимоотношениям северо-восточной Азии и северо-западной Америки.

---

[1] W. Bogoras. Early Migrations of the Eskimo betwenen Asia and America. Congrès International des Américanistes. XXI sess. Götborg, 1925.

[2] В. Г. Богораз. Древние переселения народов в Северной Евразии и Америке. Сборник Музея антропологии и этнографии, VI, 1927.

[3] В. Иохельсон. Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана. СПб. 1908.

[4] W. Jochelson. Archaeological Investigations on the Aleutian Islands. Washington, 1925.

[5] W. Jochelson. History, ethnology and anthropology of the Aleut. Washington, 1933.

Другая точка зрения была развита в нашей литературе А. М. Золотаревым.

В работе А. М. Золотарева[1] убедительно доказывается существование на арктическом побережье Азии древнего, дочукотского населения. Автор приводит целый ряд данных в пользу того, что это население должно быть отнесено к эскимосской группе. Дочукотская культура этого населения рисуется как культура древнеэскимосского типа и на основании исторических, археологических, этнографических и лингвистических данных характеризуется доминирующей ролью в хозяйстве морского промысла, полуподземными жилищами со стенами из китовых ребер, употреблением орудий типа Тулэ и некоторыми другими чертами. Это население не знало оленеводства и езды на собаках. Согласно рассматриваемой концепции, чукотская культура выросла на основе древне-эскимосской (дочукотской) культуры. Мы находим очень значительное количество эскимосских элементов в современной чукотской культуре; то же можно сказать и о чукотском языке (термины чукотского языка, относящиеся к морским животным, имеют преимущественно эскимосское происхождение).

Возникновение оленеводства, которое относится к сравнительно недавнему времени, обусловило процесс создания современной чукотской (и коряцкой) культуры и поглощения образовавшимися чукотскими племенами древнего эскимосского населения. С возникновением оленеводства только часть населения откочевывала внутрь страны, другая часть оставалась связанной с побережьем и превращалась в оседлых чукчей, будучи втянута в ту систему общественного разделения труда и обмена, которая характеризует отношения между оленными и оседлыми чукчами. Последние две группы представляют собой один народ. В то же время, пишет А. М. Золотарев, на берегу Берингова моря продолжала развиваться на базе той же древнеэскимосской культуры приморская культура эскимосов — морских звероловов. В этой культуре особое развитие получил мифологический комплекс, связанный с хозяйкой моря — Седной, который и вытеснил первоначальный культ ворона, ранее распространенный в северо-восточной Азии и северо-западной Америке.

Согласно излагаемой концепции, эскимосы — не клин, отделивший чукчей от индейцев, а потомки того древнего населения, которое вошло в состав современных чукчей.

Полученные нами краниологические данные говорят, как нам кажется, против теории эскимосского клина и могут служить одним из доказательств автохтонного развития чукотского этнического и антропологического типа.

---

[1] А. М. Золотарев. Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии. Изв. Воронежского Гос. педаг. инст., т. IV, 1933.

Таблица 2

Индивидуальные измерения мужских черепов оленных чукчей

Инвент. №	Место находки	23. Горизонтальная окружность	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр	5. Нососновной диаметр	9. Наименьшая ширина лба	11. Ушной диаметр	48. Высота верхней части лица	45. Скуловая ширина	43. Верхняя ширина лица	46. Средняя ширина лица	40. Длина основания лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51. Ширина орбиты I	51a. Ширина орбиты II	52. Высота орбиты	Лобный угол гл.-мет.	32. Лобный угол назион-мет.	[illegible] к горизонтали	33(1). Верхний затыл. угол	33(2). Нижний затыл. угол	33(4) Угол перегиба затылка	34. Угол затылочного отверстия	72. Общий угол профиля лица	73. Средний угол профиля лица	74. Альвеолярный угол профиля лица	75. Угол носовых костей к горизонтали	75(1). Угол носовых костей к линии профиля	Указатели: 8:1. Черепной	17:1. Высотно-продольный	17:6. Высотно-поперечный	9:8. Лобно-поперечный	45:8. Поперечный черепно-лицевой	40:5. Выступания лица	48:45. Лицевой	48:17. Вертикальный черепно-лицевой	54:55. Носовой	52:51. Орбитный I	52:51a. Орбитный II	Общая форма черепа	Развитие сосц. отростка (1—4)	Развитие затыл. бугра (1—5)	Развитие в затыл. линии	Развитие глабеллы (1—6)	Развитие надбровных дуг (1—3)	Развитие лобных бугров (0,3)	Развитие собачьей ямки (0—4)	Развитие носового шипа (1—5)	Форма нижнего края грушевидного отверстия	Высота переносья (1—3)	Примечания
6496	Р. Анадырь близ Кедровой Кошки	—	174	135	135	96	88	123	72	132	106	97	93	50	22	42	40	38	75	81	49	89	44	133	6	84	86	75	60	24	77.6	77.6	100.0	65.2	97.8	96.9	54.6	53.3	44.0	90.5	95.0	П	2	1	2	3	—	1	3	2	A. I	2	
6497	Ушканий хребет	527	187	140	135	101	90	127	80	138	109	105	102	57	26	44	42	38	70	76	50	92	29	121	7	86	87	82	58	28	74.9	72.2	96.4	64.3	93.6	101.0	58.0	59.3	45.6	86.4	90.5	Ов	3	2	3	4	3—1	1	3	—	Fp. II	2	
6493	Бухта Провидения	497	178	131	133	101	92	123	—	131	—	—	105	53	25	42	40	38	71	77	50	—	—	—	—	78	84	65	—	—	73.6	74.7	101.5	70.2	100.0	104.0	—	—	47.2	9.05	95.0	Ов	2	1	1	3	2—1	1	2	—	Fp. II	1	
6504	„ „	—	172	133	133	97	89	122	75	135	105	95	95	54	26	43	40	36	73	77	48	88	36	124	11	79	82	71	—	—	77.3	77.3	100.0	66.9	101.5	97.9	55.6	56.4	48.2	83.7	90.0	П	2	0	—	1	1	2	2	1	Fp. I	2	
6506	Р. Майн	528	181	152	133	98	91	134	81	139	108	106	—	56	28	44	42	37	74	80	45	91	35	126	—	80	84	71	—	—	84.0	73.5	87.5	59.9	91.5	—	58.3	60.9	50.0	84.1	88.1	Сфн	2	—	3	3	3—1	2	3	1	Fp. I	1½	Прирос атлант
6507	Р. Анадырь близ Кедровой Кошки	505	182	134	136	107	92	127	75	141	110	107	103	53	24	43	40	35	72	79	48	87	37	124	2	80	81	78	57?	23?	73.6	74.7	101.5	63.7	105.2	100.9	53.2	65.2	45.3	81.4	87.5	Ов	2	2	2	3	—	1	1	2	Fp. I	2	
6508	Залив Св. Лаврентия	490	172	131	128	96	89	119	77	126	105	95	—	54	23	42	40	36	72	76	47	98	31	129	—	81	84	77	59	22	76.2	74.4	97.7	67.9	96.2	—	61.1	60.2	42.6	85.7	90.0	Ов	2	1	1	2	2—1	1	3	2	Fp. II	2	Прирос атлант
6511	Р. Чаун	513	181	138	135	105	92	126	84	140	112	110	110	59	28	44	42	37	67	73	45	94	34	128	5	78	82	72	63	19	76.2	74.6	97.8	66.7	101.5	104.8	60.0	62.2	47.5	84.1	88.1	Ов	2	3	3	4	3—2	1	2	1	Fp. II	2	
6514	Ушканий хребет	516	183	138	135	105	91	126	77	145	111	106	106	58	24	46	44	37	70	78	48	91	37	128	12	82	84	71	68	14	75.4	73.8	97.8	65.9	105.1	101.0	53.1	57.0	41.4	80.4	84.1	П	2	2	2	3	2—1	1	3	2	S. pr.	2	
6516	„ „	522	188	141	138	105	95	124	75	134	106	100	108	53	22	41	39	36	77	84	50	103	25	128	12	83	85	75	—	—	75.0	73.4	97.9	67.4	95.0	102.9	56.0	54.4	41.5	87.8	92.3	П	2	—	3	3	2—1	2	2	2	Fp. II	2	
6517	Гора Св. Дионисия	515	180	138	138	100	93	126	72	—	103	110	100	53	24	41	40	36	76	80	51	96	32	128	4	81	85	72	—	—	76.7	76.7	100.0	67.4	—	100.0	—	52.2	45.3	87.8	90.0	Ов	2	1	1	3	2—2	1	1	—	Inf.	1	
6518	Ушканий хребет	535	191	144	138	112	102	131	75	148	114	113	107	57	29	44	41	38	74	80	48	—	—	—	8	87	89	83	—	—	75.4	72.3	95.8	70.8	102.8	95.5	50.7	54.4	50.9	86.4	92.7	П	2	1	2	4	3—2	1	2	2	?	2	
6519	„ „	—	174	132	—	101	96	123	77	131	—	—	102	54	26	44	43	35	—	—	—	—	—	—	—	79	82	70	—	—	75.9	—	—	72.7	99.2	101.0	58.8	—	48.2	79.6	81.4	—	2	—	—	2	—	—	2	—	A.	1	
6520	Р. Белая	505	182	139	137	104	82	134	77	141	106	103	106	57	25	40	38	38	65	71	50	93	38	131	—3	81	83	78	56	25	76.4	75.3	93.6	59.0	101.4	101.9	54.6	56.2	43.9	95.0	95.0	Ов	3	1	2	5	3—2	0	3	2	Fp. II?	2	
6521	Гора Св. Марии	525	188	140	140	111	99	128	83	142	108	103	101	58	25	44	42	39	68	75	44	97	33	130	—5	86	89	83		—	74.5	74.5	100.0	70.7	101.4	91.0	58.5	59.3	50.0	83.6	92.8	П	2	1	2	4	3—1	2	2	—	Fp. I	1	Правая асимметрия
6524	Залив Св. Креста	530	184	141	145	110	99	130	—	144	110	101	—	57	22	44	43	39	71	76	48	90	29	119	2	80	83	78	53	27	76.6	78.8	102.8	70.2	102.1	—	—	—	38.6	83.6	90.7	Ов	3	3	3	2	2—1	1	3	3	A. II	2	
6525	Р. Пелидон	503	176	136	132	98	93	122	74	135	110	117	104	51	26	43	40	33	79	83	50	97	38	135	8	77	82	69	—	—	77.3	75.0	97.1	68.4	99.2	106.1	54.8	56.1	51.0	76.7	82.5	Эл	2	1	2	3	2—1	2	2	—	Fp. II	1	
6527	Близ пос. Уэллэн	545	191	145	138	103	102	135	83	148	—	—	102	58	26	44	41	38	75	81	51	97	26	123	8	88	88	88	—	—	74.7	71.1	95.2	70.3	102.1	99.0	56.1	60.1	44.8	86.4	92.7	Ов	3	1	3	3	3—2	2	2	2	A. II	1	
6528	Залив Св. Креста	568	202!	143	138	110	101	136	85	146	115	111	114	61	28	46	43	37	65!	75	48	90	26	116	10	83	83	82	63	15	73.3	68.3	93.2	68.2	98.7	103.6	58.2	61.6	45.9	80.4	86.1	Эл	3	3	3	5	3—2	1	1	2	Fp. I	1½	
6531	Гора „Острая Сопка"	522	184	143	141	107	94	132	79	140	107	97	104	53	26	44	41	37	70	76	46	90	38	128	—2	82	83	81	54	23	77.7	76.6	98.6	65.7	97.9	97.2	56.4	56.0	47.2	84.1	90.2	П	4	0	1	4	3—1	1	2	—	—	2	
6532	Близ пос. Уэллэн	525	187	141	528	100	92	126	76	129	107	108	100	55	25	43	41	36	75	79	45	—	—	—	15	83	85	74	70	13	75.4	68.5	90.8	65.3	91.5	100.0	58.9	59.4	45.5	83.7	87.8	П	2	—	—	3	—	2	2	2	Fp. II	1	
6534	Р. Майн	505	177	140	132	99	95	127	77	135	110	107	105	54	25	42	40	37	79	83	51	91	29	120	—2	82	86	72	70	12	79.1	74.6	94.3	67.9	96.4	106.1	57.0	58.3	46.3	88.1	92.5	П	3	1	2	2	1	2	1	—	Fp. I	1	
6535	Р. Колючи	513	183	136	138	105	88	128	84	138	107	104	103	61	26	42	40	36	69	74	46	88	33	121	5	81	81	81	55	26	74.3	75.4	101.5	64.7	101.5	102.9	60.9	60.9	42.6	85.7	90.0	П	2	3	2	3	2—2	1	1	—	Fp. II	2	
6536	Близ пос. Уэллэн	515	181	140	133	99	100	124	73	135	114	98	103	51	26	44	42	34	81	85	50	91	33	124	6	81	85	74	65	16	77.4	73.5	95.0	71.4	96.4	104.0	54.1	54.9	51.0	77.3	81.0	П	2	1	2	2	1	1	2	2	Fp. II	1	
6539	Залив Св. Креста	518	185	136	140	108	103	129	76	142	114	107	104	55	23	44	43	38	70	79	50	85	42	127	—2	85	86	77	63	22	73.5	75.7	102.9	75.7	104.4	96.3	53.5	54.3	41.8	86.4	88.4	Ов	2	3	2	3	2—1	1	2	2	Fp. I	1	
6540	Р. Еропол	521	180	144	128	100	99	138	77	139	109	100	105	55	24	43	40	36	74	80	50	—	—	—	—	83	85	78	64	19	80.0	71.1	88.9	68.8	96.5	105.0	55.4	60.2	43.6	83.7	87.5	Ов	2	3	3	3	3—1	1	2	3	A. I	2	Прирос атлант
6541	Ушканий хребет	494	174	134	130	92	93	120	77	131	—	—	102	51	23	38	36	34	76	80	51	93	33	126	8	78	79	77	—	—	77.0	74.7	97.0	69.4	97.8	110.9	58.8	59.2	45.1	89.5	94.4	П	1	1	2	2	2—1	2	1	2	Fp. I	1	
6545	Гора „Острая Сопка"	507	181	138	136	100	99	121	68	127	104	93	101	49	25	42	41	34	84	88	49	—	—	—	2	82	85	74	—	—	76.2	75.1	98.6	71.7	92.0	101.0	53.5	50.0	51.0	81.0	82.9	П	2	1	1	2	1—1	3	1	1	Fp. II	1	
6546	Ушканий хребет	506	180	135	141	107	93	125	81	—	108	104	108	58	24	44	41	38	68	73	48	90	44	134	—3	81	82	79	60	21	75.0	78.3	104.4	68.9	—	100.9	—	57.5	41.4	86.4	92.7	Ов	2	1	2	3	2—1	1	2	3	A. II	2	
	Р. Чаун	537	190	145	142	102	104	126	81	136	117	98	97	55	27	46!	44!	39	74	77	46	97	27	124	7	87	89	80	70	17	76.3	74.7	97.9	71.7	93.8	95.1	59.6	57.0	49.1	84.8	88.6	Ов	2	—	3	3	2—1	2	4	—	Fp. I	1	
	Гора „Острая Сопка"	525	186	142	135	103	97	129	84	143	115	115	105	61	26	47	45	39	65	74	46	92	34	126	10	84	85	80	—	—	76.3	72.6	95.1	68.3	100.7	101.9	58.7	62.2	42.6	83.0	86.7	Ов	2	3	2	4	3—1	1	1	2	Fp. II	1	
	Р. Анадырь близ Кедровой Кошки	516	181	137	135	105	90	133	78	142	104	103	105	55	24	44	41	37	69	75	46	92	35	127	8	81	83	75	70	11	75.7	74.6	93.5	65.7	103.7	100.0	54.9	57.8	43.6	84.1	90.2	Ов	3	1	1	3	2—1	1	2	1	Fp. II	1	
425-48	Утесики на р. Анадырь	520	188	138	—	—	88	130	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	73.4	—	—	63.8	—	—	—	—	—	—	—	Ов	2	1	1	3	2—1	1	—	—	—	—	
125-51	Гора „Острая Сопка"	507	172	146	138	—	96	130	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	84.9	80.2	94.5	65.8	—	—	—	—	—	—	—	Сфн	—	Небольшой torus		2	2—1		—	—	—	—	
	N	31	34	34	32	32	34	34	30	30	28	28	29	32	32	32	32	32	31	31	31	26	26	26	27	32	32	32	19	19	34	32	32	34	30	29	28	29	32	32	32	—	—	—	—	34	—	—	32	—	—	—	
	M	517.9	182.3	139.1	135.8	102.7	94.3	127.5	77.8	137.8	109.3	104.0	103.8	55.2	25.1	43.3	41.1	36.8	72.5	78.2	48.2	92.4	33.8	126.2	5.1	82.0	84.3	76.3	62.3	20.1	76.4	74.5	97.5	67.3	99.1	101.0	56.6	57.5	45.7	85.1	89.3	—	—	—	—	2.97	—		2.03	—	—	—	
	σ	15.45	6.56	4.83	4.06	4.75	5.09	4.68	4.09	5.87	3.54	6.10	4.31	3.11	1.77	1.79	1.79	1.58	4.60	3.81	2.07	3.97	5.13	4.50	5.24	2.79	2.40	4.89	5.76	5.40	2.54	2.57	3.80	3.35	3.79	3.93	2.61	3.05	3.29	3.89	3.84	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

Таблица 3

Индивидуальные измерения мужских черепов: оседлые чукчи, эскимосы, смешанные

Группа	Инвент. №	Место находки	23. Горизонтальная окружность	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр	5. Носоосновной диаметр	9. Наименьшая ширина лба	11. Ушной диаметр	48. Высота верхней части лица	45. Скуловая ширина	43. Верхняя ширина лица	46. Средняя ширина лица	40. Длина основания лица	55. Высота носа	54. Ширина носа	51. Ширина орбиты I	51a. Ширина орбиты II
Чукчи оседлые	6500	Пос. Уэлькаль	506	180	137	130	100	95	127	76	141	112	105	98	55	27	45	43
	6509	„ „	505	177	142	138	101	100	130	76	135	110	101	101	58	22	43	40
	6523	Пос. Эрулен	522	179	148	129	101	100	137	78	142	109	99	101	54	26	45	43
	6530	„ „	538	190	143	141	102	94	131	79		112	113	107	55	26	44	40
	65371	„ „	504	178	[illegible]	128	99	89	127	73	140	110	106	101	51	26	42	40
	425-3	Пос. Нуётэн	512	179	140	128	99	91	130	74?	142	112	10?	93?	51	27	47!	44
	425-43	Пос. Уэлькаль	525	183	144	136	99	97	129	83	143	110	10?	103	55	25	43	42
	425-44	Пос. Раткин		18?	150		101	103	144	81	155	120	113	109	51	24?	47	46?
	N		7	8	8	7	8	8	8	8	7	8	8	8	8	8	8	8
	M		516.0	181.9	142.5	132.9	101.0	96.5	131.9	77.5	142.6	111.9	106.6	102.2	54.5	25.4	44.5	42.3
	σ		12.79	50.3	4.00	5.37	2.14	4.44	5.82	3.25	6.03	3.45	4.98	3.96	1.93	1.68	1.85	2.19
Эскимосы	425-1	Пос. Уныын		192	145	135	108	100	135	71	149	115	108	109	55	29	45	44
	425-2	„ „		184	142	136	104	97	131	—	144	112	102	107?	58	25	45	43
	425-3	„ „		176	143	127	97	95	134	80	143	108	111	107	54	25	45	43
	425-4	„ „	5281	185	147	147	105	95	127	83	137	108	108	100	58	24	44	42
	425-5	„ „	5325	190	144	138	105	98	131	82	139	111	102	105	54	24	43	41
	425-6	„ „	5350	184	141	131	102	93	132	84!	139	111	99	105	59!	24	43	42
	425-7	„ „	5185	176	142	135	95	93	125		138	106	101	91?	51	23	43	40
	425-8	„ „	5108	178	130	130	100	92	118	72?	131?	107	99	95?	52	24	43	41
	425-27	Пос. Эунмон	5016	187	147	144	106	95	134	81	144	110	106	98	56	23	45	42
	425-29	Пос. Нуукан	5134	179	142	—	—	88	131	—	141	109	105		56	22	43	41
	425-40	Пос. Иан	5204	183	143	135	101	90	130	78	143	113	111	100	55	25	43	41
	N		11	11	11	10	10	11	11	8	11	11	11	10	11	11	11	11
	M		521.5	183.1	142.4	135.8	102.6	94.2	129.8	79.3	140.7	110.0	104.7	101.2	55.3	24.8	43.9	41.5
	σ		13.22	5.39	4.57	6.09	4.12	3.19	4.92	4.30	4.71	2.73	4.13	5.57	2.49	2.01	0.94	0.93
Смешанные	6549	Пос. Майсьехан	515	193	150	128	103	102	140	80	148	119	117	101	54	27	48!	46!
	425-33	Пос. Уэллен	518	183	141	132	106	102	139	80	143	112	105	109	55	23	47!	45
	425-34	„ „	526	188	139	134	101	100	123	76	136	111	104	102	53	24	45	43
	425-33	„ „	519	182	140	133	102	94	124	80	[illegible]	105	105	100	56	2?	42	39
	753-3	(Колл. Мягкова)	532	185	147	137	104	95	124	77	131	109	100	109	54	23	43	41
	753-4	„ „	525	183	143	142!	108	99	129	76?		109	102	—	59	25	42	—
	753-7	„ „	506	173	142	137	104	97	123?	69	131	108	98	99?	51	27	42	38
	753-9	„ „	527	189	135	134	101	91	120	8?	127	105	90	103	54	25	41	39
	753-11	„ „	500	177	139	140	103	93	126?	86?	132	111	101	104	56	24	45?	41
	753-12	„ „	525	181	143	137	103	95	130	82	141	105	105	100	57	26	46	43
	5245-1	Близ пос. Уэллен	546	193	150	140	111	97	144	83	151	110	107	112	60	25	4?	41
	N		11	11	11	11	11	11	11	11	10	11	11	10	11	11	11	10
	M		524.45	184.3	142.6	135.8	104.2	96.3	129.0	78.6	137.9	109.7	104.2	103.9	55.6	25.0	43.9	41.6
	σ		14.01	6.23	4.72	4.09	3.06	2.63	7.80	3.95	7.91	3.32	5.34	4.53	2.25	1.41	2.30	2.63

Группа	Инвент. №	52. Высота орбиты	Лобный угол	32. Лобный угол назион-мет.	Угол назион-брегма к горизонтали	33(1). Верхний затыл. угол	33(2). Нижний затыл. угол	33(4). Угол перегиба затылка	34. Угол затылочного отверстия	72. Общий угол профиля лица	73. Средний угол профиля лица	74. Альвеолярный угол профиля лица	75. Угол наклона носовых костей к горизонтали	75(1). Угол носовых костей к линии профиля
Чукчи оседлые	6500	38	70	73	46	95	25	120	8	83	87	71	60?	23?
	6509	34	77	82	55	89	12	121	3	86	88	81	69	27
	6523	37	72	80	47	93	35	123	3	82	85	77	54	28
	6530	35	66	78	51	91	33	121	1	80	83	71	59?	21?
	65371	35	71	76	48	92	36	123	7	82	83	78		
	425-3	37	66	74	46	96	28	121	—	83				—
	425-43	39	71	81	49	89	36	125	6	82	83	78		—
	425-44	38		—		89	23	11?	2	83	81	80	61	22
	N	8	7	7	7	8	8	8	7	8	7	7	5	5
	M	36.6	70.9	78.0	48.9	91.8	32.9	124.6	3.43	82.6	84.7	77.4	58.6	24.20
	σ	1.77	1.02	3.11	3.24	2.77	5.57	1.53	3.87	1.69	2.06	4.16	2.70	3.11
Эскимосы	425-1	38	71	79	50	82	35	117	—	81	85	81	61	20
	425-2	36	69	76	49	89	32	121	8	—	83	—	—	—
	425-3	36	70	76	49	90	31	127	9	78	80	75	57?	21?
	425-4	38	70	77	49	101	35	136	5	84	85	79	63	21
	425-5	39	70	77	45	99	31	124	6	80	81	80	57	23
	425-6	37	70	77	45	86	33	119	8	82	83	77	60	22
	425-7	36	69	77	50	97	37	134	2	85	87	80	58	27
	425-8	35	72	79	50	99	33	132	7	87	88	—	58	29
	425-27	36	70	78	48	93	36	129	7	89	90	83	58	31
	425-29	35	70	76		—	—	—	—		87	—	—	—
	425-40	38	66	75	50	84	38	122	2	85?	87	—	57	28
	N	11	11	11	10	10	10	10	9	9	11	7	9	9
	M	36.7	69.7	77.0	48.5	92.0	31.1	126.1	6.0	83.8	85.1	79.3	59.1	24.7
	σ	1.35	1.49	1.26	1.96	6.51	2.47	6.5?	2.55	3.88	3.08	2.63	2.67	1.09
Смешанные	6549	37	64	74	44	100	25	125	14	85	87	79	52	23
	425-33	35	66	75	48	85	38	123	—1	82	83	82	54	28
	425-34	38	70	77	50	91	20	111	8	87	88	82		
	425-33	36	72	78	50	86	30	116	4	86	87	83	55?	21
	753-3	37	76	81	50	96	38	124	5	81	85	71	56	15
	753-4	37	72	78	46	94	34	128	4	—	89	—	—	—
	753-7	32	70	78	51	96	32	128	—4	83	83	—	—	
	753-9	37	—	—	—	—	—	—	—	82	84	79	58	14
	753-11	36	77	83	54	90	36	126	3	86	89	76		—
	753-12	38	75	80	53	85	37	12?	5	89	90	80	70	19
	5245-1	38	68	74	49	83	38	121	2	84	85	82	61	23
	N	11	10	10	10	10	10	10	10	10	11	9	7	7
	M	36.5	71.0	77.8	49.5	90.6	32.8	123.4	4.00	84.5	86.4	79.3	63.7	20.1
	σ	1.75	4.27	2.97	2.99	5.78	6.18	6.50	4.85	2.55	2.50	3.31	5.31	4.89

Группа	Инвент. №	Указатели: 8:1. Черепной	17:1. Высотно-продольный	17:8. Высотно-поперечный	9:8. Лобно-поперечный	45:8. Поперечный черепно-лицевой	40:5. Выступания лица	48:45. Лицевой	48:17. Вертикальный черепно-лицевой	54:55. Носовой	52:51. Орбитный I	52:51a. Орбитный II	Общая форма черепа	Развитие сосц. отростка (1–4)	Развитие затыл. бугра (1–5)	Развитие затыл. линии	Развитие глабеллы (1–6)	Развитие надбровных дуг (1–3)	Развитие лобных бугров (0–3)	Развитие собачьей ямки (0–4)	Развитие носового шипа (1–5)	Форма нижнего края грушевидного отверстия	Высота переносья (1–3)	Примечания
Чукчи оседлые	6500	76.1	72.2	94.9	69.3	102.9	98.0	53.9	58.5	49.1	84.4	88.4	П	3	2	2	2	2—1	1	2	2	Fp. II	2	
	6509	80.2	78.0	97.2	70.1	95.1	97.1	56.3	56.1	37.9	79.1	85.0	Ш.п	3	2	2	2	2—1	2	1	3	Fp. II	2	
	6523	82.7	72.1	87.2	67.6	96.0	100.0	54.9	60.5	48.2	82.2	86.1	Ов	2	1	3	4	3—2	2	2	3	Fp. II	2	
	6530	75.3	74.2	98.6	65.7		104.9	—	56.0	47.3	79.6	87.5	Ов	2	1	3	5	3—1	1	3		Fp. II	1	
	65371	76.4	71.9	94.1	65.4	102.9	102.0	52.9	57.8	51.0	83.3	87.5	Эл	2	1	2	2	2—1	1	2		Fp. II	1	
	425-3	78.2	71.5	91.4	67.1	101.4	99.0	52.1	57.8	50.0	78.4	84.1	Ов	1	1	2	3	3—1	1	2		Fp. I	1	
	425-43	78.7	74.3	94.1	67.4	99.3	104.0	58.0	61.0	45.5	90.7	92.9	П	2	0	2	4	3—1	1	2		Fp. I	2	
	425-44	79.4	—	—	68.7	103.3	104.8	52.3		44.4	80.9	82.6	—	3	1	2	3	2—1		1	3	Fp. I	2	
	N	8	7	7	8	7	8	7	7	8	8	8	—	—	—		8			5	4	—		
	M	78.4	73.5	94.0	67.7	100.1	101.2	54.3	58.1	46.7	82.3	86.8	—	—			3.13		—	1.88	—		—	
	σ	2.44	2.29	3.77	1.72	3.42	3.13	2.20	2.16	4.17	3.98	3.15		—	—	—				—				
Эскимосы	425-1	75.5	70.3	93.1	69.0	102.8	100.9	49.7	51.8	52.7	84.4	92.7	Эл	2	0	1	3	3—1	1	3	4	Fp. I	1½	
	425-2	77.2	73.9	95.8	68.3	101.4	98.1		—	43.1	80.0	83.7	П	2	1	2	3	2—1	1	1	2	Fp. II	2	
	425-3	81.3	72.2	88.8	66.4	100.0	110.3	55.9	63.0	46.3	80.0	83.7	П	2	1	2	3	3—1	1	1	2	Fp. II	1	
	425-4	79.5	79.5	100.0	64.6	93.2	95.2	60.6	56.5	41.4	86.4	90.5	Ш.п	2	1	1	4	3—1	1	2	2	Inf.	2	
	425-5	75.8	72.6	95.8	68.1	96.5	100.0	59.0	59.4	44.4	90.7	95.1	П	2	1	1	3	3—1	1	1	2	Fp. II	2	
	425-6	76.6	71.2	92.9	66.0	98.6	102.9	60.4	64.1	40.7	86.1	88.1	Ов	2	2	2	4	3—2	1	2	2	A II	2½	
	425-7	80.7	76.7	95.1	65.5	97.2	95.8	—		45.1	83.7	90.0	Сфн	1	1	2	3	3—1	1	1	2	Fp. II	2	
	425-8	73.0	73.0	100.0	70.8	100.8	95.0	55.0	55.1	46.2	79.6	85.4	П	2	0	1	3	2—1	1	2	2	Fp. II	2	
	425-27	78.6	77.0	98.0	64.6	98.0	92.5	56.3	56.3	50.0	80.0	85.7	Сфн	2	1	2	3	3—1	1	1	4	Fp. II	2	
	425-29	79.3	—	—	62.0	99.3	—	—	—	39.3	81.4	85.4	Сфн	2	0	2	3	3—1	1	2	—	A II	1½	
	425-40	78.1	73.8	94.4	62.9	100.0	96.2	54.6	57.8	45.5	88.4	92.7	П	2	3	2	4	3—1	—	2	3	A II	2	
	N	11	10	10	11	11	10	8	8	11	11	11		—	—		11			11	—	—	—	
	M	77.8	74.0	95.4	66.2	98.9	98.7	56.4	58.4	45.0	83.7	88.5	—		—	—	3.27	—		1.91	—	—	—	
	σ	2.46	2.87	3.43	2.67	2.64	5.11	3.60	3.49	3.94	3.84	3.98	—		—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Смешанные	6549	77.7	66.3	85.3	68.0	93.7	99.0	54.1	62.5	50.0	77.1	80.4	Эл	2	2	2	1	3—2	1	1	2	Fp. II	1	
	425-33	77.1	72.1	93.6	72.3	101.4	102.8	55.9	60.6	41.8	74.5	79.6	Ов	2	0	2	4	3—1	1	2	3	Fp. II	2	
	425-34	73.9	71.3	96.4	71.9	97.1	101.0	55.9	56.7	45.3	84.4	88.4	П	2	0	2	3	2—1	1	2	1	Fp. II	1½	
	425-33	76.9	73.1	95.0	67.1	99.3	98.0	57.6	60.2	46.1	85.7	92.3	—	—	—	—	—	—	—					
	753-3	79.5	74.1	93.2	64.6	89.1	104.8	58.8	56.2	42.6	86.1	90.2	Ш.п	1	0	1	3	2—1	1	2	1	Fp. II	1½	
	753-4	78.1	77.6	99.3	69.2	—	—	—	53.5	42.4	88.1	—	Ов	3	2	3	3	3—1	1	2	3	A I	2	
	753-7	82.1	79.2	96.5	68.3	92.3	95.2	52.7	50.4	50.0	90.5	84.2	Сфн	3	1	3	4	2—1	1	1	2	A II	2	
	753-9	71.4	70.9	99.3	67.4	94.1	102.0	64.6	61.?	46.3	90.2	91.9	Эл	1	0	2	3	2—1	1	1	1	A II	1½	
	753-11	78.5	79.1	100.7	66.9	95.0	101.0	60.6	57.1	42.9	83.7	87.8	Ов	1	0	2	3	2—1	1	1	1	Fp. II	1	
	753-12	79.0	75.7	95.8	66.4	98.6	97.1	58.2	59.9	45.6	82.6	88.4	Ов	—	2	3	3	2—2	1	1	2	Fp. II	1½	
	5245-1	77.7	72.5	93.3	64.7	100.7	100.9	55.0	59.3	41.7	86.4	92.7	Ов	3	1	3	4	3—2	1	2	3	Fp. II	2	
	N	11	11	11	11	10	10	10	11	11	11	10			—	—	10	—	—	10	—	—	—	
	M	77.4	73.8	95.3	67.9	96.6	100.2	57.3	58.0	45.0	81.5	87.9				—	3.40	—	—	1.50	—	—	—	
	σ	2.82	3.89	4.19	2.50	3.93	2.86	3.46	3.62	3.04	4.98	[illegible]				—	—	—	—	—	—	—	—	

Древние черепа из окрестностей озера Лоб-Нор

А. Н. Юзефович

В коллекциях Института этнографии Академии Наук СССР находятся четыре черепа, вывезенные С. Е. Маловым в 1915 г. из окрестностей озера Лоб-Нор в Восточном Туркестане.

Как известно, Лоб-Нор — это бессточное озеро с общей площадью около двух тысяч квадратных километров, расположенное в районе обширных некогда поселений, принадлежавших преимущественно оседлым тюркским племенам, обладавшим довольно высокой земледельческой культурой.

Позднее, под давлением китайских и монгольских волн, первоначальное тюркское население покинуло этот район и передвинулось в северо-западном и западном направлениях.

По указаниям С. Е. Малова, интересующие нас черепа добыты им из древнего погребения оседлого тюркского племени.

Исследование черепов произведено в основном по методике Мартина,[1] только для характеристики горизонтальной профилировки лица мы воспользовались симатическим и фронтальным индексом, заимствовав методику у Ву и Моранта (см. нашу работу о двух типах якутских черепов).[2]

Череп 3119-1, мужской, с нижней челюстью. Мозговая ко́робка овоидная. Теменные бугры слабо выступающие. Боковые стенки почти параллельные, темя в вертикальном сечении округлое, общая форма затылка — бомбовидная, затылок в горизонтальном сечении средне-округлый. Затылочный бугор — среднего развития, верхняя затылочная линия хорошо развита. При рассматривании сбоку мозговая коробка — средне-высокая, со средне-наклонным лбом, равномерно округлыми теменем и верхней чешуей затылочной кости; переход в нижнюю чешую умеренно округлый. Височная область высокая, височная линия хорошо выражена; птерион с узким сфенопариетальным швом, почти ровный. Лобные бугры слабо выражены. Надпереносье сильно развито, над-

[1] Martin. Lehrbuch der Anthropologie, Bd. II, 1928.

[2] А. Н. Юзефович. Два типа якутских черепов. Антропол. журн., 1937.

Таблица I

Черепа из окрестностей оз. Лоб-Нор

№№ по Мартину	Название признака	3119—1 ♀	3119—2 ♂	3119—3 ♀	3119—4 ♂	M все	M ♂♂
1	Продольный диаметр . .	187	186	176	184	184.25	185.67
8	Поперечный диаметр . .	137	132	144	139	138.0	136.0
17	Высотный диаметр . . .	147	137	140	142	141.5	142.0
5	Носоосновной диаметр .	106	98	100	107	102.75	103.67
9	Наименьшая ширина лба	85	87	92	92	89.0	88.0
10	Наибольшая ширина лба	116	111	118	116	116.0	115.3
8 : 1	Черепной указатель . .	73.3	70.95	81.8	75.5	75.39	73.25
17 : 1	Высотно-продольный указатель	78.6	73.65	79.5	77.2	77.24	76.5
17 : 8	Высотно-поперечный указатель	107.3	103.8	97.2	102.2	102.25	104.3
9 : 8	Лобно-поперечный указатель	62.04	65.91	63.89	66.19	64.51	64.7
9 : 10	Указатель лба	73.3	76.3	78.0	79.3	76.7	76.3
40	Длина основания лица .	96	95	93	100	96.0	97.0
45	Скуловой диаметр . . .	140	144	132	135	137.75	139.3
48	Верхняя высота лица . .	77	77	73	73	75.0	75.7
40 : 5	Указатель прогнатизма .	90.57	96.9	93.0	93.5	93.49	93.7
48 : 45	Лицевой указатель . . .	55.0	53.5	53.3	52.5	53.53	53.7
55	Высота носа	61	55	55	52	55.75	56.0
54	Ширина носа	25	24	25	26	25.0	25.0
55 : 54	Носовой указатель	40.99	43.6	45.45	50.0	45.01	44.8
51a	Ширина орбиты	40	40	42	40	40.5	40.0
52	Высота орбиты	33	32	36	32	33.25	32.3
52 : 51a	Орбитный указатель . .	82.5	80.0	85.7	80.0	82.05	80.8
	Симатический индекс . .	36.0	58.5	33.7	35.35	38.39	40.0
	Фронтальный индекс . .	17.95	16.2	20.4	14.8	17.3	16.3
64 : 63	Указатель высоты нёба.	30.95	30.4	35.9	—	32.4	30.7
63 : 62	Указатель ширины нёба	102.4	117.9	97.5	81.8	99.9	100.7
32	Угол лба	75°	81.5°	82.5°	91°	83.25°	83.5°
72	Угол лица	84.5°	85°	87°	87.5°	86°	85.5°
75(1)	Угол носа	24.5°	—	26°	—	25°(2)	—
	Надпереносье (0—3) . .	3	2	1	2	2.0	2.3
	Собачья ямка	1	1.2	1	1	1.0	1.0
	Нижний край носового отверстия: антропинный .	—	—	—	1	25%	33%
	Нижний край носового отверстия: поднос. ямка. .	1	—	—	—	25%	33%
	Нижний край носового отверстия: инфантильный .	—	1	1	—	50%	33%
	Носовой шип (1—5) . .	2	2	2	4	2.5	2.7
	Вертикальная норма: овоид. .	1	1	—	1	75%	100%
	Вертикальная норма: сфеноид.	—	—	1	—	25%	0

Таблица 2

Сравнительная характеристика черепов из окрестностей оз. Лоб-Нор

№№ по Мартину	Название признака	Тюрки из Лоб-Нора (Юзефович)	Телеуты (Рейхер)	Буряты (Рейхер)	Калмыки-торгоуты (Рейхер)	Китайцы (Рейхер)	Якуты II группы (Юзефович)	Коминекие тувинцы (Дебец)
1	Продольный диаметр . .	185.7	175.0	179.0	180.2	176.3	186.8	184.1
8	Поперечный диаметр . .	136.0	151.7	158.1	148.4	138.4	148.0	147.5
17	Высотный диаметр . . .	142.0	129.9	131.2	127.1	138.47	140.7	130.9
5	Носоосновной диаметр .	103.7	100.0	103.2	94.4	97.5	102.4	—
9	Наименьший лобный диаметр	88.0	94.3	94.6	94.4	92.5	91.8	95.6
10	Наибольший лобный диаметр	115.3	123.3	122.4	122.1	113.0	124.3	—
8 : 1	Черепной указатель . .	73.25	86.6	84.3	82.4	78.5	79.3	80.1
17 : 1	Высотно-продольный указатель	76.5	73.7	72.6	70.5	77.3	75.3	71.1
17 : 8	Высотно-поперечный указатель	104.3	85.6	85.7	85.6	97.2	94.9	88.7
9 : 8	Лобно-поперечный указатель	64.7	62.5	62.8	63.6	66.8	62.1	70.3
9 : 10	Лобный указатель . . .	76.3	76.3	76.4	77.3	81.6	75.2	—
5 : 8	Широтно-основной указатель	76.2	65.9	67.4	67.2	70.7	69.4	—
40	Длина основания лица .	97.0	97.2	98.9	97.0	91.4	98.0	—
45	Скуловой диаметр . . .	139.3	140.0	138.8	140.0	130.3	141.2	138.8
48	Высота верхней части лица	75.7	69.6	76.7	72.7	70.9	81.2	73.8
48 : 45	Указатель верхней части лица	53.7	51.0	53.8	52.3	54.6	57.2	53.2
40 : 5	Указатель прогнатизма .	93.7	97.2	96.0	103	93	95.5	99.1
55 : 54	Носовой указатель . . .	44.8	51.4	49.9	50.9	49.5	44.4	50.3
52 : 51a	Орбитный указатель . .	82.5	81.6	84.3	81.8	85.8	84.4	84.7
63 : 62	Указатель ширины нёба.	100.7	83.7	92.1	—	92.2	99.1	—
32	Угол лба	83.5°	81.4°	—	79.4°	84.1°	79.2°	85.8°
72	Угол профиля лица . . .	85.5°	85.1°	87.4°	85.7°	85.0°	89.8°	86.4°
75(1)	Угол носовых костей . .	24.5°(1)	18.3°	19.5°	21.5°	19.5°	20.5°	13.8°

бровные дуги — средние. Сосцевидные отростки крупные, затылочная дыра округлая.

Лицо прямоугольное, со средневыступающей верхней челюстью; нос и скуловые кости средневыступающие. Скуловые дуги сильно изогнутые. Собачья ямка мелкая, глазницы большие, средние по форме. Носовое отверстие узкое и сердцевидное, со среднепокатым нижним краем. Носовые кости, расширяющиеся книзу, средневысокие, в поперечном контуре округлые. Профиль носовых костей выпуклый в нижней части. Переносье средней высоты, округлое. Зубная дуга верхней челюсти параболическая, нёбо средневысокое, широкое.

Подбородок сильно выступает. Тело нижней челюсти массивное, несколько вздутое. Ветви средней массивности почти параллельны, угол — малой величины.

Череп 3119-2, мужской, без нижней челюсти. Мозговая коробка овоидная, теменные бугры среднего развития. Боковые стенки параллельные, темя в вертикальном сечении угловатое, общая форма в затылочной норме прямоугольная. Затылок слегка суживающийся к полюсу. Затылочный бугор и верхняя затылочная линия выражены слабо. При рассматривании сбоку — коробка средневысокая, со среднепокатым лбом и равномерно округлой во всех своих частях сагиттальной линией. Височная область высокая, височная линия развита средне. Область птериона вдавлена, широкий сфенопариэтальный шов. Лобные бугры слабо выражены, надпереносье и надбровные дуги среднего развития. Сосцевидные отростки сильно развиты. Затылочное отверстие овальное.

Лицо прямоугольное, со средневыступающим альвеолярным отростком. Скуловые дуги среднеизогнутые. Собачья ямка углублена мало; глазницы небольшие, приближающиеся к прямоугольной форме. Носовое отверстие — узкое, сердцевидное, со среднепокатым нижним краем. Носовые кости сходятся под углом, средневыступающие. Переносье — средней высоты. Зубная дуга параболическая, нёбо высокое и широкое.

Череп 3119-3, субъекта юношеского возраста, с нижней челюстью (прорезались все зубы, за исключением зубов мудрости, затылочно-основное соединение совершенно открыто). Мозговая коробка сфеноидная, темные бугры сильно развиты. Боковые стенки слабо расходящиеся кверху, темя округлое; в целом, вертикальное сечение затылка приближается к трапециевидной форме, с обращенным вверх большим основанием. В горизонтальном сечении затылок округлый. Затылочный бугор и верхняя затылочная линия среднего развития. В боковой норме коробка средне-высокая, с прямым лбом и равномерно округлой на всем протяжении сагиттальной линией. Височная область средне-высокая; височная линия средне-выражена. Птерион слегка вдавлен с широким сфенопариетальным швом. Лобные бугры хорошо развиты, надпереносье и надбровные дуги выражены слабо. Сосцевидные отростки среднего размера. Затылочная дыра — овальной формы.

Лицо прямоугольное со средневыступающим альвеолярным краем и средневыступающим носом. Скуловые дуги среднеизогнуты. Собачья ямка слабоуглубленная. Глазницы большие, высокие, средней формы. Носовое отверстие сердцевидной формы со слабо покатым нижним краем. Носовые кости расширяются книзу. Профиль спинки носа слегка выпуклый в нижней части, высота переносья — средняя. Зубная дуга верхней челюсти эллиптическая; нёбо средней высоты.

Тело нижней челюсти средней массивности, подбородок сильно выступает. Восходящие ветви средней массивности со слегка расходящимися углами образуют с телом большой угол. Альвеолярный прогнатизм; зубная дуга очень маленькая, параболической формы.

Череп 3119-4, мужской, без нижней челюсти. Мозговая коробка овоидной формы со среднеразвитыми теменными буграми, с почти параллельными боковыми стенками и округлым теменем, с затылка прямоугольна. Затылок округлый. Затылочный бугор и верхняя затылочная линия — среднего развития. В боковой норме коробка средневысокая, со слабо наклонным лбом и равномерно округлой на всем протяжении сагиттальной линией. Височная область средневысокая, височная линия выражена слабо. Область птериона — слабо вдавлена с надкрыльной косточкой (os epiptericum). Лобные бугры среднего развития, надпереносье и надбровье — слабые. Сосцевидные отростки средней величины, затылочная дыра — овальная. Лицо прямоугольное со средневыступающим альвеолярным краем и средневыступающим носом. Скуловые дуги слабо изогнутые. Собачья ямка мелкая. Глазницы средних размеров, средней формы, овальные. Носовое отверстие грушевидное с приближающимся к острому нижним краем. Носовые кости выемчатые, приближающиеся к прямоугольным; спинка носа слегка выпуклая в нижней части. Переносье низкое. Зубная дуга эллиптическая, нёбо низкое. Среди этих черепов (3119-3) один принадлежит очень молодому индивиду. На основании слабого развития надбровья довольно сильной выпуклости лба и очень маленькой альвеолярной дуги нижней челюсти можно предположить, что этот череп принадлежит женщине; остальные три черепа — зрелых мужчин.

Возраст и вероятная половая принадлежность обязывают нас исключать череп 3119-3 при обработке материала и говорить о нем специально. Три мужских черепа поражают однообразием внешней формы. Все они абсолютно длинные, узкие и высокие, а по указателям долихо-, гипси- и акрокранны. Единственным исключением является череп 3119-3, который по высотнопродольному указателю попадает в пределы верхней границы средневысоких (ортокрании).

Все черепа обладают высоким и широким лицом, среднешироким по лицевому указателю, и только череп 3119-1 по лицевому указателю находится на нижней границе длиннолицести. По указателю орбиты все черепа низкоорбитны.

Но, по относительным размерам носа наблюдается большое разнообразие, которое кажется особенно поразительным на фоне однообразия

остальных признаков. Череп 3119-1 очень узконосый (гиперлепториннный); череп 3119-2 узконосый (лепториннный, нижняя граница); череп 3119-4 — умеренно широконосый (мезориннный).

Среди женских черепов нужно охарактеризовать через 3119-3 как длинный, среднеширокий и высокий по абсолютным размерам, умеренно широкий, умеренно высокий и узкий — по поперечновысотному указателю с длинным и широким лицом, умеренно широким по указателю; указатель орбиты лежит в пределах нижней границы средневысоких, носовой же — на нижней границе узконосости.

Если охарактеризовать всю серию в целом, то получим описание, абсолютно ничем не отличающееся от того, которое дано для мужских черепов.

Последнее обстоятельство можно, повидимому, оценить как подтверждение правильности определения половой принадлежности черепа 3119-3 и единства физического типа описываемых черепов.

По указателю прогнатизма и по углу профиля лица, черепа ортогнатные, только череп 3119-4 по углу лица попадает в пределы верхней границы мезогнатности, по ширине нёба серия широконёбная, но на черепе 3119-4 констатируется умеренная широконёбность, зато по указателю высоты нёба вся серия однообразно средневысокая. По отношению наименьшей ширины лба к наибольшему поперечному диаметру два черепа (3119-2 и 3119-4) попадают в число умеренно широколобных, но вся серия лежит в пределах узколобости.

Наличие при черепах 3119-1 и 3119-3 нижних челюстей позволяет определить первый умеренно широколицым (мезопрозопным), а последний — длиннолицым (лептопрозопным).

Сравнивая лобноровские черепа с теленгетами, бурятами, калмыками-торгоутами и китайцами,[1] с кемчикскими тувинцами Дебеца[2] и нашими якутами,[3] мы должны прежде всего отметить исключительно большую величину их продольного диаметра, значительно превышающую данные по всем, привлеченным для сравнения материалам. Только якуты II группы обладают немного бо́льшей длиной черепа. Но если сравнить по данному признаку три мужских черепа из окрестностей Лоб-Нора с тремя же якутскими черепами, названными мной наиболее типичными для II якутской группы (5146-1, 5282-4 и 5282-8), то для последних мы получим еще более высокую среднюю — 193.

В отношении наибольшего поперечного диаметра восточнотуркестанские черепа занимают диаметрально противоположное положение, будучи узкими, в то время как другие черепа являются широкими или среднешироκими, и только недифференцированные по полу китайские черепа дают приближающуюся к ним величину.

---

[1] Reicher. Untersuchungen über die schädelform Zschr. f. Morph. u. Anthrop., 1913 и 1914.

[2] Г. Дебец. Краниологический очерк танну-тувинцев. Северная Азия, 1929.

[3] Там же.

Благодаря такому сочетанию диаметров, черепной указатель нашей серии занимает исключительное положение среди сравниваемых черепов, являющихся брахи- и даже гипербрахикранными.

По своей высоте черепа из окрестностей Лоб-Нора ближе всего к якутским II группы и особенно близки к трем наиболее типичным и значительно выше теленгетских и тувинских черепов, которые все принадлежат к числу средневысоких.

Совершенно естественна, после всего сказанного, как значительная близость по высотнопродольному диаметру между восточнотуркестанскими и якутскими черепами II группы и заметное приближение к ним китайских, так и исключительная высота высотнопоперечного указателя первых.

Носоосновной диаметр лобноровских черепов находит себе почти полную аналогию у бурят и у якутов II группы в целом, тогда как „типичные" для этой группы черепа имеют более длинное основание черепа, а китайцы — более короткое, сближаясь почти до полного совпадения с якутскими черепами I группы.

Высокая, сравнительно с остальными черепами, величина широтно-основного указателя вполне понятна в связи с небольшой шириной черепов рассматриваемой серии.

Широтные размеры лобной кости очень малы, особенно наименьшая ширина лба, которая находит себе точного аналога только в недифференцированной по полу тунгусской серии Я. Я. Рогинского[1] и очень близка к средней якутов I группы (88.4).

Группа II несколько превосходит соответствующую величину китайских и тех же якутских (114) черепов.

По указателям ширины лба (9:10 и 9:8) лобноровские черепа не выделяются из среды монголоидных черепов Центральной Азии и якутских черепов как I, так и II группы, отличаясь лишь от китайцев, у которых оба указателя несколько выше.

Таким образом, по абсолютным и относительным размерам мозговой коробки лобноровские черепа отличаются от привлеченных для сравнения монгольских серий только своими поперечными размерами и главным образом величиной наибольшего поперечного диаметра. И хотя эта величина в своем абсолютном выражении довольно близка к китайской средней, различие остается все же значительное, так как последние черепа имеют вообще меньшую, чем лобноровские, коробку.

Значительно иначе приходится расценивать лицевой скелет. Если в отношении мозговой коробки лобноровские черепа обнаруживают наибольшее сходство по размерам с черепами якутов II группы, то их лицевой скелет по основным размерам точно соответствует черепам теленгетов, тувинцев и якутов I группы, заметно отличаясь от лица якутов II группы и очень значительно — от китайских, абсолютно более низких, узких и коротких. Однако, относительные размеры, близ-

[1] Я. Рогинский. Материалы по антропологии тунгусов. Антропол. журн., 1931.

кие у китайцев к общемонгольским, близки и к лобноровским. Черепа якутов II группы отличаются от лобноровских и вообще монгольских более высоким указателем верхней части лица, но и довольно заметно сближаются с ними по указателю прогнатизма, каковой признак вообще значительно варьирует среди монголов.

Сказанное о лице в целом относится в равной степени и к указателю орбиты, но по носовому указателю и указателю ширины нёба лобноровские черепа, отличаясь от всех монгольских черепов и от черепов якутов I группы (носовой указатель 50.5, нёбный — 91.9), очень близки к якутам II группы. Угол лба и профиля лица восточнотуркестанских черепов не отличается от монгольских, но угол носовых костей значительно больше, чем у сравниваемых серий.

В отношении таких признаков, как указатель высоты нёба, фронтальный и симатический индексы, сравнение черепов из окрестностей Лоб-Нора возможно только с якутскими черепами. Наибольшее приближение из последних обнаруживают черепа II группы, в то время как I группа обладает значительно более низкими индексами.[1]

Все только что сказанное и особенно общие размеры и форма лицевого скелета достаточно убедительны, чтобы определить принадлежность лобноровских черепов к монгольской расе. Но вместе с тем, таким же очевидным является и своеобразие данной серии, выражающееся в сосуществовании в ней признаков нескольких рас второго порядка. По абсолютной величине продольного диаметра, по основным диаметрам лица, углу лба и лица, ширине и высоте орбиты, по указателям лба и глазниц и лица лобноровские черепа вполне соответствуют нашим представлениям о центральноазиатской расе (Ярхо).[2] Но небольшая величина наибольшего лобного диаметра, указатель прогнатизма, высотнопродольный указатель и, особенно, некоторое сужение лба на уровне висков, на что указывал еще Деникер,[3] выражающееся в низкой величине наибольшей ширины лба, сближает нашу серию с черепами китайцев.

Малые размеры наименьшего лобного диаметра, сближающие лобноровские черепа с тунгусскими и якутскими II группы, также не свойственны типичным представителям центральноазиатской расы.

В лобноровской серии, наконец, выделяется группа признаков, сближающих ее с черепами якутов II группы и не свойственных другим сериям, а именно: большие размеры высотного и носоосновного диаметров, общие размеры, форма и степень выступания носа, значительная ширина и высота нёба.

Морфологические особенности описываемой группы возможно объяснить по-разному. Можно видеть в ней результат глубокой метисации

---

[1] Указатель высоты нёба для якутов I группы 23.6, II—33.0 и для „наиболее типичных" 39.6; фронтальный индекс: 11.4, 14.1 и 15.1; симатический 23.1, 31.2 и 39.1.

[2] А. Ярхо. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР. Антропол. журн., 1936, стр. 47—64.

[3] Deniker. Les races et les peuples. Paris, 1926, стр. 465—466.

различных расовых типов большой монгольской расы. Такое толкование тем более возможно, что район ее обитания лежит по соседству с „большой дорогой" монгольских миграций. Можно видеть в черепах данной группы представителей какого-то длинноголового монголоидного расового варианта, связанного с долихокефальным населением Тибета и участвовавшего в качестве одного из компонентов в формировании физического типа туркмен. Можно, наконец, рассматривать описанную форму как пережиток некоего ранне-монгольского, генерализованного типа, совмещавшего еще в себе элементы, дифференцированные и акцентированные позднее среди различных северо-, центрально- и восточно-азиатских этнических групп.

В настоящий момент нельзя решить вопрос, который из этих взглядов соответствует объективной реальности. Дело дальнейших исследований внести в него ясность.

К краниологии долган

А. Н. Юзефович

Среди краниологических коллекций Института антропологии, археологии и этнографии Академии Наук СССР имеется девять долганских черепов. Шесть из них (коллекция 1077) найдены участниками Хатангской экспедиции Русского Географического общества (1906) С. Толстовым и В. Васильевым „в лесу у Хатангского погоста", „все в одном месте, разбросанные друг от друга на расстоянии лишь нескольких сажен", повидимому, черепа были „вырыты из могилы и обглоданы медведем" (Регистрационная опись В. Васильева). Два других черепа (коллекция 4128) собраны начальником Хатангско-Анадырского этнографо-экономического отряда экспедиции Академии Наук П. В. Слепцовым в 1928 г. Мужской череп взят из арангаса на р. Тобулах, женский — из арангаса же на р. Казачьей (правые притоки Хатанги). Последний череп (коллекция 4614) приобретен от участника экспедиции В. Шмидта, Я. Савельева, и найден последним в северном бассейне Енисея в 60-х годах прошлого столетия.

Долгане до сих пор представляют загадку в отношении своей этнической принадлежности. Миддендорф[1] именно из среды долган выделил широко известного Мани, как „наиболее чистый якутский тип", но более поздние исследователи склонны скорее видеть в них оякутившихся тунгусов. Сами долгане считают себя потомками тунгусов. Один из собирателей черепов, В. Н. Васильев, в своем докладе на заседании ИРГО 30 марта 1907 г.[2] сообщил, что для разрешения вопроса об этническом происхождении долган он расспрашивал „почти всех встречных долган, а также многих якутов, на что в большинстве случаев получается ответ, что долгане — тунгусы, причисленные к так называемому „долганскому" роду по принятии крещения. Многие старики утверждают, что они знают немало лиц из тунгусов, которые еще на их памяти крестились и причислились к долганам. Один долганин

[1] А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II. СПб., 1869.
[2] В. Н. Васильев. Краткий очерк инородцев Туруханского края, 1907.

рассказывал, что он принадлежит к роду Чорпох и что предки его тунгусы; по его словам, семья тунгусов из нескольких братьев, с женами и детьми, забрав своих оленей и имущество, откочевала из среды своих родичей к северу, где вышла около р. Нижней на р. Хатангу. Здесь в скором времени вся семья в полном составе крестилась у местных крестьян и с тех пор стала считаться семьей долган". Другой долганин рассказывал автору предание, согласно которому долгане — потомки четырех семей тунгусов, выселившихся на север и поселившихся в дулгах (один из неподвижных типов зимних жилищ), по которым и получили прозвище — дулгане. В. Н. Васильев в результате своих наблюдений „склонен считать долган за тунгусских выходцев, хотя ни по языку, ни по образу жизни в настоящее время они не представляют разницы с якутами".

Рычков,[1] давший подробное географическое описание Туруханского края, говорит, что туруханские тунгусы насчитывают у себя 33 коренных рода, в том числе и долганский, который по издавна установившемуся обычаю, приобретал себе жен у якутов. Наряду с ним, существует якутский род долган, бравший себе жен из тунгусских родов. Иначе говоря, Рычков принимает долган за поголовных якуто-тунгусских метисов. Таковыми же, по его словам, являются и ессейские якуты.

В настоящей работе я не ставлю перед собой задачи разрешения этого спора, равно как и не рассматриваю ее как участие в этнографической дискуссии. Вопрос о том, являются ли долгане потомками якутов или тунгусов, или тех и других вместе, не может решаться на основании краниологических данных, ибо, как об этом свидетельствуют все исследователи, среди населения Северной Азии, равно как и среди населения любой части эйкумены, нет ни одной этнической группы, однородной по своему физическому типу.

Приближение той или иной краниологической серии по тому или иному комплексу признаков к серии черепов более или менее близких к ним соседних этнических групп с одинаковым правом может быть объяснено как участием одной из них в образовании другой, так и происхождением обеих из одной морфологической группы, если, конечно, другие материалы (исторические и этнографические документы) не дают преобладания какой-либо из этих точек зрения.

В данном конкретном случае мы имеем определенные указания, с одной стороны, в преданиях самих долган, на их тунгусское происхождение, и с другой — в наблюдениях исследователей — на определенное, возможно значительное, участие якутов в формировании их физического типа. Но поскольку ни тунгусы, ни якуты не представляют однородного физического типа, — решать вопрос о степени их участия в формировании физического типа долган мне представляется невозможным. Поэтому перед настоящей работой мы ставим значительно более

[1] Рычков. Енисейские тунгусы. М., 1917.

узкую задачу — дать краниологическую характеристику долган и попытаться решить вопрос об их положении среди современных человеческих рас.

Описываемая ниже серия, как уже сказано, состоит из девяти черепов; половая принадлежность точно установлена в отношении двух (коллекция П. В. Слепцова) по характеру погребения. В отношении черепов, собранных Н. Васильевым, С. Толстовым и Я. Савельевым, пол установлен по черепным особенностям. Таким образом, по половому признаку мы выделяем в серии семь мужских черепов и два женских.

При исследовании мы пользовались той же методикой, как и при работе с якутскими черепами.[1]

Помимо опубликованных материалов по краниологии народов Северной Азии, мы привлекаем для сравнения три мужских черепа туруханских тунгусов из коллекций Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР. Два из этих черепов добыты участником Хатангской экспедиции ИРГО С. Толстовым в 1906 г. на берегу оз. Ессея, и один найден П. Е. Островских в окрестностях оз. Мюзуктэ. Краниометрические данные по этим черепам любезно сообщены нам Е. В. Жировым, исследовавшим их для подготовляемой им к печати работы по краниологии тунгусов.

Оценивая абсолютные размеры долганских черепов по рубрикации Бунака,[2] нужно сказать, что мужская группа обладает короткой, среднеширокой и низкой мозговой коробкой и широким и высоким лицом, ортогнатным по углу профиля. Сравнительно менее значительная величина общей высоты лица, по которой мужская серия попадает в пределы верхней границы средневысоких, не может иметь серьезного влияния на нашу характеристику, так как получена она из измерений всего трех черепов. Но индивидуальная вариабильность внутри серии достигает значительных размеров. Так, по наибольшей длине черепа амплитуда колебаний составляет 19 мм, т. е. среди исследованных черепов есть как короткие, так и длинные; по наибольшей ширине — узкие и широкие; по высоте лица — среднелицые и очень высокие, и т. д. То же самое надо сказать и в отношении указателей отдельных частей лица. И только по лобнопоперечному и нёбному указателям серия представляется однородно узколобой и широконёбной.

Сравнение мужских долганских черепов с черепами других серий обнаруживает, прежде всего, поразительное их сходство с черепами туруханских тунгусов и ессейских якутов, описанных нами как I тип якутских черепов (табл. 2).

Особенно велико сходство долганских черепов с тунгусскими; последние только несколько более широколицы (лежат в пределах верхней границы мезенности), более широконосы (мезориния), у них более низкое нёбо (хаместафилия).

---

[1] А. Н. Юзефович. Два типа якутских черепов. Антропол. журн., 1937.

[2] В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский. Антропология. М., 1941.

Якуты обладают абсолютно среднедлинным и умеренношироким мозговым черепом, широким (нижняя граница) по черепному и низким (верхняя граница) по высотнопродольному указателю. Они незначительно более широколицые, имеют более низкое нёбо, меньший угол профиля лица и относительно широкое носовое отверстие.

Заслуживает внимания тот факт, что по тем признакам, по которым туруханские тунгусы отличаются от долган, они (тунгусы) сближаются с туруханскими (ессейскими) якутами. В то же время по абсолютной величине продольного диаметра ессейские якуты несравненно ближе к своим соседям — туруханским тунгусам и долганам, чем к нашим якутам I группы; по поперечному диаметру они так же сильно отличаются от последних, как и от своих туруханских соседей, и только по черепному и глазничному указателям из всех признаков ессейские якуты ближе к якутам II группы, чем к тунгусам Туруханского края и долганам. Другими словами, рассматриваемое население Туруханского края выступает перед нами, как единая морфологическая группа, заметно отличающаяся от якутов II группы.

Вместе с тем, эта группа заметно отличается от прибайкальских тунгусов Я. Я. Рогинского.[1] Последние обладают абсолютно длинным и средневысоким черепом, умеренношироким и низким по указателю; абсолютно же короткие и низкие черепа туруханской группы приближаются к чрезмерной широкоголовости и в основном являются средневысокими. Различия в лицевом скелете менее выражены, но можно сказать, что прибайкальские тунгусы обладают абсолютно бо́льшим, сравнительно с туруханским населением, и относительно менее широким нёбом; что они немного более высоколицы, что у них несколько более высокий нос и т. д. Но, как уже сказано, все различия на лицевом скелете очень невелики и имеют значение только в совокупности с отмеченными ранее различиями на мозговом черепе. Весь комплекс этих различий позволяет мне рассматривать прибайкальских тунгусов как морфологическую группу, отличающуюся от туруханцев.

Наконец, не менее заметно отличие каждой из рассматриваемых туруханских групп в отдельности и всех трех вместе взятых от основной массы якутов, исследованные черепа которых имеют более южное (юго-восточное) происхождение. Якуты, в отличие от туруханцев, обладают абсолютно длинным (184.6) и высоким (141.75) черепом, средним черепным указателем (80.25), с очень широким (145.7) и довольно длинным (78.8) лицом, ортогнатным по указателю (94.3) и углу профиля (89.2), с относительно высокими глазницами (указатель — 80.8) и высоким нёбом (указатель — 33.7).

Таким образом, сравнение черепов туруханских долган, якутов и тунгусов с известными черепами их соседей также не противоречит высказанному нами положению о морфологическом своеобразии первых

---

[1] Я. Я. Рогинский. Материалы по антропологии тунгусов северного Прибайкалья. Антропол. журн., 1934.

Черепа долганo-якутов

Таблица 1

№№ по Мартину	Название признака	4614—4 ♂	5516—2 ♂	1077—6 ♂	1077—7 ♂	1077—8 ♂	1077—9 ♂	1077—10 ♂	1077—11 ♀	5516—1 ♀	M ♂	M ♂—♀
1	Продольный диаметр	179	176	173	171	162	176	173	161	176	172.9	171.9
8	Поперечный диаметр	148	140	153	153	146	148	15	136	140	149.1	145.7
17	Высотный диаметр	126	120	123	128	124	123	129	123	125	126.0	125.5
5	Носоосновной диаметр	99	100	98	104	99	95	97	89	94	98.9	97.2
9	Наименьший лобный диаметр	82	89	87	91	82	83	93	82	79	86.9	85.3
10	Наибольший лобный диаметр	115	110	125	122	116	115	132	111	109	119.3	117.2
8:1	Черепной указатель	82.7	79.6	88.4	89.5	90.1	84.1	90.2	84.5	79.6	86.4	85.4
17:1	Высотнопродольный указатель	70.4	73.3	71.1	74.9	76.5	69.9	74.6	76.4	71.0	73.0	73.5
17:8	Высотнопоперечный указатель	85.1	92.1	80.4	83.7	84.9	83.1	89.7	90.4	89.3	85.6	85.8
9:8	Лобнопоперечный указатель	55.4	63.6	56.9	59.5	56.2	56.1	59.6	60.3	56.4	58.2	58.2
9:10	Указатель лба	71.3	80.9	69.6	71.6	70.7	72.2	70.5	73.9	72.5	72.9	73.0
40	Длина основания лица	95	90	103	—	102	93	102	88	86	98.3	95.5
45	Скуловой диаметр	146	137	140	—	—	136	142	118	128	140.2	135.3
47	Высота лица общая	121	29	—	—	114	—	—	—	120	121.3	121.0
48	Высота верхней части лица	71	82	81	—	70	76	75	67	70	76.0	74.0
40:5	Указатель прогнатизма	96.0	90.0	105.1	—	103.0	103.2	105.2	98.9	91.5	100.4	99.1
47:45	Общелицевой указатель	82.9	94.2	—	—	—	—	—	—	93.8	—	90.1
48:45	Лицевой указатель	48.6	59.9	57.9	—	—	55.9	52.8	56.8	54.7	55.0	55.2
51a	Ширина орбиты	43	42.5	41	—	—	—	—	38	39	42.2	40.7
52:51a	Указатель орбиты	89.1	84.1	82.9	—	—	—	—	89.5	92.3	87.7	89.0
52	Высота орбиты	37	40	34	—	33	33	30	34	36	34.5	34.6
54	Ширина носа	24	24	25	—	25	24	27	23	23	25.0	24.0
55	Высота носа	54	60	57	—	49	54	55	49	50	55.0	53.5
54:55	Носовой указатель	44.4	40.0	43.9	—	51.0	44.4	49.1	46.9	46.0	45.5	45.7
	Симатический индекс	15.6	16.3	44.4	—	22.2	32.0	22.4	26.4	19.4	25.5	25.0
	Фронтальный индекс	10.0	8.1	10.4	7.3	12.8	12.6	14.4	15.1	15.1	10.8	11.8
62	Длина нёба	33	37	47	—	47	44	52	41	33	43.3	41.8
63	Ширина нёба	42	43	46	—	44	41	46	40	39	43.7	42.6
64	Высота нёба	12	12	18	—	10	13	16	11	13	13.5	13.1
63:62	Указатель ширины нёба	127.3	116.2	97.9	—	93.6	93.2	88.5	97.6	118.2	102.8	104.1
64:63	Указатель высоты нёба	28.6	27.9	39.1	—	22.7	31.7	34.8	27.6	33.3	30.8	30.7
32	Угол лба	70°	73°	75°	—	76°	85°	84°	77°	83°	77.2°	77.9°
72	Угол профиля лица	85°	89°	88°	—	85°	92°	90°	81°	89°	88.2°	87.4°
75(1)	Угол носа	33°	21°	—	—	—	23°?	14°?	20°	10°	22.8°	20.2°
	Надбровье (1—6)	4	1	2	1	1	1	2	1	1	1.7	1.65
	Собачья ямка (0—4)	1	1	2	—	1	1	1	1	2	1.1	1.2
	Подносовой шип	3	—	3	—	3	—	3	2	1	3.0	2.5
	Форма черепа	Ов.	Ов.	Ов.	Ов.	Ов.	Ов.	Ов.	Ов.	Ов.	Ов.	Ов.
	Нижний край носового отверстия	Ант.	Ант.	Ант.	Ант.	Ант.	Ант,	Ант.	Ант.	Ант.	Ант.	Ант.

Таблица 2

№№ по Мартину	Название признака	Долгане ♂	Туруханские тунгусы ♂	Ессейские якуты ♂	Туруханцы ♂	Прибайкальские тунгусы (Рогинский)	Якуты II группы (Юзефович)	Орочи (Левин)	Кемчинские тувинцы (Дебец)	Казахи (Дебец)
1	Продольный диаметр	172.9	174.3	177.3	174.2	192.7	185.8	176.5	184.1	182.5
8	Поперечный диаметр	140.1	150.7	142.0	148.6	144.1	148.0	149.2	147.5	155.9
5	Носоосновной диаметр	98.9	92.2	99.7	99.1	102.8	102.4	96.6	95.6	100.0
9	Наименьший лобный диаметр	86.9	89.3	86.3	87.3	91.0	91.8	90.6	—	—
10	Наибольший лобный диаметр	119.3	118.3	110.0	117.0	—	—	—	—	—
17	Высотный лобный диаметр	125.0	124.5	122.7	125.0	129.6	110.7	130.7	130.9	129.0
40	Длина основания лица	98.3	99.5	101.7	99.5	104.9	98.0	97.2	—	—
45	Скуловой диаметр	140.2	143.3	140.0	141.1	143.6	141.2	138.2	133.8	148.2
48	Высота верхней части лица	76.0	77.3	75.7	76.2	76.4	81.2	73.0	73.8	76.7
51a	Ширина орбиты	42.2	41.5	42.0	41.9	40.5	—	39.6	—	—
52	Высота орбиты	34.5	36.7	36.0	35.4	35.9	—	35.1	—	—
54	Ширина носа	25.0	27.0	27.7	26.2	27.0	—	24.6	—	—
55	Высота носа	55.0	54.7	53.7	54.6	55.5	—	52.5	—	—
52	Длина нёба	43.3	45.0	44.7	44.3	54.4	—	—	—	—
53	Ширина нёба	43.7	41.1	42.3	42.7	44.6	—	—	—	—
54	Высота нёба	13.5	8.7	9.3	11.3	—	—	—	—	—
32	Угол лба	77.2°	74.0°	73.0°	75.6°	77.0°	79.2°	85.1°	85.8°	78.0°
72	Угол профиля лица	83.2	85.0°	83.3°	86.2	85.9°	89.8°	87.5°	86.4°	87.1°
75(1)	Угол носовых костей	22.8°	20.0°	16.3°	20.0°	17.9°	20.5°	16.3°	18.8°	24.1°
8 : 1	Черепной указатель	86.4	85.6	80.1	84.9	75.4	79.3	84.6	85.8	78.8
17 : 1	Высотнопродольный указатель	73.0	71.6	69.2	71.8	67.4	75.3	74.0	71.1	70.7
17 : 8	Высотнопоперечный указатель	85.6	82.3	86.4	85.0	89.5	94.9	87.6	88.7	83.3
9 : 8	Лобнопоперечный указатель	58.2	59.2	60.8	59.0	62.7	—	66.6	—	—
9 : 10	Лобный указатель	72.9	75.5	78.5	74.7	—	—	—	—	—
48 : 45	Лицевой (верхней части) указатель	55.0	53.3	54.7	54.6	53.3	57.2	52.8	53.2	52.0
52 : 51a	Орбитный указатель	87.7	88.1	85.7	87.2	88.5	84.4	88.9	84.7	87.4
54 : 55	Носовой указатель	45.5	49.5	51.6	47.2	48.9	44.4	46.8	50.3	51.1
53 : 52	Нёбный указатель	102.8	90.2	93.4	97.3	87.5	99.1	—	—	—
54 : 53	Височнонёбный указатель	30.8	22.6	22.5	25.7	—	33.0	—	—	—
40 : 5	Указатель прогнатизма	100.4	100.4	102.0	100.8	102.5	95.5	95.8	99.1	98.0
	Фронтальный указатель	10.8	10.7	11.3	10.9	—	14.1	—	—	—
	Симатический указатель	25.5	27.5	21.8	25.2	—	31.2	—	—	—

и возможности объединения их в одну морфологическую группу, которую мы условно называем туруханцами.[1]

Туруханцы как целое обладают коротким, среднешироким и низким черепом, очень широким по черепному и средневысоким по высотному указателям; широким и высоким лицом; со средневысокими глазницами, среднешироким (нижняя граница) носом, с широким нёбом.

Заключение о морфологическом своеобразии населения Туруханского края и об отличии его от одноплеменного населения более южной полосы, которое мы делаем на основе краниологических данных, подтверждается наблюдениями, произведенными над живыми. Миддендорф, видевший в долганах Туруханского края западный якутский авангард и нашедший среди них своего представителя „подлинно якутского" типа, в конце концов не мог не констатировать, что „отличать любого долгана от тунгуса" почти невозможно.[2]

Равным образом, Майнов, на основании личных наблюдений и наблюдений своих предшественников, говорит о существовании двух типов тунгусов — северного и южного: „Обе группы, — пишет Майнов, — многим отличаются от ходячего представления о типичном монголе, и еще более отличаются одна от другой"[3] (разрядка моя, — *А. Ю.*). Граница районов обитания этих групп тунгусов проходит, по Майнову, где-то севернее Станового хребта.

Так же Н. А. Синельников, на основе собранного В. И. Анучиным антропологического материала по енисейским остякам (кето, — *А. Ю.*), пишет следующее: „Довольно близко они подходят к северным тунгусам Майнова... но с южными и в особенности суммарными тунгусами енисейцы имеют уже мало общего.[4]

Заслуживает внимания указание В. Л. Серошевского[5] на антропологическое различие, существующее между якутами более южной части области и их соплеменниками, живущими ближе к Северному Ледовитому морю, с одной стороны, и не сходство последних со своими северными соседями — тунгусами и юкагирами, — с другой.

Иными словами, все исследователи согласно утверждают существование морфологических различий между населением северной и южной полосы Восточной Сибири. В свете этих утверждений нам представляется вполне закономерным выделение нашей группы туруханцев как представителей этого северного типа.

Основание же для того, чтобы говорить о туруханцах, как о представителях именно северного типа, мы находим в значительном

---

[1] Хранящиеся в МАЭ два черепа енисейских остяков, доставленные В. И. Анучиным, как будто бы также должны быть причислены к этой же морфологической группе.

[2] Миддендорф, ук. соч., стр. 689.

[3] И. И. Майнов. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Иркутск, 1926, стр. 110.

[4] Н. А. Синельников. Енисейские остяки (по наблюдениям и измерениям В. И. Анучина). М., 1911, стр. 23.

[5] В. Л. Серошевский. Якуты. СПб., 1896.

сходстве их черепов с черепами орочей Левина.[1] Орочи же, согласно описаниям Шренка,[2] больше чем другие амурские народности, сближаются с северными тунгусами, как последних характеризует Миддендорф.

Соглашаясь с названными выше исследователями в вопросе существования морфологических различий между северным и южным населением Сибири, мы, однако, очень далеки от мысли утверждать, как это делает, например, И. И. Майнов, что „северяне" представляют остатки какой-то (или каких-то) древней расы, оттесненной в давно минувшие времена пришельцами с юга к оконечности материка и воспринявшей культуру более развитых пришельцев.

Не отрицая существования и в доисторические времена миграций человечества, мы считаем, что они никогда не носили такого массового характера, как это иногда рисуется, и их результаты никогда не приводили к таким колоссальным передвижениям народных масс, как оттеснение целых „рас" на оконечности материков.

Совершенно иным представляется нам процесс, имевший место в прошлом. Прежде всего, здесь сталкивались две культуры, лишь незначительно различающиеся между собой в отношении степени развития техники; поэтому здесь не могло иметь места массовое уничтожение аборигенов или оттеснение их в мало-доступные районы. Пришельцы немногочисленными островками вкрапливались в массу местного населения и, если первые обладали более высоко развитой техникой и более богатой культурой, постепенно приобщали к ней более отсталое местное население или, наоборот, сами ассимилировались последним, если оно стояло выше пришельцев. Таковым нам представляется и процесс этногенеза на территории севера Туруханского края.

Местное население — туруханцы, — как мы его условно назвали, является автохтонным, а не пришедшим или оттесненным откуда-то из центра материка. Их морфологический тип является результатом развития основного монголоидного ствола, развития, имеющего своеобразное направление, не тождественное с направлением их южных или юго-восточных, а возможно, и восточных и западных соседей. Повидимому, все туруханцы в сравнительно недавнее еще время в этническом отношении принадлежали к тунгусам. Но на востоке по Анабаре и Вилюю к ним проникла якутская культура, и ессейские якуты и долгане являются оякученными туруханцами.

Мы не располагаем никакими данными для суждения о том, как возникла у туруханцев тунгусская культура, но факт широкого распространения последней в восточной половине Сибири в сравнительно недавнее время может считаться бесспорным уже после исследований Шренка.

Не решая вопроса о том, были ли тунгусская культура и язык заимствованы частью „туруханцев" у своих южных соседей и явились

[1] М. Г. Левин. Материалы к краниологии приморских орочей. Антропол. журн., 1936.

[2] Л. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1883.

одним из древних напластований на ранее существовавшие культурные элементы, или они возникли у них в процессе самостоятельного развития, — не решая этого вопроса, можно утвердительно говорить, что в более позднее время часть „туруханцев" усвоила якутскую культуру, другая же — сохранила тунгусскую.

Очень интересным является вопрос о границах распространения физического типа туруханцев, на восток и на запад от Туруханского края. К сожалению, почти полное отсутствие антропологических материалов по населению соответствующих районов Якутской АССР и западной части Сибири не позволяет пока решать его.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Технический редактор *Р. С. Пензнер*
Корректор *Н. А. Малевич*

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
73	9 сверху	165	16.5
86	1 снизу	стр. 59	стр. 57 по изданию 1786 г.
100	рис. 5, *а, б*	вьюченая	волосяная
218	4 снизу	Wooa	Woo
218	3 снизу	skeletoo	skeleton

одним из древних напластований на ранее существовавшие культурные элементы, или они возникли у них в процессе самостоятельного развития, — не решая этого вопроса, можно утвердительно говорить, что в более позднее время часть „туруханцев" усвоила якутскую культуру, другая же — сохранила тунгусскую.

Очень интересным является вопрос о границах распространения физического типа туруханцев, на восток и на запад от Туруханского края. К сожалению, почти полное отсутствие антропологических материалов по населению соответствующих районов Якутской АССР и западной части Сибири не позволяет пока решать его.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректор *Н. А. Малевич*

*

РИСО АН СССР № 3023. Подписано к печати 18/XII 1948 г. Печ. л. $20^1/_4$+24 вкл. Уч.-изд. л. 35. М-33081. Тираж 2000. Зак. № 1180

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, 12

118
V1

2547